

Салават
Галлямов

ISBN 5-94728-005-1

© С.А.Галлямов, 2002 г.

ОСНОВЫ БАШКОРДСКОЙ ИНДО-германской ФИЛОСОФИИ

Эстетика

Том IV

Уфа 2002 г.

Автор выражает свою признательность:

Айсылу Нуретдиновне Шайбаковой за моральную поддержку в моей работе.

Автор выражает свою благодарность **Надежде Васильевне Колярецовой** и **Руслану Ринатовичу Габбасову** за набор текста на компьютере, а также: **Александру Айдимировичу Сайтгалину** - главному специалисту отдела КМП Госкомстата РБ за правку текста, форматирование и верстку, и начальнику отдела КМП **Рамилю Ахатовичу Файзуллину** взявшего на себя все заботы по изданию моей книги.

Данная книга “Эстетика древних башкордов” является заключительным IV томом “Основ башкордской индо-германской философии” башкордского ученого-историка, философа, языковеда Салавата Галлямова.

Автор анализируя эпос “Урал-батыр” и сопоставляя народные праздники с жертвенными обрядами древних обитателей Южного Урала – ведических ариев Куру, иранских Аланов, а затем и дорийских Эллинов, выявил и полностью установил индо-германские корни современной башкордской эстетики.

Выводы автора подтверждаются многочисленными историческими фактами и совпадениями в области культуры башкордов Урала и курдов Месопотамии.

Книга предназначена для ученых-историков, искусствоведов, философов, лингвистов, а также студентов гуманитарных факультетов, институтов и университетов Российской Федерации.

Авторское право охраняется законодательством. Перепечатка данного издания, а равно отдельных текстов из него без письменного разрешения автора запрещено. Любые нарушения авторского права будут преследоваться по закону.

Отпечатано по заказу Национального музея РБ
в отделе оперативной полиграфии

Государственного комитета Республики Башкортостан по статистике

Лицензия серия ПД № 7-0201 от 21.09.2001 года

Подписано в печать 15.11.2002 года

Формат 60x84, 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. п.л. 24,3. Заказ № 482. Тираж 700 экз.

Предисловие

Мне весьма приятно представить читателям новую книгу Салавата Галлямова “Эстетика древних башкордов”, которая является завершающим IV томом его монументального труда “Основы башкордской индо-германской философии”. До настоящего времени подобных исследований башкордской эстетики вообще не было, и в целом, в отечественной науке этой теме не было посвящено ни одной работы. Это связано с тем, что эстетика представляет из себя сложную философскую дисциплину, требующую от ученого хорошего знания предмета. Следует добавить, что эстетику легко излагать в абстрактных понятиях, но вместе с этим, очень трудно дать исторический анализ каждой эстетической категории. Еще большую сложность представляет анализ художественного творчества древних эпох, когда люди еще не знали эстетику как специальную науку, изучающую объекты чувственного восприятия. В древности люди вообще не отделяли эстетику от ремесла. В следствие этих и других объективных причин, каждый исследователь национальной эстетики того или иного народа является в подлинном смысле основоположником новой науки. В связи с открытием на Южном Урале города Аркаима, чрезвычайно возрос интерес к древнебашкордской культуре поскольку индо-иранские племена, жившие на Южном Урале более четырех тысяч лет назад, судя по гимнам “Риг-Веды”, называли себя Куру, к имени которых, в конечном счете, по мнению некоторых ученых и восходит современное название Башкорды. Именно изучению индо-иранских корней башкордской культуры и посвящена настоящая книга Салавата Галлямова.

Как известно, все виды драматических искусств в основе своей восходят к древним жертвенным обрядам, исполняя которые люди выражали свои представления, чувства и переживания о мире. Так, из жертвенных ритуалов родились древнеиндийская драма и трагедия Диониса в античной Греции. Наиболее древним обрядовым сценическим действием у башкордов Южного Урала является национальный обрядовый весенний праздник Хабантуй.

Галлямов Салават полностью признавая этническое и культурное родство башкордов Урала с древними индо-иранскими племенами Куру, сопоставил национальный праздник Хабантуй с жертвенными обрядами ведических ариев и античных греков. В древности жертвенный обряд являлся сценической формой мифа. Интересно указать на то, что гимны “Риг-Веды” являются песнопениями, исполняемыми во время жертвенных обрядов, но сами при этом не содержат описания мифа, объясняющего возникновение, смысл и предназначение жертвенных обрядов. Исследователи индо-иранской культуры племен Куру-Бхаратов давно заметили этот странный парадокс.

На мой взгляд, научная заслуга Салавата Галлямова состоит в том, что он указал ученым индологам, иранологам и историкам античной культуры на то, что в основе жертвенных обрядов ведических ариев Куру-Бхаратов и древнегреческих трагедий Диониса лежит башкордский миф о смерти и воскресении земли “Урал батыр” и тем самым создал абсолютно новое направление в мировой науке - “Башкурдоведение”.

Следует подчеркнуть еще один важнейший момент: несмотря на всю неотличимость древнебашкордской культуры от природы, на растворенность художественного творчества древних башкордов в потоке жизни, Салават Галлямов, опираясь на труды немецких и русских мыслителей Фридриха Ницше, Рихарда Вагнера, Вячеслава Иванова и Алексея Федоровича Лосева, сумел вычленить основные категории древнебашкордской эстетики и установил мифологическую основу её возникновения.

Как древние люди не отделяли себя от природы, так и Салават Галлямов не отделяет человеческую культуру и эстетику от онтологии жизни. Поэтому несколько таких гуманитарных наук как философия, история, психология, религиоведение, лингвистика, этнография спорят между собой за право называть Салавата Галлямова своим представителем.

Для меня Салават Галлямов прежде всего башкордский ученый, и я надеюсь, что это, принадлежащее его перу, первое фундаментальное исследование древнебашкордской эстетики, основанное на сопоставительном анализе огромного количества индо-иранских, древнегреческих источников и специальной научной литературы, будет служить классическим пособием для всех изучающих историю башкордской культуры.

*Аллаберды Ягафарову
тархану рода Бурзян-Тангаур,
основоположнику
суверенного Башкурдистана,
прапрадеду от праправнука
посвящается.*

От автора

Предлагаемая вниманию читателей книга посвящена изучению древней эстетики и была написана мной с единственной целью – дать философский анализ тем жертвенным обрядам, которые практиковали далекие предки башкордского народа ведические арии Куру. Это решение было вызвано тем, что в древнюю эпоху фетишизма и анимизма люди не отделяли искусства от ремесла и поэтому, только метод философского анализа жертвенных обрядов практиковавшихся у всех без исключения народов на протяжении многих веков их национальной истории позволяет нам, ученым-искусствоведам увидеть в полной мере подлинные художественные истоки возникновения, развития и становления современной эстетики, как самостоятельной науки. В этом смысле современная эстетика и Запада и Востока цепью неразрывных духовных традиций крепко связана как с древней мифологией, так и с такими архаичными её формами выражения, как жертвенные обряды. Исходя из этих вышеуказанных принципов, диктуемых нам самой историей развития человеческой культуры становится ясным и понятным, что каждому искусствоведа прежде чем приступать к изложению той или иной античной, средневековой или

современной теории искусств прежде всего необходимо быть способным дать анализ древней эстетики жертвенного обряда. Именно с этой целью, как учебное пособие для различных деятелей в сфере культуры и народного образования и была написана эта книга.

Художественной основой настоящей книги является башкордская культура интерес к изучению которой чрезвычайно возрос в последнее время в связи с открытием на Южном Урале протогородской цивилизации Аркаима датируемого вторым тысячелетием до нашей эры. Это открытие археологов позволило ученым индологам, ведологам, иранологам установить и доказать, что древнее переселение индо-иранских племен называвших себя Куру-Бхараты в северную Индию и Иранское нагорье (княжество Митанни) во II тыс. до н.э. происходило с территории Южного Урала (Аркаим-Синташта). Единственным народом на Южном Урале сохранившим в своем названии древнее имя ведических ариев Куру-Курдов, являются в настоящее время башкорды (башкурды). Поэтому теперь, ученые для того чтобы лучше понять истоки возникновения наиболее ранних форм индо-иранского искусства должны прежде всего изучать мифологию и жертвенные обряды древних башкордов, которые подробно описаны в национальном эпосе Урал-Батыр.

Моя книга является первым исследованием в этой области и я искренне надеюсь будет благосклонно воспринята как специалистами, так и широким кругом читателей.

Салават Галлямов
16 октября 2002 года.

**Эстетическая
предметность
жертвенного обряда
древних башкордов
Урала**

Введение

Миф как форма эстетики и теоретического мышления человека художественными образами.

Миф. Этимология.

В древнегреческом языке – *mythos* означает «слово»; «сказание»; «предание». В башкурдском языке слова того же корня – *миҫал* «пример», - *мәсәл* «басня – притча» семантически соответствует русскому – мысль; словенскому – *misel*; курдскому - *мәсәлә* «поговорка», *мәсьләһәт* «беседа» и *Мәсдар* «Имя действия».

Все этимологии слова – миф – *миҫ* в индоевропейских языках показывают, что для древних индо-германских народов сам умственный процесс – мышления, отождествлялся (представал, казался) с - созерцанием видением образов. Именно – созерцание художественных образов – ликов природы, наделяемых в эпоху фетишизма живой душой, и понималось древними индоиранцами как процесс мышления человека, как об этом напрямую свидетельствует (взывает) сама этимология и семантика курдско – башкурдского слова – *миҫ* «*миҫал*» - миф.

Этимология позволяет нам дать следующую формулу – Миф, есть созерцание сущности бытия, выраженное словом в речи человека в процессе его познания мира. Благодаря своим этим вневременным качествам, каждое слово в мифе позволяет нам увидеть теперь, как древние люди представляли себе мир.

Как писал А.Н. Афанасьев: «Богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями. Чтобы показать, как необходимо и естественно создаются мифы (басни), надо обратиться к истории языка». (А.А.Афанасьев. «Живая вода и вешнее слово» М. 1988 г. стр.39.)

Наиболее древняя структура башкурдского языка представлена его иранской авестийско – парфянской фонетикой и национальным космогоническим мифом «Урал – батыр», в котором все персонажи и действующие лица носят индо-германские имена, например: *Самрау* – *Samraj* «Самосверкающий» (санскр.) «Отец Солнце» супруг *Кояш* – *Kashi*

«Сияющая» (санскр.), чья дочь – *Хомай* – *Хома* – *Сома* (влага) вступает в священный брак с *Уралом* – *Weralt*(нем.) – Землей данного в художественном образе «Мира – Первочеловека». Индогерманские имена космогонического мифа свидетельствуют о том, что предками башкурдцев были ведические индо арии *Куру* создатели протогородской цивилизации *Аркаима* на Южном Урале (II тыс. до н.э.). Башкурдский миф «Урал – батыр» носит ярко выраженный календарно – астрономический характер и представлял в древности драматический спектакль, который исполнялся жрецами – *търеками* раз в году, весной на празднике *Хабандтуй*.

В космогоническом мифе древние башкурды метафорически используя художественные образы антропоморфных и зооморфных героев дали философский анализ своего видения мира. Земля в образе *Урала* – *Weralt* «мир – первочеловек» рождается весной и умирает каждый год зимой, воюя непрестанно со вселенским змеем – *аждахой* *Кахкахой* «Млечный Путь» (иранск.), затаившимся в глубине Космических вод (ночного неба). Процесс смерти и воскресения *Урал – батыра* «земли» продолжается как считали башкурды в древности из года в год циклически, что и составляет основу мировой истории. Воскреснув, *Урал* совершал брак с *Хомай* – весенней влагой, тёплыми дождями, изливающимися с неба, а злой дракон *Кахкаха* стремится в это время вызвать наводнение рек и, затопив весь мир, уничтожить землю. *Урал-батыр* вступал в борьбу с мировым злом и, победив, умирал, пожертвовав собой ради жизни людей. Из тела *Урала* по башкурдскому мифу родился наш мир – *Weralt*, *World*, а в Хаос вселенной был внесён циклический, сезонно – календарный порядок – *Космос*. Изложение мифа начинается с совершения одним из главных действующих лиц *Шульгеном*, старшим братом *Урала*, неслыханного, из ряда вон выходящего поступка, называемого у башкурдцев - *гибрәт*, тождественного древнегреческому драматическому термину – *hybris* «проступок, оскверняющий кровно – родственный закон *Номос*» - *Намыҫ*. Заканчивается миф описанием смерти *Урала* «земли» и расчленения его космического тела на четыре стороны света четырьмя его сыновьями – реками.

Древние башкурды исполняли свой национальный космогонический миф «Урал – батыр» как драматический спектакль – трагедия каждый год один раз во время весеннего праздника *Хабандтуй*. Круглая площадка – *дара* (ара – *диар*, курдск.), которую со всех сторон обступали зрители – участники, символизировала святую землю – человека *Урал – батыра*, которая должна была воскреснуть весной, после исполнения башкурдскими жрецами мифа – магического обряда. *Столб* – *багана* (башк.), который был вкопан в центре священной площадки – *дара* (*дромос*, древнегр.) означал мировую ось – *Полярную звезду*, вокруг которой вращается наш мир, а также представлял одновременно

священный посох, на который по мифу Урал – батыр сел верхом и вознёсся на небо, где вступив в брак с богиней Хомай низвёл тёплые дожди и светлые лучи солнца на землю.

Священный бык (царя Катиллы), который был привязан к столбу – багана являлся воплощением зимнего месяца, власть которого над земной природой свергал Урал, вступая в брак с Хомай дочерью солнца Самрау.

Жертвоприношение быка являлось центральным событием драматического спектакля на празднике Хабандтуй и символизировало победу нового года – солнца над старым годом – месяцем. В этот момент начинались ритуальные состязания башкордских батыров, в которых борьба атлетов уподоблялась борьбе зимы с летом, метание копья – громам и молниям, стрельба из лука символизировала – полёты солнечных лучей в небе, скачки на лошадях – овладение Урал – батыром небесным конём – солнцем Акбузатом, вместе с которым герой побеждает мировую тьму и приносит яркий свет и тепло на землю.

Козлёнок или барашек почитался молодым солнцем – Уралом, которое будет править миром в новом году. Жертвоприношение козлёнка, барашка, рассечение его туши и причащение его мясом и кровью смешанного с хмельным напитком Хомой – Сомой в конце обряда Хабандтуй символизировало – смерть Урал – батыра ради людей, расчленение его тела четырьмя сыновьями и рождение нашего мира. В этот момент певцами исполнялись протяжные плавные песни и мелодии.

Миф заканчивался коллективным испитием Сомы. Для древних башкордов космогонический и этиологический миф Урал – батыр «Властелин мира» - Weralt pater являлся философским произведением, которое исполнялось поэтическим языком и излагалось драматическими приёмами и миметическими средствами на открытом пространстве – дара на майдане.

В эпоху переселения индо – иранских племён с Южного Урала – Аркаим, Синташта на юг в Сев. Индию и Иранское нагорье во II тыс. до н.э. башкордский миф «Урал – батыр» как обрядовое сценическое действие проник вместе с ведическими индоариями Куру как часть их национальной культуры на полуостров Хиндостан и стал духовым источником возникновения древнеиндийской драмы; тогда как через митаннийских ариев Куру (предков совр. курдов) эпос Урал –батыр проник в Малую Азию, откуда в 8 веке до н.э. в облике культа агнца – Диониса пришёл на территорию Эллады и как народный драматический фольклор породил собой позднее древнегреческую трагедию.

« Мы не можем сделать и шага в исследовании нашего искусства без того, чтобы не заметить его непосредственной связи с искусством греков».

Рихард Вагнер.
(Искусство и революция)

Баш – Курдские истоки происхождения античной трагедии.

Аристотель в «Поэтике» говорит о происхождении трагедии у греков «от запева дифирамба» (Poet. 1449 а - в). Дифирамб был хоровой песнью в честь Диониса. Следовательно, по Аристотелю античная греческая трагедия родилась из поочередного пения запева и хора во время исполнения религиозных обрядов в честь бога Диониса. Запева дифирамба постепенно превратился в солиста, а затем актера драматического действия, а хор составил основу, базис сценической трагедии.

Дионис – божество лидийско – фригийского происхождения, культ которого получил свое распространение в античной Греции сравнительно поздно, не ранее 8 – 7 в.в. до н.э. Утверждение культа Диониса в Греции происходило с большим трудом, о чем нам говорит такой исторический эпизод, что только в VI в. до н.э. Клизфен, тиран города Сикиона, уничтожил культ местного(сиконского) героя Адраста и, как писал Геродот, «отдал хоры Дионису». Геродот «История» (Кн. V, 67) «...Среди других почестей, которые сикионцы оказывали Адрасту, они прославляли еще и его «страсти» [представлениями] трагических хоров. Вместо Диониса они таким образом почитали Адраста. Клизфен же передал теперь [трагические] представления Дионису. ...».

Вытеснение культом Диониса местных греческих богов и героев тесно связано с самим процессом зарождения античной государственности. Личность, которая постепенно выделилась и

отделилась от первобытной общины, в первую очередь должна была научиться противостоять стихийной силе рода. Негреческий культ Диониса, являвшийся обобщением стихийных творческих сил природы, как нельзя лучше всего подходил как идеология к эпохе зарождения и становления греческой личности. Оргии и вакхический экстаз культа Диониса разрушал всякие социальные границы между людьми во время исполнения обрядов и по одному этому признаку прежняя родовая знать и аристократия жрецов оказалась на одном уровне с низшими слоями населения в отношении этого нового малоазийского божества.

Распад кровно родственных патриархальных связей привел к подрыву авторитета античного полиса, отрыва индивида от полиса. В зажиточных слоях забвение к общественным интересам полиса выражалось тягой к монархическому строю или к военной диктатуре. Вот почему, например афинский тиран Писистрат, опиравшийся на демократические слои в своей борьбе с родовой аристократией учредил в VI в. до н.э. в Афинах праздник Великих Дионисий.

Тот же Аристотель говорит дальше о происхождении античной трагедии из сатировской игры.

Аристотель (Poet. 1449 а – 20) «Что же касается величия, то от мелких сказаний и от потешного слога [трагедия], развиваясь из сатировской драмы, далеко не сразу достигла своей важности; [при этом] и метр из [трохаического] тетраметра стал ямбическим (ибо сперва пользовались тетраметром, так как поэзия была сатировской и более плясовой; но как скоро развилась речевая часть, то сама природа отыскала свойственный ей метр, так как ямб – самый речевой из всех метров. ...».

Многочисленные указания античных авторов свидетельствуют о мимической игре с ряжением участников процессий на праздниках Диониса. Ряженье, надевание маски какого – либо божества, демона или зверя, коренится уже в первобытном мышлении и связано с тем фетишистско – оборотническим представлением, что человек получает во время исполнения обряда свойства и силу того демона, божества или зверя, которого изображает маска.

В эпоху фетишизма и оборотничества коллективная игра членов рода перед охотой имела магическое значение. Как установили этнографы, первобытная коллективная обрядовая игра сопровождалась пляской и пением двух противостоящих друг другу хоров. Позднее из хора выделился запевала ритма. Коллективные мимические игры с песнями, пляской и ряжением участников получили свое дальнейшее развитие в земледельческих культах и органически вошли в состав празднеств плодородия. Все земледельческие празднества людей в древности были связаны с календарным циклом года и были приурочены либо к весеннему солнцестоянию, с наступлением которого

начинает оживать природа, либо к началу или окончанию жатвы осенью, или к зимнему солнцестоянию, с которого начинается увеличение светлого времени суток.

Жизнь природы циклически угасает зимой и расцветает летом. В древности эта жизнь природы понималась субстанцией живого бога, который умирает осенью, чтобы весной воскреснуть заново, в молодом теле. Дионис для античных греков был именно живым воплощением творческих сил природы. При переходе от одного годового цикла к другому в обряде разыгрывались «смерть», а затем и «рождение» Диониса, отчего культ Диониса был чрезвычайно богат мимическими элементами. Воплощениями Диониса в природе считались растения: дерево и виноградная лоза, из животных: бык, конь, козёл. Поскольку Дионис воплощал творческие силы природы, то и культ этого бога приобрёл грубый, плотский характер оргий, а символом Вакха стал – фаллус, как орган плодородия и продолжения потомства.

Во время исполнения обрядов поклонники Диониса совершали коллективные ночные радения, при свете факелов. Участники празднеств, мужчины и женщины, накидывали на себя козлиные шкуры и под звуки флейт и тимпанов бродили по горам, изображая собой свиту Диониса: сатиров и силенов. Возбуждая себя бешеной пляской до безумного состояния, участники Дионисовых процессий и оргий набрасывались на священное культовое животное, воплощавшее собой бога, (чаще всего козлёнка), разрывали его на части и пожирали затем его сырое мясо, приобщаясь тем самым как бы к самому божеству. В этот «сакральный», по мысли поклонников Диониса момент, мужчины, причастившиеся мясом самого бога, воплотившегося во время обряда в животное, становились Вакхами «богоодержимыми», а женщины менадами «исступленными».

Растерзав своего бога, поклонники Диониса затем праздновали его новое рождение в последующем обряде и добивались тем самым душевного очищения – катарсиса.

С установлением празднования в Афинах Великих Дионисий, первобытные формы его культа постепенно были смягчены концентрацией на внутренних переживаниях человека, созерцавшего страдания божества, приносимого в жертву самому себе, посредством чего достигалось циклическое возрождение природы. Составной частью обрядов были особые процессии сатиров и силенов, воспроизводившие отдельные моменты мифа о смерти и возрождении бога Диониса.

Тесная связь театральных представлений греков с культовыми обрядами в честь Диониса сохранились во многих терминах и названиях различных областей искусства. Термин «драма», объединяющий три античных жанра – трагедию, комедию, сатиру, произошёл от слова драмос «место для бега», которому предавались участники ночных мистерий

Диониса. Само слово «трагедия» буквально значит либо «песнь козлов», либо «песнь о козлах» (tragos – козёл и ode – песнь). Этот вид драмы получил своё название от хора участников процессии, которые, накинув на себя козлиные шкуры, распевая песни, изображали спутников Диониса. Как писал И.М.Тронский, касаясь истории происхождения термина трагедия: «В свете сообщений Аристотеля о былом «сатировском» характере трагедии происхождение термина может быть легко объяснено. Дело в том, что в некоторых областях Греции, главным образом в Пелопоннесе, демоны плодородия, в том числе сатиры, представлялись козлообразными. Иначе в аттическом фольклоре, где пелопоннесским козлам соответствовали конеобразные фигуры (силены); однако и в Афинах театральная маска сатира содержала, наряду с лошадиными чертами (грива, хвост), также и козлиные (бородка, козья шкура), и у аттических драматургов сатиры нередко и Эсхил первый довёл его с одного до двух, ограничил хоровые части и предоставил главную роль диалогу, а Софокл [ввёл] трёх [актёров] и декорации».

Таким образом, становление классической древне – греческой трагедии произошло всего за какие – то 130 – 150 лет, начиная от Феспиды, выделившего из безликого хора актёра в 534 г до н.э. до Софокла (умер в 406 г. до н.э.), введшего третьего актёра. Столь короткий срок развития трагедии как отдельного вида искусства можно объяснить только тем, что сами сакральные обряды бога Диониса были детально разработанным, доведенным до совершенства циклическим драматическим действием, носящим высокий идейный смысл и эпическо – художественный характер. Вот как писал об этом Рихард Вагнер: «Память о своём общем происхождении эллинские племена сохраняли в религиозных празднествах, в почитании и прославлении бога или героя, которые для них олицетворяли их единство. Испытывая потребность сохранить предельно живым и ясным уходящее прошлое, они воплощали свои национальные воспоминания в памятниках искусства, и прежде всего в наиболее совершенном произведении искусства – в трагедии».

Лирическое и драматическое произведение было религиозным актом. Но с самого начала в этом акте, по сравнению с первоначальным простым религиозным празднеством, давало себя знать художественное стремление, стремление произвольно и намеренно воспроизвести то общее воспоминание, которое в обыденной жизни уже потеряло своё непосредственное и живое воздействие. Трагедия была, таким образом, религиозным празднеством, ставшим художественным произведением, рядом с которым действительные традиционные религиозные празднества в такой степени казались лишёнными истинности и глубины, что превратились в пустую традиционную церемонию, в то время как их живое ядро продолжало жить в художественном произведении». (См.

«Произведения искусства будущего» Рихард Вагнер «Избранные работы» М. 1978 стр. 221)

Театр Диониса в Афинах времён Солона и Перикла по – прежнему представлял из себя сакральное для греков место. По сути дела, действие трагедий происходило возле жертвенника Диониса, на котором горел священный огонь. Жертвенник Диониса располагался в центре круглой площадки, предназначенной для священных танцев. Эта площадка называлась – орхестра «место для пляски». На ней афинские граждане во время проведения Великих Дионисий предавались экстатическим танцам, изображая спутников Диониса – силенов, менад, козлоногих сатиров. Слово «орхестра» происходит от глагола «орхэомай», что значит «танцую».

Стихи трагедии часто пелись, частично декламировались. Актёры пели под аккомпанемент струнных инструментов, тогда как пение хора сопровождалось игрой на духовом инструменте – авлосе. Во главе хора стоял корифэй, который вторгался в действие, а позднее стал исполнять сольные партии и вторгаться в действие трагедии, обращаясь к актёрам с пожеланиями и предупреждениями.

Толпа сама некогда представляла огромный хор, затем постепенно из участников священного действия превратилась в зрителей.

Каждая трагедия начиналась прологом, в котором один из участников трагедии повествовал зрителям об истории событий. После пролога следовал парод - «выступление» хора, участники которого, нарядившись сатирами или силенами, шли, танцуя, на орхестру или площадку, в центре которой и был установлен священный жертвенник, посвящённый богу Дионису. После парода в трагедии чередовались диалоги – эпизоды от греческого «привхождение», поскольку в эпоху сложения трагедии диалог участника драмы с хором был нарушением священнодействия. Эпизоды чередовались со стасимами - «стоячие песни хора», во время которых участники пения не танцевали. Заканчивалась трагедия заключительной песнью хора и эксодом - «выход», во время которого актёры и хор покидали орхестру. В эпизодах и эксоды актёр трагедии и корифей хора вступали в диалоги друг с другом. Необходимо указать и на коммос или сознательное объединённое пение хора и актёра, в течение которого участники трагедии приходили в возбуждённо- экстатическое состояние и начинали бить рукой себе в грудь.

Название – коммос, как считают учёные, произошло от греческого – сорто «ударяю».

Хор пел песнь Диониса – дифирамб, и постепенно из общего хора во времена Теспиды выдвинулся солист дифирамба – протагонист, затем Эсхил ввёл второго актёра – девтерагониста, а уже Софокл третьего – тритагониста.

В дни Великих Дионисий обычная городская жизнь в Афинах замирала. К началу празднования дней Страстей Диониса со всех областей Греции в Афины съезжались многочисленные участники. Три первых дня празднования Великих Дионисий посвящались священным процессиям, в которых участники, нарядившись в козлиные шкуры, изображали сатиров и силенов - спутников Диониса. И только на четвёртый день праздника вокруг жертвенника Диониса на оркестре начинали ставить трагедии, которые проходили как драматические состязания – агон.

Созерцающая – *thea* (греч.) смерть, а затем рождение Диониса во время представления трагедий на праздниках, греки проходили через душевный катарсис. Именно трагедия, по наблюдениям Аристотеля, вызывала катарсис у зрителей: «Трагедия есть подражание действию важному и законченному, имеющему [определённый] объём, [производимое] речью, услащённой по-разному в различных её частях, [производимое] в действии, а не повествовании и совершающее посредством сострадания и страха очищение (*katharsis*) подобных страстей» (Poet. 1449. в.6) Катарсис, то есть душевное очищение, наступавшее у зрителей трагедии в момент исполнения хором коммоса – общего плача хора с ударами себя в грудь, поющими на сцене, является не только эстетическим чувством, но и религиозным переживанием. Исторический анализ развития и становления античной трагедии показывает, что ей первоначально несомненно предшествовал религиозный обряд бога плодородия Диониса, чей культ проник в Грецию из Малой Азии.

Главным условием превращения чуждого Греции малоазийского культа Диониса в национальную религию греков явилось то, что в эпоху господства коллективно – родового мышления в трагедии, как писал Рихард Вагнер: «грек находил самого себя, самую благородную сторону своего «я», слившуюся с благороднейшими сторонами коллективной души всей нации. В ней [трагедии] он [грек] интерпретировал пророчество Пифии – он являлся богом и жрецом в одно и то же время, богочеловек, он тесно сливался с общиной, подобно стеблю растения, включающему множество сил и артерий, который вырастает из земли, стройно подымается ввысь,...» (См. «Искусство и революция» Рихард Вагнер Избран. раб. стр. 111)

Сливаясь, как зритель, с родовой общиной во время представления трагедий на Великих Дионисиях, древний грек через катарсис обретал себя, как индивидуальную личность, свободную от связывающих его сознание кровно – родственных уз и отношений с окружающим его миром. Дни представлений трагедии были праздниками божества Диониса, и первоначально представляли из себя коллективное священнодействие. Дионис представлял для античных греков Вечный ритм Природы, чему непосредственно предшествовал длительный

процесс обожествления сил природы в облике людей, в качестве живых объектов религиозного поклонения и почитания.

В античном мире человек действовал как нечто единое, как гармоническое целое с природой. Простота нравов, единство личного и общего, чувство единения с природой – все эти черты античных общественных отношений нашли своё отражение в трагедии. Отсутствие в древнегреческой трагедии сцен, изображавших сентиментальный интерес героев как раз и свидетельствует о религиозно – обрядовом происхождении драмы в античной Греции. Так как античный грек никогда не терял связи с природой, то и последняя не могла поразить его какой-либо неожиданностью. Религией древних греков являлась живая природа, рождение и смерть которой изображались в античной трагедии как страсти Диониса. Расцвет трагедии продолжался до тех пор, пока продолжало существовать Афинское государство, воплощавшее собой символ общности народа, единство народного духа. Опыт личного переживания и сострадания, который древний грек испытывал, созерцая трагедию во время Великих Дионисий, способствовали разложению родовой идеологии античного полиса. Первоначальная религиозность и обрядовое значение драматического действия в античной трагедии отступают на задний план, уступая место изображению борьбы личности с всевластным Роком истории.

Деф и рьмб – дифирамб куретов Малой Азии.

Дифирамб являлся песнью хора в честь Диониса, культ которого пришёл в Элладу из Малой Азии и овладел сердцами греков. С исполнения хором дифирамба в первый день Великих Дионисий начинался самый главный из всех эллинских празднеств, который отмечался каждый год на стыке марта и апреля.

Пение дифирамба предворялось принесением жертв богу Дионису. Культурным назначением дифирамба являлось воспевание рождения бога Диониса и впервые в истории зафиксировано у Архилоха, поэта середины VII в. до н.э., крупнейшего представителя древнеионийской лирики. Как пишет Герцман Е.В. : «Само слово дифирамб (...) неизвестного происхождения. Произведение Архилоха полностью не сохранилось. Отрывок из него с этим словом уцелел в сочинении Афиней (XIV, 628 а- в): «Я знаю как вести дифирамб, прекрасную песнь богу Дионису, когда мой разум оглушён вином». Здесь же Афиней приводит и другую многозначительную фразу из несохранившейся комедии Эпихарма (VI – V в.в. до н.э.) «Филоклет»: «Дифирамба нет, если ты пьёшь воду». (См. указ. автор «Музыка Древней Греции и Рима» С – П. 1995 г. стр. 74)

Из наиболее древних упоминаний античных писателей следует, что дифирамб воспевал некий космологизм культа Диониса, повествуя о новом рождении бога, следующем сразу же после его убийства и принесения себя в жертву миру. Первоначально дифирамб исполнялся киклическим хором (киклос «круговой» др.греч.), который не только пел, но и танцевал вокруг жертвенника Диониса на оркестре. Происхождение дифирамба и киклического танца из культа Диониса – Загрея – сына Зевса Критского и богини Персефоны – подтверждают многие античные источники. Критский Зевс, как установили учёные, есть общеэллинский пра – Дионис. На Крите с древнейших времён мифология и кровавый культ с человеческими жертвоприношениями Зевса – Дийя постепенно переросли в мистерию Диониса – Загрея. Само сложение дифирамба, как культовой песни танцующего хора, посвящённого богу Диониса, исторически привязано к мифу о чудесном рождении младенца Зевса, тайно в пещере на острове Крит. По древнейшему греческому мифу рождение младенца Зевса сопровождалось неистовым шумом и пляской куретов – спутников великой матери богов Реи – Кибелы. Мифические куреты издавали шум, ударяя своими копьями о медные щиты, дабы заглушить крики рождающегося Зевса. У Каллимаха читаем:

Нум № I 5B(2-5)

Возле идейских вершин, что Панакрами прозваны были
Быстро куреты вокруг тебя в пляске скакали военной
И ударяли оружием, чтоб слышали Кроновы уши
Звуки щитов, а не крики твои, подраставший младенец.

Перевод Недович

Страбон (X,3,11) о вакхическом танце вооружённых куретов писал так: «На Крите совершались, кроме этих празднеств, ещё особенные празднества в честь Зевса с оргиями и с участием таких слуг, которые соответствовали Дионисовым сатирам. Их называли куретами. Это были молодые люди, исполнявшие вооружённый танец. В движениях последнего они воспроизводили миф о рождении Зевса, причём танцевавшие представляли Кроноса, пожиравшего своих детей тотчас по рождению, и Рею, пытавшуюся скрыть роды, удалить новорождённого и спасти его, где можно. Ради этого Рея обращается к куретам, которые тимпанами и другими инструментами производят шум, совершают в вооружении шумный танец около богини, устрашают Кроноса и желают обманом скрыть его. Предание гласит также, что Зевс отдан был на воспитание им же. Куреты удостоились этого названия или за то, что оказали такое содействие будучи ещё детьми (согоi), или за то, что воспитали Зевса – ребёнка (...). Они [куреты] представляют собой как бы сатиров Зевса.

Лукиан (De salt . 8) говорит о пляске куретов следующее: «Первой, говорят, Рея нашла усладу в искусстве пляски, повелев

плясать во Фригии корибантам, а на Крите куретам. Богиня немалую получила пользу от их искусства: они спасли Зевса, совершая вокруг него свою пляску, а сам Зевс, наверное, признает, что он в долгу у куретов за сохранение жизни, так как только благодаря их пляске избежал он отцовских зубов. Это была вооружённая пляска: справляя её, куреты ударяли с шумом мечами о щиты и скакали весьма воинственно, словно одержимые каким – то божеством».

Мотив оргиастического танца с пением куретов, сопутствующий рождению Зевса на Крите, излагают практически все античные источники. Из этого положения следует, что ещё задолго до распространения в античной Греции культа Диониса, древние греки оргиастическим пением и неистовым танцем справляли рождение его мифического отца, младенца – Зевса. По мифам куреты, спутники Реи – Кибелы заглушали крик рождающегося младенца – Зевса ударами своих копий о медные щиты или о тимпаны – обручи, обтянутые воловьей кожей. Учёные, как мы уже указали, считают дифирамб «словом неизвестного происхождения». Это конечно не так, и, коль скоро ученые установили фригийское происхождение культа Диониса, то и истоки его обрядовой песни – дифирамба следует искать в Малой Азии.

Курдская этимология слова – дифирамб.

Дифирамб состоит из двух курдских слов: дэф и рьм.

Слово дэф означает «барабан» (диал. Курманджи); например: дэфчи «барабанщик», дэнге дэфа «барабанный бой», дэфа һэгаре хьстьн «ударами по барабану поднимать тревогу».

Следующее слово – рьм, означает «копьё», «пика» (диал. Курманджи);

Например: рьмбаз «юноша с копьем», рьмдар «копьеносец» «воин, вооружённый копьем», рьм рьмбаз давеже «копьеносец метает копье». Дэфчи дэфе дихе дем – дем «барабанщик бьёт в барабан время от времени». Курдское слово – рьм «копье» воспроизводится в латинском как - Rhomphaea «длинное копье», а также - Remex «весла». Именно ударяя копьями по щитам курды, а точнее, их далёкие предки – митаннийские арии отмечали рождение своего верховного индо – арийского божества – Дева (Дия – Зевса), которого они защищали от нападения Асуров.

Предки курдов – митаннийские арии известны в Малой Азии только по письменным источникам с 18 в. до н.э. Прямыми потомками митаннийских ариев являются современные курды племени Зангене. Как и ведические арии, митаннийские арии разговаривали на индо – арийском языке и являлись поклонниками Дэвов, которых противопоставляли Асурам – родовым богам древних иранцев – персов. По всей видимости из-за вспыхнувшей в начале II-го тыс. до н.э. религиозной войны между поклонниками Дэвов – индоязычными ариями и поклонниками Асуров –

ираноязычными ариями – последователями Зороастра, индоязычные ведические и митаннийские арии были вытеснены со своей прежней родины – Средней Азии и переселились в Индию и Переднюю Азию.

Для нашего исследования древней эстетики башкородов Урала важно указать, что митаннийские и ведические арии не на словах, а на деле были вынуждены защищать от гибели свой религиозный культ поклонения Дэвам (Дейеу - Дъяус – Зевс) от нападков поклонников Асуров древних иранцев, последователей Заратуштры. Оказавшись на территории Передней Азии, митаннийские индоязычные арии безусловно не могли забыть недавней опасности уничтожения и истребления своей национальной религии поклонения Дъяусу (Дийю – Зевсу) со стороны адептов Асуры (Мазды), что и нашло своё отражение в обряде празднования Зевса на острове Крит божественными куретами.

В Древней Греции всегда существовала сильная тенденция трактовать племена куретов Малой Азии не как мифических демонов, но в первую очередь как реальное историческое племя, как самостоятельный этнос или этнографическое понятие. Миф и язык рождаются вместе, в одну эпоху развития человеческого разума и поэтому, миф, как и язык, является сейчас для нас реальным историческим первоисточником и как наиболее ранняя форма первобытного мышления, и как самих событий древней истории. Как пишет А.Ф. Лосев: «Правда, во времена нетронутого мифологического мышления всё понималось в мифическом свете, так что невозможно определить, где кончалась мифология и начиналась этнография. Тем не менее этнографическая тенденция в понимании куретов и корибантов всё же имела вполне определённое место». (См. Античная мифология. М.1957. стр. 244) И далее А.Ф. Лосев перечисляет наиболее важные античные источники, где курды описываются как реальный исторический этнос. «В качестве этнографического понятия куреты известны прежде всего в Этолии, где возможно они занимали Плеврон. Большой славой пользовалось сказание о борьбе этолян и куретов, где одну из основных ролей играл Менагр. Подробный рассказ об этой борьбе этолян и куретов находим в «Илиаде» (IX, 529 – 599). Другие источники говорят о том, что Этол, явившийся с эпейцами из Элиды, изгнал куретов из Этолии в соседнюю Акарнанию. В Акарнании была местность под названием Куретида. Акарнанских куретов другие источники соединяют с какими – то куретами, жившими по Ахелюю. Были попытки путём филологических конструкций объединить ахелойских и акарнанских куретов с халкидскими куретами на Эвбее, где наличие этого народа тоже засвидетельствовано. Есть источник, называющий всю Эвбею – Куретидой. Нонну (Dion. XIII,13,ср. XXXVI, 278) принадлежит целый рассказ об эвбейцах, сопровождавших Диониса в его индийском походе под командованием корибантов, которых Нонн, по-видимому, не

отличает от куретов. Халкидские куреты, как можно заключить из разных источников, очень рано стали пониматься как мифологические куреты, воспитывавшие и охранявшие Зевса на Крите. (...)»

- «Etym. Gud. 342, 3, свидетельствует: Куреты это акарнанцы, которые воспитали Зевса». Говорили также, что Кносс был заселён выходцами из акарнанской Куретида. Представление об этих этолийско – акарнанско – ахелойско – халкидских куретах восходит к той ступени первобытного мышления, когда и всякое реальное историческое племя расценивалось также фетишистски и также тотемистически, как и вообще всё существующее (...).
- «Сам Крит тоже был местом распространения не только иератического мифа о Зевсе и куретах, но и этнографического о них представления (...), первый царь Крита, по иным источникам, был курет Крес. Куреты мыслились также основателями многих критских городов (Элевферы, Итан, Биен, Иерапитны и даже самого Кноса). Гесихий же прямо называет куретов «критским народом».

(См. А.Ф. Лосев, указ. соч. стр 244 –45).

Сомневаться в реальном существовании исторических куретов, о которых сообщают столько различных античных авторов и народных преданий, практически невозможно.

Во - первых, в Малой Азии с древнейшего (мифического) времени проживают курды, современные потомки ведийско – арийского племени Куру, которые в начале II тыс. до н.э. действительно поклонялись своему верховному божеству – Дъяус Питару – Деусу – Зевсу «Владыки светлого неба».

Во - вторых, античные предания упоминают о куретах всегда в непосредственной связи с мифом о рождении Зевса, тождественного ведийско – митаннийскому Дъяусу – Питару, то есть – башкородскому Дейеу Пәрейю.

И третье, башкородский язык в своей фонетике сохранил те древне – иранские интердентальные спиранты ʒ , ç , которые имелись в фонетике древнегреческого и продолжают существовать в современном греческом языке. Это открытие, доселе не отмеченное учёными – лингвистами, заставляет нас предполагать, что куреты, упоминаемые античными авторами, были ираноязычным этносом, которые впоследствии слились с древними греками.

Дифирамб, давший начало трагедии, сам родился из восторженного драматизированного песнопения в честь умирающего и воскресшего бога Диониса – сына Зевса тождественного ведийско – арийскому Дъяусу «господу светлого неба». В древнюю эпоху родовой общины сам бог - вседержитель Дъяус у ведических ариев (Зевс у др. греков), почитался небесным отцом – прародителем людей, живущих на

земле. Вследствии подобного родового мышления – увядание и последующий расцвет природы, вызываемые календарным чередованием времён года, осознавались митаннийскими ариями племени куру – куретами как бесконечная смерть и воскресение своего родового божества – прародителя Дьяуса – Зевса. По законам родовой общины каждый человек был обязан отомстить за смерть соплеменника и тем более за гибель своего отца – прародителя. Созерцание увядания природы осенью, которое понималось как смерть космического отца – прародителя, вызывало чрезвычайно сильное эмоциональное переживание, возможно граничащее с безумием в общине ведических ариев. А возрождение природы весной, понимаемое как воскресение хтонического божества – прародителя, вызывало у ведических ариев неземной восторг, доводивший людей до оргиастического экстаза. В эпоху фетишизма и оборотничества, не только имя божества и человека, молитва и песнопения, но даже и возгласы во время обрядов имели магическое значение. В частности у ведических ариев священными возгласами были – сваха, вашат, с которыми обращались к богам, к предкам – свадха, к людям – ханта, а когда собирались надоить молока, то произносили –дхену к четырём сосцам вымени коровы. Возглас, прославляющий бога, всегда предворяет молитву. Трагедия, как писал Аристотель, произошла от запевал дифирамба, являвшегося культовой песнью, посвящённой Дионису.

Безусловно митаннийско – арийский курет Малой Азии издавал священный возглас, служивший прологом к началу хоровой песни в честь бога Дьяуса. Смерть и особенно убийство кого – либо из ведических ариев считались гибелью потомка Дьяуса, почитавшегося мифическим отцом – прародителем родовой общины малоазийских куретов – курдов. Неспроста, уже у Гомера в «Илиаде» мужчины – аэды упоминаются запевалами женского хора, оплакивающего погибшего Гектора.

Гомер (XXIV, 708 – 724) :

- В Трое великой; грусть несказанная всех поразила, -
 Все пред воротами столпились в встречу везомого тела.
 710 Всех впереди молодая супруга и нежная мать
 Плакала, рвала власы и, на труп иступлённо бросаясь,
 С воплем главу обнимали; столпившиеся, плакали стоя.
 Верно и целый бы день до заката блестящего солнца
 Плача над Гектором храбрым, рыдали толпы за воротами.
 715 Если бы старец Приам не возвал с колесницы народу:
 «Дайте дорогу, друзья, чтобы мески проехали; после
 Плачем вы всё насыщайте, как мёртвого в дом привезу я».
 Так говорил; расступилась толпа и открыла дорогу.

- 720 К славному дому привезши, на пышно устроенном ложе
 Тело они положили; певцов начинателей плача
Подле него поместили, которые голосом мрачным
Песни плачевные пели; а жёны им вторили стоном.
 Первая подняла плач Андромаха, младая супруга,
 Гектора мужеубийцы руками главу обнимая:
 725 Рано ты гибнешь супруг мой цветущий, рано вдовою
 В доме меня покидаешь!
 746 Так говорила, рыдав; и с нею стенали троянки.
 Затем Гомер описывает плачь матери погибшего Гектора:
 Тут между ними Гекуба рыдательный плач подымает:
 «Гектор из всех мне детей наиболее сердцу любезный!
 Был у меня и живой ты богам всемогущий любезен;
 750 Боги с небес о тебе и по смертной кончине пекутся».
 760 Так вопияла Гекуба, и плач возбудила всеобщий.

После супруги Гектора Андромахи и матери Гекубы оплакивать погибшего приступает его сноха.

- 761 Третья Елена Аргивская горестный плач подымает:
 «Гектор деверь почтеннейший, сродник любезнейший
 сердцу!
 765 Ныне двадцатый год круговратных времён протекает
 С оной поры как пришла в Илион я, отечество бросив;
 Но от тебя не слыхала я злого, обидного слова
 Даже когда и другой кто меня укорял из домашних,
 Деверь ли гордый, своячина, или золовка младая.
 776 Так вопияла она, - и стенал весь народ неисчётный
 Старец Приам наконец обращает слово к народу:
 «Ныне трояне свозите вы лес в Илион.(...)»
 Так говорит, - и они лошаков и волов подъярёмных
 Скоро в возы запрягли и пред градом немедля собрались
 Девять дней они в Трою множество леса возили.
 785 В день же десятый, лишь свет разливая, Денница возникла,
 Вынесли храброго Гектора с горестным плачем трояне;
 Сверху костра мертвеца положили и бросили пламень.
 791 Сруб угасили, багряным вином оросивши пространство
 Всё, где огонь разливался пылающий; после на пепле

Белые кости героя собрали и братья и други,
 Горько рыдая обильные слёзы струя по ланитам.
 Прах драгоценный собравши, в ковчег золотой положили,
 Тонко обшивши покровом, (...).
 Так опустили в могилу глубокую и заложивши,
 Сверху огромными частыми камнями плотно устлали,
 После курган насыпали (...)

Так погребали они конеборного Гектора тело
 (перевод с древнегреческого Н.Гнедича).

Некогда, в глубокой древности предки курдов – митаннийские арии Передней Азии сжигали тела своих покойных соплеменников как и их собратья в Индии – ведические арии. Сжигание тел своих погибших в бою героев был необходимым похоронным обрядом всех индо – германских племён, достаточно вспомнить по этому поводу обряд сожжения тела своего вождя Беовульфа англо – саксонскими воинами.

В «Илиаде» чётко обозначены два различных обряда оплакивания погибшего человека. Первый – общественный, а второй – религиозный, с участием аэдов – мужчин, которые и выступают запевалами траурного женского хора, воспевавшего жизненные деяния и ратные подвиги погибшего мужа.

Теперь, с целью выявить этнографические параллели мы сравним описание оплакивания погибшего Гектора у Гомера в «Илиаде» с образом оплакивания и причитания по усопшему соплеменнику у современных куретов (митаннийских ариев). Вот что писал О.Л.Вильчевский по поводу исполнения курдами интересующего нас обряда: «Как только умирающий перестаёт подавать признаки жизни, присутствующие у смертного одра родственники, в первую очередь женщины, начинают причитания, на которые сбегаются все женщины селения или кочевья, чтобы принять посильное участие в оплакивании. Существуют веками выработанные формулы причитаний и воплей по покойному, так же как и строго соблюдаемый регламент этих причитаний. Первой и дольше всех оплакивает жена мужа. За ней мать оплакивает сына, потом дочь оплакивает отца, и уже вслед за ними сестра оплакивает брата, после чего наступает очередь остальных родственников. Стандартные эпитеты и обороты расцвечиваются в этих плачах характеристиками личных качеств покойного. Как правило, если мужчина умер не на войне, то как бы высоко ни оценивались его доблести и заслуги, к ним всегда примешиваются слова сожаления о том, что покойник умер не так, как подобает настоящему мужчине. Женщину оплакивают менее долго и не с такими пышными эпитетами.

Заупокойные оплакивания ещё в полном разгаре, когда покойника уносят для омовения, и оплакивание продолжается без него. Омовение производится лицами того же пола на роднике или речке.(...)» «После омовения покойника заворачивают в саван, иногда предварительно натерев ароматическими травами, и положив на носилки, в сопровождении всех оплакивающих несут на кладбище. Могилу внутри обкладывают камнями или кирпичом.(...). «В деревнях и в особенности в городах могилы часто украшают надгробными памятниками либо общемусульманского типа (...), либо типа, широко распространённого в Курдистане, а также в Закавказье и в прикаспийских районах, в виде каменного изваяния барана или лошади.(...)»

- «Мулла читает под могилой общемусульманские молитвы; участники похоронной процессии, главным образом женщины продолжают похоронные вопли и причитания. (См. О.Л.Вильчевский «Мукринские Курды» ПЭС, 1959 стр. 217)

Другой информатор Т.Ф.Аристова пишет об обряде оплакивания у курдов буквально следующее: «После смерти курда собираются его родственники и близкие и поднимают вопль, рвут на себе волосы, посыпают голову землёй. Мать, сестра и жена покойника расцарапывают себе лица до крови. Этот обряд называется «сурэт кэлаштэн». Все присутствующие, одетые в чёрное, начинают петь похоронные песни, в которых оплакивают покойника. Если покойник – мужчина, то присутствующие мужчины ударяют себя по голове головным убором, восклицая: «Бра!» («Брат!»). Каждая женщина срезает по одной косичке и кладёт её на грудь покойнику. (...)» «Перед выходом на кладбище приглашается мулла для чтения намаза. Затем покойного кладут на деревянные самодельные носилки, и четверо мужчин в сопровождении родственников несут их на кладбище.»

Обычай курдских женщин срезать косичку или локон своих волос и возлагать их на грудь усопшего сородича продолжает сохраняться как национальный обычай у курдов с древнейшей эпохи индо – германского единства. Подобный курдскому обычай срезать волосы в знак скорби по погибшему существовал у древних ахейских племён, штурмовавших Трою во II тыс. до н.э.. Этот обряд ахейцев был подробно описан Гомером.

Илиада (песнь 23)

Погребение Патрокла.

- 134 Начали шествие, спереди конные, пешие сзади
 Тучей, друзья посредине несли Менетида Патрокла,
 135 Все посвящёнными мёртвому телу покрыв волосами.
 Голову сзади поддерживал сам Ахиллес благородный,
 Горестный: друга он верного в дом провожал Аидеса.
 К месту пришедши, которое сам Ахиллес им назначил,

- 140 Одр опустили и быстро костёр наметали из леса.
 Думу иную тогда Пелейон быстроногий замыслил:
 Став при костре, у себя он обрезал русые кудри.-
Волосы, кои Сперхию с младости нежной растил он;
 «Сперхий! Напрасно отец мой, моляся тебе, обрекался,
 Там, когда я возвращаюся в любезную землю родную,
Кудри обрезать мои и тебе принести с гекатомбой
 И тебе посвятить пятьдесят овнов плодородных,
 Возле истоков, где роща твоя и алтарь благовонный.
 Так обрекался Пелей, но его ты мольбы не исполнил.
- 150 Я никогда не увижу драгого отечества! Пусть же
 Храбрый Патрокл унесёт Ахиллесовы кудри в могилу!»
 Рек – и, обрезавши волосы, в руки любезному другу
Сам положил, и у всех он исторгнул обильные слёзы».
 (перевод Н.Гнедича)

У курдов Сенендеджа существует обычай: класть два камня на могиле мужчины (один в головах, другой – в ногах) и три камня на могиле женщины (в головах, в ногах и сбоку).

(...) – «У курдов северной и центральной частей края [Ирана] очень распространены надгробные памятники в виде каменного изваяния лошади».

(См. Т.Ф. Аристова, «Очерк культуры и быта курдских крестьян Ирана» стр. 249. ПЭС 1959)

Третьим автором, описавшим похоронный обряд оплакивания покойного у курдов, является этнический курд Рамо Шехо Аль – Фарха, из Сирии, который говорит: «После наступления смерти в первую очередь омывают покойника, этим занимается имам или кто-нибудь из суфиев, если покойник был мужчиной. Если умерла женщина, то её омывают женщины – суфии, после этого покойника заворачивают в белую ткань – саван, затем кладут на носилки, которые на курдском языке называются «дарбаст», накрывают одеялом или чистой простынёй и несут его на кладбище для придания тела земле при торжественном скоплении народа. Мужчины возглавляют похоронную процессию, женщины идут за ними, в процессии принимают участие все жители деревни, мужчины и женщины, а также друзья и знакомые из соседних деревень. При выносе покойника из дома женщины начинают громко оплакивать его, а некоторые из них пронзительно кричат и рвут на себе одежду, мужчины стреляют в воздух (...). Во время прохождения процессии женщины продолжают плакать и идти сзади мужчин, они перечисляют лучшие качества покойного, его заслуги и достоинства, особенно, если он был смелым, честным, хорошим и уважаемым товарищем и имел определённое социальное положение. (...)»

- «Если смерть была неестественной, например, мужчина был убит людьми из другого племени, то оплакивание в данном случае воспрещается, но увеличивается пение песен, в которых восхваляются его достоинства и лучшие черты характера, а его родственники посредством пения заявляют, что пролитая кровь покойного никогда не останется не отмщённой, и они сделают это. Некоторые юноши из семьи убитого, его родные и двоюродные братья не участвуют в похоронном ритуале, напротив, они идут в другие места и повсюду заявляют о своём намерении одержать победу над кем-либо из враждебного племени и отомстить до похорон убитого, и это считается делом чести и гордостью для племени, это облегчает боль утраты, при этом они стреляют в воздух, выкрикивая победоносные возгласы и призывы». (См. Рамо Шехо Аль – Фарха, «Обычаи и традиции курдов» Алма – Ата, 1994 г. стр. 32 – 33.)

Курдские юноши и молодые мужчины, которые не участвуют в похоронном обряде, а собравшись в группу, обходят окрестные селения с объявлением о своём коллективном намерении непременно отомстить за пролитую кровь своего невинно убиенного сородича – соплеменника, обязательно вооружены, как того требует священный ритуал. Здесь необходимо коснуться наконец и вопроса о национальных видах оружия курдов. В XIX – начале XX в. по описаниям большинства путешественников – очевидцев, посетивших Курдистан – курды были вооружены до зубов. Как пишет Т.Ф. Аристова : «Оборонительным оружием служил круглый щит (калькан), выделанный из крепкой буйволовой кожи, покрытый лаком и укрепленный набором (в виде цветка примулы) медных позолоченных гвоздей (...). Гвозди на щите располагались тесными непрерывными рядами. (...)».

- «Помимо оружия, распространённого на Ближнем Востоке у большинства народов, курды носили (...) копья, древки которых сделаны из твёрдого тростника. (...)»

- «По описаниям Х. Абовяна, особенно славились метательные копья на «гибкой тростниковой палке». (...) Пика, которая постепенно стала исчезать, представляла собой шестиаршинную крепкую палку, к обоим концам которой прикреплялись железные острые наконечники» (...)

- «...А. Аракелян писал: «(...)Особенно страшен по своей смертоносной силе мэрах (копье) курда, укрепленный на камышовом стволе длиной в 3 – 8 метров; копья эти бывают ветвистые с острыми концами» (См. Т.Ф. Аристова «Материальная культура курдов» (XIX первой половины XX в.) М. 1990. стр. 150 – 151)

Из описания видно, что национальным орудием курдов в древности являлись: щит и копье. Вообще, оружие любого народа упрощается при

историческом рассмотрении по отношению к древности. У башкордов щит называется, как и у курдов, - калкан, который представлял из себя в старину – медный обруч, обтянутый бычьей кожей. Точно также изготавливают курды и барабан – дэф, для чего, как и для щита обтягивают обруч кожей. Именно этими орудиями мифические куреты Малой Азии издавали шум и угрожали врагам в танце при рождении Зевса – Дьяуса на острове Крит.

Еврипид, Вакханки
120 – 134

Крита юдоль святая,
Мрачный приют куретов,
Зрел ты рожденье Зевса.
С гребнем тройным на шлеме
Там корибанты обруч
Кожей нашли одетый
Дико тимпан загудел:
С сладкими звуками слиться хотел
Фригийских флейт тимпан вручили Рее,
Но стали петь под гул её вакханки.
Сатирам Рея его отдала:
Звонкая кожа с ума их свела.
В триетериды святые
Его звон веселит хороводы,
Их же любит наш царь Дионис.
(пер. Анненского – Зелинского)

Дифирамб, то есть удары копьём (рьм) по щиту – тимпану (дэф) и есть начало, пролог к исполнению ритуала трагедии, которая в древности для людей представляла не спектакль, а священнодействие, где все участники были не зрителями, а действующими актёрами.

Никогда у античных греков не было и тени сомнения в том, что родиной дифирамба являлась Малая Азия. В частности Аристотель писал, обосновывая малоазийское происхождение дифирамба буквально следующее: «Дифирамб, например, по общему признанию, считается фригийским, в доказательство чего лица, занимавшиеся этим вопросом, приводят многочисленные примеры, между прочим и следующий: Филоксен, попытавшийся обработать дифирамб и мифы в дорийском ладе, оказался не в состоянии осуществить это, но, руководимый самой природой, он снова обратился к фригийскому ладу как наиболее подходящему» (Aristot./ «Politika», VIII. 1342 в, 5 – 10). Филоксен был жителем Киферы и сочинителем дифирамбов, жил в 435 – 380 г.г. до н.э. и являлся современником Платона, у которого начал своё обучение Аристотель.

Удары копьём по щиту создавали ритм трагедии, а началом был священный крик запевалы дифирамба. Этот магический крик был неким вербальным символом, вокруг которого соединились в одно целое все мужественные энергии души. Крик же духовно сплачивал вместе всех членов рода и племени для отражения грозящей внешней опасности или для торжества одержанной победы.

У древних греков, как писал В.Иванов: «Та соборная магия, следы которой ещё столь свежи в Гомеровом описании отвращающего чуму пеана «ахейских отроков» (kuoí Achaíon, II.1. 473), осуществлялась, по – видимому, в формах оргиастического обряда.» (См. В.Иванов «Дионис и прадионисийство» в кн. Эсхил «Трагедии» М.1989 г. стр. 389) О пеане, отвратившем чуму в стане ахейцев в «Илиаде» у Гомера читаем следующее:

II, 1,450.

Громко Хрис возмолился, горе воздевающий руки
И Феб сребролукий, внемли мне!(...)

455.

Так же и ныне услышь и исполни моление старца:
Ныне погибельный мор отврати от народов ахейских.

470.

Юноши паки вином наполнивши доверху чаши,
Кубками всех обносили, от правой страны начиная.
Цельый ахеяне день ублажали пением бога;
Громкий пеан Аполлону ахейские строки пели.

(перевод Н.Гнедича)

Другим, уже подлинным историческим свидетельством об использовании пеана как возбуждающий воинов магический клич перед нападением на врагов, является книга Ксенофонта «Анабасис». Ксенофонт описал поход десяти тысяч греческих воинов, нанятых персидским царевичем Киrom совершить нападение на Вавилон с целью свергнуть с царского престола своего старшего брата, правящего царя империи Ахеменидов – Артаксеркса II. После того, как Кир погиб в битве при Кунаксе близ Вавилона, его сборная армия сама собой распалась и отряд греческих наёмников, отступая при возвращении на свою родину вдоль берегов р. Тигра, постепенно оказался на территории, именуемой Ксенофонтом «Мидией». На территории Мидии Ксенофонт, который сам был участником этого похода греков, встретил местное племя – кардухов. Напомним, что древние мидийцы действительно являются предками современных курдов Месопотамии. Десятитысячное войско греков, переправившись через реку Кентрит, как Ксенофонт называет реку Бохтан в Западном Курдистане, вступило в страну – Кардухов. Важным для нашего исследования является свидетельство Ксенофонта (кн. IV, гл.

II, стр. 27), что в сражении кардухи, как греки, идя в бой, приближаясь к неприятелю, ускоряли шаг и распевали пэан.

Греческое слово – Пеан тождественно башкордскому – бэйан «повествовать».

Вера древних башкордов в магическую силу слова, прокричав которое человек способен победить своих врагов, зафиксирована в письменном арабском источнике, принадлежащего перу посла багдадского халифа Ибн-Фадлана к царю башкордов рода Буляр (Булгар), посетившего Башкордистан в 922 году.

Ибн – Фадлан писал: «Мы видели, как одна группа из них (башкордов) поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбам, ещё одна группа (башкордов) поклоняется журавлям, и мне сообщили, что они (башкорды) вели войну с одним народом из числа своих врагов, причём они(враги) обратили их (башкордов) в бегство, и что журавли закричали сзади них (врагов) так, что они(враги) испугались и сами были обращены в бегство, после того как обратили в бегство (башкордов),и поэтому они (башкорды) поклоняются журавлям и говорят: «Эти журавли» - наши господа, так как они обратили в бегство наших врагов, и поэтому они поклоняются им и теперь». (См. А.П. Ковалевский «Книга Ибн – Фадлана» Харьков – 1956, с. 26 – 27)

Сам журавль до настоящего времени почитается у башкордов из – за этой легенды священной птицей, а крик журавля, считается якобы, обладает некой магической силой.

Безусловно в древние времена башкорды не только рассказывали свой миф о спасении журавлями, но и разыгрывали этот миф в сценическом действии в виде сакрального обряда о чудесном спасении, где миметически изображали нападения врагов, чудесный клич журавлей и затем, свою победу. Сомневаться в этом не приходится, поскольку, как установили ученые – этнографы, у всех народов их национальные мифы излагаются в двух формах: 1) повествовательной и 2) сценическо-драматической. В частности, сведения античных авторов говорят о том, что на острове Крит Дедал научил Тезея (убившего позднее Минотавра) священному танцу, исполнявшемуся по расходящимся и круговым линиям. Этот танец был как бы планом по Лабиринту. Плутарх (№ 486) писал о заимствовании этого магического танца у Тезея делосцами, названного ими «журавль».

Связь журавля с освобождением людей от быка – Минотавра безусловно календарная, поскольку в Передней Азии, на Ближнем Востоке в древности Месяц на небе ночью отождествлялся с нависающими рогами космического быка.

Увеличение в зимний период года ночного времени суток приводит к господству луны – месяца на небе. Прилёт журавлей весной символизировал победу героя над быком и если у античных греков

Тезей убивал в танце быка – Минотавра на оркестре дворца в Кноссе, на острове Крит, то у башкордов Урала злого царя Масема, загубившего семь юношей, убивает герой Торна – Хаубен «журавль – Хаубен» - сын Суры, ведийского Суры – Солнца.

Семь юношей в башкордском мифе, захваченные Масемом, и семь девушек и юношей, отдаваемые в жертву быку Минотавру, в греческом, символизируют собой семь звёзд из созвездия Ковша Большой Медведицы, которыми как бы овладевает зимой, в ночное время на небе Месяц – Бык. Этимология башкордского имени Масем показывает, что оно состоит из древнего индогерманского корня: др.инд. mas – masas со значением – Месяц, Луна. Именно свой древний миф о Журавле – Хаубане рассказывали башкорды в 922 г. послу багдадского халифа Ибн – Фадлану.

По всей видимости, как это показывают эпические источники, дошедшие до настоящего времени, миф об убиении быка журавлём – Хаубеном был перенесён и включён в космогонический миф «Урал – батыр».

Здесь будет важным указать на то соответствие, что и у древних греков их предания о рождении Зевса и его защиты куретами относятся к циклу космогонических мифов. Древние греки напрямую отождествляли или представляли Зевса быком, в частности, именно в образе быка Зевс похищает Европу и на своей спине переносит её на остров Крит, где вступает с ней в брак, откуда происходят его сыновья: Минос – царь Крита, Радамант – судья мёртвых и Сарпедон – царь Ликии.

Сам культ Минотавра «человека – быка» по мифу родился на острове Крит в подтверждение именно бычьей природы, бычьей родословной царя Миноса от Зевса – быка. По преданию Минос попросил Посейдона подтвердить его царское происхождение. Посейдон в знак этого выводит из глубин моря чудесного быка с требованием, чтобы царь принёс его в жертву. Но Минос отказывается. В наказание за этот поступок боги свыше сделали так, что, Пасифая – жена Миноса влюбляется в быка и сочетаясь с ним, порождает чудовище – сына Минотавра, или человека с головой быка.

Сама Пасифая, породившая человека – быка, являлась по мифу дочерью Гелиоса – Солнца. Минотавра поместили в подземный Лабиринт под дворцом царя в Кноссе, куда ему приносили в жертву семь девушек и семь юношей.

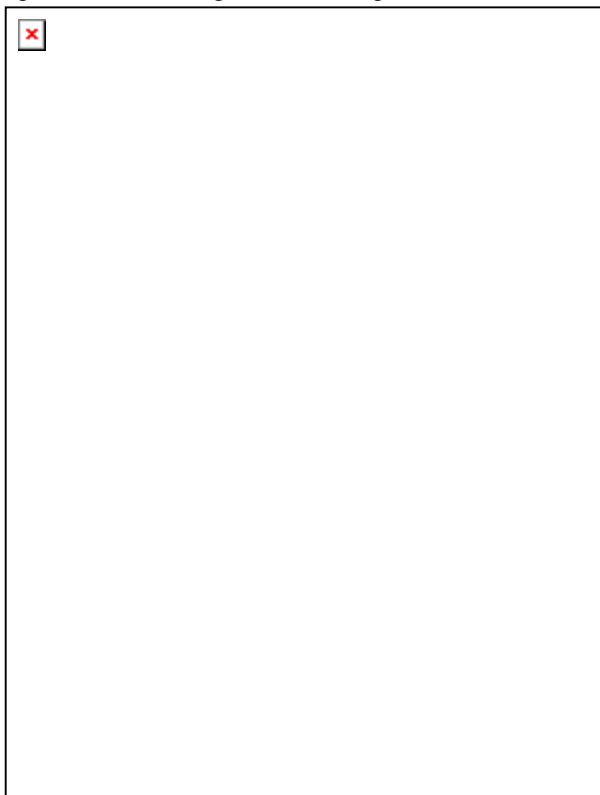
В башкордском мифе юношей и девушек приносят в жертву царю Катилу («убийца» семит), дворец которого поддерживает Бык. Урал – батыр в башкордском мифе, как Тезей в греческом, убивает быка, «поддерживающего дворец царя», и освобождает от смерти юношей и девушек, подготовленных к жертвоприношению.

Plut. Thes. 21. « На обратном пути с Крита Тезей пристал к Делосу. Принесши богу жертвы и посвятивши ему статую Афродиты, полученную им от Ариадны, он устроил вместе с молодыми людьми танец, где с помощью ритма делались запутанные фигуры; затем участвующие становились в обыкновенном порядке в подражание запутанным ходам и извилинам лабиринта. По словам историка Дикеарха, делосцы называют этот танец «герантос» т.е. журавлём. Тезей исполнил его вокруг алтаря, «составленного из рогов», сложенного исключительно из левых рогов животных. (См. А.Ф. Лосев, Античная мифология. Стр. 224).

В результате археологических раскопок, проведённых А.Эвансом, А. Куком, было установлено, что жертвенники Зевсу на острове Крит почти всегда украшались рогами. Остров Делос по греческим мифам был всегда связан с Уральскими – Рифейскими горами, где жили знаменитые

гиперборейцы, посылавшие в делосское святилище жертвенные дары, завёрнутые в солому, которые несли через всю Скифию семь девушек. Таким образом

географический мир греческой мифологии простирался от Уральских – Рифейских гор на севере, до острова Крита на юге, что по всей видимости отражает некие реальные исторические связи этих удалённых друг от друга регионов. По крайней мере историки точно знают, что древние греки закупали пшеницу в Скифии, без которой ни островная, ни материковая Греция не

Мен во фригийской шапке I в. до н.э.
Пантикапей

могли существовать уже в эпоху Платона и Аристотеля. С другой стороны, по письменным источникам известно, что античные греки нанимались наёмникам в войска египетских фараонов, в частности, фараон XVIII династии Тутмос III пользовался кораблями критян (народ кефтиу) для перевозки строительного леса из Ливана.

Более того у предков башкордов ираноязычных скифо – сарматов (скифы – саки) был широко распространён культ фригийского лунного божества Мена. Археологи обнаружили достаточно много гипсовых статуэток бога Мена в процессе раскопок скифских погребений в северном Причерноморье. Как говорит М.М. Кобылина: «Бог Мен- лунное фригийское божество. Бог Мен содействовал плодородию земли и здоровью людей. Это было также доброе семейное божество, защитник слабых от несправедливостей жизни, а также хранитель могил умерших. Его почитали широкие круги населения, в том числе вольноотпущенники и рабы. В ряде городов [в Причерноморье, прим. С.Г.] в период Империи, бог Мен считался официальным патроном. На монетах городов Понта он изображён рядом с такими божествами, как Аполлон, Арес, Артемида и др.(...). В эллинистический период Мен изображался в китоне и гиматии, во фригийской шапочке, с юным лицом, обрамлённым волнистыми волосами, за плечами – иногда месяц». (См. М.М. Кобылина «Изображения восточных божеств в Сев. Причерноморье в первые века н.э. М. 1978 г. стр. 17) Скифо – сарматское предание о лунарном божестве Мене сохранилось в башкордском мифе «Конгур – Буга» - рыжая корова. В мифическом предании говорится, что когда на южных башкордов напали хунны – тюрки, то им на помощь пришли северные башкорды во главе с батыром – Минеем. За одержанную победу над врагами и за храбрость в сражении вождю северных башкордов Минею отдали замуж девушку по имени Тандыса, имя которой в переводе с курдского означает – «Подобная Корова» от курдск – Тане «корова – двухлетка» и – диса «ещё, снова, опять» (Снова как Корова). В приданное Тандысе дали бурую корову «Конгур буга». Минею и Тандыса, ведя за собой бурую корову по склонам Урала отправились на север, на родину батыра. Каждый год на новой родине бурая корова приносила в течении 7 лет семь телят, после чего издохла, а оставшаяся от неё седьмая тёлка – тана также принесла семь телят и издохла на седьмой год. Так продолжалось в течении шестидесяти лет, после чего седьмая корова – тана от седьмого колена, родив серого бычка – телёнка, оставив Уральские горы, ушла на юг к южным башкордам, ища старую родину первой коровы – Конгур Буги. Как видим, не только в античном мифе у греков, но и в античном мифе у башкордов Урала божество с фригийским именем Мина (Минос) вступает в брак с коровой – двухлеткой Тандысой (Тане «корова двухлетка», курдек – башкурдек). В курдском языке слово Мина означает «подобный», «схожий», например –

мина бәре «как прежде». Курдское имя и фригийское божество – Миней в башкордской мифологии объясняются тем, что некогда в прошлом, до татаро – монгольского нашествия, курды и башкорды были одним индо – иранским народом. Татаро – монгольское нашествие как бы рассекло надвое индо – иранскую общность, простиравшуюся с древнейших времён от Урала на севере до Индии и Передней Азии на юге, что послужило впоследствии основной причиной тюркизации древнеиранского языка башкордов Южного Урала, то есть «северных башкордов» из мифа о Минее с Тандысой и их королевой Конгур – Буга. Мы видим, что если у древних греков по мифам критский царь Минос, сын Зевса, рождение которого охраняли фригийские куреты, порождает человека – быка Минотавра, то уже географически севернее и Крита и Фригии, в Скифо – Сарматии, существовал приблизительно в ту же историческую эпоху культ быкообразного божества плодородия Мены, воспоминания о котором сохранились в мифе о Мине и его коровоподобной Тандысе – супруге и их короле Конгур – Буге.

Дьяус – Бык и рождение флейты Диониса.

Одним из известных эпитетов Диониса сына Зевса было его название «быкорогий» - ταυρο κερος. Флейта считалась музыкальным инструментом Диониса. Интересно отметить, что Аристотель приравнивает флейту по силе её воздействия на человека к фригийскому дифирамбу. Аристотель писал: «... фригийский лад действует на нас возбуждающим образом (Poet. V 1340 b. 8)»; «В воспитание не следует допускать ни флейту, ни какой-либо другой инструмент, на котором играют профессиональные музыканты (...). К тому же флейта – инструмент, не способный воздействовать на нравственные свойства, а способствующий оргиастическому возбуждению, почему и обращаться к ней надлежит в таких случаях, когда зрелище скорее оказывает на человека очистительное действие (katharsin), нежели способно его чему-либо научить. Добавим к этому ещё и то, что игра на флейте создаёт помеху в деле воспитания ... (Poet VI, 1341 a.20); «Сократ в «Государстве» не прав, когда утверждает, что наряду с дорийским ладом можно оставить ещё только фригийский, тем более, что один из музыкальных инструментов исключает флейту. Ведь фригийский лад в ряду других занимает такое место, какое флейта – среди музыкальных инструментов: тот и другой имеют оргиастический, страстный характер.

Доказательством этого служит поэзия: для выражения вакхического экстаза и тому подобных состояний возбуждения, из всех инструментов преимущественно нужна флейта.» (Poet. 1342 b)

Аристотель считал флейту помехой в деле воспитания, поскольку этот музыкальный инструмент действует возбуждающим образом на душу человека, тогда как при обучении молодого поколения, древнегреческий философ считал необходимым пользоваться мелодиями «этического характера». Музыка флейты по Аристотелю вызывает катарсис, что явно выводит человека из его естественного состояния. Флейта считалась самым главным музыкальным инструментом малоазийского бога Диониса.

У греков флейта называлась словом – авлос, происхождение которого неизвестно. Но, как определили исследования учёных, многие древние источники называют Малую Азию родиной авлоса. Первоначально авлосы делали из костей животных. В Древнем Риме этот «духовой» инструмент назывался «тибией» от латинского «берцовая кость», «голень», вследствие чего – играть на флейте *tibia canere* в буквенном переводе означает «петь на кости». Это латинское название подтверждает тот факт, что в древности этот инструмент делался из костей животных или даже человека (как например у тибетских ламаистов). Этот архаичный инструмент, изготовленный из костей, весьма отдалённо напоминал современную флейту. Однако и сейчас ещё, как пишет Е.В. Герцман: «... существует давнее и глубокое заблуждение: почти всегда и «авлос» и «тибия» переводят на современные европейские языки как «флейта». Поэтому, если при знакомстве с переводами античных памятников литературы читатель встречает слово «флейта», то он должен помнить, что в греческом источнике ведётся речь об авлосе, а в латинском - о тибии, которые не имели ничего общего с инструментом, именуемым сейчас «флейтой». (Е.В. Герцман, ... указ. соч. стр. 42)

Для башкордов Урала национальным инструментом является духовая флейта Курай, происхождение которого по мифу связано с рогами. Как повествует башкордское предание: в стародревние времена жил на свете один падишах, который имел странную привычку – брить голову наголо, для чего приглашал в свой дворец молодых джигитов. Каждый раз, как джигиты приходили во дворец и брили голову царю, они затем исчезали. Все жители этой страны жили в страхе. В тех же местах жили старик со старухой, у которых было трое сыновей. Наступило время идти брить голову царю во дворец старшему сыну, тот пошёл и не вернулся. Затем пришёл черёд идти среднему сыну, который пошёл и исчез во дворце, как и другие джигиты до него. Наконец, дошёл черёд и до младшего сына. Мать, отправляя последнего сына во дворец царя, замесила муку на своём грудном молоке и испекла из этого теста лепёшку. Взял лепёшку младший сын, положил в котомку и пошёл к царю. Когда юноша пришёл во дворец, царь вручил ему острый нож для бритья волос, привёл в тёмную комнату без окон,

сел и снял свою корону. Тут младший сын увидел, что у царя на голове растёт – козий рог. Но юноша не испугался и быстро побрил голову царя. Когда юноша закончил брить, царь попросил его подождать, а сам вышел. Юноша успел проголодаться, достал лепёшку, испечённую на молоке матери из своей котомки, и начал есть. Тут зашёл хан со слугами, чтобы схватить и убить юношу, но увидев у него в руках лепёшку, которая чудесно пахла, захотел попробовать. Юноша отломил кусочек и дал хану. Когда царь съел, то спросил юношу: «Из чего выпекли такой вкусный хлеб?». Юноша ответил хану: «Эту лепёшку моя мать выпекла из теста, замешанного на её собственном молоке». Растерялся тут хан и сказал своим слугам: «Я съел лепёшку, которую мать юноши испекла на своём молоке. Поэтому я, съев эту лепёшку, стал его молочным братом. Теперь я не имею права убивать его. Но если я не убью юношу, то он расскажет всем о том, что у меня на голове растёт козий рог. Возьмите слуги этого юношу, отвезите в тёмный лес и бросьте там на съедение диким зверям». Слуги связали юношу по рукам и ногам, взвалили на лошадь, отвезли его в дикий лес, где и оставили одного. Долго юноша искал путь домой, вдруг услышал дивные звуки. Пошёл в ту сторону, откуда раздавалась чудная, неземная мелодия и увидел, как сухой стебель поёт, когда дует ветер. Сорвал юноша стебель, поднёс ко рту, стал в него дуть и так научился играть на флейте. Звуки флейты слышали люди и нашли джигита. Юноша, ставший молочным братом злому падишаху, заиграл на стебле и волшебная флейта поведала всем людям, что хан – рогатый «Курай – Карнай». Народ, услышав песню флейты, пришёл в сильное возбуждение и неистовство, восстал и расправился с царём.

Вот с тех пор у башкордов и появился народный инструмент флейта, которую и назвали – Курай. И если башкорды хотят взбодриться и забыться от тягот мирской жизни, то они обязательно начинают играть на курае». Так в кратком изложении выглядит башкордская легенда о происхождении их национального музыкального инструмента – Курая.

а) Само башкордское имя флейты – Курай «рогатый» является исконно индо – германского происхождения, сравните латинское – *cornu* «рог», «рог музыкальный»; древне греческое – *kegos* «рога»; немецкое – *horn*; английское – *horn*; французское – *corne* «рог»; иранское – карнай. Поэтому, если говорить о заимствовании, то следовательно это произошло тогда, когда все эти индогерманские народы проживали на южном Урале в древности, более 4 – 5 тысяч лет тому назад и называли себя башкордским именем – арыу (арии) «хорошими» ими «благородными». При этом нужно помнить, что фонетика языка башкордов Урала, сохранившая древнеиранские интердентальные спиранты ζ (θ) и ζ (δ), показывает, что ещё в недалёком прошлом сам башкордский язык представлял из себя иранский язык и относился к группе индо –

германских языков. Следовательно, с научной точки зрения, никакого заимствования не было и не могло быть, поскольку как раз у тюрко – алтайских народов такого духового музыкального инструмента как флейта, носящего древнеиранское, индо – германское название – Курай «рог» не зафиксировано вообще, его просто нет. С другой стороны именно наличие древнеиранской фонетики в башкордском языке не позволяет считать древних башкордов в одно и то же время древними тюрками. В древних и современных тюрко – алтайских языках древнеиранской фонетики и древнеиранских интердентальных спирантов - ζ (θ) и ζ (δ), сохранившихся в башкордском языке никогда не было и нет.

Поэтому считать древних башкордов Урала древними тюрками никак нельзя, тем более, что башкорды родственны курдам – иранцам Месопотамии, что подтверждает со своей стороны и древняя легенда о происхождении Курая.

Как установили учёные – этнографы и литературоведы, сам сюжет о рогатом царе и происхождении флейты восходит к древнему иранскому тотемному мифу, известному ещё за 4000 лет до нашей эры, то есть в ту эпоху, когда древние иранские племена, покинув свою прародину Урал (Арьянам – Вэджа) и Ирандек, пришли, пересечя просторы Средней Азии, на Иранское нагорье, где и осели. Позднее на ирано – фригийской восточной основе в Греции сложился миф о царе Мидасе, который был судьёй на музыкальном состязании между Аполлоном и козлогорим Паном. За то, что Мидас присудил победу Пану, бог Аполлон наказал его ослиными ушами, которые тот был вынужден всегда прятать под колпакообразной (башкордской) шапкой. Цирюльник Мидаса, желая сказать хоть кому – нибудь о своей тайне, вырыл ямку, куда прошептал: «У царя Мидаса ослиные уши». Позднее, на этом месте вырос тростник, листья которого пели на ветру о том, что у царя Мидаса ослиные уши.

Самое удивительное заключается в том, что история об ослиных ушах Мидаса никак не объясняет учёным почему иранская флейта – дудка называется – Карнай «рог». На ослиных ушах люди никогда не играли и не использовали как духовой инструмент наподобие рога (козы, барана, быка). Позднее в эпоху эллинизма в Передней Азии и Иране была сложена легенда о двуроге – Карнай царе Искандере, прообразом которой послужили предания об Александре Македонском. Изображение в иранских мифах и позднее у Фирдоуси в «Шах – Наме» македонского царя Александра сказочным богатырём, наделённого бычьими рогами, соответствует древним курдским обычаям, чьи предки - племя ведических ариев Куру пришло во II-м тыс. до н.э. в Переднюю Азию с Южного Урала. Поскольку ведические арии Куру являются также и предками современных башкордов Урала, то следовательно

необходимо говорить о единых этно – культурных корнях происхождения башкордской легенды о Курае.

в) Курдские истоки башкордского сказания о Курае.

У курдов Месопотамии существует народное поверие в то, что символом богатства человека являются – Рога! Сохранилось и бытует народная курдская поговорка – небун – струе меране, tunebun - kotibune, которая гласит: «Богатство – рога для мужчины, бедность – проказа». Вообще у курдов Месопотамии рога – это символ силы, смелости, могущества, что подтверждают курдские поговорки: Мале дине струе меране «богатство дома - рога мужчины». Как бы в подтверждение этому древнему курдскому поверию, в башкордском предании о курае, рогатый персонаж изображён богатым царём страны. Другим подтверждением курдского происхождения башкордского сказания о курае является сюжет о превращении рогатого царя в молочного брата юноши. У курдов Месопотамии действительно широко распространён обряд побратимства, для чего названный молочный брат целует сосок груди своей мнимой родной матери, а после этого начинает считаться родным братом всем детям этой женщины. Вера курдов в магическую силу материнского молока, которая передаётся и детям, продолжает существовать в народных поговорках и поговорках. Например, у курдов бытует представление, что хороший человек потому хороший, что он вскормлен в детстве хорошим материнским молоком, поэтому курды говорят: «herkes dьke горийа шире хе «Каждый человек поступает по своему молоку (которым был вскормлен в младенчестве)». О плохом человеке курды говорят: «Он выпил собачьего молока» - шире кучька

вехорие; о глупом человеке курды скажут: «Он выпил ослиного молока» - шире кера вехорие; о честных и порядочных людях курды говорят: «Он чист молоком» - шир хелале; когда же курды благодарят человека, то

Курайсы Толонгуза Губайдуллин деревня Исхак Баймакский район, Рисунок П.Г Рыбакова, 1894 г.

говорят: «Пусть молоко (твоей матери) будет тебе на пользу – Шире те тера хелал бе.

Никакого культа молочных братьев у тюрко – татарских народов нет и никаких поговорок и поговорок о магической силе молока матери исторически не зафиксировано. Из этого следует закономерный вывод, что само сказание о курае – согн «рог», сделав который юноша победил рогоносного царя, ставшего его молочным братом, создавалось у башкордов Урала в эпоху индо – германского единства, т.е. во II тыс. до н.э., когда племена древних индоиранцев ещё обитали на своей исторической прародине в Арьянам Вэдже (Аркаим – Синташта).

Башкордский миф говорит о происхождении флейты курая непосредственно в связи с рогом царя. Эту же идею о связи рога и музыкального творчества передаёт и курдский язык. Так у курдов слово – стьр – «пение», «петь» происходит из единого корня со словом – стори «рог». Сам тот факт, что в древние времена у курдов слово – рог служило синонимом пения человека, косвенным образом подтверждает башкордскую легенду.

Свита Диониса состояла из игравших на флейтах и бивших в барабан – тимпан (дэф, курдск.) козлорогих сатиров и конеобразных силенов. Музыка и музыкальные инструменты, звучавшие во время шествий Диониса, отражали дух божества оргий, во время которых участники, доведённые до коллективного безумия религиозным экстазом, разрывали руками на части живого козлёнка, посвящённого богу и ели сообща сырое, тёплое мясо своей крохотной жертвы. Культ Диониса проник в Древнюю Грецию из Фригии в Малой Азии, куда уже в начале II тыс. до н.э. проникли, пришедшие с Южного Урала, митанийско – ведийские племена ариев – Куру, являющиеся далёкими предками современных курдов Месопотамии. Дионис – Загрей почитался сыном Критского Зевса – Дьяуса, чей алтарь в Кноссе был украшен бычьими рогами.

Наиболее знаменитым мифологическим персонажем из музыкальной свиты фригийского бога Диониса у древних греков был козлорогий и козлоногий Пан – сын бога Гермеса от брака с нимфой Дриопой. Сам бог Гермес также является божеством негреческим, пришедшим в Элладу, как и Дионис из Малой Азии. Козлорогий Пан считался в древнегреческой мифологии создателем флейты из тростника, а также являлся сказочным судьёй на пастушеских состязаниях в игре на свирели.

Во время шествий Диониса музыка флейт, изготовленных в большей мере из рогов животных, возбуждала сознание участников обряда. Сам обряд состоял во вкушении жертвенной пищи и опьянения от вина. Греческое слово – methe (опьянение) в буквальном смысле обозначает ту часть пира, когда люди, опьянев, начинали пить уже

неразбавленное вино. Употребление вина на обрядах Диониса у фригийцев в Малой Азии соответствовало в ритуале употреблению алкогольно – галлюциногенного напитка – Сомы у ведических и митаннийских ариев – Куру. Впоследствии из Фригии в Малой Азии этот культ Сомы, - в виде культа вина проник в Античную Грецию.

Само древнегреческое слово – *methe* « опьянение на пире» этимологически и семантически тождественно ведийско-арийскому слову – *medha* «жертвенная пища», или «принесение в жертву пищи и напитка» (РВ). Напоминаем ещё раз, что ведические и митаннийские арии Куру пришли во II –м тыс. до н.э. в Переднюю Азию и Северную Индию с территории Южного Урала (Аркаим – Синташта), где проживали ранее.

Миф в древности раскрывал людям идею совершения ритуальных обрядов, их духовный внутренний смысл – логос. Поэтому, если у башкордов Урала существует миф, в котором повествуется о том, что флейта – курай произошла в результате убийства героем некоего рогатого существа получеловека – полубыка или полукозла, это означает, что в древности башкорды понимали причастность происхождения музыкального искусства к жертвоприношениям. Одним словом, мы здесь видим, что у башкордов в древности музыкальное творчество было привязано к жертвенному обряду и носило синкретический характер. Вообще, как показывает миф у древних иранцев, фригийцев, античных греков и башкордов Урала для предков индо-германских народов была свойственна вера в происхождение флейты в процессе исполнения некоего сакрального обряда с человеческими жертвоприношениями. Так, у башкордов в мифе рогоносному царю приносили в жертву (убивали) молодых юношей; в древнегреческом - с фригийца Марсия, вызвавшего фригийского бога Аполлона на состязание в игре на флейте, в конце-концов содрали кожу и т.д.

Описание убийства людей в мифе о происхождении курая наглядно демонстрирует нам, что в древности башкорды свято верили в идею о происхождении трагедии из жертвенного обряда.

С точки зрения современной науки об искусстве, миф о происхождении курая – флейты из трагедии совершаемого обряда жертвоприношения людей, есть не что иное, как чистая эстетическая теория о том, что всякое расчленённо-безобразное и дисгармоническое в жизни является, тем не менее, единой частью художественно-прекрасного.

Как писал Фридрих Ницше: «Для объяснения трагического мифа первое требование – искать причину доставляемого им наслаждения в чисто эстетической сфере, не захватывая области сострадания, страха, нравственного возвышения. Как может безобразное и дисгармоничное, представляющее содержание трагического мифа, возбуждать эстетическое удовольствие?» (См. Фр. Ницше, «Рождение Трагедии» Минск 2001 стр. 587)

И далее немецкий философ продолжает свою мысль: «...музыка, поставленная рядом с миром, одна только может дать нам понятие о том, что следует понимать под оправданием мира, как некоторого эстетического феномена. Радость, порождаемая трагическим мифом, имеет одинаковую родину с радостным ощущением диссонанса в музыке. Дионисизм, с его изначальной радостью, воспринимаемой даже от скорби и мук, есть общее материнское лоно музыки и трагического мифа». (См. там же Стр. 588)

Любая нота, взятая сама по себе, есть диссонанс, поскольку разрушает общее спокойствие текущей жизни. Это понимали и древние башкорды и поэтому считали, что музыка рождается из бесчисленного ряда звуков, то есть нот – диссонансов, которые поставленные в ряд создают гармонию жизни. Для древних башкордов, как это хорошо показано в эпосе «Урал – батыр» в диалоге Урала со своим отцом Янбирде – основой гармонии в жизни являлась охота, то есть убийство охотником своей жертвы. Поэтому, не только древние башкорды, но и все ведические арии, населявшие до II тыс. до н.э. Южный Урал, рассматривали природу, её явления, как непрерывный процесс жертвоприношений. Само жертвоприношение, убийство охотником зверя, заклинание животных в жертву богу, война между людьми считались непременным атрибутом, орудием мировой Гармонии. Когда эта мировая Гармония жизни нарушалась, то, как считали и ведические арии и башкорды, это ненормальное положение можно исправить, совершив надлежащий обряд жертвоприношения богу. Таким образом, древние башкорды полагали: убийство живого существа (животного или человека) во время жертвоприношений восстанавливает Мировую Гармонию.

Зафиксированный С.Руденко в начале 20 в. у башкордов рода Кара-Кыпсак обряд жертвоприношения петуха своими корнями восходит к культу фригийского божества Мена, которого часто изображали сидящим верхом на петухе.

Как пишет С. Руденко: «Весьма интересно практиковавшееся во многих местах Башкирии и сопровождавшееся жертвоприношениями переселение болезни в человеческое изображение. При одном из таких врачеваний, которое мне удалось наблюдать у башкир кара – кипчаков, лекарь сделал из тряпок двух кукол (осок), мужчину и женщину, и положил их в ведро. Туда же было положено немного хлеба и каши. Взяв затем живого петуха, лекарь поднёс его к больному, обвёл несколько раз вокруг него, дуя и с усилием изгоняя болезнь. Во время этой операции лекарь помогал юноша-помощник, так как одному ему трудно было справиться с болезнью. Петух тут же был зарезан и положен в ведро с куклами. Сев на заранее приготовленную лошадь, лекарь уехал километра за три, где и бросил ведро со всем

содержимым: петухом, куклами и болезнью. Домой он вернулся уже по другой дороге. Местами при подобном обряде резали гуся». (См. С.И.Руденко «Башкиры» М.1955 г. стр. 324-325)

В башкордском обряде петух, которого зарезали, являлся жертвой за больного человека, принесённой домашним богам, неправильно принятых С.И. Руденко за кукол-двойников. Сам башкордский обряд принесения человеком за своё выздоровление петуха в жертву богам имеет исконно индо-германское происхождение. Так, в Античной Греции каждый выздоравливающий приносил Асклепию, богу врачевания живого петуха.

Наиболее известный рассказ с упоминанием необходимости принесения в жертву петуха богу Асклепию принадлежит Платону, который в своём трактате «Федон» (117 – 118) описал кончину Сократа от яда, выпитого им, сока цикуты.

Сократ, по решению афинского суда, был приговорён к смертной казни путём испития яда цикуты за развращение молодёжи своими идеями. Сократ, в диалоге Платона, считает, что смерть для его души - есть выздоровление и освобождение от земных невзгод. В Афинах для казни осуждённых на смерть употреблялись семена растения цикуты, которые растирались и смешивались с вином. Наиболее ярким свидетельством быстро надвигающейся смерти от выпитого яда цикуты у человека являлось похолодание конечностей и окоченение голени и коленей.

Платон описывает кончину Сократа так: «- Понимаю,-сказал Сократ. – Но молиться богам и можно и нужно – о том, чтобы переселение из этого мира в иной было удачным. Об этом я и молю, и да будет так. Договорив эти слова, он поднёс чашу к губам и выпил до дна - спокойно и легко.(...) - «Сократ сперва ходил, потом сказал, что ноги тяжелеют, и лёг на спину: так велел тот человек. Когда Сократ лёг, он ощупал ему ступни и голени и спустя немного – ещё раз. Потом сильно стиснул ему ступню и спросил, чувствует ли он. Сократ отвечал, что нет. После этого он снова ощупал ему голени и, понемногу ведя руку вверх, показал нам, как тело стынет и коченеет. Наконец прикоснулся в последний раз и сказал, что когда холод подступит к сердцу, он отойдёт.

Холод добрался уже до живота, и тут Сократ раскрылся – он лежал, закутавшись, - и сказал (это были его последние слова): «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте».

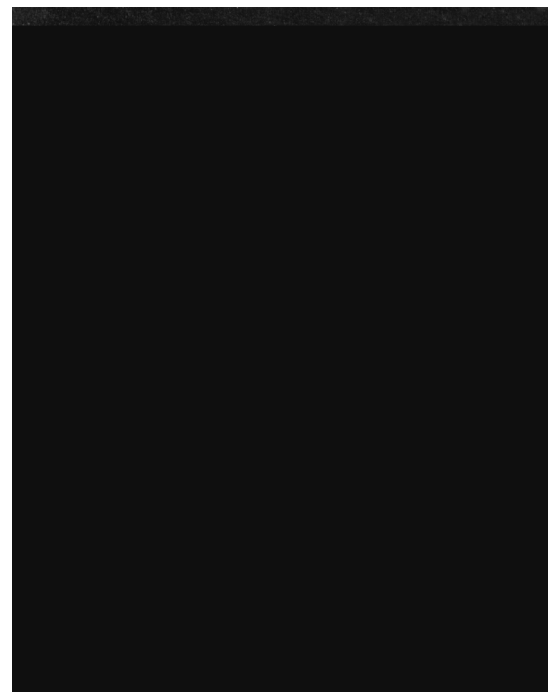
- Непременно, - отозвался Критон. – Не хочешь ли ещё что-нибудь сказать?

Но на этот вопрос ответа уже не было». (См. Платон «Федон» 117-118 с. М. 1970. ч. 2. стр. 93-94)

Сократ, как мудрый философ, понимал смерть человека как выздоровление от жизни и поэтому попросил своего старого друга и

земляка Критона принести за это петуха в жертву богу врачевания Асклепию.

Удивительно точное совпадение такого глубокого специфического феномена, как жертвенный обряд принесения божеству петуха за своё выздоровление, у древних башкордов и античных греков уже предполагает их генетическое родство, учитывая, что ахейские племена греков, как индо-германский этнос, были этнически весьма близки племенам ведических ариев – Куру, живших на Южном Урале (Аркаим). Вместе с этим, типологическое сходство жертвоприношения у башкордов и греков даёт возможность исследователю древнебашкордской, иранской эстетики применять известные методы, которыми учёные пользуются, изучая и описывая эстетику древних греков. Мы уже говорили, что в скифо-сарматскую эпоху фригийское божество Мена, упоминаемое под именем Миней в башкордском мифе «Конгур Буга», изображался в остроконечной (башкордской, курдской) шапке, восседающим верхом на петухе. Как писала М.М. Кобылина: «В Пантикапее (был) широко распространён образ Мена в виде ребёнка, сидящего на петухе, притом в одежде Аттиса.

Мен на петухе. I век н.э. Терракота. Пантикапей.

Мен был божеством одновременно и небесным, и хтоническим, содействовал плодородию земли и охранял могилы.(...) Самыми ранними статуэтками этого типа являются статуэтки Мена(...), найденные при раскопках мастерской короласта I в. до н.э. на горе Митридат в 1949 г.. Но большинство из них относятся к I в. н.э. и почти все происходят из Пантикапея: (...). К более позднему времени относится статуэтка Аттиса-Мена в Керченском музее (...). Он одет в кафтан и шаровары, на голове - фригийская шапка, за

плечами или месяц, или крылья! Сидит боком на петухе, держа в руке кисть винограда». (См. М.М.Кобылина, указ. соч. стр. 17-18)

Многочисленные гипсовые статуэтки бога Мена – Аттиса, найденные учёными при археологических раскопках в Северном Причерноморье на территории исторической Скифо-Сарматии, свидетельствуют о том, что предки башкордов – ираноязычные скифы и сарматы были прекрасно осведомлены как о религиозных обрядах, так и о музыкальных инструментах, распространённых в то время среди населения Малой Азии. Это же можно сказать относительно познаний скифо-сарматов о музыкальном искусстве Древней Греции, поскольку не только греки, но и сами скифо-сарматы вывозили для продажи в Элладе пшеницу со своей родины.

Сарматские цари Боспора во II в. до н.э. совершали длительные путешествия по Средиземному морю и, в частности, посещали древний Египет. Исторические источники сообщают, что Сарматский царь Перисад – властелин Боспора в III в. до н.э. поддерживал тесные связи с Египтом. Одним из документальных свидетельств этих связей является древнегреческий папирус, датированный 21, IX, 254 г. до н.э. из знаменитого архива Зенона, где говорится следующее: «Апомоний – Зенону привет. По прочтении сего письма, отправь в Птолемииду повозки и остальные перевозочные средства и вьючных мулов для присланных Перисадам послов ..., которых царь [сарматов] направил в Арсинойский Ном посмотреть достопримечательности».

К рассказу из этого древнегреческого источника о посещении сарматами в III в. до н.э. др. Египта следует дополнить, что предки башкордов ираноязычные Дахо-Массагеты и Саки служили в коннице в составе персидской армии и участвовали в завоевании Египта Камбизом II и походах Дария (522-486 г. до н.э.) на материковую Грецию. Саки – конники составили персидский гарнизон Мемфиса в Египте. На острове Элефантина по р. Нил ахеменидской администрацией управлял воин-хорезмиец, а другой его земляк правил Сестом на европейском берегу Дарданелл (См. В.М.Массон, В.И.Сарианиди «Каракумы: Заря цивилизации» М.1972 г. стр. 53-54)

Позднее, в результате завоевательных походов Александра Македонского, (Искандера Карная – рогатого) в 334-327 г.г. до н.э. персидская держава Ахеменидов, включавшая земли предков башкордов ираноязычных саков и массагетов рухнула. С самим Александром Македонским встречался и вёл переговоры царь Хорезмских массагетов Фарасман. С падением державы Ахеменидов, территория Средней Азии вошла в состав греческой империи Селевкидов. В 250 г. до н.э. от Селевкидской метрополии отделилось Греко-Бактрийское царство во главе с царём Диодотом. В 212 г. до н.э. на греко-бактрийский престол взошёл

энергичный царь Евтидем, войска которого в 208 г до н.э. сразились с войсками селевкидского царя Антиоха III Великого.

Евтидем предпринимал военные походы в Западную Сибирь, Алтай. Позднее Евтидем направил военный поход в Индию, который успешно продолжил его сын Деметрий. В результате этих походов возникло Греко-Индийское царство. В 167 г до н.э. Деметрий погиб от руки Евкратиды, ставшего новым царём Греко-Индийского царства. Находясь в Индии, Евкратид узнает о восстании против него собственного сына Гелиокла в Бактрии. По возвращении в Бактрию в 155 г. до н.э. царь Евкратид был убит Гелиоклом.

Как показывают археологические раскопки, классическое античное искусство греков получило чрезвычайное развитие на территории Греко-Бактрийского и Греко-Индийского царств. Греческие наместники Бактрии и княжеств Индии привозили с собой из Греции и греческих музыкантов, и певцов, игравших на национальных музыкальных инструментах и старались, чтобы произведения искусств выполнялись по греческим канонам. Греческая знать отмечала национальные греческие праздники и справляла свои религиозные обряды в городах Бактрии. Как показало изучение Айртамского фриза из древнего Термеза, греческие поселенцы справляли праздники Дионисию, в частности на плитах резьбой изваяны фигуры музыкантов с флейтой, барабаном, лютней, арфой. Бесспорным доказательством наличия у греческих поселенцев-Бактрианов в эпоху греко-Бактрийского культа малоазийского бога плодородия, служит изображение музыканта с двойной флейтой в руках, являющейся необходимым атрибутом спутников Диониса. Как показывает исторический анализ, предки башкордов - ираноязычные Скифо-Сарматы на западе от Урала и Сако-Массагеты с юга - были прекрасно знакомы с культом малоазийских богов Мена, Аттиса, Диониса, с греческой культурой и с таким музыкальным инструментом, как флейта. В частности, тростниковая флейта – Курай (рог) является национальным музыкальным инструментом башкордов Урала.

В свете этого следует считать глубокой иронией слова Анахарсиса у Плутарха о том, что у «скифов нет флейт», которые просто нужно читать с философским подтекстом, поскольку именно скифам греки приписывали любовь к пьянству. Плутарх жил уже в нашу эпоху (40г – 120г. н.э.) и поэтому, безусловно, само историческое время, когда жил скифский царь Анахарсис, причисленный позже к лику мифических мудрецов, являлось для биографа эпическим.

Как писал Плутарх в своём трактате «Пир семи мудрецов» (5): «...Тогда Ардал, оборотясь к Анахарсису, спросил его, а есть ли у скифов флейтистки?»

«У нас и виноград не растёт», - улыбнулся Анахарсис.

«А боги у скифов есть?» - не отставал Ардал.

«Конечно, есть,- ответил тот,- и они у нас даже человеческий язык понимают. Это ведь эллины, хотя и мнят себя речистей скифов, почему-то думают, что богам приятней звук костей и деревяшек».

Эзоп: «Посмотрел бы ты чужеземец, из чего у нас нынче флейты делают! Оленьи кости не берут, а берут ослиные и говорят: «От них звуку больше». Оттого и Клеобулина сочинила загадку о фригийской флейте: «Мёртвый осёл роговою ногой сокрушает мне ухо». Не диво ли, что осёл, самое грубое и бесчувственное животное, кости имеет самые тонкие и самые чуткие к музыке».

Нилоксен поддержал его: «Недаром и нас, навкратийцев, попрекают бусирийцы, что флейты мы делаем из ослиных костей; а у них грехом почитается даже слушать трубный звук, если он похож на ослиный рёв,- вы ведь знаете, что осёл в Египте – животное презренное, так как посвящён Тифону»[перевод с древне- греческого М.Л.Гаспарова] (См. Плутарх У. Циим – пресс. Киев-1996 г. стр. 181-182)

Во - первых, следует сразу обратить внимание на то, что речь в диалоге Ардала и Анахарсиса идёт не о флейте, а о том – есть ли у скифов женщины – флейтистки. Действительно у башкордов флейтистами – кураистами издревле являются мужчины, но никак не женщины. Во - вторых, у башкордов не сохранилось и нет ни одной легенды, ни одного предания, где бы фигурировал такой необычный персонаж как женщина – кураистка. Это тем более странно, поскольку из истории, а также по археологическим раскопкам известно, что у отдельных скифо-сарматских племён господствовал матриархат. В частности, Геродот («История» IV, 117) описывал матриархат у савроматов, которые по древнему мифу являлись потомками скифов «амазонок». То, что Плутарх в своём трактате говорил об отсутствии у скифов именно женщин – флейтисток, а не флейты вообще, видно из ответа Анахарсиса, который несмотря на всеобщее пристрастие скифов к вину, говорит Ардалу об отсутствии в Скифии – винограда. Винограда предостаточно росло и в Хорезме и вообще в Средней Азии, то есть в пределах самой Азиатской Скифии, на территорию которой вино поступало не только из древней Греции, но также и из Ирана, Кавказа, Индии.

Предки башкордов и курдов ведические племена ариев Куру уже во II-м тыс. до н.э., задолго до возникновения у греков государственности знали и изготавливали свой национальный алкогольно-галлюциногенный напиток – Сому (у иранцев Хома.)

Переводчик трактата Плутарха на русский язык М.Л. Гаспаров в примечаниях пишет: «...флейтистки нужны только для пьяных застолий. Скифам греки приписывали одновременно два противоположных качества – неприязнь к пьянству и любовь к чистому вину». (См. Плутарх, указ.соч. стр.181)

Однако, задолго до Плутарха (I в. н.э.) уже древнегреческий поэт Анакреонт (570-478 г.г. до н.э.) говорил о скифах в своих стихах

Греческая флейтистка. Барельеф. V в. до н.э.

буквально следующее: «Мы не скифы, не люблю, Други пьянствовать бесчинно (Ода LVII.) Ардал, которому скиф Анахарсис говорит о том, что в Скифии не растёт виноград, описан как профессиональный флейтист и жрец при храме Ардалийских Муз, что воздвиг Ардал Трезенский Старший. (Плутарх. Указ.соч. гл. 4. стр. 180)

Сам же Ардал Трезенский Старший почитался в античной Греции как изобретатель флейты.

Непосредственное отношение к флейте имеет и рассказ Геродота о гибели Анахарсиса. Как известно, во время шествий Диониса – Загрея сына Зевса – Критского, часть участников изображала из себя божественных куретов - служителей Реи (матери Зевса), которые создавали шум ударами копий (рьмб) о медные щиты – тимпаны (дэф), дабы тем самым заглушить крики рождающегося младенца. Самыми распространёнными музыкальными инструментами участников представлявших свиту Диониса – куретов были флейты – авлосы и тимпаны. Уже в очень древнюю эпоху культ богини Реи, матери Зевса, у древних греков слился с малоазийским культом богини Кибелы, Великой Матери богов, которую сопровождали безумствующие корибанты. Богиня Кибела почиталась матерью бога Аттиса, культ которого, как установили археологи, проник к скифо-сарматам в форме Мена-Аттиса, восседающего верхом на петухе. Бог Мена или Миней, как показывает башкординская мифология, был национальным, автохтонным божеством плодородия у предков башкордин ираноязычных скифо-сарматов. Петух, известный своей плодовитостью, почитался символом бога плодородия Мена. В свою очередь, малоазийский Аттис сам почитался божеством плодородия и поэтому, вполне закономерно, что на земле Сарматии сына Кибелы стали сразу отождествлять со своим национальным божеством Меном. Во время шествий на праздновании богини Кибелы и в Малой Азии, и в Греции песнопения участников сопровождалась игрой на специальном авлосе, именуемом – «Гинграс». Как писал софист Афиней (II – III вв.) из Навкратиды: «Финикийцы обычно использовали авлосы, называвшиеся «гинграс», длиной в пядь, с высоким печальным звуком. [Его] применяли в своих причитаниях и карийцы» (Афиней – IV, 174 в – 175,а см. Е.В. Герцман, указ.соч.) Карийцы представляли из себя индо-европейский народ, предположительно относящийся к хетто-лувийской языковой группе, обитавший на юго-западе Малой Азии. Как пишет Е.В. Герцман: «Их музыка всегда ассоциировалась с плачами и причитаниями. Понятие «карийский мелос» означало погребальное пение или инструментальную музыку аналогичного характера. В этом же смысле использует выражение «карийская муза» и Платон («Законы» 800 е). (См. Е.В. Герцман. Указ.соч. стр 65). Другим именем карийцев было – лелеги, которые также известны как древние, догреческие обитатели о. Крита.

Как писал Геродот (кн I, 171) Карийцы пришли на материк с островов. В глубокой древности они были подвластны Миносу, назывались лелегами и жили на островах. Впрочем лелеги, по преданию, насколько можно проникнуть в глубь веков, не платили Миносу никакой дани. Они обязаны были только поставлять по требованию гребцов для его кораблей». Приблизительно то же самое говорит о карийцах – лелегах и Фукидид (История кн I, глава IV): «Прежние жители Киклад, карийцы, были изгнаны Миносом, а на их место посажены критяне, управлявшие сыновьями Миноса».

Вполне допустимо отождествлять древних карийцев – лелегов с курдами – леками, во всяком случае это не нарушает этимологию.

Известно, что карийцы пришли в Малую Азию с Крита, где по мифам древних греков богине Рее, матери Зевса, прислуживали – куреты, которые были отождествлены с корибантами - слугами богини Кибелы. По всей видимости именно сходство, а возможно и единый ареальный источник возникновения музыкальных инструментов – авлоса и тимпана у малоазийских корибантов и критских куретов, сыграл главную роль в полном отождествлении жрецов двух богинь.

Вполне возможно, что и само имя – Корибант происходит от курдского – кер «нож» и – бэндэ «человек, существо»; что должно означать – «человек, несущий нож», поскольку во время праздничных шествий весной, посвящённых богине Кибеле жрецы – корибанты, доведённые музыкой до религиозного экстаза, резали себе ножом вены на руках и обливали своей кровью жертвенный алтарь.

Этот удивительный обычай уже в сильно изменённом мусульманско-дервишеском виде сохранялся у курдов ещё в сер. 19 века. В связи с культом богини Матери у древних народов Малой Азии, в тот исторический период, когда там уже обитали предки курдов – митаннийские арии Куру, следует особо указать на то, что – почтение и уважение к женщине и особенно к матерям является хрестоматийно – отличительной национальной чертой курдского народа. Мелла Махмуд Баязиди писал о курдах: «У них не принято, чтобы женщины убегали от мужчин. Женщины и девушки ни от кого не убегают; они совершенно свободны, так же, как и европейские [женщины],...» (15 б), и далее, - (29,б) «Ревность и подозрение [в прелюбодеянии] у курдов отсутствуют. Молодые женщины разговаривают, шутят и общаются с посторонними мужчинами – их ни в чём не подозревают», - (34,б) «Женщины у курдов пользуются свободой; они (курды) никогда не поднимают на женщину руку, никогда не враждуют с ними и исполняют все их желания. Если женщина заступится за кровника, то его простят». (См. Мелла Махмуд Баязиди, указ.соч. стр 15, 20-21)

Как писал, касаясь этого вопроса О.Вильчевский: «...хотя с течением веков патриархальные отношения и получили распространение в

Курдистане, выдвинув в семье и обществе на первое место мужчину, тем не менее, сильные и прочные реминисценции матриархата продолжают бытовать в курдской среде и по сей день. Значительно более независимое положение женщины, вообще уважение к ней, её в ряде случаев непререкаемый авторитет, являются одной из характерных черт, отличающих курдов от подавляющего большинства соседних народов Малой Азии и Ирана. Курдянка, не носящая чадры не только на кочёвке или в сельских условиях, но и в городе, представляет собой вопиющее нарушение общепринятых норм не только с точки зрения ортодоксального ислама, завершившего превращение женщины в рабу, но и с точки зрения ассирийского права, начавшего это закабаление; согласно этим нормам, единственное отличие «свободной женщины» от рабыни или проститутки состояло в том, что этим двум категориям женщин запрещалось носить покрывало, обязательный признак «свободной женщины Древнего Востока»

(См. О. Вильчевский «Курды» М 1961 г. стр.40)

Эти реминисценции Матриархата, засвидетельствованные у курдов многими учёными – этнографами, обязательно должны усиливаться и возрастать, как впрочем и у всех народов Малой Азии (кроме турков) по направлению к древности. Нет никаких сомнений в том, что уж если греки, а затем и римляне, начиная с 204 г. до н.э. стали поклоняться и вводить у себя культ малоазийской богини – матери, то тем более культ Кибелы был распространён и среди курдов как и у всех других народов Передней Азии.

Аполлон у Гипербореев гор Рифейских.

Культ малоазийской богини – матери имеет прямое отношение к предкам башкордов ираноязычным скифо-сарматам. Как рассказывает Геродот («История» IV,76): «Скифы, как и другие народы, также упорно избегают чужеземных обычаев, притом они сторонятся не только обычаев прочих народов, но особенно эллинских. Это ясно показала судьба Анахарсиса и потом Скила. Анахарсис повидал много стран и выказал там свою великую мудрость. На обратном пути в скифские пределы ему пришлось, плывя через Геллеспонт, пристать к Кизику. Кизикенцы в это время как раз торжественно справляли праздник Матери Богов. Анахарсис дал богине такой обет: если он возвратится домой здоровым и невредимым, то принесёт ей в жертву по обряду, какой он видел у кизикенцев, и учредит в её честь всеночное празднество. Вернувшись в Скифию, Анахарсис тайно отправился в так называемую Гилею (эта местность лежит у Ахиллесова ристалища и вся покрыта густым лесом разной породы деревьев) – [Гилея – область

Скифии, в устье совр. Днестра; Ахиллесово ристалище – совр. острова Тендра и Джарылгач в устье Днепра].

Так вот, Анахарсис отправился туда и совершил полностью обряд празднества, как ему пришлось видеть в Кизике. При этом Анахарсис навесил на себя маленькие изображения богини и бил в тимпаны. Какой-то скиф подглядел за совершением этих обрядов и донёс царю Савлию. Царь сам прибыл на место и, как только увидел, что Анахарсис справляет этот праздник, убил его стрелой из лука. И поныне ещё скифы на вопрос об Анахарсисе отвечают, что не знают его, и это потому, что он побывал в Элладе и перенял чужеземные обычаи. Анахарсис, как я узнал от Тимна, опекуна Ариатифа, был дядей по отцу скифского царя Иданфирса, сыном Гнура, внуком Лика и правнуком Спаргапифа. Если Анахарсис действительно происходил из этого царского дома, то да будет известно, что умертвил его родной брат. Ведь Иданфирс был сыном Савлия, а Савлий и был убийцей Анахарсиса».

«Эстетическое значение рассказа Геродота для характеристики музыкального творчества древних башкордов».

Геродот (490 – 425 г.г. до н.э.) жил в одно историческое время с такими известными драматургами как Эсхил, Софокл, Эврипид, то есть тогда, когда в древнегреческом искусстве путём выделения актёров из безликого дионисийского хора происходило становление трагедии как драматического действия. Этому в немалой степени способствовал и культ богини – матери Кибелы, проникшей в Грецию из Малой Азии и о. Крита. В немалой степени отождествлению культа Кибелы матери Аттиса с культом греческой богини Реи матери Зевса способствовали жрецы двух богинь куреты и корибанты, которые во время исполнения сакральных обрядов вызывали у зрителей близкие друг другу музыкальные ассоциации. И жрецы Реи – куреты и жрецы Кибелы – корибанты во время шествий и ритуальных плясок вокруг алтаря своими неистовыми ударами по тимпанам и игрой на флейтах – авлосах создавали невообразимый шум, стремясь заглушить крики мниморождающегося божества-младенца. Вся эта какофония была чужда музыкальному мышлению древних башкордов, как это и подтверждает рассказ Геродота о скифе Анахарсисе.

Для национальной музыки башкордов Урала свойственно начальное минорное звучание, что отмечали многие музыканты – искусствоведы. Вот что писала например о характере башкордской музыки Татьяна Львовна Толстая (в замужестве Сухотина) старшая дочь писателя Льва Толстого о посещении Башкордистана в 1873 году в своих «Воспоминаниях»: «Странно звучала для нашего европейского уха

восточная музыка, мелодии всегда бывали заунывные, в минорном тоне, с более тонкими интервалами, чем гамма, к которой мы привыкли. Под эту заунывную музыку, исполненную на дудках, на зурнах и на других странных инструментах, башкирцы медленно, плавно плясали...». (См. Т.Л.Сухотина-Голстая «Воспоминания» М 1976 г. гл 18)

Даже для древних греков Уральские (Рифейские) горы, где жили предки башкордов-гиперборей, были связаны с иной музыкальной традицией, которая противопоставлялась дионисийскому экстазу. Античные греки приписывали рифейским гиперборейцам любовь к музыке светлого Аполлона, который периодически к ним возвращается, прилетая на лебедях, каждый год. На протяжении всей долгой истории античной Греции и эллинистического Рима существовали два древних мифа, повествующих о связи предводителя муз бога Аполлона со страной гипербореев, располагавшейся возле Рифейских (Уральских) гор.

Первый миф о периодическом возвращении в страну гипербореев излагает Гимерий (Ог. XIV, 10): «...Когда родился Аполлон, Зевс, украсивши его золотой миртой и лирой, дал ему, кроме этого, возможность следовать на колеснице, которую влекли лебеди и послал его в Дельфы к Кастальскому ключу, чтобы оттуда он прорицал правду и правосудие всем эллинам. Аполлон же, взойдя на колесницу, пустил лебедей лететь к гиперборейцам. Но в Дельфах, когда узнали об этом, сочинили пеан и песнь и, ставши вокруг треножника, закружились в хороводе и призывали бога прийти к ним от гиперборейцев. Он, однако, целый год был там, прорицал, а когда нашёл это удобным, то решил, что пора зазвучать дельфийским треножникам. Тотчас приказал лебедям лететь из страны гиперборейцев».

(См. А.Ф.Лосев Античная мифология. Стр. 407-408)

Если следовать этому античному мифу, то получается, что Аполлон, родившись, первоначально улетел на лебедях к Уральским-Рифейским горам и только через год прилетел на остров Делос, где основал своё святилище – Дельфы, просуществовавшее вплоть до IV века нашей эры и, закрытое эдиктом императора, в связи с признанием христианства государственной религией Римской империи.

Павсаний, учёный II века из Магнесии (Малая Азия), рассказывает (X,5,7), что даже само дельфийское святилище Аполлона было основано гиперборейцами.

Сами греки никогда не сомневались в реальном существовании рифейских гипербореев. Тот же Павсаний (I,31,2) писал: «В Прасиях есть храм Аполлона. Рассказывается, что сюда приносятся жертвенные начатки от гиперборейцев, что гиперборейцы передают их аримаспам, аримаспы иседонам, от этих последних скифы доставляют их в Синоп, а затем через земли эллинов они доставляются в Прасии, а затем уже

афиняне везут их в Делос. Так как эти начатки завернуты в пшеничную солому, то никто не знает, что они представляют».

Сомневаться в реальном существовании в древности самостоятельного этноса Гипербореев, живших возле Уральских-Рифейских гор невозможно, поскольку из перечисленных четырёх народов: гипербореев, аримаспов, исседонов, скифов уже скифы, как самостоятельный ираноязычный народ были прекрасно известны грекам. В частности, древние греки на протяжении столетий покупали у скифов и вывозили по Чёрному морю в материковую Грецию пшеницу, без которой они уже не могли прокормиться в своей гористой и островной стране

За 6 веков до Павсания Геродот в 4 веке упоминает в своей «Истории» (кн. IV,26-27) все эти скифские народы, причём, описывая их национальные верования и обычаи.

Этноним «исседоны» по всей видимости произошёл от уральского гидронима – Исеть (река на Южном Урале) и общеиранского – дон «вода», сравните – Днепр – Данаприс (др.иранск.). Не приходится сомневаться в том, что этноним «исседоны» является иранского происхождения, поскольку именно на Южном Урале в эпоху Геродота обитали ираноязычные племена массагетов.

Другой этноним «аримаспы» этимологически соответствует как древнеиранскому самоназванию - арий «хороший», «благородный», так и этнониму башкордского рода «аримес» в составе башкордского племени – Гайна, проживающего на северо-западе Башкордистана. В древности, в эпоху Геродота на Южном Урале жили кочевые ирано-курдские племена, называвшие себя – Арийязантум «племена ариев», «племена благородных». В последствии ко II в. до н.э. из среды – арийязантум выделилось курдское племя Аланы, которые передали свой этноним всем ираноязычным племенам Южного Урала, Северного Причерноморья и Северного Кавказа.

В башкордском языке, как и в древнеиранском слово – ару означает «хороший», «благородный». Сам античный этноним «гиперборей» безусловно имеет индо-иранское происхождение. По традиции гиперборейцы с Рифейских (Уральских) гор шли через всю Скифию в Дельфы в храм Аполлона, неся жертвенные дары, завернутые в солому. В индо-арийском языке «жертвенная солома» называлась Барсом, что и является в конечном итоге-этимомом названия гиперборей.

В эпоху Риг-Вед ведические арии Куру проживали на Южном Урале (Аркаим-Синташта). Как пишет Т.Я.Елизаренкова: «Жречество в период РВ было уже весьма разветвлённым (...). Алтарь (vedi) сооружался на открытом возвышенном месте. Расстилали жертвенную солому (barhis), куда должны были сесть боги и разжигали поленьями жертвенный

костёр. Жертву кидали или выливали в огонь жертвенного костра – считалось, что бог Агни передаёт её своим пламенем богам». (См. Риг-Веда, Мандалы I-IV) М. 1989 г. стр.453

Ведийско-арийское барсом точно соответствует древнеиранскому, авестийскому слову – барсом с тем же значением «соломенная подстилка». В свою очередь ведийско-авестийское слово-барсом совпадает с авестийским словом – Берсизава (среднеперс. –Берези), означающее – Огонь Солнца, полыхающий в небе перед лицом самого бога Ахура-Мазды.

Феб «солнечный», «сияющий» являлось культовым именем древнегреческого бога Аполлона. В связи с этим соответствием, необходимо привести один интересный исторический эпизод, связанный с иранской ориентацией культа Аполлона. По сообщению Геродота, потомки Бранха, жреческий род Бранхидов, обслуживавшие храм Аполлона в Дидимах около Милета в Малой Азии, поддерживали персов.

Бранхиды, как и Брахманы возжигали и поддерживали священный огонь Аполлона, горящий в его храме. По мифу древних греков именно гипербореи Рифейских (Уральских) гор несли в дар Аполлону в Дельфы священные дары, завёрнутые в «жертвенную солому», называемую – Барсом у древних ведических ариев и иранцев. Один из трёх самых священных огней в зороастризме – огонь земледельцев, назывался древнеиранским именем Борзен - Михрбан. Труд земледельцев – хлебопашцев всегда связан с соломой- барсом (древнеиранск.) при уборке урожая зерновых. По зороастрийской традиции священный огонь Борзен-Михрбан был перенесён в Иран и установлен на горе Реванд в Мидии в эпоху переселения индо-иранских племён с севера на юг со своей прежней родины в Арьянам Вэджа. У курдов Месопотамии, являющихся прямыми потомками мидийцев-поклонников Заратуштры одно из родоплеменных объединений, проживающих возле Ревандуза, носит древнее авестийское имя- Барзан. У курдов Месопотамии огонь домашнего очага почитается священным.

У башкордов Урала один из родов носит авестийское имя Борзян, что является одним из важнейших доказательств их древнего родства с курдами Месопотамии. С другой стороны, наличие родоплеменной группы башкордов, носящей этноним – борзян, вместе с обнаруженным археологами городищем ведических ариев – Аркаимом, полностью подтверждает тот исторический факт, что переселение индо – ариев в Северную Индию и Иран во II-м тыс. до н.э. началось и происходило именно с территории Южного Урала – Арьянам Вэджа.

По мифам древних иранцев- зороастрийцев, на их древней северной прародине, в Арьянам-Вэджа, располагалась горная вершина Хара Березаити, которая, собственно чисто географически соответствует

горному Бурзянскому району на Уральских горах в Башкордистане, где и живут башкорды рода Борзян. На всём протяжении от Южного Урала до Ирана нет ни одной горной вершины, носящей древне-иранский топоним Борзян и, более того, сами башкорды называют южную часть Уральских гор – Ирандек «Иранской возвышенностью».

Исторически позднее на месте этих мифических гипербореев появляются башкорды-бурджане, которые по ранним средневековым персоязычным и арабоязычным источникам вели беспрестанные войны с Византийской империей и войсками сасанидских шахов Ирана. В частности историк Ибн-Асир сообщает о войне бурджан с сасанидским Ираном в эпоху правления там шахиншаха Ануширвана.

В целом с точки зрения исторической науки нет никаких сомнений в том, что башкорды-борзяне есть бурджане средневековых иранских и арабоязычных племенных источников. В раннем средневековье, как и в более древнюю эпоху эти башкорды-борзяне, как и курды - борзяне были зороастрийцами и их жрецы-багнапаты постоянно держали пучки тамарисковых ветвей-барсома в своих руках, во время совершения религиозных обрядов перед священным огнём-Борзен Михрбаном. В ещё более древние периоды индо – германской истории, когда ведические арии-Куру обитали на Урале, их жрецы-брахманы раскладывали на алтаре – vedi жертвенную солому – барсом, которую поджигали и вызывали тем самым пламя, почитаемое богом огня – Агни. В курдском и башкордском языке слово – Апо означает «дядя» (брат отца), тогда как слово – ал «алый – красный». В курдском языке слово – алав «пламя», а – алави «пламенный». Вполне возможно, что словосочетание Апо-ал, или Апо – алав «дядюшка – пламя» было родовым огнём ираноязычных курдов Алан, которые по словам Аммиана Марцелина («История» XXXI, 2, 12), «есть прежние массагеты», а те, в свою очередь, по словам Страбона: «...богом они почитают одно только солнце, и ему в жертву приносят коней». (IX, VII, 6) Коней в жертву богам огня и Солнца приносили ведические арии Куру, которые обитали на Южном Урале в эпоху Аркаима-Синташты(II тыс. до н.э.), то есть в тот исторический период, когда ахейские греки ещё не вторглись на юг материковой Греции, а обитали на Севере Балканского полуострова и имели многочисленные культурные связи и контакты с индо-иранским миром. По видимости, древнее индо-иранское имя Аполлон является синонимом бога огня Агни, которому действительно поклонялись митаннийские арии-Куру, пришедшие во II тыс. до н.э. с Южного Урала в Переднюю Азию, почти в одно и то же историческое время, когда ахейские греки, придя с севера, завоевали юг материковой Греции и основали своё знаменитое Микенское царство. Уже в эту древнюю эпоху ахейские греки, судя по «Илиаде» Гомера, почитали Феба-Аполлона своим национальным божеством. Здесь древнегреческое слово – Феб

«лучезарный», являющееся эпитетом Аполлона, полностью соответствует санскритскому слову – Кеши «лучезарный - солнечный», являвшегося эпитетом бога Кришны аватары Вишну.

То, что Аполлон в «Илиаде» помогает троянцам, объясняется тем, что сами троянцы были индо-германским племенем, почитавшим тех же самых индо-германских богов, и имевших, судя по поэме Гомера, одни и те же ведийско-арийские схемы захоронения: путём сожжения героя на погребальном костре.

Геродот (кн. IV, 59) пишет, что у скифов бог Гойтосир соответствует греческому богу Аполлону. Интересно, что Геродот, упоминая о наличии культа Аполлона-Гойтосира у скифов, совсем не упоминает про бога Диониса. Геродот (кн. IV, 35) пишет: «...Как передают, Арга и Опис прибыли из гиперборейской страны вместе с самими божествами (Аполлоном и Артемидой), и делосцы им также воздают почести. В честь их делосские женщины собирают дары. В гимне, сочинённом ликийцем Оленом, женщины призывают их поимённо. От делосцев переняли этот обычай жители других островов и ионяне: они также поют гимн, призывая Опис и Аргу, и собирают им священные дары. Этот Олен пришёл на Делос из Ликии и сочинил также и другие древние гимны, которые поются на Делосе. Пепел от бёдер жертвенных животных, сожжённых на алтаре, они рассыпают на могиле Опис и Арги. Могила же их находится за святилищем Артемиды на восточной стороне, в непосредственной близости от зала для пиров кеосцев».

Из этого текста мы узнаём, что по верованиям делосцев сестра Аполлона богиня Артемида также пришла в Дельфы из страны гипербореев, находившейся возле Рифейских (Уральских) гор. Поскольку на Урале в эпоху Геродота жили древнеиранские племена, то нет никаких сомнений, что богиня справедливого суда Артемида у древних греков точно соответствует божеству справедливости Арте - Вахити у древних иранцев. Считалось, что богиня Артемида строго следит за исполнением издавна установленных обычаев, упорядочивающих животный и растительный мир и в этом отношении её метафизический образ соответствует ведийско – арийскому космическому, предустановленному Закону жизни – РТА, Рита – Арта. Действительно. и ведические арии, и иранцы высоко чтит божество справедливой судьбы РТА – АРТУ. У иранцев – зороастрийцев в «АВЕСТЕ» семнадцатый яшт посвящён восхвалению богини Арти (Аши). Этимологически древнеперсидское Арта, ведийское РиТа точно соответствует авестийскому Аши.

«Ард Яшт»

1. Мы чтим благу Аши [Арту]
Великую владычицу,
Прекрасную, преславную,
Могучую и сильную,
Дающую здоровье,
Дающую добро.
2. Мы чтим благу Аши – [Арти],
Как дочь Ахура-Мазды,
Сестру Святых Бессмертных,
Что мудростью Спасителей
К спасенью продвигает. (...)
3. **[О почитании Арти жертвенной соломой - барсом]**
... Мы чтим благу Аши [Арти]
И хаомой молочной,
И прутьями барсмана
Искусными речами, (...)

[О награде мужей жёнами и женщин мужьями тех, кто почитает божественную Арту – Аши]

6. О прекрасная Аши, [Арта]
О лучезарная Аши, - [Арта]
Лучащая людям блаженство,
Дающая добрую славу,
Тем, кому следуешь ты
7. Ты тем мужам даруешь
Богатые владенья,
Где пища изобильна,
Разостланы постели,...
10. Возлюбленные жёны
У них сидят на ложах
Разумных подушками,
Красуясь позолотой
Искусных украшений,
Браслетов, ожерелий,
В серьгах четырёхгранных
Друг другу говоря:
«Когда придёт хозяин,
Когда мы вкусим радость
Любви любимых тел?» - (...)

11. У них сидят девицы,
Украшены браслетами
Перепоясан стан,
Прекрасны, длиннопалы
И так красивы телом
Что сладостно смотреть,- (...).

[перевод И.М.Стеблин – Каменского]

Авестийский яшт богине справедливости Арте был создан в ту далёкую эпоху, когда древние иранцы-зороастрийцы обитали ещё на Южном Урале в «Арьянам Вэджа», что подтверждают строки из гимна, где говорится о том, как сам пророк Заратуштра возносил молитвы Арте, проживая ещё на своей исторической северной прародине.

«Ард – яшт» VIII.

44. Мы чтим благу Аши [Арти]
45. Когда молился Аши [Арти]
Спитама Заратуштра
На Арианам – Вайджа
У Датии благой
(Там почитал он Аши [Арти]
И хаомой молочной
И прутьями барсмана ...).

Арианам – Вэджа - это Ирандек на Южном Урале, а река Датия это современная река Яик – Даик (Урал) у башкордов. Более того, там же в «Ард-Яште» перечислены древние иранские цари – Парадата, которые жили в Арьянам – Вэджа задолго до эпохи пророка Заратуштры, и уже поклонялись богине справедливости Арте возле священной горы Хара – Березаити (Борзян на Ирандеке).

«Ард – яшт»

III

24. Когда молился Аши [Арте],
Хаошьянха Парадата
Под Харю [Березаити] высокой...

IV

28. Когда молился Аши,
Великолепный Йима [создатель Аркаима],
Владелец добрых стад,
На высоте Хукарья [высочайшая на хребте
Хара Березаити]

V

33. Когда молился Аши [Арте],
Наследник рода Атвьи,
Трайтаона [Фаридун] могучий
В четырёхугольной Варне. [Аркаим]

У древних иранцев поклонение и религиозные службы богине Арте с возжиганием священных прутьев и жертвенной соломы – Барсом продолжалось на Южном Урале очень долгое время, поскольку в гимнах говорится о том, что сам царь Виштаспа, принявший новую веру от самого пророка Заратуштры, почитал богиню Арту возле реки Яик – Урал.

IX

49. Когда молился Аши
Виштаспа многомудрый
У Датии реки.

Именно царь Виштаспа принялся энергично распространять новую религию пророка Заратуштры по всей территории, где в древности обитали иранцы и, именно царь Виштаспа установил храм огня Борзен Михрбан на горе Реванд в Мидии (Курдистане).

Поклонение башкордов Урала ещё в сер. 17 века могилам древних иранских царей – Парадата (Первозаконников), живших в Арьянам – Вэджа задолго до Заратуштры, отметил османский путешественник Эвля Челеби, посетивший Башкордистан – Хешдехштан в 1666 – 1667 годах. В частности Эвля Челеби сам посетил могилы Хаошьянха Парадаты, (первый из династии иранских царей, из династии Пишдадидов), затем могилу Тахмуреса сына Хаошьянха [Хушенга] (второй царь из династии Пишдадидов), братом которого был Йима - основатель Аркаима; затем могилу Трайтаоны и его сына Манушчехра. Эвля Челеби называет башкордов древним иранским именем Хешдеки (Хеш – дек), которым, кстати башкордов Урала называют казахи и татары. Сам тот факт, что башкорды ещё в 17 веке продолжали поклоняться древнеиранским царям – Парадата, о которых тюрко-татарские народы ничего не знают, говорит о древнеиранском происхождении башкордского народа. Удивительно точно свидетельство Эвля Челеби подтверждают текст «Ард – яшт» в «АВЕСТЕ» о том, что древнеиранские цари Первозаконники – Парадата: Хаошьянга, Тахмурес, Трайтаона жили и погребены на своей древней прародине в Арианам Вэджа «Арийском просторе», на севере от Ирана, на Южном Урале.

Возвращаясь к теме нашего исследования, надо указать на одно важное зеркально – идентичное совпадение культа богини Артемиды - сестры солнечного бога Аполлона у древних греков, с культом иранской

богини Арты (Аши) - сестры солнечного бога Митры. Неоднократно в «Ард – Яште» говорится, что богиню Арту – (Аши) зороастрийские жрецы – багнапаты почитают – барсомом, что в древности у ведических ариев означало «жертвенную солому». Геродот (кн. IV 33-35) пишет: «Гораздо больше о гиперборейях рассказывают делосцы. По их словам, гиперборейцы посылают скифам жертвенные дары, завёрнутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передаёт их всё дальше и дальше вплоть до Адриатического моря». [...] - «В первый раз, говорят делосцы, гиперборейцы послали с дарами двух девушек, по имени Гипероха и Лаодика. Вместе с ними были отправлены провожатыми для безопасности девушек пять гиперборейских горожан. Это те, кого теперь называют перферейями и весьма почитают на Делосе. Однако, когда посланцы не вернулись на родину, гиперборейцы испугались, что посланцев всякий раз может постигнуть несчастье и они не возвратятся домой. Поэтому они стали приносить священные дары, завёрнутые в пшеничную солому, на границу своих владений и передавать соседям с просьбой отослать их другим народам. И вот таким образом, как передают, дары отправлялись и наконец прибывали в Делос. Мне самому известно, что и в других местах происходит нечто подобное со священными дарами. Так, фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях Артемиде – Царице всегда приносят священные дары завёрнутыми в пшеничную солому».

34. И я точно знаю, что они так поступают. В честь этих гиперборейских девушек, скончавшихся на Делосе, девушки и юноши там стригут себе волосы. Так девушки перед свадьбой отрезают локон волос, обвивают им веретено и затем возлагают на могилу гиперборейцев (могила эта находится в святилище Артемиды при входе с левой стороны; у могилы стоит маслина). Юноши же наматывают свои волосы на зелёную ветку и также возлагают на могилу, Такие почести жители Делоса воздают этим гиперборейским девушкам.

35. По рассказам делосцев, ещё раньше Лаодики и Гиперохи из страны гиперборейцев мимо тех же народов прибыли на Делос две молодые женщины – Арга и Опис. Они несли Илифии священные дары, обещанные за быстрые и лёгкие роды.

У древних греков богиня Артемида, как и богиня Илифия (Эйлитюя) почиталась богиней рождения. В свою очередь, древние иранцы почитали Арту (Аши) как богиню деторождения и плодородия уже в ту эпоху, когда во II тыс. до н.э. обитали ещё на Южном Урале. Об этом в «АВЕСТЕ» говорят следующие строки гимнов:

«Ард – Яшт»

X

53. Мы чтим благу Аши [Арту]
 54. Вот так сказала Аши:
 Благая: «Не приму я
 Тех возлияний, что мне
 Приносятся мужчиной
 Не плодием больным,
 Ни женщиной бесплодной
 Ни отроком не зрелым,
 Ни девушкою юной
 Не знавшую мужей.
 59. Затем благая Аши [Арта]
 Пожаловалась, плача:
 «Ужасные поступки
 Те люди совершают,
 Что девушек уводят
 И возвращают поздно
 Бездетными назад
 Что мне поделывать с ними, ...

(перевод И.М.Стеблин-Каменского).

Указание Геродота на то, что фракийские и пеонийские женщины при жертвоприношениях Артемиде – Царице всегда приносят священные дары завёрнутыми в пшеничную солому, точно соответствуют древнеиранскому обычаю почитать богиню деторождения Арту барсомом «жертвенной соломой» (Риг – Веды).

60. Ахура – Мазда молвил:
 «О Аши [Арта] богоданная, ...
 61. Тебя почту я жертвой,
 Тебе свершу молитву
 Так как тебе молился
 Виштаспа многомудрый
 У Датии реки [река Яик на Ирандеке
 Возле Аркаима на Южном
 Урале]
 Жрец громко скажет речи,
 Держа барсмана прутья,...

(перевод И.А. Стеблин –

Каменского)

Само превращение барсома из «жертвенной соломой» у ведических ариев в «священные прутья» у зороастрийцев показывает нам насколько долго древние индо – иранские племена ведических ариев Куру обитали

на Южном Урале. Следуя древним ведийско – арийским обычаям, следует понимать под «священными дарами» гипербореев саму жертвенную солому – барсом. Как известно древние скифские индо – иранские племена обитали, в эпоху Геродота на всём протяжении от Южного Урала (Рифейские горы) до Фракии на западе. Так, Геродот (кн.V, 9) писал об иранском народе – сигиннах, которые проживали на севере Балканского полуострова, следующее: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по – видимому, необитаемы и беспредельны. Впрочем, об одной только народности за Истром я могу получить сведения: эта народность – сигинны. Одеваются они в мидийскую одежду. Кони у сигиннов, как говорят, покрыты по всему телу косматой шерстью в 5 пальцев длины. [Кони эти] маленькие, низкорослые и слишком слабосильные, чтобы возить на себе человека. Запряжённые же в повозку, они бегут очень резво. Поэтому люди в этой стране ездят на колесницах. Пределы земли сигиннов простираются почти до [области] этетов на Адриатическом море. Они считают себя [потомками] мидийских переселенцев. А как они попали туда из Мидии, я не могу объяснить».

(перевод Г.А. Стратановского)

Из рассказа Геродота видно, что за Дунаем (Истром) жили иранцы – сигинны близкие родичи мидийцев. В древней Мидии священным огнём зороастрийцев почитался огонь Борзен – Михрбан, по преданиям перенесённый сюда царём Виштаспой с северной прародины иранцев Арианам Ваэджа, располагавшейся возле реки Датии. Вполне возможно, что и для поддержания священного огня Борзен – Михрбан мидийцы – курды использовали не любую солому, а только ту, которую заготавливали и привозили со своей древней прародины Арьянам Ваэджа, на Южном Урале. Нет никаких сомнений, что так поступали, когда священный огонь Борзен – Михрбан был перенесён первоначально с Южного Урала относительно на близкое расстояние в Хорезм в эпоху расселения индо – иранских племён с севера на юг. Огонь Борзен – Михрбан почитался у зороастрийцев огнём земледельцев и, следовательно, возжигать солому, собранную во время жатвы урожая пшеницы осенью, было у древних иранцев необходимым священным ритуалом. Как возжигают и воскуривают ладан, доставляемый с Ближнего Востока в православных христианских церквях Руси, так и древние индо – иранцы во время богослужений возжигали священную солому – барсом, доставляемую им с их прежней родины Арианам Ваэджа на Южном Урале.

Ираноязычные сигинны Фракии, как непосредственные родичи курдов – мидийцев, даже одевающихся, по словам Геродота, в «мидийские одежды», безусловно почитали свой древний национальный священный религиозный огонь Борзен – Михрбан, для которого

гиперборей доставляли с Рифейских (Уральских) гор жертвенную солому – Барсом.

Сигинны Фракии, упоминаемые Геродотом, имеют непосредственное отношение к башкордам – борзянам Урала, с которыми, как подтверждают все античные авторы, поддерживали тесные культурно-религиозные связи, поскольку, даже после того, как гунны – венгры в V веке завоевали всю Фракию, часть венгров, потомков ираноязычных сигиннов, до настоящего времени называют себя башкордами и считают, что их предки пришли с Южного Урала. Интересным будет указать на то, что по мнению исследователей (В.В.Топоров) именно из восточноиранской среды было заимствовано имя мансийского солнечного божества Мир – сусне – хума, которое есть калька имени иранского божества солнца – Митры.

Наше исследование и обзор античных источников в сопоставлении с литературным памятником древних иранцев – зороастрийцев «АВЕСТОЙ», позволяют нам считать гипербореев Геродота ираноязычными предками современных башкордов Урала. Древние ираноязычные обитатели Южного Урала Дахо – Массагеты, а затем и аланы (арианазантум) действительно поклонялись Солнцу и солнечному свету. Бог солнца назывался у древних иранцев – Митра, сестрой которого по «АВЕСТЕ» являлась богиня Арти. Именно этого солнечного бога Митру (Михрбан – башк.) древних иранцев – гипербореев Урала (Рифейских гор) античные греки отождествляли со своим солнечным богом Аполлоном, тогда как его мифическую сестру – богиню Артемиду – считали идентичной гиперборейской богине Арте (Аши).

Переселение индо – иранских племён к западу от Урала в зороастрийской мифологии связано с эпохой Траэаоны (Фаридуна), который по «Ард – яшту» в «Авесте» молился у реки Датии (Яик) в Арианам Ваэджа. Три сына Фаридуна получили в наследство различные земли Ирана. Аирик получил Иран, – находящийся в середине, Тур, родоначальник ираноязычных туров, – восточные земли, а Салму – родоначальнику сарматов достались все западные земли. И действительно, все античные географы указывают на то, что земли ираноязычных сарматов простирались на западе вплоть до Истра (Дуная).

С сарматами Фракии воевали из-за Дакии различные римские императоры – Веспасиан (9 г. –79 г.), Домициан (51 – 96 г.г.), Адриан (76 – 138 г.г.), Марк Аврелий (121 – 180 г.г.). В 274 г. римский император АВРЕЛИАН (215 – 275 г.г.) уступил сарматам Дакию.

Здесь необходимо указать на такой важный исторический факт, что вплоть до окончания эпохи средневековья, многие латинские источники говорят о жителях Хунгарии – Венгрии как о башкордах. Этот же историко – этнографический факт подтверждают со своей стороны почти все средневековые письменные источники Ближнего

Востока и Ирана, в которых башкорды называются жителями Венгрии. Многие арабоязычные, ираноязычные средневековые историки прямо называют Венгрию на Дунае страной – Башкирд. Надо отметить, что сам гидроним – Дунай происходит от древнеиранского слова – Дон «вода». Арабоязычный историк 13 века Йакут аль – Хамави в своей книге «*muḍjamal – buldan*» описал как он сам в сирийском городе Алеппо встречался с башкордами из Венгрии. Эти башкорды сказали Йакуту аль – Хамави, что живут они в Хунгарии в 30-и городах и, что король Хунгар не позволяет им – башкордам - обносить свои деревни каменными крепостными стенами, поскольку он – король хунгар - боится их – башкордов - восстания.

Таким образом, благодаря нашему исследованию, мы выяснили, что ираноязычные племена сарматов – башкордов, родичи курдов – мидийцев, обитали на севере Балканского полуострова во Фракии за Истром с древнейших времён. Сигинны Геродота, как это видно из исторического обзора античных и средневековых источников, были родственны не только мидийцам – курдам, но и башкордам Урала. Общими предками сигиннов – сарматов на западе во Фракии, а также курдов Месопотамии на юге, а затем и башкордов Урала на севере являлись племена древних ведических ариев Куру. В исторической перспективе ближайшими этническими родичами ведических ариев Куру, обитавших во II- тыс. до н.э. на Южном Урале, являлись микенские, а затем и дорийские племена древних греков. Одним из важнейших доказательств этого научного положения является наличие общих интердентальных спирантов - Θ, Ϝ в древнеиранском, греческом и башкордском языках.

Все эти многочисленные историко –этнографические, лингвистические и археологические факты и свидетельства доказывают принадлежность древнебашкордской культуры к индо – иранскому миру.

Башкордские, ведийско – арийские черты религии древнегреческого Дьяуса – Зевса

*«Миф – зеркало культуры»
Вячеслав Иванов*

Ведические племена индо-ариев Куру обитали, как это показали археологические раскопки Аркаима на Южном Урале ещё в первой половине II тыс. до н.э. Верховным божеством в религии уральских ведических ариев Куру являлся Дьяус – Dyaus «сияющее небо» (др. инд.). Ведические индо – арии представляли себе бога Дьяуса в двух образах:

- 1) быка – оплодотворителя;
- 2) небесного жеребца.

В Риг – Веде, Мандала V, гимн 36 (5) о Дьяусе говорится:

Бык –небо да усилит тебя, быка!
Бык, ты едешь на паре буланных быков
Ты наш бык с колесницей – быком, о прекрасногубый.
О, обладатель бычьей силы духа, как бык,
О, громовержец, поддержи нас в бою!

(перевод Т.Я.Елизаренковой)

У башкордов Урала, прямых потомков ведических ариев Куру, бог небес и ветра носит древнее индо-германское имя Диеу Перей. Как и бог Дьяус у ведических индоарийцев, у башкордов по народным поверьям Диеу Перей почитался хозяином небесных лошадей. Опираясь на гимн Риг-Веды (X,68,11) следует сказать, что и в наиболее древнюю эпоху фетишизма и оборотничества башкорды Урала почитали Диеу Перейя в зооморфном облике жеребца – оплодотворителя.

Башкорды верили, что божество Диеу Перей любит молоденьких женщин и девушек, которых часто похищает к себе на небо, подхватив ветром с земли. В древнеиранской зороастрийской религии образ Человека – быка Гопатшаха занимал центральное место. В «АВЕСТЕ» провозглашается, что пятым творением Ахура – Мазды был Первозданный Бык «в Арьянам Вэджа (...) на берегу благой реки Датии, там, где находится центр земного мира, и был этот Бык белым и сияющим, как Луна» («Большой Бундахишн» 2. 26, в «Затспрам» 2.6)

И последним, шестым телесным творением Ахура Мазды был первый человек – Гайа Мартан (среднеперс. Гайомарт), который сиял, как Солнце [Т]. Гайа Мартан тоже был создан в Арьяна Вэджа на берегу Датии – он был на левом берегу, а Бык – на правом берегу [Т].

Ахура Мазда сотворил Гайа мартана и Быка из земли (...). А из света и влаги он сотворил семя людей и быков (...). И он вложил [его] в тела Гайа Мартана и Быка для того, чтобы от них могло пойти обильное потомство людей и скота» [С.К.] «Большой Бундахишн» 2.27, в «Затспрам» 2.7.

(См. И.В.Рак «Зороастрийская мифология С.П. 1998 г.стр. 88-89)

Первым творением Ахура – Мазды было Небо, вторым – Вода, третьим – Земля, четвёртым – Растение, Бык – пятым, а Человек только последним – пятым творением.

Сам тот факт, что в древнеиранской-зороастрийской мифологии, отколовшейся от ведийско – арийской во II тыс. до н.э., образ быка вставлен в космологию и в числе первых творений Ахура-Мазды стоит раньше человека, показывает насколько сильно древние иранцы почитали это животное.

Указание в «АВЕСТЕ» на то, что Первозданный Бык был создан и обитал на старой прародине иранцев в Арьянам Вэджа подтверждается и этнической историей башкордов Урала. Два башкордских родо-племенных объединения носят до настоящего дня древние иранские этнонимы Гаина и Тангаур, связанные своим происхождением с этим почитаемым у зороастрийцев священным животным. Этноним Гаина, составленный из двух иранских слов – Га «бык» - Ина «верить», свидетельствует, что в древности башкорды Урала (Арьяна Вэджа) поклонялись Быку. Этноним Тангаур, состоящий из ведийско – арийского слова – Тан «тело» и общеиранского – Гау «бык» показывает нам, что древние башкорды прекрасно знали зороастрийский миф о человеке-быке, живущем возле реки Датии в Арьянам Вэджа. Тем более, башкорды рода Тангаур обитают на Южном Урале на стыке гор Ирандека (Арьянам Вэджа) с рекой Яик – Даик (Датия – Даитик) где, как считает зороастрийская религия, в древности жил – Быкочеловек Гопатшах.

По преданиям иранцев Первый Бык, прожив тридцать лет в Арьянам Вэджа (Ирандек на Южном Урале) возле реки Даитик (Яик – Урал), скончался от хвори, насланной злым дэвом Ангро-Манью. Умирая, Бык выронил своё семя, которое упало в землю и породило затем быка, корову, все растения и 272 полезных животных. В «Меног – и Храт» (62.31 – 36) и «Датастан – и Деник» (90,4) говорится: «Благоденствие же Арьяна Вэджа, лучшей из стран Хванираты, обеспечивает Гопатшах. Гопатшах с ног и до половины тела [подобен] быку, а с половины тела и до головы [имеет] образ человека. Он сидит на берегу моря и совершает возлияния Ахура Мазде и язатам и наблюдает за быком Хадайаш, благодаря чему достигается совершенное совершенство для Земли и людей». (И.В.Рак. указ.соч.стр. 104-105) У курдов Месопотамии, как и у башкордов Урала, зафиксированы этнонимы родоплеменных объединений, имеющие в своём составе слово – Бык. Так, О.Вильчевский писал: «... неподалёку от Керкука, обитают несколько небольших групп курдов, так же носящих весьма характерные названия: говсувари «ездящие верхом на быках» - один из родов небольшого племени кара – улус, возникшего недавно, в состав которого вошли остатки старых распавшихся курдских и лурских племён. Гавхар «едящие говядину» - небольшое оседлое земледельческое племя (...). «Поскольку» - пишет О.Вильчевский – «племенные и родовые названия этого типа мы встречали в курдской среде только на данной территории и [Керкук-Эрбиль - Сулеймания], где они оказались собранными вместе, постольку напрашивается следующее

предположение: прибывшие в край иранские пастушеские племена были в основном (...) – коневодами. В крае они застали другие пастушеские племена, возможно, даже близкие им в этническом и языковом отношениях, но, занимавшиеся разведением не коней, а крупного и мелкого рогатого скота. Это различие, впоследствии почти стёршееся, и нашло своё отражение в приведённых выше племенных и родовых названиях, которые в своей основе, конечно, являются не самоназваниями, а названиями, даваемыми соседями по наиболее характерному и резко отличающему данное племя от других по признаку. (См. О.Вильчевский, «Курды», стр. 100)

Всё сказанное О. Вильчевским относительно наличия в древности особых признаков, послуживших впоследствии причиной возникновения «бычих» этнонимов Гавсувари и гавхари у курдов Месопотамии в равной мере относится и к «бычьим» этнонимам башкордских родов Гаина и Тангаур. В известном смысле этноним башкордского рода Тангаур соответствует названию крупного курдского племени Гуран. Как пишет О.Вильчевский: «В этой связи значительный интерес представляет статья В.Ф. Минорского «Jhe gougan» в BSOAS (т. XI, ч. I, 1943), в которой название этого крупного курдского племени возводится к форме Ga(v) bara (k) и, таким образом, с одной стороны ставится в связь с той же группой племён волопасов, с преобладанием в их хозяйственной деятельности крупного рогатого скота, а с другой стороны,- (...), опять же с районом, где издревле преобладает крупный рогатый скот в качестве даже верховного животного» (См. О.Вильчевский указ.соч. примечания на стр. 160)

Курильница в виде головы жертвенного быка.
I в. до н.э. Терракота. Сев. Причерноморье

Таким образом, мы видим как на протяжении всей своей долгой истории башкорды Урала и Курды Месопотамии, в своих национальных древнеиранских «бычьих» этнонимах: Гаина, Тангаур – Горан, Гавхар, Говсувар, Гафуруши продолжают косвенным образом хранить память о своих предках ведических ариях Куру, обитавших до II тыс. до н.э. на Южном Урале в «Арьянам Вэджа» у реки Даитии – Даитик (Даик) и поклонявшихся богу неба – Дьяусу в зооморфном облике Быка.

У древних греков-ахейцев, дорийцев, состоявших в близком этнически – языковом родстве с уральскими ведическими ариями Куру, верховным божеством являлся Зевс. Этимологически древнегреческое имя божества – Зевс имеет чисто индоевропейское происхождение, и как и ведийское имя Дьяус, означает: «дневное сияющее небо». Древние греки, как ведические арии Куру, представляли бога Зевса в зооморфном облике Быка. Зевс в виде солнечного быка преследует Европу (еваре «вечер» курдск.яз.), а их сын от совместного брака – Минотавр (Мина «подобный» - тэв/р) «солнцу» курд.) носил имя Астерия «звёздного» (греч.) и – стэйрк «звезда» (курдск.). Надо указать, что в курдском языке слово – тэвр означает также «могила», тогда как слово таур «taur» во многих индоевропейских языках (греческом, латинском и т.д.) означает – бык. По мифу, рождающегося Зевса окружали и охраняли на Крите божественные Куреты, которые били копытами о щиты – тимпаны (дэф – рьм), создавая тем самым шум, дабы заглушить крики младенца. Минотавр-бык почитался уже ипостасью Критского Зевса и часто изображался на вазах, монетах, в настенной росписи в виде человека с бычьим хвостом и двурогой маске в окружении звёзд и свастики.

На Южном Урале найдено огромное количество изображений свастики на глиняных сосудах эпохи бронзы (II тыс. до н.э.) принадлежащих андроновской археологической культуре. В эту эпоху (II тыс до н.э) на Южном Урале обитали индо-иранские племена ведических ариев Куру. В древнеиндийском языке слов «SVASTIKA=SUTASTI означает

Голова быка из золота и ляпис-лазури. III тыс. до н.э. Шумер. Курдистан.

«ведущий к счастью», «связанный – su, со счастьем», SVASTI: Su-asti «благоденствие». (См. В.А.Кочергина «Санскрито-русский словарь» М. 1996 г. стр. 765, слово – svasti)

С ведийско-арийским (уральским по происхождению) словом SVASTI «благоденствие» связано имя прусско-германского божества плодородия – Свайгстикса: Swayxtik.

Свастика - широко распространённый с древнейших времён символ Солнца в индо-германской культуре. Уже на уровне сакральной символики украшение солярными знаками Минотавра сближает культ Критского Зевса с культом быка – Дьяуса в религиозной системе ведических ариев Куру, обитавших ещё во II тыс. до н.э. на Южном Урале. Вполне закономерно, что этимологически древнегреческое имя Зевс точно соответствует ведийско-арийскому – Дьяус. Минотавр – Бык является ипостасью Критского Зевса, и в этом образе чрезвычайно близок древне-иранскому божеству Гопатшаху-Быкочеловеку, обитавшего по поверьям зороастрийцев в Арьянам Вэджа на берегу реки Даитик «возле гор Хара Березаити».

Философские аспекты индо-арийского мифа о растерзании и расчленении Космического Быка: Гавамарда –Минотавра – Дьяуса –Зевса.

Сыном Зевса – Быка являлся у греков Дионис-Загрей, чьё убийство и расчленение тела титанами поразительно точно соответствует древнеиранскому мифу об убийстве священного Первозданного Быка

Игра с быком. Фреска из Кносского дворца. О. Крит. II тыс до н.э.

Гавамарда злыми дэвами.

Следуя логике мифа первоначально у древних греков место Диониса – Загрея в культе занимал Минотавр, убийство которого являлось необходимой ступенью при сотворении мира. В последующую эпоху смены анимизма и фетишизма в мышлении древних людей более прогрессивным

антропоморфизмом, место Минотавра занял, проникший на Крит из Малой Азии – Дионис.

Образ бога – Быкочеловека у индо-германских народов носит ярко выраженные черты первобытного нерасчленённого мышления, характерные для той далёкой эпохи, когда древний человек весьма слабо отделял себя от окружающего его растительного и животного мира. Вместе с этим мы видим как у древних индо-иранцев и греков Дьяус – Зевс отождествлялся со светлым небом, что свидетельствует о космическом характере этого божества. Олицетворяя собой космическую стихию, Быко-человек сочетал в себе сразу зооморфные, миксантропические и астрономические черты. Представление о человеке как о быке, а быка как сияющее небо, солнце и луна одновременно означает, что человек просто не расчленял эти различные области бытия, каждая из которых казалась ему живой материей, но оформленное как то или иное биоморфное тело. Как современный учёный объясняет происхождение мира из единой физической материи, так и древний человек эпохи фетишизма и оборотничества видел и понимал весь окружающий его мир проявлением некой единой метафизической субстанции космического Перво-Быка. Дьяус у индоарийцев, Зевс у др. греков Гопатшах у зороастрийцев – иранцев служил синонимом- божеством –неба, животного и человека одновременно. Деление всего физического мира на составляющие его классы объяснялось происхождением этих классов из различных частей тела Перво-быка.

Убийство Перво-Быка у древних иранцев служило, как-бы аллегорическим аналогом современной научной гипотезы – Большого Взрыва в физике, которая является исходной точкой при изложении теории Происхождения Вселенной. Время и пространство абсолютно различные по своей природе физические явления, которые тем не менее произошли из единой субстанции и причиной их возникновения явился – Большой Взрыв. Так и древние иранцы – зороастрийцы считали причиной возникновения нашего физического мира убийство в начале времен Первозданного Быка представлявшего до этого по их представлениям единую космическую стихию. Интересно отметить, что в древнеиндийско – арийской мифологии Дьяус: Бык – оплодотворитель изначально мыслился слитным со своей супругой – землей Притхви, которые были потом разделены по космическому закону Варуны - Рите. Здесь в мифе космический закон – Рита выступает как убийство Первозданного Быка, о чем и повествуется в индогерманской мифологии.

Ритуальная Игра «Заклание Быка»

По рассказам автору его дедушкой Шакиром Мутагаровичем Мустафиным у башкордцев Зауралья весенний праздник хабандтуй начинался с предварительного

Заклания Быка, достигшего 3 – 5 летнего возраста. Резать этого быка, а затем разделять его тушу и потрошить внутренности, считалось весьма почетным занятием. Заклание Быка являлось обрядом, который затем породил много игр среди башкордской молодежи Зауралья.

Одна из таких игр, как описывал Ш.М. Мустафин, состояла в том, что молодежь в башкордских деревнях, собравшись зимой у кого-нибудь в доме, разыгрывала сцены заклания быка, называвшиеся Угез салыу «забивание быка».

Девушка или парень, держа в ладонях кольцо, за которое, как считалось, ведут быка, обходила всех юношей и девушек, сидящих на лавке возле стены с вытянутыми руками, сомкнутыми в ладонях. Ведущий незаметно разжимал свои ладони и ронял кольцо в ладони одного из сидящих. Как только кольцо попадало в ладонь, тот становился – Быком, которого поведут на заклание. Затем наступал второй этап игры – угадывания «Сколько Быку лет?». Для этого парень отдавал кольцо ведущей, а сам выходил в сени, тогда как другие участники вместе с ведущей решали, кто из оставшихся должен держать в руках «Бычье Кольцо». Далее ведомый входил и должен был с пяти – семи попыток, а местами по деревням и с одной, угадать у кого кольцо. Если он угадывал, то Быком становился проигравший, а если нет, то на него набрасывались и условно «приносили в жертву».

Судя по индоевропейским мифам в древние времена этому божеству – Быку, символизировавшему небо, приносились человеческие жертвы. Это связано с тем, что в ту далекую эпоху фетишизма и миксантропизма сам человек понимался как вещь, как животное. Победа Урал – батыра над быком “поддерживающим дворец царя Катиллы” в башкордском мифе и Тезея над Минотавром на Крите в древнегреческой мифологии изображает с одной стороны способность к защите человека от животного мира, а с другой - зарождением в мышление человека способности к субъективному вычленению себя как особой социальной сферы. Путем убийства Первозданного Быка мышление древнего человека рассекло и отделило темные и неясные черты универсального прежде космического божества, от его – же светлой стороны, что позднее позволило создать учение о добре и зле на уровне религиозной этической концепции.

Как писал А.Ф.Лосев:”Некоторые современные исследователи говорят о Минотавре и Лабиринте как о сценической бутафории, как о ритуальной или театральной маскировке. (...) , археологические

материалы с полной несомненностью доказывают это. Минотавр был и маской в театральном представлении на Крите. Правда, вначале это жуткий символ первобытной дикости, и маска, изображавшая Минотавра, имела исключительно магическое и ритуальное значение. Но жуткое магическое и мистическое использование этой маски среди кровавых ужасов людоедства рано или поздно теряло свою магическую значимость и с развитием культуры постепенно утрачивало свой первобытный магизм, становилось в конце концов не больше и не меньше как простой театральной бутафорией.”(см. А.Ф. Лосев.”Античная мифология” стр. 212).

В Кносском дворце на Крите в древности опираясь на миф о Тезее и Минотавре происходили традиционные игры в масках, в которых разыгрывались различные сцены борьбы героя с быкочеловеком. Опираясь на указание античных литературных источников ученые – исследователи установили, что вся драма борьбы Тезея с Минотавром, а затем убийство человекобыка и освобождение людей предназначенных в жертву чудовищу – людоеду исполнялась древними жителями Крита как единое музыкальное представление.

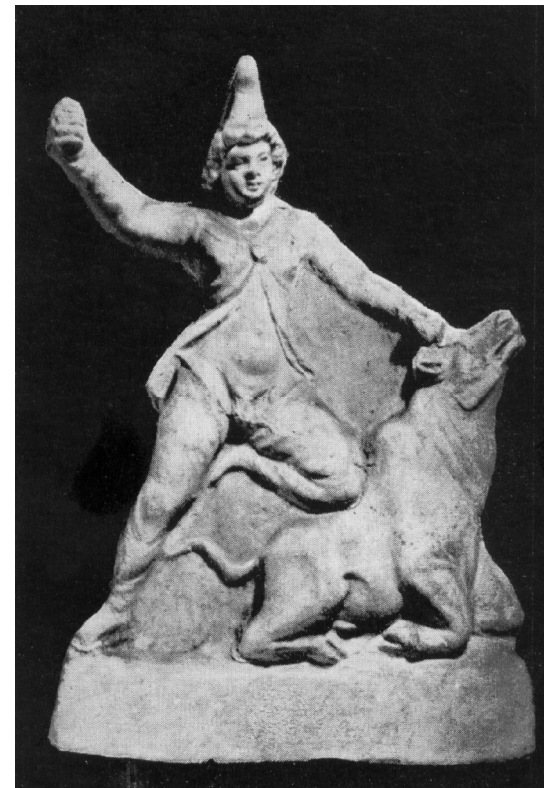
Например Гомер в “Илиаде” (XVIII, 590 – 605) описывая изготовление Гефестом щита Ахиллу говорит о построении Дедалом в Кноссе площадки для танцев Ариадны.

Илиада (XVIII)

590. Там же Гефест знаменитый извил хоровод разнovidный
 Оному равный, как древне в широкоустроенном Кноссе
 Выделал хитрый Дедал Ариадне прекрасноволосой
 Юноши тут и цветущие девы желанные многим,
 Пляшут, в хор круговидный любезно сплетая руками
595. Девы в одежды льняные и легкие, отроки в ризы
 Светло одеты, и их чистотой, как елеем, сияют;
 Тех – венки из цветов прелестные всех украшают;
 Сих – золотые ножи, на ремнях чрез плечо серебристых.
 Пляшут они, и ногами искусными то закружатся,
600. Столь же легко, как в стану колесо под рукою испытной,
 Если скудельник его испытует, легко ли кружится;
 То разовьются и пляшут рядами, одни за другими.
 Купа селян окружает пленительный хор и сердечно
 Им восхищается; два среди круга их головоходы
605. Пение в лад начиная, чудесно вертятся в середине
 (Пер. Н. Гнедича).

Исторические исследования античной культуры многих ученых подтверждают основополагающую роль древних мифов в процессе зарождения различных видов музыкального творчества. Основу древнего

искусства составляет всегда миф который разыгрывался в канун религиозных праздников как сакральное сценическое действие, сопровождаемое пением и игрой на примитивных музыкальных инструментах. Так в Древней Греции как писал Рихард Вагнер: «...музыка была только аккомпанементом для танцев; танцевальное движение диктовало и музыке и стихам, которые исполнялись певцом под танцевальный напев, законы ритма, так строго определявшие и стих и мелодию, что греческую музыку (под музыкой обычно понималась и поэзия) можно рассматривать как танец, выраженный в звуках и словах. Эти живущие в народе, первоначально приуроченные к языческим религиозным празднествам танцевальные напевы, включавшие всю совокупность античной музыки, стали применяться и ранними христианскими общинами для постепенно складывавшихся торжественных богослужений.» (См. «Музыка Будущего» в книге Рихард Вагнер «Избранные работы» М. 1978 стр.511)

Митра-Солнце, как Урал-батыр убивающий весной быка-месяца, символизирующего зиму. I в. до н.э. Пантикапей.

христианскими общинами для постепенно складывавшихся торжественных богослужений.» (См. «Музыка Будущего» в книге Рихард Вагнер «Избранные работы» М. 1978 стр.511)

В танцах древние греки повествовали миф о Тезее и Минотавре, изображая сюжет доступными телесными пластическими средствами.

У древних башкордов Урала, как и у античных греков, существовало множество обрядовых плясок, ритуальный смысл которых объяснял миф. Обрядовые пляски древних башкордов, в которых разыгрывались последовательно различные сцены из повествуемого мифа, представляли из себя наиболее архаичные формы национального

искусства, в которых удивительным образом синкретически сочетались музыка, танец, песня и элементы драмы. Мифы вызывают к жизни безмянное народное творчество и подсознательно дают человеческому духу импульс к своему самовыражению в телесных формах. Подобным обрядовым театральным представлением, дошедшим до наших дней с глубокой древности, в башкордской эстетике является национальная игра молодежи, носящая название «Бычье кольцо». Как пишет исследовательница башкордских танцев и обрядов Л. И. Нагаева: «В игре (...) у каждого участника была своя роль.» Один из играющих изображал быка. Ведущая спрашивала: ... («Быку сколько лет?»). Участники игры хором отвечали: ... - «Быку пять лет». Это означало, что изображающий быка пять раз отгадывал, у кого колечко. Затем ведущая отводила «быка» в сторону, девушки и парни садились в линию или полукруг на нары, сундуки, стулья. Ведущая подходила к каждому, касаясь сложенных лодочкой ладоней играющих, и незаметно роняла колечко в руки одного из участников. Затем спрашивала у молодого человека, изображающего быка: «У кого колечко?». Юноша называл одного из играющих по имени. Если колечко обнаружилось у названного юноши, то участник изображающий быка, садился в линию играющих, а «быком» становился тот, у кого нашли кольцо. Если же «бык» не отгадывал, то водящий громко объявлял: (...) – «Быку один год». Если «бык» достигал пятилетнего возраста, т.е. ошибался пять раз, то водящая обращалась к участникам: «Что будем делать с быком?». Все дружно отвечали: «Будем резать!». Участники группировались по ролям, которые определял водящий. Разыгрывание сцены забивания «быка», мытья кишков, трое отгоняли «собак». «Быку» здорово доставалось: его тормозили, щипали, шекотали, валяли по полу. После «убоя» быка участники игры делились на две команды. Одна, владеющая мясом, оставалась в доме, другая, отнимающая мясо, выходила в сени. Начинался диалог противоборствующих сторон. Пришельцы требовали «отогнать» от дверей собак, змею, открыть дверь. Сидящие в доме, поучали, как отогнать собаку, избежать укуса змеи и проникнуть в дом. Наконец пришельцы врываются в дом, набрасывались на «мясо». «Мясом» служил какой-либо предмет утвари: деревянная чаша, поднос, таз и др. Если мясо переходит в руки другой команды, то играющие менялись местами; «мясо» таким же образом отнимала другая команда. Если же «мясо», несмотря на упорную, длительную борьбу оставалось у хозяев, то игра на этом заканчивалась. (см. Л. Нагаева. «Башкирские народные праздники обряды и обычаи» Уфа. 1999г. стр. 95-96).

Сразу нужно указать на чрезвычайно сложный характер башкордской обрядовой игры «Бычье кольцо», в которой главную роль играет незаметная на первый взгляд система арифметического счета. Опираясь на другой широко известный в Зауралье башкордских миф «Конгур

Буга» (Бурая Корова), где также приводится система арифметического счета, которая доводится до числа - 7 по количеству родившихся от Бурой Коровы телят, а затем счет доводится до цифры – 63, то есть общая сумма цифра 7 взятой и сложенной девять (9) раз, мы можем твердо говорить о том, в древности во время игры «Бычье кольцо» участники доводили счет до 7 раз, а не до 5. Семеричный счет, то есть счет семерками соответствует циклическому убыванию и возрастанию Луны, которую в древности башкорды как и все индо-иранские и германские народы отождествляли то с небесной коровой, то с небесным быком.. Например, башкордское слово – Рога: Могоз этимологически вышло из древнеиранского – mah «Луна». Предположение о наличии в древности у башкордов именно семеричного счета возникшего вследствие долговременных наблюдений за циклическими чередованиями фаз убывания и возрастания луны на небе подтверждается известием Геродота (IV 32-34) о том, что гиперборейцы однажды послали дары Аполлону на Делос вместе с двумя (2) девушками Гиперохою и Лаодиохою, которых в их путешествии от Рифейских (Уральских) гор сопровождали пять (5) гипербореев, то есть опять цифра – 7 в общей сложности. Более того, по убеждениям античных греков бог Аполлон любит род гипербореев и улетает к ним на Рифейские (Уральские) горы раз в 19 лет.

У Диодора (II,47) читаем.

Гиперборейцы говорят, имеют свой собственный язык, но к эллинам очень близки и особенно к афинянам и делосцам, с древних времен поддерживая это расположение. Некоторые из эллинов, как рассказывают, приезжали к гиперборейцам и оставляли там богатые приношения с надписями эллинскими буквами. Точно также гипербореец Абарис приезжал в Элладу, чтобы возобновить старинную дружбу и родство с делосцами. Утверждают, что луна на этом острове отстоит совсем на небольшом расстоянии от земли.....

Рассказывают, что бог [Аполлон] каждые 19 лет приходит на этот остров, когда звёзды в своём обращении достигают завершения. Именно поэтому время продолжительностью в 19 лет называется эллинами Великим годовым периодом. Во время этого своего появления [у Гипербореев на Рифейских – Уральских горах] бог [Аполлон] играет на кифаре и танцует все ночи подряд, от весеннего равноденствия до восхода Плеяд, радуясь своим собственным успехам.

(См. в книге А.Ф.Лосева Античная мифология М. 1957 г. стр. 404).

Этот 19 летний цикл возвращения бога Аполлона к гиперборейцам на Рифейские горы точно соответствует – девятнадцатилетнему циклу лунных затмений, о котором древнегреческий астроном Метон (М в. до н.э.) узнал впервые от халдеев – калду Месопотамии, являющихся предками современных курдов. Метон, вернувшись в Грецию сделал в

433 г. до н.э. сообщение в афинском амфитеатре о своей новости, узнаной им у халдеев, после чего этот 19-летний цикл был положен в основу древнегреческого календаря и назван его именем. Касситы, захватившие Вавилон в 16 в. до н.э. и процарствовавшие в Месопотамии более 400 лет, называли племена халдеев – калду этнонимом – Кардуниаш. К этому следует добавить, что башкорды являются родичами курдов, чьи предки – митаннийские арии, пришли в 18 в. до н.э. в Месопотамию с Южного Урала.

Исходя из этих исторических фактов, никак не приходится возможным согласиться с А.Ф.Лосевым, писавшим, что: «...девятнадцатилетний цикл, определяющий прибытие Аполлона в страну гиперборейцев, вошёл в его мифологию не раньше V в. до н.э.». (А.Ф.Лосев «Античная мифология», стр 405)

Сам культ Аполлона пришёл в Древнюю Грецию из Малой Азии. Это подтверждается и тем немаловажным фактом, что у Гомера в «Илиаде» Аполлон поддерживает не ахейцев – греков, а города малоазийской Трояды.

Возвращаясь к анализу башкордской обрядовой игры – «Бычье кольцо», следует указать на чёткое распределение ролей между её участниками. Кто-то изображал «быка», кто-то – людей, другие «собаку» и «змею», которых было необходимо обмануть чтобы достигнуть цели игры, а именно – разыграть телесными, пластическими средствами и вывести наружу и показать во вне для зрителей заложенный, содержащийся в себе, внутренний Смысл драмы.

Игра здесь предстаёт как драматическое действие. Элементы драмы в обрядовой игре – «Бычье кольцо» представлены налицо. Во первых эта обрядовая игра опирается на древний индо-германский миф об убийстве Космического Быка или Быка – получеловека (Гайомарт – Минотавр) и следовательно несёт в себе исключительно важное идейно – художественное содержание. Во - вторых: повествуя об убийстве быка, башкордская обрядовая игра определяет свой жанр как – мимическую трагедию. В - третьих: наличие в башкордской обрядовой игре различных ролей её участников – быка, собаки, змеи, напрямую свидетельствуют о зарождении характера в драматическом действии, в котором положительные персонажи противостоят отрицательным. Сценическое изображение столкновения и противоборства между собой положительных и отрицательных характеров является основой и идейным содержанием любого драматического действия, поставленного в театре, начиная с античной эпохи и до наших дней. Историческими предпосылками возникновения в VI в до н.э. драмы послужило наличие различных мимических обрядовых игр в древнегреческом фольклоре. Касаясь этого вопроса, И.М.Тронский писал следующее: «Игры эти, как известно, не являются простой забавой и связаны с первобытными

магическими представлениями о том, что разыгрывание какого – либо действия способствует реальному осуществлению его. Наличие обрядовых игр мимического характера установлено почти у всех народов земного шара; они подчас представляют собой сложное массовое действо, развёрнутую драму. Такова, например, «медвежья драма» народов севера (эскимосов, чукчей, камчадалов, и др.); она составляет целую систему мимических обрядов, группирующихся вокруг умерщвления священного животного – медведя.

Характерной чертой обрядовой драмы является ряженье, надевание маски какого-либо бога, демона или зверя. Этот обычай коренится в первобытном мировоззрении: считают, что человек, надевающий маску, получает свойство того существа, которое изображает маска. Особенно широким распространением пользуются у первобытных народов звериные маски, а также маски духов и мертвецов («предков»). На основе таких масок вырастают различные примитивные формы театра, как например, кукольный театр (театр марионеток) или теней (силуэтов). (см. И.М.Тронский «История античной литературы» М. 1983 . стр. 107 – 109)

У всех индо-германских народов мифическим предком почитался Бык: Гавомард у древних иранцев; Дьяус – Бык у ведических ариев; Дьяус – Зевс у греков и, отдельно, - корова Аудумла у скандинавов и германцев. Таким образом, исходя из этих исторических фактов, можно сказать, что башкордская обрядовая игра – «Бычье кольцо» есть древняя театральная сценическая постановка, в которой разыгрывался ритуальный миф об убийстве мифического Быка – Первопредка Гавомартана. Для такого предположения имеются все основания. Во - первых: башкорды Урала являются родичами курдов Месопотамии и поэтому они безусловно в древности знали иранский миф об убийстве Космического Быка – Первопредка. Во - вторых: башкорды до настоящего времени обитают на Южном Урале, то есть в том географическом регионе, где как верят иранцы – зороастрийцы в древности жил на берегах Вахви Даитьи в Арьянам Вэджа первоизданный Бык – получеловек. В-третьих: культ Быка – первопредка был чрезвычайно сильно распространён среди индо- иранских племён Дахо – Массагетов Сарматов и Саков (скифов, греч.), потомками которых и являются современные башкорды Урала.

О том, что саки (скифы) почитали мифического Быка неким Первопредком своего сакского (скифского) племени, мы можем узнать из проводимого у них священного обряда «обретения себе кровных братьев при помощи бычьей шкуры».

Этот скифский (сакский) обряд был детально описан известным древнегреческим писателем и сатириком Лукианом (II в н.э.) в его рассказе «Токсарид, или Дружба», где говорится буквально следующее:

47. ... Арсаком же, оставаясь дома, уговаривался со своими сверстниками, собирал среди родственников вооружённую силу и, наконец, восседал на шкуре.

48. Этот обычай относительно бычьей шкуры состоит у нас в следующем. Если кто-нибудь, будучи оскорблённым, собирается отомстить обидчику, но видит, что у него не хватает сил, то он приносит в жертву быка и, нарезав мясо, варит его, затем, расстелив шкуру на земле, садится на неё, заложив обе руки за спину, как если бы они были связаны в локтях.

Этим выражается у нас самая сильная мольба. Когда мясо быка разложено, родственники и любой из посторонних подходят и берут каждый по куску. При этом они ставят правую ногу на шкуру и обещают доставить, кто сколько в силах: кто пять, кто десять всадников на своём хлебе и жалованье, другой же и большее число, иной – тяжеловооружённых или пехотинцев, сколько может, а самый бедный только самого себя. Собирается иногда с помощью шкуры большое число воинов. Такое войско чрезвычайно стойко и непобедимо, ибо оно связано клятвой: поставить ногу на шкуру значит поклясться.

Итак, Арсаком был занят этим делом, и собиралось к нему около пяти тысяч всадников, тяжеловооружённых же и пехотинцев вместе двадцать тысяч». (перевод с древнегреческого Д.Сергеевского см. Лукиан «Избранное» м. 1987. стр. 356 – 357)

Суть этого ритуала обретения друзей с помощью причащения мясом быка и восседания на бычьей шкуре заключалось в том, что Саки (скифы – древних греков) как и все индоари, почитали своим Первопредком Космического Быка – Дьяуса или Гавомарда. Поедая жертвенное мясо, наступив при этом ногой на шкуру закланного животного, каждый скифский воин подтверждал своё кровное родство с обиженным соплеменником, которое они унаследовали от своего первопредка – Быка Гавомарда.

По древнеиранским поверьям все иранцы, частью которых и являлись саки (скифы) произошли из семени и тела умиравшего Первобыка – Гавомарда. Как писал Дж. Фрэзер: «С этой точки зрения, как отмечает Робертсон – Смит, становится понятной существовавшая у скифов форма заключения договора посредством попираания ногою шкуры убитого вола. Все, наступившие правой ногой на шкуру тем самым объединяли себя в одно существо с животным и друг с другом; все они таким образом связывались узами общей крови, служившей залогом их взаимной верности». (См. Дж. Фрэзер «Фольклор в Ветхом Завете» М. 1985 г. стр. 186)

Восседание на шкуре закланного быка и поедание всеми скифами (саками) мяса жертвенного животного есть сакральный обряд, восстанавливающий абстрактное единство всего скифского племени

посредством вкушения тела мистического Первопредка – Быка. Доказательством и подтверждением наличия в древности у башкордгов Урала скифо – сакского обряда «обретения родственников и кровных братьев – друзей при помощи обряда сидения на шкуре жертвенного быка» является указание в рассказе Лукиана на племя ираноязычных Аланов, которые и в настоящее время не отделяют себя от курдов. Аланы являются одним из родо-племенных объединений курдского народа. В рассказе Лукиана, один из друзей Арсакома, исполнявшего обряд «сидения на шкуре быка», по имени Макент, пробравшись в стаи к врагам скифов (саков) – объявил себя Аланом.

«Сам я родом алан и родственник её со стороны матери: (...). Так говорил Макент, и одеждой и языком подобный аланам. Ибо и то и другое одинаково у алан и у скифов; только аланы не носят таких длинных волос, как скифы, однако Макент, чтобы походить на них, подстриг свои волосы, сколько нужно было, чтобы уничтожить разницу между аланом и скифом». (См. Лукиан, указ.соч. стр. 358.)

Как видно из сообщения Лукиана саки (скифы) и аланы разговаривали на одном и том же иранском языке без всякого различия и даже без акцента. В противном бы случае никто бы не поверил Макенту, подстригшему волосы как Алан, но говорящий при этом со скифо-сакским акцентом. Безусловно у саков – скифов и Алан был единый иранский язык, а также одни и те же религиозные верования, обычаи и обряды. Аланы были потомки уральских Дахо-Массагетов и у Геродота в Истории (IV, 17, 25) носят имя Ализоны, производное от древнеиранского – Арьязана «арийское племя», которые находились в непосредственном этническом родстве с курдами Месопотамии, поскольку у мидийцев (предков курдов) одно из шести племён носило имя Аризантум (Геродот, История I, 101).

Вследствии чередования в индо-иранских языках звуков R – L (p – л) имя Аризантум будет звучать Ализантум – Ализоны. В конце концов, Аланы около 142 г. переселились с Южного Урала в Переднюю Азию в район озера Ван, где проживают и поныне в количестве 160 тысяч семей. Присутствие ираноязычных Алан на Южном Урале подтверждает археология. Так, например, аланский могильник, датируемый VII-IX в.в., обнаружен возле села Левашовка возле г. Стерлитамака. Последнее упоминание об ираноязычных Аланах на территории Южного Урала восходит к 13 веку. Иранский историк Рашид эт – Дин (1237 – 1318) в своей энциклопедии, а также арабоязычный историк Ибн ал – Асир писали о том, что когда татаро-монгольские войска во главе с Чингизханом пришли с Алтая в Деште Кып-сак, то встретили там кыпсаков и аланов.

Все эти факты из истории говорят об исконно иранском происхождении древней башкордской обрядовой игры «Бычьё кольцо».

По сути дела, участники обряда воспроизводили в сценическом действии древнеиранский миф об убийстве первозданного Ахура – Маздой космического Быка – Получеловека Гаво – Мардана, наподобии того, как в Древней Греции на о. Крит актёры в танце на орхестре Кносского дворца разыгрывали в пластическом спектакле, сопровождаемый хорovým пением, сюжет об убийстве Минотавра - внука бога Солнца Зевса, героем – человеком Тезеем. В башкордском мифе быка царя Катиллу убивает Урал-батыр. И древнегреческий миф об убийстве Минотавра, и башкордский миф об убийстве Урал-батыром быка царя Катиллы восходят в своём генезисе к общему праиндоевропейскому мифу о происхождении человека от Космического Быка, известного у ведических ариев под именем Дьяуса, у др. греков – Зевса, у латинян – Дьяус питара (Юпитера – бовиса), у иранцев – Гавомардана.

Таким образом, миф является источником возникновения искусства у индо – германских народов, и сам был содержанием древнего театра - игры. Раскрытие в сценическом действии во время исполнения религиозных обрядов содержания мифа, в пластическо – телесной форме, в сопровождении хорового пения, являлось смыслом и целью древнего синкретического искусства.

Космический Бык - наиболее древняя, фетишистско-миксантропическая форма роли актёра, играющего образ Прародителя человечества у предков индо – германских народов.

Религиозно – философский смысл башкордского обряда убийства и расчленения Быка, исполняемого в игре «Бычье кольцо».

Небо – для индогерманских народов в древности, в эпоху фетишизма и оборотничества представлено в зооморфном облике гигантского космического божества Дьяуса – Быка. Происхождение дня и ночи, их смена, объяснялось убийством и расчленением Первозданного Быка, вследствие чего в природе, по мысли древних индо – германцев – Жизнь (свет) сменяется Смертью (тьма). Сокращение светового дня на севере понималось предками индо-германских народов, как гибель космического божества Дьяуса-Быка(Жеребца) , что явилось причиной возникновения нашего мира .

Основная философская мысль древнего индо-германского мифа о гибели Первозвеста Дьяуса-Быка заключается в том, что именно смерть порождает жизнь. В эпоху фетишизма и оборотничества, древний человек наделял живой душой неодушевленные предметы и

следовательно здесь, в этом ключе необходимо искать причины и религиозный смысл башкордской обрядовой игры «Бычье кольцо». Магическое значение обряда «Бычье кольцо» вытекает из мифического убеждения древних башкордов в тождестве земной жизни человека, с жизнью неба и из стремления башкордских жрецов через сакральные ритуалы и жертвоприношения, помочь движению неба. Подтверждением нашей точки зрения служит то историческое свидетельство, что именно на этом космическо-небесном принципе были основаны все мистерии и магические ритуалы в честь Минотавра, внука Дьяуса-Зевса, изображавшие блуждания Тезея по Лабиринту и убийства героем быкочеловека-людоеда, проводимые индо-германскими племенами древних греков на о. Крит.

Култ терзаемого Минотавра: получеловека-полубыка, внука Зевса-Дьяуса: к VII-VI вв. до н.э. слился с возникшей религией Диониса: страдальца и страдотерпца сына Зевса-Дьяуса и Семеллы. Миф об убийстве полубыка внука Зевса удивительно совпадал и сочетал по форме обряды разрывания вакханками и менадами живого козленка, почитаемого живым воплощением Диониса сына Зевса-Дьяуса. Впоследствии именно из мистерий, обрядов и как писал Аристотель, от «запевал дифирамба» богу Дионису родилась древнегреческая трагедия и, вообще, все античное и средневековое европейское сценическое искусство.

На другом полюсе индо-германской ойкумены в Древней Индии с древнейших времен почитают корову, чье убийство запрещено и по настоящее время. Этот индийский обычай почитать корову, сохранившийся с эпохи ведических ариев (II тыс. д. н.э.), совпадает с обычаем древних фригийцев родоначальников культа Диониса-Загрея в Малой Азии. Как писал Элиан «О природе животных» (XII, 34): «Фригийцы, когда у них кто-нибудь убивал пашущего быка, наказывали его смертью.»

В Древней Индии единство драмы, музыки, поэзии, танца обозначалось санскритским словом «натя», и складывалось из понятия раса-«вкус».

Каждая раса соответствует определенному чувству, которых древнеиндийская философия насчитывала восемь:
любовь (рати) - соответствует эротическая раса шрингара;
веселье (хаса) - соответствует комическая раса хасья;
печаль (шока)- соответствует патетическая раса каруна;
отвага (утсаха)- соответствует героическая раса вира;
гнев (кродха) - выражается грозной раса раудра;
страх (бхайя)- воплощается боязливой раса бхайянака;
отвращение (джугупса) - передается отталкивающей раса бибхатса;
удивление (висмайя) - передаётся волшебной раса адбхута.

Слово «раса» не являлось чисто эстетическим термином, поскольку в Древней Индии, как и в Древней Греции, искусство никогда не

отделялось от ремесла. Поэтому-то традиционный жанр искусства-рага, особое мелодико-любово-ритмическое построение, соответствующее одной из восьми рас, опираясь на которое, риши- поэт и одновременно певец и музыкант создавал и исполнял свои импровизации, почитались священными. Как пишет П.А.Юхвидин: «Некоторым рагам в древности и в средневековье придавалось магически-заклинательное значение-так, рага Хиндола могла вызвать, точнее, ускорить весну, Мегх рага вызывала дождь, Дипак рага считалась порождающей огонь. То есть в добуддийский период рага имела значение не только эстетическое, но и религиозное и, скорее всего, возникло из разного рода заклинаний, заговоров (так, Малкус рага считалась освобождающей от напряжения, расслабляющей, исцеляющей). (см. П. А. Юхвидин «Мировая художественная культура» М. 1996г. стр. 27-28)

Глубокий магический синкретизм искусства Древней Индии и религии ведических ариев раскрывается из того факта, что тем же «искусствоведческим» термином Рага назывались полубоги индуистского пантеона, дети гандхарв- мифических богов юношей- полуконей и смертных женщин. Дочери гандхарв от земных женщин именовались - рагини. По представлениям древних индоариев от брака 6 раг с 6 рагини родилось первоначально 36 новых мелодий. С этого времени брак между юношей и девушкой, установленный по взаимному согласию (один из 8 видов брака установленных Ману и принятых в Древней Индии) стал называться «по обычаю Гандхарвов».

В Риг-Веде (X ,10 ,4 ,) Гандхарва назван Первопредком Ямы и Ями прародителей человечества.

Мандала X гимн 10

Яма – Ями

4. Гандхарва в водах и водяная женщина –
Это наше происхождение, это наше высшее родство.

В другом гимне Гандхарва отождествляется со священным алкогольно-галлюциногенным напитком ведических ариев-сомой.

Мандала IX гимн 86.

36. Семь сестер (приходят) как матери к новорожденному
Ребенку, родному, прозорливому,
К небесному Гандхарве вод, со взглядом героя –
К коме, чтоб он царствовал над всем миром.
(Перевод Т.Я.Елизаренковой)

Как пишет П.А.Гринцер: Некоторые исследователи сближают Гандхарву по имени и частично по функциям с греческими кентаврами. (см. «Мифы Народов Мира, энц. Т. 1 ст. «Гандхарвы» М.1980 г. стр. 264.)

Здесь уместно заметить, что – вино и конеподобные Силены являлись спутниками Диониса-Затрея, чей культ проник в Древнюю Грецию из Малой Азии, где уже в 18 в. до н.э. проживали индоязычные племена митаннийско-ведических ариев Куре, чьими потомками на сегодняшний день являются Курды Месопотамии и Башкурды Урала. В мифологии башкордов роль Силена – Гандхарвы исполняет Конь – Акбузат, которого герою подарила хозяйка живой воды - Хомай (Сома, ведич.)

Ведический хранитель Сомы и небесных вод Гандхарва соответствует демону Гандарве в “ АВЕСТЕ “, преградивший людям доступ к воде, как змей-дракон в башкордском эпосе. Если даже допустить этимологическое несоответствие древнеиндийского Гандхарвы и Кентавры у древних греков , тем не менее эти два мифических персонажа соответствуют друг другу функционально в сценическо – драматическом искусстве. При сопоставлении древнегреческой живописи с древнеиндийской вообще трудно отличить свиту Диониса с конеподобными Силенами и менадами от поющих Гандхарв и апсар. Это вызвано тем, что как древнегреческая мифология, так и ведийско-арийская происходят из единого праиндоевропейского корня, которую и ахейские племена и ведические арии перенесли с собой как часть своей национальной культуры с мест своего прежнего обитания, то есть с севера, с Южного Урала, Зап. Сибири, Средней Азии. На своей северной прародине индо-германские племена ахейцев и ведических ариев находились на той примитивной стадии развития культуры, когда человек в силу исторических условий ещё не постиг и не познал чистого искусства, а единственной известной и доступной формой сценической драмы являлись жертвоприношение богам, основанной на повествовании мифа.

Жертвенный обряд с точки зрения эстетики есть изложение драматическими средствами мифа перед зрителями, которые сами являются участниками сценического действия, вытекающего из сюжета избранного повествования.

Именно из древних жертвенных обрядов ведических ариев позднее родилась индийская драма как самостоятельный вид искусства и, именно из хоровой песни – Дифирамба, исполняемого в честь бога – страдалца, во время мистерий Диониса возникла древнегреческая трагедия. В жертвенном обряде ведических ариев Куру Южного Урала не было зрителей, но все были участниками драматического действия, представленного как мистерия. Именно таким жертвенным обрядом и

одновременно драматическим сценическим действием является современная башкордская игра «Бычье кольцо».

Ведийско-арийское жертвоприношение Быка и «расчленение туши» со временем переродилось в национальную башкордскую игру «Бычье кольцо» потому что, в связи с прогрессивным развитием человеческого мышления, древний миф, являвшийся основой этого обряда, исчез, умер. Место ведийского жертвоприношения в культуре башкордов заняла обрядовая игра «Бычье кольцо», имитирующая практику древних арийских жертвоприношений богам.

Мимические игры с ряжением участников, с обязательным Дифирамбом, а также трагические хоры на празднике «Великих Дионисий» в античной Греции, учреждённом афинским тираном Писистратом (560 – 527 г. до н.э.), как раз и являются теми эстетическими истоками древнегреческого фольклора, из которых возникло такое сценическое действие, как Драма.

Башкордская обрядовая игра «Бычье кольцо» есть сохранившийся до наших дней в переродившейся форме ведийско – арийский культовый обряд жертвоприношения Быка самому Дьяусу Питару, земным воплощением которого и являлся бык, убиваемый в ритуале. Почему и зачем, с какой целью предки башкордов – ведические арии приносили Быка в жертву Быка – Дьяусу (Зевсу, Юпитеру – Бовису), мы можем узнать из философского анализа обряда жертвоприношения, связанного с культом Диониса-Загрея, произведённого русским философом – языковедом А.Ф.Лосевым, который писал об этом следующее: «В обиходе всякой религии фигурируют такие понятия, как жертва, жрец, приноситель жертвы и божество, которому жертва приносится. На стадии расчленённого и, в частности, формально-логического мышления, эти понятия вполне раздельны и даже в известном смысле противоположны. Другое дело – та отдалённая ступень мыслительной слитности. Представим себе, что бытие или мировая жизнь берётся в целом и при том настолько в целом и нераздельном виде, что кроме этого мира, больше нет ничего, от чего бы он зависел. Тогда расчленение и распадение такого мира окажется некоторого рода его растерзанием, т.е. его жертвоприношением. Но кому же приносится такая жертва, кем и от лица кого она приносится? Эта жертва приносится ему же самому, этому миру; и приносится она им же самим, этим самым миром. Желая расчлениваться и оформиться, перейти от безразличного и безраздельного хаоса к расчленённому и упорядоченному космосу, этот единственный и всемогущий мир сам и при помощи своих же собственных средств и от своего же собственного лица приносит эту жертву расчленения самому же себе. Поэтому потребитель жертвы, жрец и, наконец, сама жертва являются в данном случае одним и тем же существом, одним и тем же единственно возможным миром, одной и той же общемировой жизнью.

Прежде чем эти категории отделятся одна от другой в последующем религиозно-мифическом сознании, сначала они даны в общенерасчленённом мышлении, где одно и то же существо является и приносящим, и принимающим жертву, и жрецом, и самой жертвой». (См. А.Ф.Лосев, «Античная мифология» стр. 150).

Башкордская обрядовая игра «Бычье кольцо» во время которой участники действия имитируют убийство и расчленение туши Быка, как раз и представляет собой обряд, ради обряда в котором каждый участник является одновременно жрецом-исполнителем закладывающих жертву самому себе. Древние башкорды подметили, что человек, участвуя в игре, испытывает определённое переживание чувств, которые циклически сменяют одно другое: наслаждение – отвращение, восхищение – разочарование. Игрой человек удовлетворяет свои чувственные эмоции, соответствующие его духовному состоянию и развитию.

В этом отношении игра подобна жертвенному обряду, но с той лишь разницей, что в игре человек ублажает себя, своё ALTER – Ego, тогда как, исполняя жертвенный обряд, человек ублажает Бога. Основное отличие по отношению к игре у древнего человека от современного, заключалось в том, что в эпоху фетишизма и оборотничества люди считали свои эмоции и чувственные переживания некими самостоятельными демонами, вселяющимися на определённый отрезок времени в сердце людей и овладевающими таким путём разумом человека. Как полагали древние иранцы, души всех быков, закланных при жертвоприношениях, соединяются на небе с нетленной Душой Первозданного Быка Гавомарда, из семени которого родилось всё живое на земле. В авестийских «Гатах» Душа Быка – Гауш Урван почитается божеством – покровителем стад домашнего скота.

Гаты

«Моление о благополучии скота».

8. Вскрикнула Душа Быка:
«Разве слабосильный нужен мне
Человек, чьё слово – пыль:
Всемогущего желаю я!
Пусть грядёт он наконец
И десницей скот оборонит!»

«Моление о Слове»

1. С упоением молось
Простираю к Мазде руки я,
Чтобы Добрый Дух сперва
Принял всё, что приготовил я.
С Артой радуются пусть

Воху Мана и Душа Быка!
(перевод И.С.Брагинского.)

Предки башкордов древние иранцы, которые обитали на Южном Урале (Аркаим) в эпоху индо-иранского единства приносили в жертву быков, дабы ублажить Гауш Урвана (Душу Быка), почитаемого защитником домашнего скота.

Многочисленные яшты «АВЕСТЫ» открыто свидетельствуют о том, что жертвоприношения быков зороастрийским богам древние иранцы начали совершать ещё в далёкую эпоху своего прибывания на Южном Урале, на своей северной прародине в Арьянам Вэджа, возле вод блаженной Даитьи, у горной вершины Хара Березаити, то есть на Южном Урале на Ирандеке возле реки Яика у гор Бурзянских. В частности в «АВЕСТЕ» говорится, что быков принёс в жертву Заривари брат царя Кави – Виштаспы, оказавшего покровительство Заратуштре, изгнанного из своей общины за проповедь своего нового учения.

«Ардвисур» - «АБАН – яшт»
XXVI

112. Ей в жертву приносил
На коне сражающийся Заривари
Перед лицом воды Датии –
Сотню коней, тысячу быков, десять тысяч овец.
(перевод И.С. Брагинского)

Отголоском этих древних индо-иранских жертвоприношений быков богам и является башкордская национальная обрядовая игра «Бычье кольцо», в которой участники имитируют ритуальное убийство и расчленение туши Быка.

На Южном Урале нет ни одного другого народа, кроме башкордов, которые как этнос являются родичами курдов потомков ведических ариев Куру, приносивших в жертву ведийским богам быков. Поэтому нет никаких сомнений, что игра башкордов «Бычье кольцо» есть древний ведийский обряд жертвоприношения. По прошествии определенного периода исторического времени человеческое сознание начинает выделять себя из животного мира и противопоставлять себя природе как субъект объекту в философской науке. В башкордской культуре этот исторический период запечатлен эпизодом в эпосе, где Урал – Батыр сокрушает быка царя Катиллы, которому приносились человеческие жертвоприношения как верховному божеству Дьяусу. Если в предыдущую эпоху жертвоприношение быка самому – же Быку – Дьяусу (Зевсу) точно соответствовало основному принципу фетишизма – биоморфной неразчлененности и слитности субъекта с объектом, то уже

в последующую эпоху развитой мифологии жертва богу начинает на уровне сознания отделяться от самого понятия – Бог. Многочисленные данные исследований этнографов в разных частях света показывают, что нерасчлененное состояния мышления у человека исторически соответствуют эпохе собирательства и охоты, тогда как в последующую эпоху производящего хозяйства человеческое сознание и мышление научается дифференцировать понятия. В связи с этим преобразуется и усложняется жертвенный обряд. Появляются жрецы, возникает каста священнослужителей, а основная масса прежних участников сакрального культа жертвоприношения превращаются в простых зрителей. Сам кровавый обряд жертвоприношения богам постепенно перерождается в сценическое представление, где все действия предопределены каноном – сценарием, за исполнением которого следит Жрец как режиссер в театре, а оставшиеся как –бы в стороне от непосредственного участия в обряде люди стали зрителями созерцающими разворачивающиеся перед ними события повествующие о божестве.

Деление индо – иранской общности в древности на 4 сословия: жрецов; воинов; земледельцев; по «АВЕСТЕ» также произошло на Южном Урале в Арьянам Вэджа в эпоху правления царя Йимы. С течением времени образ космического Быка у индо-германских народов сменяет образ космического Первочеловека. У ведических ариев Дьяуса – Быка сменяет Пуруша, Космический Первочеловек, у древних греков Минотавра человека – быка, внука Зевса – Быка сменяет Дионис – Загрей, сын Зевса – Критского. У древних иранцев Гаво – Марда, то есть «Быка – Человека» сменяет образ просто первочеловека – прародителя ГайоМарта.

Очень хорошо это перерождение космического миксантропизма в антропоморфизм верховного божества в представлениях древних индо – германцев можно продемонстрировать на примере греческой мифологии. Так у Анакреонта, Зевс – Дьяус в стихе о похищении им Европы, понимается вполне в духе древней протоиндо – германской мифологии, как – морской бык (конь у ведических ариев) выплывающий внезапно со дна океана на поверхность.

Анакреонт (570 – 478 г. г. до н. эры)

(О Зевсе – Вседержителе, как Морском Быке)

Бык этот, вероятно
Сам Зевс, (. . .)

Плывет широким морем
И рассекает волны
Копытом. Разве мог бы

Уйдя от стада, морем
Плыть бык другой? Один лишь
Зевс на то способен.

С течением времени эти протоиндогерманские фетишские представления о верховном божестве Дьяуса - Зевсе как о Космическом Быке постепенно трансформировались у древних греков в миксантропический образ быка – человека Минотавра, внука Зевса. О том, что этот процесс перехода от фетишизма к миксантропизму происходил у древних греков и иранцев почти одновременно, мы можем судить по образу Быка – Человека ГаваМарда данного в «АВЕСТЕ».

Следующей логической ступенью развития абстрактного мышления человека является переход от миксантропизма к антропоморфному представлению своего родового божества. Идеальная сущность божества, должна в уме человека отделиться от своей материальной формы тотема, в которую демиург как бы облачается, когда нисходит на землю. Эта, в целом чисто философская мысль, данная в своей художественной форме, звучит в обрядовой песне элейских женщин посвященной Дионису сыну Дьяуса – Зевса.

Герой Дионис, примчись к нам
Во храм с харитами
На Элейский пречистый
Жертвенник!
Ярым быком накати к нам,
Бык достохвальный!
Бык достохвальный!

Это античное стихотворение хорошо изображает всю историческую динамику развития мышления древних индо – германцев от фетишизма и миксантропизма к антропоморфизму на пути к абстрактному мышлению. Первоначально древние греки, как и предки всех индо – германских народов представляли верховное божество Дьяуса – Зевса в облике Быка, которого почитали также, как и например современные индусы – корову. Отголоском этого верования в современной Индии является сохранившиеся древнее почтение к корове, как к священному животному, а у башкордов Урала миф о корове «Конгур Буга».

По мере развития абстрактного мышления у предков индо – германских народов, фетишистский образ о божестве – быке, сменился миксантропическим представлением о божестве, как получеловеке – Минотавре у древних греков, или Гава – Марда у иранцев. В религиозных верованиях античных греков Бык, бывший сам некогда Дьяусом – Зевсом, в последующую эпоху антропоморфизма превратился

в своего сына Диониса – быка растерзанный титанами, как отрок Загрей в жертву этому, земному миру. Как писал А.Ф.Лосев: «С созданием мифа о растерзании отрока Загрея, произошло отделение от субстанции Критского Зевса той его стороны, которая характеризовалось его периодическим рождением и смертью. Эта его сторона отныне выделялась в отдельную и притом сыновью ипостась, получившую и особое имя – Загрея. Сам же Зевс, теперь ставший ипостасью отца, оказывался как – бы выше сферы рождения и умирания». (см.А.Ф.Лосев.»Античная мифология»стр145.)

В башкордском мифе, отделение образа человека от субстанции Космического Быка – Дьяуса Питара, изображена как борьба и последующая победа Урал – батыра над подземным быком поддерживающем дворец царя Катиллы, которому приносились человеческие жертвоприношения, точно также, как и Минотавру на Крите.

В сценическом действии эта победа человека над быком, изображалась, по всей видимости, снятием актером своей бычьей маски в конце жертвоприношения богам, что символизировало для зрителей победу человека над темными силами хаоса. В эпоху фетишизма и оборотничества для древнего человека он сам, небесный пантеон богов и подземных демонов представлял собой огромную, космическую кровнородственную семью. Но, с началом развития абстрактного мышления, в душе человека зарождается этическое начало, которое постоянно требует от разума четкого различения доброго, положительного действия от злого, отрицательного. Этическое начало порождает личность, то есть человека в подлинном смысле этого слова, который четко выделяет себя и противопоставляет свое – Я, всей окружающей природе. Человек ставший личностью, созерцая мир видит, что смерть одних, есть благо и жизнь для других существ и, поэтому, вся Природа и ее явления представляют собой непрерывный процесс жертвоприношений всех друг другу.

Каким же было первое жертвоприношение? Кто его совершил? Кого изображали древние башкорды в своей обрядовой игре «Бычьё кольцо»? В башкордском мифе говорится, что первой жертвой и одновременно жрецом был Урал – батыр, победивший Космического Быка царя Катиллы, который затем испив живой воды принес себя, свое тело в жертву этому миру.

В Риг – Веде в гимне Пуруше (х.90) повествуется о происхождении вселенной. Согласно ведийскому гимну Пуруша (первый – Пур, человек – иша, санскрит.) является олицетворением космического начала, как Урал (Wer –alt, World»мир» англ.) в башкордском мифе. Из Пуруши, как и из Урал – батыра произошла вся вселенная, все прошлое, настоящее, будущее. Боги, расчлняя Пурушу, как – бы извлекли из его

тела космический мир, животный мир, мир людей и духовный мир. В башкордском мифе, тело Урал – батыра, после его добровольного принесения себя в жертву миру – рассекают на 4 части его 4 сына – Яик, Сакмар, Идель, Нугуш. У древних греков, по мифу в жертву миру был принесен Дионис – Загрей, сын Дьяуса – быка.

Как видим, все три индо-германские школы мифологической философии: башкордская, индуистко – иранская и древнегреческая, теорию о сотворении космоса начинают излагать с одного и того же исторического момента – Принесение в жертву миру Первочеловека. Благодаря теории жертвоприношения, древние индо – германцы смогли объяснить, как некогда аморфная, темная, лишенная конкретного содержания Первоматерия, превратилась в один миг в прекрасный, божественный Космос.

Нетрудно заметить огромное различие в самой идее акта жертвоприношения Божеству, произошедшее в мышлении индо – германских народов за время истекшее от эпохи фетишизма и оборотничества на путях к обретению абстрактного мышления. В эпоху фетишизма, люди приносили жертвы богам, тогда как, в эпоху зарождения абстрактного мышления предки индо – германских народов стали полагать, что Бог принес себя в жертву людям.

В башкордском мифе Урал – батыр принес себя в жертву людям. Жрецами, расчленившими тело Урал – батыра, выступают в мифе его дети – титаны. Здесь мы видим, что предки башкордов стали ясно и отчетливо понимать тот важный, с точки зрения абстрактной науки факт, что человек может произойти, родиться только от себе подобного человека, но ни как не от Космического Быка или Лошади. Всю мощь башкордского мифа мы можем увидеть и понять при сопоставлении с генетически близкой древнегреческой мифологией, где Дионис-Загрей соответствует Уралу-батыру. В древнегреческом мифе о Дионис-Загрее, как и в башкордском мифе ясно видно, что человеческое мышление уже давно и смело вышло за пределы фетишистко-нерасчлененной биоморфной семантики и одна категория понятий связанных с жертвой резко и четко противостоит другой смысловой категории понятий связанной с идеей Божества.

Как писал А.Ф.Лосев; «Прежде всего уже различаются и даже противопоставляются приноситель жертвы и сама жертва. Между тем и другим установлены отношения родства; Приноситель жертвы – это Зевс и отец, а жертва – Загрей, его сын. Происхождение сына от отца их объединяет (некоторого рода единство здесь, конечно, остается). Однако совершенно ясно и то, что отныне Зевс есть именно тот, кто приносит жертву, но отнюдь не сама жертва. А сама жертва – это Загрей, т.е. совсем другое существо и личность: и с ним может происходить и происходит решительно все то, что происходит с жертвой, а не с

жертвователем. Точно так-же и жрец здесь не сам Зевс и не сам Загрей, но совершенно другое существо которое является уже третьим, самостоятельным ингредиентом в мифе и не сводится ни к первому, ни ко второму.

Это Титаны. Правда, в лице титанов мы здесь имеем не только жрецов, но и поглощающих жертву. Однако и между жрецом и потребляющими жертву, если брать мифологию Загрея в целом, тоже произошла вполне отчетливая дифференциация. Подлинным потребителем Загреевой жертвы являются, по мифу, не столько титаны, сколько происходящие от этих титанов люди и получающий здесь свое воссоединение разъединенный и распавшийся космос. Таким образом, мифологическое мышление здесь уже перешло на стадию раздельно-логического мышления и лишилось своего прежнего слитного характера». (см. А.Ф.Лосев «Античная мифология» стр.151)

Если теперь мы воспользуемся характеристикой А.Ф.Лосева, данной им греческому мифу о Дионисе – Загрее приложительно уже к башкордскому мифу Урал – батыр, то тогда сразу увидим насколько математически точно рассуждал русский философ – языковед. Башкордский Урал – батыр соответствует малоазийскому Дионису – Загрею; титанам растерзавшим тело Диониса в древнегреческом мифе, точно соответствуют четыре сына Урала, расчленившие мертвое тело своего отца Урала и давшим тем самым начало к происхождению башкордов. Различие состоит в том, что в башкордском мифе в жертву миру приносится божество – отец Урал – батыр породивший своих детей, тогда как в греческом мифе в жертву приносится сын Дьяуса – Зевса быкоподобный Дионис – Загрей растерзанный титанами на части как бы в башкордской обрядовой игре «Бычье кольцо». Но и на этом данные типологические соответствия не заканчиваются. Как известно сама древнегреческая трагедия, как самостоятельный вид и жанр сценического искусства родилась из недр народных мистерий посвященных богу Дионису. Следовательно развитие сценического искусства шло вслед за усложнением жертвенных обрядов богам как того требовало зарождающееся у людей античной эпохи новое абстрактное мышление. Искусство как наука о художественном творчестве человека вообще не может возникнуть у людей если у них нет абстрактного мышления. Конечно художественное творчество существует у людей и в эпоху фетишизма, но стать самостоятельной научной дисциплиной изучающей форму и содержание художественных произведений (миф, эпос, былина), закономерности развития и взаимосвязи различных явлений культуры с социальной жизнью искусство может только при условии наличия у человека отвлеченного, абстрактного мышления. Первоначальным и основным источником развития абстрактного мышления у человека в истории был и является жертвенный обряд, исполняя который люди в

своем художественном творчестве выражали свои эстетические чувства к своему родовому Богу, которого они почитали как самым Прекрасным, так и самым Ужасным во Вселенной. У предков башкордов – ведических ариев Куру верховным божеством почитался Дьяус – Бык или Дьяус – Жеребец (Акбузат). Именно Дьяус – Белый Жеребец по поверьям ведических ариев Куру вел их в священном обряде Ашвамедха к завоеванию новых земель как и конь – Бузат в башкордском мифе.

По этому поводу следует сказать особо, что в башкордской народной поэзии представленной такими классическими произведениями как эпос Урал – батыр, миф о Торна – Хаубене самые лучшие поэтические строки и гимны посвящены белому коню – Бузату верному другу человека.

В башкордском героическом эпосе воспета буквально каждая часть туловища коня, начиная с копыт и кончая гривой и кончиками ушей. Безусловно древние башкорды, как и все ведические арии Куру – Бхараты считали себя потомками Дьяуса – Белого Жеребца, точно также как античные греки считали себя потомками быкоподобного Зевса – Дьяуса, который через порождение своего сына Диониса – Загрея принес себя в жертву себе самому, породив весь мир этим актом жертвоприношения. Эта древняя вера античных греков в свое происхождение из акта растерзания Диониса – Загрея сына Зевса – Быка титанами в полной мере воплощалось в сценическом ряжении быком, козлом и лошадью всех участников античных трагедий.

Ряжение во время мистических игр и процессий связанных с жертвенными обрядами посвященные Дионису – Загрею, сыну Зевса – Дьяуса зафиксированны на многих произведениях древнегреческого искусства: вазах, стенных росписях, монетах, мозаике, и т.д. Благодаря археологическим раскопкам на о.Крит установлено, что в кносском дворце где по мифу жил Минотавр, внук Зевса, проходили многочисленные традиционные игры в масках разнообразных животных. Здесь человек – бык Минотавр был одной из традиционных сценических фигур критской гимнастической пантомимы, как это изображено на стенной росписи из Кносского дворца, датируемой - 1500 годом до нашей эры.

По некоторым древнегреческим мифам, люди произошли из крови титанов, пораженных Зевсом молниями за убийство Диониса – Загрея. У Плутарха пересказывается миф по которому древние греки считали, что люди произошли из огня в который превратилось тело Диониса – Загрея когда было положено титанами после убийства на «жертвенный костёр». (см.Плутарх «Об{Е} в Дельфах» УЦИММ-ПРЕСС Киев 1996 г. стр.82-83.»)

Вместе с этим бог Дионис, сын Зевса – Дьяуса вообще в представлениях древних греков имел прочно утвердившийся образ быка. В античной поэме Нонна о Диониса говорится:

165. Дева Загрея родит, рогатое чадо: (.)
175. В самой кончине своей Дионис получил возрожденье
Разнообразно меняя свой вид,
становился другим он, - (.)
198. Преобразился в быка и, издав его мордой мычанье
Начал титанов бодать заостренным рогом бычьим
200. Так, нападая, он защищал; но завистливой глоткой
В воздухе вдруг загремела
свирепым мычаньем Гера, (.)
Бык дерзновенный припал,
- и убийцы рассекли на части
205. Плоть Диониса в бычачьей природе своими ножами.
Зевс же отец, когда первый
его Дионис был разорван, (.)
И в Тартарийских вратах заключил убивавших Загрея,
210. Крепкорогатого бога. (.)

(Перевод Недовича.)

Рога считаются у курдов символом достоинства, богатства и мужества и по преданиям и по историческим свидетельствам установлено, что культ рогатого божества Диониса – Загрея пришел в Древнюю Грецию в VIII – VII веках из Малой Азии.

Надевая маску быка во время мистерий в античной Греции, участники тем самым подражали в сценическом действии Дионису – Загрею, принесенному в жертву титанами. Поняв основную идею, составляющую суть жертвоприношения Диониса – Загрея, мы видим, что древние греки, надевали бычьи маски, рядились конеподобными силенами и козлоподобными сатирами в подражание своему родовому божеству, от которого вели свое происхождение.

В башкордском народном творчестве во многих преданиях, и сказках, обожествляется Конь, а не Бык. Это связано с тем, что у ираноязычных предков, башкордов Уральских Дахо – Массажетов божество Дьяус (Зевс, греч.) почитался в облике коня. И поэтому, не удивительно, что, если древние греки считали себя потомками быкообразного Диониса – Загрея, сына Быка – Зевса, то древние башкорды вели свое происхождение от ведийского Дьяуса – Перейя, которого представляли себе в образе Белого Коня или Лошади.

Так, в башкордской сказке «Бузансы – батыр» герой рождается от сивой лошади, а герой сказки «Акьял – батыр» рождается от старухи с лошадиной гривой, за что и получает имя «Акьял» - белогривый. Эта вера древних башкордов в свое происхождение от Белого Коня – Солнца

полностью совпадает и согласуется с жертвенными обрядами их предков, ираноязычных Дахо – Массагетов, обитавших на Южном Урале в эпоху Геродота, который писал о боге Массагетов так: «Единственный бог, которого они почитают, это – Солнце. Солнцу они приносят в жертву коней, полагая смысл этого жертвоприношения в том, что самому быстрому богу нужно приносить в жертву самое быстрое существо на свете». (см. Геродот «История» кн. I. 216)

Аммиан Марцелин (ок.330 – ок.400), который жил через 850 лет после Геродота (490 –425г.до н.э.) писал о курдах – аланах буквально следующее: « Аланы – бывшие Массагеты (История,XXXI,2,12). О религиозных верованиях Аланов – бывших Массагетов мы можем узнать у древнегреческого историка Страбона (64 г. до н.э. –24 г. до н.э.» в его «Географии» (IX,VIII,6), где говорится: (... богом они почитают одно только Солнце и ему приносят в жертву коней».

В качестве именно таких жертвоприношений следует рассматривать захоронения коней в курганах конца VI – V в. до н.э. на могильнике Пятимары (на Южном Урале) пишет археолог Мошкова М.Г. (см. Археология СССР «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время « М. Наука 1989 г. стр. 211.)

Этот же древний ведийско-арийский, массагето-аланский обряд жертвоприношения богу Солнца зафиксирован и отмечен у башкордов Урала, ещё во второй половине 18 века. Так очевидец этих жертвенных обрядов Георгий писал, что башкорды: «...во время какого ни есть праздника убьют животное, то ставят на приборе уваренное мясо против солнца, творя при этом много поклонений и прочее во всём подобно шаманским язычникам».(См. Описание всех обитающих в Русском государстве народов. СПб, 1799. Ч. I. стр. 107.) Таким образом, мы видим, что башкорды, как и их предки аланы, дахо-массагеты приносили коней в жертву богу Солнцу точно также, как и древние греки приносили в жертву быка богу Зевсу, то есть тому –же ведийско-арийскому Дьяусу. Аланский могильник возле села Левашовки у г. Стерлитамака в Башкордистане, датируемый VIII – IX веками, доказывает и подтверждает тот исторический факт, что до татаро-монгольского нашествия в 13 в. всю территорию от Южного Урала до Северного Кавказа населяли ираноязычные племена, и что предки башкордов приносили коней в жертву Солнцу.

Майзан – methe «Опьянение», Майдан - Ашвамедха.

*«Законом должно быть запрещено
молодым людям присутствовать
в качестве зрителей на представлениях
ямбов и комедий до тех пор,
пока они не достигнут возраста,
в котором им дозволено
принимать участие в сисситиях
и пить чистое вино».*

Аристотель (Политика)

Древнебашкордское слово – Мэй, несущее значение «хмельной напиток», «алкогольное питьё», «вино», является этимологом таких индо-германских имён существительных, как ведийское – mada, древнегреческое – methe «опьянение» и, ведийско-арийское – medha «жертвенный напиток (пища)». В курдском языке, который до настоящего времени сохраняет архаичные черты и особенности древнеиранских языков слово – Мэ́йе означает «вино».

Курды и башкурды являются потомками ведических ариев Урала племени Куру, ведущих своё мифическое происхождение от царя Куру сына Самвартана от его брака с богиней тепла – Тапати, пятого царя из поколения Сомы – Нахуши. Ведийско-арийская богиня Тапати «жар» мать Куру была национальной богиней уральских скифо-сарматов, и носила, согласно Геродоту, имя Табити. Если башкорды Урала и курды Месопотамии являются потомками ведических ариев Куру, то и нет никаких сомнений в том, что от слова Мэй «хмельной напиток» происходит ведическое слово medha «жертвенный напиток». Ведические арии совершали жертвоприношения трижды в день и приносили богам в жертву, пропущенный через цедилку из овечьей шерсти, хмельной сок растения сомы (хомы), тогда как ахейские греки поливали жертвенный костёр – вином.

Знаменитая башкордская поговорка : Сэ́йе лэ бар – Мэ́йе лэ бар «И чай есть и хмельные напитки», которой хозяин встречает гостей у дверей и приглашает войти в дом, только ещё раз подтверждает ту мысль, что в древние времена у башкордов, курдов, ведических ариев, ахейских греков торжественное вкушение жертвенной пищи на открытом пространстве – майзан – майдан, завершалось ритуалом совместного потребления алкогольного напитка – Мэ́йе, изготовленного из сока растения Сомы – Хома (хмель). Вместе с этим, доказательством наличия

ритуала возлияния хмельного напитка Хомы-Сомы в дар жертвенному огню у ведических ариев подобно обряду возлияния вина в священный костёр у ахейских греков, служат названия жертв в индоарийском языке Риг –Вед. Как пишет Т.Я. Елизаренкова: «... наиболее распространённые обозначения жертвы (...): havis -, havya – как жертва, жертвенный дар, бросаемый (собств. – возливаемый) на огонь, отсылают к глаголу hu (juhoti) «лить», «возливать», «совершать жертвенное возлияние», «жертвовать», ср. ahuti – жертвенное возлияние» (: ahuti – vrdh – радующийся при жертвенном возлиянии)), но также и «дар»; сюда же относятся и такие важные обозначения жертвы как hotra-, hot – га жертвенное возлияние», «жертвенный дар», homan – то же». (См. Риг – Веды. Мандалы V-VIII М. Наука 1995 г. стр. 506)

Башкордский глагол –haууу «доить корову», имена существительные – hөт «молоко», hut «сок растения, дерева», имеют, судя по Риг – Веде, своё исконно индо – арийское происхождение. Одной из своеобразных особенностей фонетики башкордского языка является чередование звуков s>h как и в древнеиранских языках., вследствие чего ведийско – арийское имя существительное – Сома в башкордском языке произносится Хомай, у др. иранцев – Хом – «божество хмельного напитка». При этом в башкордском языке слово «сок» произносится – hut как и в ведийско – арийском языке. Прекрасные примеры обряда возлияния вина «мэй» (башк.) в жертвенный костёр у ахейских греков, подобный ритуалу жертвоприношения Сомы – Хомы у ведических индо – ариев, даёт Гомер в «Илиаде».

Песнь 23.

Погребение Патрокла.

Но костёр между тем не горел под мёртвым Патроком.

Сердцем иное тогда Пелейон быстроногий замыслил:

Став от костра в отдалении, начал молиться он ветрам,

195. Ветру Борею и Зефиру, жертвы для них обещая.

Часто кубком златым возливал он вино и молил их

К полю скорей принестися и, пламенем сруб воспаливши,
Тело скорее сожечь.

Все на костёр налегли, - и огонь загремел, пожиратель.

Ветры всю ночь волновали высоко крутящееся пламя,

Шумно дыша на костёр; и всю ночь Ахиллес быстроногий,

Черпая кубком двудонным вино из сосуда златого,

220. Окрест костра возливал и лицо орошал им земное.

(Перевод Н. Гнедича)

Ахейские греки, чьи подвиги, обычаи и похоронные обряды описал Гомер в своей бессмертной поэме «Илиада», были генетически близким индо-германским племенем к ведическим индо-ариям племени Куру, являющихся прямыми предками современных курдов Месопотамии и башкордов Урала.

В этом отношении весьма знаменательным является тот факт, что в современном башкордском языке сохранились древнеиранские интердентальные спиранты - ҫ (θ) и җ (ð), которые так же присутствуют и в современном греческом языке: Δθ - Θθ. Фонетика любого языка передаётся его носителю вместе с молоком матери, то есть генетически, а не заимствуется человеком в зрелом возрасте, то есть – механически. Все лингвисты хорошо знают – можно выучить язык, но это совсем ещё не значит, что человек автоматически усвоит фонетику иностранного языка. Из этого постулата закономерно следует научный вывод о – необходимости признать интердентальные спиранты - ҫ (θ) и җ (ð) в современном башкордском языке одним из веских лингвистических доказательств индо-германского происхождения башкордов Урала.

Наиболее консервативным элементом культуры любого народа является его похоронный обряд. Изложенный, довольно подробно, Гомером в «Илиаде», похоронный обряд ахейских греков с возложением коней на погребальный костёр возле умершего соплеменника, исполненный Ахиллом в честь своего друга Патрокла, довольно точно и скрупулёзно, по деталям воспроизводит известный нам по археологическим раскопкам Синташты погребальный обряд предков башкордов и курдов – ведических ариев племени Куру, обитавших ещё во II тыс. до н.э. на Южном Урале.

Гомер «Илиада» песнь 23.

... : лес наваливши

Быстро сложили костёр, в ширину и длину
стоступенный;

165. Сверху костра положили мёртвого, скорбные
сердцем;

Множество тучных овец и великих волов
кривоногих,

Подле костра заколов, обрядили; и туком, от
всех их

Собранном, тело Патрокла покрыл Ахиллес
благодушный

С ног до головы; а кругом разбросал
обнажённые туши

170. Там же расставил он с мёдом и с светлым
 елеем кувшины,
 Все их к одру прислонив; четырёх он коней
гордых и суровых
С страшною силой поверг на костёр, глубоко
 стеная.
 Девять псов у царя, при столе его
 вскормленных, было;
 Двух из них заколол и на сруб
 обезглавленных бросил;
175. Бросил туда же и двадцать троянских
 юношей славных
 Медью убив их;

Подобный похоронный обряд, описанный Гомером, с труположениями в могилу коней зафиксирован археологами на ведийско-арийском Синташтинском могильнике рода Куру на Южном Урале, датируемый II тыс. до н.э.

Идентичный погребальный обряд у скандинавских викингов, приплывших по Иделе (Волге) к башкордам рода - Буляр был зафиксирован в 10 веке посланником багдадского халифа Ибн - Фадланом. По свидетельству Ибн - Фадлана, датируемым 921 годом, воины - викинги положили тело своего усопшего вождя - конунга на палубе ладьи, возле которого поместили туши двух забитых лучших коней. Затем на корабль взшла девушка - рабыня, которая по обряду должна была сопровождать своего владыку в загробное царство. Девушку задушили и, положив её тело возле вождя, подожгли погребальную ладью. Позже над пеплом воздвигли огромный могильный курган.

В Индии, куда в начале II тыс. до н.э. с Южного Урала переселились ведические арии Куру, жена каждого царя - Раджи в случае смерти мужа считала своим долгом добровольно взойти на погребальный костёр и умереть в огне вместе со своим усопшим супругом.

Идентичность в описании Ибн - Фадлана погребального обряда викингов в 10 веке с погребальным обрядом ведических ариев в могильнике Синташта на Южном Урале и, затем с погребальным ритуалом ахейских греков говорит нам, что «Илиада» Гомера является ценнейшим историческим источником по культуре индо-германских народов в древности. Обряд возлияния вина в жертвенный костёр у индо-германских племён ахейских греков, подробно изложенный Гомером в «Илиаде», толь в толь соответствует обряду возлияния священной Хаомы у индо-ираноязычных саков - скифов, описанный Геродотом.

Гомер «Илиада» (песнь 23)

235. Сел Ахиллес, приподнявшись, и так говорил
 воеводам:
 «Царь Агамемнон, и вы предводители воинств
 ахейских!
 Время костёр угасить; вином оросите багряным
 Всё пространство, где пламень пылал, и на пепле
 костёрном

(перевод Н. Гнедича)

Теперь сравним этот древнегреческий обряд возлияния вина в костёр с обрядом скифов, сако - массагетов, у которых одно из племён носило имя Саки - Хаумварга то есть «Саки - Хаому почитающие».

Геродот «История» (кн. IV, 62)

«В каждой скифской области по округам воздвигнуты святилища Аресу: горы хвороста нагромождены одна на другую на пространстве длиной и шириной почти 3 стадии, в высоту не меньше.(...)»

На каждом таком холме водружён древний железный меч. Это и есть кумир Ареса. Этому -то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот, и даже ещё больше чем другим богам. Из каждой сотни пленников обрекают в жертву одного человека, но не тем способом, как скот, а по иному обряду.

Головы пленников сначала окропляют вином, и жертвы закалываются над сосудом. Затем несут кровь на верх кучи хвороста и окропляют ею меч.(...)

63. Таковы обряды при жертвоприношениях у скифов».

(перевод Г.А. Стратановского)

Полное сходство жертвенных обрядов у ахейских греков Гомера и иранцев «АВЕСТЫ», с обрядами саков - скифов Геродота объясняется единством этнического происхождения этих древних индо - германских племён. Доказательством тому, что скифы Геродота поливали жертвенный огонь Хаомой, служит то, что сами скифы то есть саки, как пишет Ч.В. Рак: «... делились на три группы, иногда выделяемые в самостоятельные народности:

- 1) «Большие Саки» (т.е. «Большая орда»), или массагеты ...;
- 2) «Саки Хаумварга» (букв. «Саки хаому чтущие [или «изготавливающие»] греч. «амиргийские скифы»(...)). С конца царствования Дария I их стали называть «даха», очевидно эти племена под именованием «дай» подразумевал Страбон;
- 3) «Саки Тиграхауда - Саки с островерхими шапками». (См. «АВЕСТА» С-П. 1988. Справочник - указатель стр. 457 - 458)

Религия саков (скифов) была близка к индоиранской религии. Авестийское наименование Хаома «то, что выжимают» точно соответствует башкордскому – хаум «надой молока». Башкорды Урала являются на сегодняшний день единственным этносом в Волжско – Уральском регионе, т.е. древней Арьяне – Вэдже, который сумел сохранить в своём языке интердентальные спиранты ζ - ζ , а также чередование звуков $s > h$, которые имелись в древнеиранских языках. Тогда как, в дополнение к этому, башкорды до настоящего времени почитают в своей мифологии богиню священного напитка древних иранцев – Хомай. Этот факт является древним анахронизмом даже по отношению к иранцам, поскольку, после того, как Заратуштра отверг древнеарийский напиток Хаому, как «омерзительное зелье» и осудил её потребление («Ясна» 48.10), то культ хмельного напитка Хаомы к началу царствования династии Сасанидов сохранится лишь на окраинах персидской империи. Этот вопрос имеет принципиальное значение в изучении истории распада индо – иранской этнической общности, поскольку именно из-за запрета Заратуштры употреблять в питье священную Хаому – Сому и разгорелась впоследствии религиозная война между сторонниками старой веры предков – ведическими ариями - Куру и поклонниками новой веры – иранцами последователями Зороастра Мидийцами. Именно этими древнеиранскими племенами, жившими на окраине Персидских империй Ахеменидов – Аршакидов – Сасанидов и почитавшими напиток Хаому – Хомай и были предки современных башкордов Урала, которые до настоящего времени через свой национальный эпос «Урал – батыр» воспевают богиню священного напитка древних ариев – Хомай.

Теперь от культа священной Хаомы, которую приносили богам в дар, поливая в огонь на майдане, а затем и пили, чтобы уподобиться небожителям, предки башкордов – ведические индоарии племени Куру, мы перейдём к описанию жертвоприношения быка символа бога Дьяуса самому богу Дьяусу у ведических ариев, Дейеу Перейю у башкордов и Дьяусу – Зевсу у ахейских греков.

Жертвоприношение быка и сакральное вкушение пищи и вина у древних греков согласно Гомеру

Илиада (песнь II)

399. Вдруг задымились кущи, спешили обедать ахейцы.
 400. Жертвовал каждый из них своему от богов вечносущих, Смерти избавить моля и спасти от ударов Арея. Он же тельца пятилетнего, пастырь мужей Агамемнон Тучного в жертву заклал всемогущему Зевсу Крониду. Созвал старейшин отличных, (...).

410. Стали они вокруг тельца и ячмень освящённый подъяли; В сонме их, громко моляся, воззвал Агамемнон державный: «Славный, великий Зевс, чернооблачный житель эфира! Дай, чтобы солнце не скрылось и мрак не спустился на землю Прежде, (...)
419. Так он взывал; но к молитве его не склонился Кронион
 420. Жертвы принял, но труд беспредельный Атриду готовил. Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертву, Выю загнули тельцу и заклали и тук обнажили, Бёдра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли Вдвое кругом и на них распростёрли части сырые.
425. Всё сожигали они на сухих, безлиственных ветвях Но утробы, пронзив, над пылавшим огнём обращали. Бёдра сожегши они и вкусивши утробы от жертвы, Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами, Жарят на них осторожно и, так уготова, снимают.
430. Кончив заботу сию, немедленно пир учредили; Все пировали, никто не нуждался на пиршестве общем. Вскоре ж, когда питием и брашном насытили сердце, Начал меж оными слово Нестор,

Илиада (песнь I)

450. Громко Хрис возмолился, горе воздевающий руки. (...)
458. Кончив молитву, ячменем и солью осыпали жертвы, Выи им подняли вверх, закололи, тела освежили,
 460. Бёдра немедля отсекли, обрезанным туком покрыли Вдвое кругом и на них положили останки сырые. Жрец на дровах сожигал их, багряным вином окропляя; Юноши окрест его в руках пятизубцы держали Бёдра сожегши они и вкусивши утроб от закланных,
 465. Всё остальное дробят на куски, прободают рожнами Жарят на них, осторожно и, всё уготова, снимают Кончив заботу сию, ахейне пир учредили; Все пировали никто не нуждался на пиршестве общем; И когда питием и пищею глад утолили,
 470. Юноши, паки вином наполнивши доверху чаши, Кубками всех обносили, от правой страны начиная. Целый ахейне день ублажали пением бога; Громкий пеан Аполлону ахейские отроки пели.
- (перевод с древнегреч. Н.Гнедича)

Как известно, по поверьям древних греков лучезарный бог Аполлон больше всего любит уральских (рифейских) гипербореев (бурзян). Пиндар (518 – 438г.г. до н.э.) писал о том, что и гиперборейцы приносят гекатомбы жертв богам: «В страну гиперборейцев ты не найдёшь чудесного пути ни морем, ни сушей. У них некогда пировал владыка народов Персей, придя в их жилища и столкнувшись с ними, когда они принесли богу славные гекатомбы ослов.

Больше всего радуется Аполлон их вечному веселью и благоговейным молитвам. Смеётся он, видя животных, свирепо встающих на дыбы. Также и муза не чуждается нравов этих народов. Ведь всюду там хоромы дев; раздаются звуки лиры и пение флейты» (Puth, X, 29 – 47).

Действительно, сообщение древнегреческого поэта – лирика об обычае далёких предков башкордов Урала - ведических ариев Куру создателей протогородской цивилизации Аркаима на Южном Урале (II тыс. до н.э.) приносить в жертву богу огня АГНИ (Аполлон у греков) гекатомбы - сто быков, подтверждают и знаменитые гимны Риг – Веды.

Мандала V, 27.

К АГНИ

5. Чьи сто пятнистых быков –
Дары Ашвамедхи
Возбуждают меня
Словно трижды смешанные соки сомы...
6. О, Индра – АГНИ, держите
У Ашвамедхи, дарящего сотню,
Господство прекрасных мужей (и) власть
Высоко, как нестарееющее солнце в небе
(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Важно указать на то, что предки башкордов Урала ведические арии Куру Аркаима, как и индогерманские племена ахейских греков, почитали бога огня в образе – Быка.

Риг – Веды. Мандала V, 12

к АГНИ

1. Я приношу Агни высокому, достойному жертв,
Быку закона, Асуре, - молитву
Словно жир, хорошо очищенный во время
Жертвоприношения, - в рот,
Хвалебную песнь, устремлённую к быку
2. Знающий закон, закон и знай!
Пробуравь многие источники закона!

Я не (занимаюсь) ни колдовством с насилием, ни обманом,
Я занимаюсь законом алого быка.

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

В этом гимне достаточно хорошо представлена вера древнего ведического ария из племени Куру (Курды – Башкурды) в миксантропически-быкообразный облик бога огня Агни являвшегося как бы исполнителем космического закона – Рита (рэт «порядок», башк.) управляющего жертвенным ритуалом и всем космосом.

Другим немаловажным совпадением в культе являлось то, что и ведические арии Куру и их ахейские собратья приносили быкообразному богу света и огня Дьяусу – Зевсу, Агни – Аполлону в жертву гекатомбы быков. Именем – гекатомба – heka tombe буквально «сто быков» в Др. Греции называлось жертвоприношение, состоящее из 100 быков, позже – всякое крупное жертвоприношение.

У Гомера в «Илиаде» говорится:

Песнь I

430. ... Меж тем Одиссей велемудрый
Хрисы весёлой достиг с гекатомбой священному Фебу.
436. Там они котвы бросают, причалу к пристанищу вяжут.
И с дружиною сами сходят на берег пучины,
И низводят тельцов, гекатомбы царю Аполлону
440. Деву тогда к алтарю повёл Одиссей благородный,
Старцу в объятия отдал и словом приветствовал мудрым:
«Феба служитель! Меня посылает Атрид Агамемнон
Дочь тебе возратить, и Фебу царю Гекатомбу
Здесь за данаев принести, да преклоним на милость владыку.

(перевод Н.Гнедича)

В «АВЕСТЕ» в «Ардвисур» - или «Абан – яште», неоднократно упоминается как древние иранцы приносили в жертву богам именно Гекатомбы быков, ещё в тот исторический период своей национальной истории, когда предки современных курдов и персов обитали на своей северной прародине на Южном Урале в Арьянам Вэджа «Ирандеке» возле блаженной реки Даитьи – Яике (Урале).

«Ардвисур»- или «Абан – яшт».

VI

20. Ты можешь восславить ради меня, о Спитаид Заратуштра
Её Ардвисуру Анахиту,
21. Ей жертву приносил Хаошьянха Парадата
На вершине Хара [Березаити – Борзян, прим С.Г.]
Сто коней, тысячу быков, десять тысяч овец.

25. Ей жертву приносил
Блестящий, богатый, стадами Йима[Йомагужа, р – н, прим. С.Г.]
На вершине горы Хукарья,-
Сто коней, тысячу быков и десять тысяч овец.
(перевод И.С. Брагинского)

Все древние жертвенные обряды ахейских греков Гомера и иранцев «АВЕСТЫ», чудесным образом, продолжали сохраняться у уральских башкордов, вплоть до начала 20 века. Жертвоприношение быка своему древнему родовому ведийско – арийскому божеству – Дьяусу башкорды Урала совершали на - майдане «площадка для вкушения жертвенного мяса» во время коллективного моления весной, называемого Хабандтуй от курдского – хабанд «верить в бога», «одобрять – любить бога» (диал – курманджи). (см Курдско-русский словарь М. 1957 г. стр. 424)

Народное коллективное моление - Хабандтуй с обязательным жертвоприношением быка, коня башкорды Урала справляли ежегодно весной непосредственно и обязательно после проведения женского праздника Карга –туй. Сам факт, что в празднике Каргатуй могли мринимать участие только женщины и молодые девушки, которые проводили спортивные состязания между собой, ясно и чётко указывает этнографам на своё историческое происхождение в эпоху господства в древнебашкордском обществе матриархальных отношений. В свою очередь археологические раскопки могил предков башкордов Сако – Массаетов, Сарматов подтверждают наличие именно Матриархальных отношений у древних иранцев, обитавших в I тыс. до н.э. на Южном Урале.

Женский праздник Каргатуй отмечался в начале весны, как - только тает снег и появляются прилетевшие на Урал с юга грачи. В этом празднике, как пишет С.И. Руденко: Участие в нём принимали только женщины, девушки и мальчики не старше тринадцати лет.

Местом для него выбирался один из ближайших к деревне холмов, не далее 2 км. Несли туда самовары, чай, сахар, хлеб и крупу; варили кашу и пили чай. Пожилые женщины варили кашу, а молодые водили хороворы (тунэрэк уйнайык), играли в мяч, прыгали через препятствия, а местами бегали взапуски, заправив рубахи в штаны. В беге принимали участие девушки и молодые женщины, не рожавшие ещё детей. Самая старшая из женщин, являвшаяся распорядительницей на этом празднике, облачена была в бутафорский старинный костюм (башкейем). Так праздновался каргатуй на восточном склоне Урала и в прилегающих степях. (см. С.И. Руденко «Башкиры» 1955 г. стр. 277 – 278).

Ещё Геродот, касаясь наличия Матриархата у предков башкордов ираноязычных Савроматов [Совар «всадник – рыцарь» курдск.] писал в своей «Истории» (кн IV, 117) так: «Савроматы говорят по-скифски, но

истари неправильно, так как амазонки плохо усвоили этот язык. Что касается брачных обычаев, то они вот какие: девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага. Некоторые умирают старухами, так и не выйдя замуж, потому что не в состоянии выполнить обычай».

Геродот считал, что ираноязычные савроматы произошли от брака скифских юношей с воинственными Амазонками (кн IV, 110). О нравах савроматов Геродот писал: « О савроматах рассказывают следующее. Эллина вели войну с амазонками (скифы называют амазонок «эорпата», что по эллински означает мужеубийцы; «эор» ведь значит «муж», а «пата» - убивать)».

И далее (кн. VI, 110 – 115) Геродот описал как амазонки, перебив греческих воинов, захватили корабль и причалили у берегов Скифии, где сошли на землю и, захватив табун лошадей, принялись разезжать по стране и грабить скифов.

Позднее скифы, посоветовавшись, направили юношей к амазонкам для совершения брака. Когда всё задуманное скифами удалось, то юноши стали звать амазонок к себе в селения, на что те ответили (кн. IV, 114): «Мы не можем жить с вашими женщинами. Ведь обычаи у нас не такие как у них: мы стреляем из лука, метаем дротики и скачем верхом на конях; напротив к женской работе мы не привыкли».

Тогда скифские юноши решили последовать за своими дорогими жёнами – амазонками (кн IV, 116): «...Они переправились через Танаис и затем три дня шли на восток от Танаиса и три дня на север от озера Меотида. Прибыв в местность, где обитают и поныне, они поселились там. С тех пор савроматские женщины сохраняют свои стародавние обычаи: вместе с мужьями и даже без них верхом выезжают на охоту, выступают в поход и носят одинаковую одежду с мужчинами».

В своём рассказе о родстве савроматов Урала с амазонками Ликий в Малой Азии древнегреческий историк своим мифологическим и единственно доступным в античное время научным языком передал довольно точно подлинные исторические сведения о генетическом индо – иранском родстве Башкурдов Южного Урала и Курдов Месопотамии. Ещё Эсхил (525 – 456 г.г. до н.э.) писал о Малой Азии, как местожительстве амазонок, (Prom. 722 – 726):

... и к полудню шаг

Направь! Там Амазонок войско встретится,
Враждебное мужчинам. В Фемискире жить
Они у Фермодонта будут. Отмель там
Опаснейшая.

Фермодонтом в античные времена называлась современная река Термы в Каппадокии, впадающая в Чёрное море. Фемискира (совр. Терма) город в Малой Азии. Амазонки прародительницы ираноязычных Савроматов предков башкордов прибыли в Скифию по Геродоту из

Малой Азии, где единственным этносом, близким для башкордов, являются Курды. Поэтому, нет ничего удивительного, что следы матриархата древних индо-германских племён встречаются и у курдов Месопотамии.

Курд Мэла Махмуд Баязиди в своём сочинении «Нравы и обычаи курдов» писал по интересующему нас вопросу буквально следующее (116 – 126): «Женщины тоже следят за сражением. Когда они видят, что битва приближается к их домам, они со стунами [в руках] идут в бой, на помощь мужьям. Случается, что и женщины оказываются ранеными и убитыми. Таким образом, когда случается подобная битва, сражаются и мужчины и женщины. И если даже бывает, что тысяча вражеских всадников нападают на 40 – 50 домов, то и тогда они не могут одолеть их». (...)

(15,6) «У них не принято, чтобы женщины убегали от мужчин. Женщины и девушки ни от кого не убегают; они совершенно свободны, так же как и европейские [женщины], но подразумевается [при этом], что они не прелюбодействуют». (...)

(34,6) «Женщины у курдов пользуются свободой; они (курды) никогда не поднимут на женщину руку, никогда не враждуют с ними и исполняют все их желания. Если женщина заступится за кровника, то его простят».

(90,6) «Курдские женщины намного умнее, лучше, сообразительнее и человечнее мужчин. Они очень приветливы и всегда оказывают радушный приём странникам и чужеземцам. Они покладисты и послушны. В доме они полновластные [хозяйки] – покупают и продают, не [спрашивая разрешения] у мужей». (...)

(126,6 – 127,6) «Курдские женщины в одиночку ходят на мельницу и едут с караваном. И в жилище, будь то дом или шатёр, десять – пятнадцать мужчин и женщин – все спят вместе: отец и брат, сестра и мать, жена, зять и невестка – не стесняясь и не стыдясь друг друга. Это ведь делается по необходимости и из-за недостатка места, потому все и спят в одной комнате или в шатре – ничего не поделаешь. Курдские женщины и невесты никогда не закрывают ни перед кем лицо, ни от кого не убегают, и со всеми открыто разговаривают, однако, при этом они весьма скромны и целомудренны. И курдские женщины имеют своё собственное имущество – овец, скот и деньги, которые получены ими из отцовского дома или от мужа. Это имущество, принадлежащее женщинам, называют шкарт. Мужья не вмешиваются в дела, связанные с женским имуществом, и не тратят его; женщины на эти деньги совершают куплю – продажу и увеличивают своё имущество. Большинство женщин не берут свою долю наследства из дома отца, а дарят всё, что им положено, братьям или родственникам [мужского пола]». (перевод М.Б. Руденко). См. Мела Махмуд Баязиди М. 1936 г.)

Как видим положение женщины в курдском обществе в известной мере сохраняет реликтовые черты матриархата, на принципах которого была построена структура древнего савроматского племени.

У древних греков женщины не имели право присутствовать на сисситиях мужчин. Этот же обычай наоборот сохранялся у башкордов Урала до начала 20 века и на женском празднике Каргатуй. Учитывая, что на этом весеннем празднике башкордские женщины и девушки проводили обрядовые спортивные игры, следует вывод о том, что в недалёком прошлом у башкордов, как и у их предков ираноязычных Савроматов и Сарматов – женщины участвовали как в войне, так и в обороне своих поселений на равне с мужчинами – воинами. Раньше у башкордов свадьбы молодых устраивались по весне и, в связи с этим, вполне возможно, что женский праздник Карга – туй есть воспоминание башкордов о каком-то женском обряде у их предков Савроматов, у которых по словам Геродота: «... девушка не выходит замуж, пока не убьёт врага».

Женский праздник Каргатуй отмечался у башкордов Урала непосредственно перед общим для мужчин и женщин обрядом – молитвой Хабандтуй. Как писал С.И. Руденко: «В западной и юго-западной Башкирии этот праздник известен был под именем Карга-буткаһы и праздновался за день до следующего праздника Хабандтуй. На юге, как и на востоке, в этом празднике деятельное участие принимали девушки и женщины, у западных же башкир это был исключительно детский праздник. Толпа мальчишек ходила там по домам и собирала крупу, яйца и масло; ходили и кричали – ярма, ярма, ярма (крупя). Набрав всего вдоволь, они направились к реке, где и варили кашу. На следующий день устраивался Хабандтуй, для которого мальчики собирали яйца. Под тем или иным названием весенний праздник [Каргатуй] праздновался ещё в начале XX в. почти повсеместно ...».

(см. С.И. Руденко, указ. соч. стр. 278)

Впервые в устном народном творчестве башкордов о женском национальном празднике Каргатуй – «Праздник ворона» упоминается в эпосе «Урал – батыр».

В древности у башкордов, судя по эпосу, этот праздник был связан с весенним жертвоприношением людей-фармаков богу и затем выдачей молодых девушек замуж. В эпосе «Урал – батыр» именно молодая девушка – царица является основным и главным распорядителем на празднике Ворона – Каргатуй.

730. К стоящим людям Урал подошёл
Окинул взглядом майдан

740. Спросил, что ж произошло,
О своём намерении рассказал
Слова Урала люди все
Слушали с жадностью, говорят
Из толпы один старик
Так ему рассказал:
750. В нашей стране падишах есть,
Среди приближённых туре [знатный] есть,

В день рождения падишаха каждый год
В честь его матери и отца,
В честь колодца, из которого брали воду,
Чтоб новорождённого падишаха омыть,
Существует обычай жертвы приносить
На знамени падишаха

760. Птица – чёрный ворон – [изображена].
Раз в году бывает день,
Когда кормят этих птиц.
Вон, егет, видишь их?
Встречал ли ты этих птиц?
Прилетели на гору, сели они
Учуяли, что пища будет им.
Когда девушек в колодец бросят,
Когда девушки умрут
Когда вытащат их всех,
770. Воронам (на съеденье) швырнут,
Они тут же их склюют
Вот эти связанные егеты
Приведены из всех родов
Дочь падишаха каждый год
Себе выбирает одного;

800. Урал тоже строй не нарушал
Вместе с другими стоял
Дочь падишаха, проходя по рядам,
Всех егетов перебрала,
Но среди них по душе
Ни одного егета не нашла
Наконец она к Уралу
Приблизилась, говорят.
Остановилась возле него
На Урале взглянула, говорят.
Взяла в руку яблоко она,

810. Подарила ему, говорят.
На майдане дочь падишаха
Никого больше не стала выбирать,
Урала отвести к себе
Жестом приказала слуге.
Девушка села на трон,
И снова понесли её рабы.
Направилась она во дворец.
«Дочь падишаха полюбила его
Он зятем падишаха стал!»
820. Закричали так, зашумели все,
Приближённые засуетились,
Стали народ в сторону теснить.
Сказали: «Пойдём во дворец, егет,
Дочь падишаха ждёт тебя».
Что делать Уралу пояснили они
А из приближённых один
Взялся повести его, говорят
«Ты нашим зятем стал», - сказал,
По плечу его похлопал, говорят.

Всё описание процесса исполнения обряда –кормления Ворона «Каргатуй» в башкордском эпосе «Урал – батыр» наполнено картинками кровавых жертвоприношений, связанных одновременно с бракосочетаниями девушек с юношами. Сомневаться в этом не приходится поскольку по историческим источникам известно, что у предков башкордов ираноязычных савроматов девушки не выходили замуж, не убив врага. Судить о том, какое огромное значение имел в древние времена для башкордов кровавый обряд с человеческими жертвоприношениями – Каргатуй «Кормление Ворона» мы можем по тому, что этот ритуал был органично введён в космогонический миф «Урал – батыр», объясняющий людям происхождение Вселенной – Weralt – World – Ур-ал.

Праздник Каргатуй «Кормление Ворона» отмечался у башкордов ранней весной и сопровождался тем, что толпа молодёжи ходила по домам, собирая яйца. Этот обычай восходит к древнему курдскому празднику Наврузу, который со временем стал и общеиранским празднеством. Навруз считается днём освобождения курдов от злого царя – поедавшего юношей Ажи – Дахаки, о чём подробно изложено в поэме Фирдоуси «Шах – Наме».

Из двух страдальцев одного убили
(Иначе поступить – бессильны были)
С бараньим мозгом, с помощью приправ,
Мозг юноши несчастного смешав,

Они второму наставленье дали:
«Смотри же ноги уноси подале,
Из города отныне ты беги,
Иль в горы, иль в пустыни ты беги»
А змея накормили с содроганьем,
Мозг юноши перемешав с бараньим.
И каждый месяц – шли за днями дни –
Спасали тридцать юношей они.
Когда число их составляло двести
То из дворца всех выводили вместе,
Давали на развод овец, козлят
И отправляли в степь ... И говорят:
Дало начало курдам это семя
И городов чуждается их племя.

(перевод С. Липкина)

Освобождение курдов в древности от царя – дракона Ажи – Дахаки произошло на севере, на их древней прародине Арьянам Вэджа, располагавшейся на Южном Урале. Лингвистическим подтверждением уральского происхождения имени царя Ажи – Дахаки является его этимологическое тождество с древнегреческим именем мифической змеи – получеловека – Эхидны и ведийского имени мифического змея морских глубин – Ахи – будхнья. Некогда до II тыс. до н.э. индогерманские племена обитали на севере на пространстве от Алтая до Балкан. Впоследствии ахейские греки, отделившись от индо-иранских народов двинулись на юг Балканского полуострова и основали Крито-Микенское царство. Ведические арии под натиском войск иранцев-зороастрийцев перешли Гиндукуш и захватили Сев. Индию. Сами иранские племена обитали с древних времён на всём протяжении от Уральских гор – Ирандека до Ирана, ещё в эпоху татаро-монгольского нашествия войск Чингисхана в 13 веке. Одним из свидетельств этого родства ведических ариев, ахейских греков и иранцев – зороастрийцев и является древнее имя – Ahi (вед.) – Ажи (иранск.) – Ехидна (греч.) со значением – Змей. Все индо-германские племена в древности в эпоху фетишизма и оборотничества поклонялись рекам как живым существам – Змею, который весной, как им казалось, во время наводнений выходит из под земли, со дна – будхнья (ведич) – бни «дно» (курдск.), тубэн – «со дна» (башк.), чтобы захватить и проглотить людей. Культ Змея глубин – Ажи Дахаки был распространён у индо-германских племён, когда те обитали ещё на севере, на Южном Урале в Аркаиме у берегов Яика. Именно об этом повествует и «АВЕСТА», где говорится, что Трайтаона [Торна – Хаубен у башкордов, - Фаридун у иранцев] молил богиню Ардвисуру – Анахиту в Варне [Аркаиме] дать ему победу над Ажи – Дахакой.

34. «Ардвисур – Яшт»
И просил он её:
«Даруй мне такую удачу,
О добрая, мощная Ардвисура Анахита
Чтоб я победителем стал
Над чудовищем Ажи – Дахака
(перевод И.С.Брагинского)

В честь освобождения от Ажи – Дахаки у курдов сложился свой национальный праздник Навруз, на котором чрезвычайно важную символическую роль играют поставленные на ритуальный стол крашенные яйца.

Как писал Махмуд Баязиди (74.б): «Курды районов Вана, Муша и Баязида на праздник «хек сори» (крашения яиц) у себя дома для своих детей тоже красят яйца, а те играют ими друг с другом». (См. указ. соч. стр. 34)

Яйца курдские дети собирают перед праздником, обходя дома во время, так называемого – Долиданга. Этот же курдский обычай собирать яйца птиц перед празднованием Хабандтуя наблюдали у башкурдов Урала многочисленные очевидцы. Так С.И. Руденко писал: «Празднество это, которое мне неоднократно приходилось наблюдать в северо-восточной Башкирии проходило следующим образом.

Одна из деревень, устраивая хабантуй, приглашала к себе соседнюю, часто из соседнего рода, деревню. Приглашённые ехали в гости с жёнами и детьми, а впоследствии устраивали ответное празднество. Угощение производилось за счёт всей деревни, для чего заранее собирались яйца, деньги (копеек по сорок со двора). На собранные деньги покупали три – четыре лошади, в зависимости от размеров деревни». (С.И. Руденко указ. соч. стр. 278)

Лошадей в древности башкорды приносили в жертву богам, а их мясо шло в пищу людям, устраивавшим коллективный майдан, где на скатерти по ритуалу должны были лежать и яйца, служившие символом воскрешения жизни весной.

Другой очевидец И.И. Лепёхин о башкордском обряде собирания перед праздником яиц писал следующее: «По вечеру собираются из всей деревни молодые ребята на отборных верховых лошадях, и проехав всю деревню из конца в конец, из околицы возвращаются и перед каждым домом делают великий крик и стук до тех пор, пока хозяин дому такую отборную артель чем-нибудь не наградит. По большей части наделяют их куриными яйцами. Собрав подворную пошлину, молодёжь развезается по своим дворам». (См. И.И. Лепёхин, 1802, ч.2. стр. 25. взято из книги С.И. Руденко, см. стр. 278 – 279)

Это башкордский обычай молодёжи обходить с песнями и шутками все дома в деревне и собирать куриные яйца весной перед праздником Хабандтуй, напоминает курдский обычай – Долиданк, по которому подростки в дни религиозных праздников с песнями ходит по деревне, взбирается на крыши домов и через трубу или световое окно опускает в дом привязанный на длинной верёвке носок и просит подарок в честь праздника. Учёный – курдолог Маргарита Борисовна Руденко в примечаниях к своему переводу сочинения Мела Махмуда Баязиди приводит одну очень интересную и важную песню, которую распевает курдская молодёжь во время Долиданга.

Долиданге, долиданге – Dolidange, Dolidange
Сохрани о боже, юношей [этого] дома – Xwede ,xwey ke xorte male
Хозяюшка пожертвуй – Pira male bike qorbange
Кинь что-нибудь в долиданг – Tisteke baveje dolidange.

(См. указ. соч. стр. 33)

Эта курдская песня о защите юношей, исполняемая накануне весеннего праздника имеет прямое отношение к курдской истории, поскольку именно спасённые юноши, избежавшие смерти у царя-людоеда Ажи – Дахаки, стали родоначальниками курдской нации. Именно в честь спасённых юношей и дня свержения Траэаоной – Фаридуном злого царя Ажи – Дахаки, известного как по «Риг – Веде», так и по «АВЕСТЕ», курды издревле празднуют весной Навруз.

Теперь нам надо выяснить и объяснить почему башкорды на праздник Хабандтуй и курды, а затем и все иранцы на праздник Навруз собирают и ставят на праздничный стол яйца, которые обычно красят в красный цвет – хека сор.

В самой «АВЕСТЕ» нет никаких указаний на этот иранский обычай. Тогда как в башкордской – северной мифологии и индоарийской, южной философии на это указание есть, что в свою очередь ещё раз подтверждает ведийско-арийское происхождение башкордской мифологии, а также тот исторический факт, что до II тыс. до н.э. индогерманские племена ведических Куру (Курды + Башкурды) обитали на Южном Урале в «Арьянам Веджа». Обожествление яйца птицы у ведических ариев имело несколько причин северного, нордического корня, но для того, чтобы ясно понять, увидеть это, необходимо просто обратиться за помощью к башкордской философии, которая сохранила в себе созерцание окружающего мира глазами – ведического ария. На Южном Урале весеннее таяние снегов и наводнения рек заканчиваются появлением на севере перелётных птиц. Древние башкорды подметили, что перелётные птицы начинают нести и высидывать яйца только с момента увеличения продолжительности времени светового, солнечного дня. В эпоху оборотничества и фетишизма древние башкорды, как и все

ведический индоарии Куру, отождествляли в своём мышлении субъекты и объекты внешнего мира и вследствие чего считали, что не весеннее время заставляет перелётных птиц нести яйца, а прямо наоборот – яйцо «золотой зародыш», мыслимый людьми как изначально одушевлённый и наделённый сознанием-фетиш, заставляет внутренним импульсом птиц к их порождению, что в свою очередь открывает календарное время. Нетрудно заметить отсутствие способности к абстракции у подобного архаичного размышления. Современный человек, допустим учёный, отделяет время от материальных вещей и считается, что все явления физического мира и сама природа живут, развиваются и умирают в некоем абсолютном, абстрактном времени.

В древности в эпоху фетишизма и оборотничества человек рассуждал иначе и считал Время порождением и Качеством окружающей его живой Природы. По логике этого архаичного метода мышления получается, что Космическое время является атрибутом материального субъекта – фетиша, в данном случае яйца – Хираньягарбха (санскр.) и, вследствие этого время напрямую связано в своём развитии с космическим теплом – Тапас (санскр.) и Тэф «тепло-жар» (курдск.).

В известной мере реликты подобного архаичного, фетишистского мышления продолжают сохранять и современные физики, которые открыто заявляют, что Время и Пространство являются атрибутами Материи. Иными словами, если под Материей признавать физические явления, то современные физики признают как древние башкорды, что материальные вещи способны породить Космическое Время. Было-бы намного лучше, если-бы современные физики к перечисленным выше атрибутам – свойствам Материи то есть Времени и Пространству прибавили и такое качество как Мышление и Образ. Тогда бы всё Космическое Пространство превратилось бы в их научных исследованиях в тело Космического первочеловека Урал – батыра (Wer – alt: World) [Пуруши (вед.) или Эмира (сканд.)], который приносит своё тело и жизнь в жертву этому миру и порождает этим актом жертвоприношения и рассечения себя на части нашу землю.

Башкорды считали, что происхождению жизни на земле обязаны своему первопредку Урал-батыру, небесной супругой которого являлась богиня живой воды девушка – лебедь Хомай дочь солнца Сам-Рау. Имя Хомай произошло от исконно индогерманского корня – hu, со значением – Воды. Имя бога света – Сам Рау из ведийско арийского языка где слово – SAM(вед.) и AZAM(авест.) является местоимением I лица ед. числа – Сам, тогда как вторая часть имени – Рау происходит от ведийского глагола – Raj «сверкать», «гореть», тождественного, допустим совр. французскому – Rouge «красный», а также латинскому Rogus «костёр», английскому – Ray «луч света». Таким образом, для башкордов яйцо лебедя Хомай, дочери Самрау изначально являлось Символом – фетишем

единства космических вод и золотого огня. Урал –батыр супруг Хомай погиб, победив Змея глубин и поэтому яйцо лебеда, его небесной супруги символизировало для башкордов победу Птиц над Змея-реками, наводнившими Землю ранней весной. Именно этому – «Змею глубин» - Ажи Дахаке [эхидне (греч), Ахи будхнье (вед.)] приносили в жертву людей по весне древние башкорды Урала. Ходьба по льду рек становится на Урале весной в период с марта по апрель весьма опасной для людей и древние башкорды, часто видевшие, как какой –нибудь их соплеменник на их глазах уходил под воду из-за проломившегося под тяжестью льда, считали, что его проглотил Змей глубин злой пожиратель людей Ажи – Дахака. Чтобы умиловать Ажи Дахаку древние башкорды приносили в жертву Змею – реке живых людей, юношей и девушек. Нужно отметить, что и ведические арии приносили в жертву людей водам рек и озёр. Именно освобождением от человеческих жертвоприношений Ажи – Дахаку, грозивший уничтожением всему ведийско-арийскому народу и является праздник Навруз, который курды отмечают 22 марта каждого года и ставят на стол яйца, как символ вечной жизни. Между тем такой важный источник как «АВЕСТА» не даёт ответа: почему иранцы ставят крашенные яйца на стол в день Навруза, что объясняется поздним составлением текста этой священной для иранцев – зороастрийцев книги. Напротив, в башкордских мифах «Урал – батыр» и «Торна – Хаубен», созданные башкордами Урала в более древнюю эпоху фетишизма и оборотничества, мы можем узнать, почему башкорды, курды и иранцы-зороастрийцы во время весеннего праздника Хабандтуй или Навруз ставят на праздничный стол крашенные яйца.

В эпосе Урал – батыр, лебедь Хомай, услышав о гибели мужа, прилетает к его мёртвому телу и произносит следующий монолог, в котором ясно и чётко постулируется жизненная символика птичьего яйца.

4260. В небе падучая звезда
 Весть Хомай подала
 Надела птичий наряд Хомай,
 Тут же прилетела, говорят
 Лежавшего мёртвым Урала
 В губы поцеловала, говорят:
 «Ах, Урал мой, Урал,
Не застала тебя в живых,
 В юности встретила тебя,
 От радости девушкой обернулась я,
Сбросила свой птичий наряд,
 Что теперь делать мне?

4280. Не знаю, что и сказать!
 Если девушкой обернусь на кого
 посмотрю?
 Хоть имя останется моё Хомай,
 Хоть люди считают девушкой меня,
Не сброшу теперь птичий наряд.

4290. В облике птицы останусь навек,
Снесу неоплодотворённое яйцо;
 Родится дитя – птицей будет [оно],
Словно помыслы чистые твои,
Белым будет его цвет

4330. Спустя много лет,
 Соскучившись по Уралу, Хомай
 Вдоль по дороге его
 Полетела, махая крыльями,
 Опустилась на гору – скалу
 4340. Думая об Урале, изливая свою грусть
 Лебедем обернулась, вывела птенцов –
 Лебединое племя размножилось.
 Узнали башкорды о том, говорят,
 Считая птиц потомством Хомай
 Признали их как сородичей своих
 И порешили между собой
 Не охотится на них
 Поймав лебеда, не есть
 Размножились лебеди, говорят
 А мясо лебединое люди
 Стали запретным считать, говорят.

Для башкордов в древности, судя по их национальному эпосу «Урал – батыр» такие перелётные с юга птицы, как Гуси – Лебеди, представлялись божественными существами, порождавшие земное время.

4370. Люди по дням прихода
 Этих животных и птиц
 Разделили месяцы и года,
 Дав им название [в том порядке]
 как они пришли

Среди всех птиц и животных самой священной древние башкорды почитали лебедей, поскольку запрещали есть их мясо.

В индуизме лебедя и гуся называют священной птицей – аватарой бога Брахмы, чьё имя, означающее на санскрите «расширяющийся, и разбухающий» произошло от башкордского имени существительного - бөрә «Почка» (дерева), учитывая то положение исторической грамматики, что в процессе зарождения человеческой речи имя Существительное предшествует сложению Глагола.

Золотой зародыш – Хираньягарбха, расположенный в яйце, плавающий в космических водах и давший начало Вселенной, стоит в центре и является отправной точкой ведийской, а затем и индуистской Космогонии. Как пишет В.Н. Топоров: «Согласно «Ману – смрити», пуранам «Махабхарате (XII), Брахма рождается в яйце, золотом зародыше, плавающим в первобытных водах». (См. энци. Мифы народов мира Т.1 М. 1980. стр. 185)

Активная манифестация пассивного Брахмы называется в индуизме – Ишвара «господь» и также описывается как живущим в Яйце Мировом на водах (Бхагават – пурана III, 20,14). В Риг – Веде в «гимне неизвестному богу» о золотом зародыше говорится так:

Мандава Х, 121

1. Вначале он возник как золотой зародыш.
Родившись, он стал единственным
Господином творения,
Он поддержал землю и это небо.
7. Когда же пришли высокие воды,
Вбирая в себя всё, как зародыш, порождая
Агни
Он возник из этого как единая жизненная
сила богов.
8. Кто, в (своём) величии, охватывал взором
воды
10. О Праджапати! Никто кроме тебя,
Не охватил все эти существа.
(перевод Т.Я. Елизаренковой).

Учитывая тот исторический факт, многократно подтверждаемый археологическими находками о том, что ведические индоарии Куру – предки курдов и башкордов жили до II тыс. до н.э. на Южном Урале и в Западной Сибири, где весной случаются обширные наводнения, сопровождаемые и совпадающие по времени с появлением на севере таких перелётных птиц, как гуси – лебеди, почитаемых ваханами (перевозчиками) бога Брахмы, рождающегося из яйца посередине

космических вод, то не может быть никаких сомнений в том, что гимн 121 из Мандалы X «Риг-Вед», посвящённый Хираньягарбхе, был создан предками индо-иранских народов на их прежней преарктической родине в Арьянах – Вэджа.

Безусловно, текст башкордского мифа является более древним нежели гимн Риг-Веды (X, 121), поскольку в эпосе Урал – батыр весеннее наводнение рек представлено как нападение подводных драконов и змея глубин – Ажи Дахаки, что соответствует эпохе фетишизма и оборотничества, тогда как в ведическом гимне речь идёт уже о безликих космических водах, то есть налицо методы обобщения и глубокой абстракции, стремящейся вывести происхождение всего сущего из некоего первоединого начала наподобии элемента – вода в натурфилософии древнегреческого мыслителя Фалеса. Как мы знаем по многочисленным примерам из истории развития человеческого мышления и языка, фетишизм и оборотничество непосредственно предшествуют зарождению абстракции и, поэтому на этом основании башкордский эпос Урал – батыр является более древним, нежели большинство гимнов «Риг-Веды».

Прекрасный образчик метода мышления древних башкордов Урала архаичными формами фетишизма и оборотничества представлен в следующем эпосе «Торна – Хаубен» (Акбузат). Герой эпоса Торна – Хаубен (впоследствии ставший Трита Аптёй в «Риг-Веде» и Тразтаоной в «АВЕСТЕ»), встретил Хомай супругу, принесшего себя и своё тело в жертву этому миру, Урала и спрашивает у неё:

-«Почему ты стала птицей? – спросил Хаубен.

79. Хомай ответила:

-Когда мы отправляемся в дальний путь, все оборачиваемся птицами. И невестки мои тоже. А когда все долетают до места, мужья целуют своих жён, и они снова обретают свой прежний облик. А пока я летела, мой муж умер, и поэтому я не смогла вернуть свой облик. Все [мои сыновья] нажили себе детей и умерли в старости. Акбузат, на котором ты сидишь, был конём моего мужа Урала.»

Из этих строк эпоса видно, что для древних башкордов Лебедь являлась не птицей, а женщиной, которая не смогла вернуть себе человеческий облик из-за смерти своего мужа.

Это древнее суеверие у башкордов было настолько сильным, что и в настоящее время у них мясо лебедей и журавлей считается запретным для употребления в пищу. Миф был идеологией древнего человека и поэтому, нет никаких сомнений, что в эпоху сложения эпоса Урал – батыр башкорды обожествляли яйца лебедя, почитаемого небесной

супругой их прародителя-первопредка. Миф раскрывается в обряде, во время исполнения которого древние башкорды в сценическом действии разыгрывали как современные актёры в театре от начала до конца весь эпос Урал – батыр, изображая жизнь, подвиги и смерть своего Первопредка. Это театрално-обрядовое представление исполнялось на весеннем празднике башкордов Урала – Хабандтуй. Проведение обряда весной диктовалось самим повествованием башкордского мифа, изложение которого начинается с описания встречи Урала [Земли] с лебедем [Хомай – воды].

Действительно лебеди прилетают с юга на север, на Южный Урал ранней весной, с началом таяния снегов, считавшиеся людьми пробуждением змея глубин – Ажи Дахаки, с которым борется и погибает Урал – батыр. Прилетев с юга на Урал, лебеди начинают нести яйца, которые по башкордскому мифу являются неплодотворёнными из-за гибели Урал-батыра. Именно поэтому яйцо лебедя символ вечной жизни и победы человека и дочери Солнца над Змеем глубин Ажи-Дахакой у башкордов играло важную роль в обряде Хабандтуй, проводимом в древности весной сразу-же после окончания наводнения рек. Впоследствии с ростом абстрактного мышления, древние башкорды стали заменять в обряде Хабандтуй яйцо лебедя куриными яйцами и этот обычай стал со временем общеиранским, ради чего все справляющие курдский праздник Навруз ставят на праздничный стол крашенные яйца – Хека сор. С течением времени этот исконно башкордско-курдский, иранский обычай подносить друг другу яйца птиц – являющиеся в обряде – символом вечной жизни проник к малоазийским грекам, а затем с возникновением христианства стал необходимым сакральным атрибутом праздничного стола.

Как писал С.И. Руденко: «У западных башкир (байлярцы) ещё в начале XX века мальчики, а за ними и взрослые, собирали по домам яйца. Затем один из уполномоченных собирал от молодых женщин полотенца, платки, от торговцев – ситцы и нёс всё это на майзан, где должно было происходить празднество».

(См. С.И. Руденко, указ.соч. стр. 279)

Таким образом, мы видим, что у башкордов до XX века праздник общей молитвы – Хабандтуй, проводимый весной, вообще не мог начаться, если его участники не приносили, то есть добывали яйца птиц, являвшихся символом неплодотворённого семени Хомай, что в древности являлось для башкордов действительным материальным свидетельством гибели Урала и знаком к началу исполнения обряда – Майзан «испития и опьянения хаомой – хмелем». Порядок организации жертвенного Майзана, сохранивший у башкордов вплоть до нач. XX века реликты общего для всех индо-иранских народов древнего

ведийско-арийского праздничного обряда: medha - Ашвамедхи, был подробно описан С.И. Руденко, который писал: «Майзан устраивался где-нибудь на возвышенности вблизи деревни; с южной его стороны располагались полукругом холщевые палатки, открытые к центру, или устраивался полукруг из небольших берёзок. Там же стояла высокая жердь с привязанными к её вершине полотенцами и платками, указывающими издали на место сборища. В тени берёз или навеса сидели почётные лица, гости и хозяева; здесь они пили чай, наблюдали за борьбой и другими состязаниями». (См. С.И. Руденко, указ. соч. 279)

Устраивать жертвоприношение – medha на возвышенности являлось каноном ведийской религии, поскольку у индоариев периода Риг – Вед, как пишет Т.Я. Елизаренкова: «Храмов в это время не было. Алтарь (vedi) сооружался на открытом возвышенном месте. Расстилали жертвенную солому (barhis), куда должны были сесть боги и разжигали поленьями жертвенный костёр. Жертву кидали или выливали в огонь жертвенного костра – считалось, что бог Агни передаёт её своим пламенем богам. В жертву приносили сок сомы, приготовленный определённым образом молоко, масло, мёд, зерно, лепёшки, мясо, жертвенных животных».

(См. Риг-Веды, мандалы I-IV. М. 1989 Приложения стр. 453 – 454)

Молоко, масло, а также свежий мёд ведические арии могли приносить в жертву богам только с началом весны, когда появляются эти продукты. Иными словами, ведические арии Куру, когда до II тыс. до н.э. проживали на Южном Урале, то начинали весь цикл своих жертвоприношений богам, как и современные башкорды, с весны. Жертвенная солома ведических ариев – barhis и древних иранцев – барсом, у зороастрийских жрецов – заотаров Барсман широко использовалась судя по античным источникам, предками башкордов – рифейскими гиперборейцами. По свидетельству Геродота (IV, 33): «...Гиперборейцы посылают скифам жертвенные дары, завёрнутые в пшеничную солому».

По словам Павсания (I, 31,2): «В Прасиях есть храм Аполлона. Рассказывают, что сюда приходят жертвенные начатки от гиперборейцев, что гиперборейцы передают их аримаспам, аримаспы исседонам, от этих последних скифы доставляют в Синоп, а затем, через земли эллинов они доставляются в Прасии, а затем уже афиняне везут их на Делос. Так как эти начатки завёрнуты в пшеничную солому, то никто не знает, что они представляют».

Гиперборейцы были ираноязычным народом, как и все их окружавшие племена Дахо-Массагетов, Скифов, Ализонов, Исседонов, Аримаспов. Само название Млечного Пути на небе, по которому в древности ориентировались путешественники и мореходы, носит в иранских языках

название – Рийа Кахкахон «Путь похитителей соломы», у курдов – Рийа Кахдиз.

Античный этноним – «гипербореи» этимологически точно соответствует этнониму башкордского племени – Бурзян, имя которого в свою очередь восходит к авестийскому слову Берсизава «Огонь», горящий перед лицом бога Ахура Мазды. В среднеперсидском языке это слово стало звучать – Берези саванг. В древнем индо-иранском происхождении этнонима башкордского рода Бурзян невозможно сомневаться, поскольку у Курдов Месопотамии, являющихся потомками ведических ариев Куру, ушедших во II тыс. до н.э. с Южного Урала в сев. Индию и Переднюю Азию, до настоящего времени одно из родоплеменных объединений носит имя – Барзан. Башкорды рода Бурзян живут на Уральских горах, называя их южную часть – Ирандек, т.е. «Иранская возвышенность». Горный массив на южных оконечностях Уральских гор, который занимает для местожительства это башкордское племя, сам носит имя Бурзян и под этим древним индо-иранским названием уже известно в «АВЕСТЕ» как горная цепь Хара-Березаити. «Авестийская Хара-Березаити соответствует мифической горе Меру – Сумеру в Риг-Веде. Учитывая тот исторический факт, что племена ведических индоариев Куру обитали в древности, до II тыс. до н.э. на Южном Урале, а затем ушли на юг в Северную Индию и Переднюю Азию, где обитают курды среди которых существует племя Барзан, то и нет и не может быть никаких сомнений в том, что башкорды рода Бурзян соответствуют античным Гиперборейцам, у которых как и у всех ведических ариев во время жертвенного обряда на алтаре стелили по канону священную солому: barhis – барсом.

Столб, который строители башкордского весеннего обряда жертвоприношения водружали в середине площадки – Майзан, возле чего затем разыгрывались сценические действия, носил древнее индоарийское имя – Багана, производное от ведийского – bhaga «господь» и авестийско – иранского – багин «священное место, храм, со статуями». Сам тот факт, что у башкордов столб в центре Майзана носит имя, производное от ведийско-арийского «Господь», указывает исследователю на индоиранские истоки башкордского праздника Хабандтуй.

Во время жертвоприношения у ведических ариев священный столб – sthuna, водружаемый в центре площадки, играл центральную сакральную роль, неся в себе символически образ – опоры мира. У современных курдов опорный столб дома, поддерживающий перекрытие потолка, носит древне-ведийское имя – стун и на самом деле является опорой дома (мира).

Ведические арии во время жертвоприношения коня, как это следует из гимна I, 162 «Риг-Вед», водружали священный столб – стун.

Затем трижды обводили вокруг стуна боевого коня, приносимого в жертву, посвящая богу Пушану.

После исполнения этого ритуала коня закалывали, затем жрецы - брахманы - разделяли тушу по ранее установленному канону, и приготовив мясо на жертвенном костре, заканчивали ритуал вкушением его мяса.

Имя ведийско-арийского божества изобилия – Пушана, от риṣ «расцветать» исторически имеет исконно древнебашкордское, уральское происхождение и этимологию.

Так в башкордском языке слово – бышыу означает «наполняться» «переполняться» (чувством), а вследствие чередования в индо-иранских языках звуков б>п, исконно башкордское слово – бышыу стало именем – Пушан. В курдском языке слово того же башкордско-индоарийского корня – пышьк, означает анатомический орган – лёгкое, то есть ту часть тела человека, животного, которая имеет свойство увеличиваться – бышыу, переполняться (башк.) в 4 раза. Именно этому божеству Пушану, переполнявшему по весне молоком вымя козы и овцы, которых ведические арии Куру доили как и их современные потомки гурды Месопотамии и, приносился в жертву козёл, роль которого у ахейских, а затем и у дорийских греков со временем, к VII в. до н.э., заняла центральное место в культе умирающего и воскресающего бога Диониса – Загрея, сына бога Зевса – Дьяуса Критского.

У древних башкордов, как и у всех ведических ариев Куру, а также ахейских греков, после торжественного заклания богам жертвенных животных: коня, быка, овцы, козла начиналась разделка туш и варка мяса для совместного вкушения участниками обряда. Время, которое проходило с момента заклания жертвенных животных до начала вкушения совместной пищи [сисситии, древн.греч.] на майзане – medhe (ведич.), башкорды, как и их предки ведические арии Куру, посвящали обрядовым играм, имевшим сакральный характер и поэтическим пересказам древнего мифа о жизни, подвигах и добровольной смерти ради блага людей Урал – батыра.

Ритуальные состязания на майзане у башкордов Урала на обряде Хабандтуй и поминальные игры у ахейских греков в поэмах Гомера «Илиада» и «Одиссея».

а) Диар – круг

Во время проведения обрядовых состязаний на празднике весеннего молебна – Хабандтуй, все участвующие башкорды рассаживались со всех

сторон возле ритуальной площадки – Майзана, на которой происходило заклание жертвенных животных, образуя тем самым круг – Диар (курдск – башк.), от чего позже в греческом, а затем и латинских языках возник термин – Тага. Как писал С.И.Руденко об этом: «Весь народ собирался на майзан после полудня, по выходе стариков из мечети после молитвы. Собравшись на майзан, народ занимал места или в тени навесов, или, располагаясь полукругом, с противоположной стороны так, что майзан замыкался полным кругом». (см.С.И.Руденко указ. соч. стр. 279.).

Эти старики, совершавшие благодарственные молитвы у башкордов в честь жертвоприношения в древности, до возникновения в 6 веке мусульманства и проникновения этого учения на Южный Урал в X веке, носили древнеиранское – курдское имя – Пир «старейшина» у англичан Peer (пер). Курдско – английское слово Пир (Peer) этимологически и сематически тождественно древне – индийскому слову и понятию – брахман, означающие – класс жрецов в обществе ведических ариев.

У уральских сарматов и дахо – массагетов ведущую роль в обществе играли женщины – жрецы, часто выступающие племенными вождями, как это было в случае с Томирис, чьи войска разбили персидскую армию Кира Великого в 530 г.до н.э.

Это матриархальное устройство сако – массагетов было хорошо известно предкам курдов Месопатамии, поскольку оно зафиксировано в курдском языке, где слово – «Пир», тождественное английскому – Peer (пер) и ведийскому – «брахман» означает – старуха, старушка. Иными словами, если в английском языке древним индо – иранским словом – Пир передается понятие «Высшее сословие людей – Пэров», то у курдов этим – же словом означает – «пожилая женщина, старушка», тогда как у предков башкордов Урала ираноязычных дахо – массагетов верховными вождями – Пир – Пираде были женщины – воительницы и старушки – жрицы. Археологические раскопки могил сарматских жриц, на Южном Урале (Дахо – Массагетии), показывают по набору ритуальных предметов, что как в общественной жизни, так и во время исполнения религиозных обрядов и празднеств, ведущую роль здесь играли женщины – пиры.

У ведических ариев жрецами, исполнявшими священный обряд заклания белого коня богам – Ашвамедхада, являлись жрецы – брахманы и картары «жрец, совершающий ритуал». (см. «Риг – Веды» I, 139, 7 ; VI, 19,1; VII,62,1). У башкордов слово того же ведийского корня – «карт» означает – уважительно «старец», «пожилой человек», а во множественном числе – карттар «пожилых и уважаемых организаторов, руководителей народных празднеств». Башкордский термин – карт, как и ведийский синоним – карттар, вместе происходят из единого индо –

германского корня – кар «делать», в башкордском языке - короу «делать», «сооружать», «воздвигать» и в этом творительном значении означает – Податель, Создатель, Вдохновитель.

Именно этим творцам и вдохновителями – на празднике Хабандтуй у башкордов, как и у их далеких индо- иранских предков - ведических ариев Куру, были жрецы – карты и карттары, то есть «пожилые люди – старцы, живые хранители канонных проведения обряда Хабандтуй», поскольку в древности не было книг и все знания об обрядах передавалась из уст в уста, в поэтической форме и строго по наследству от прадеда к отцу, а от отца к внуку. С течением времени у башкордов Урала, мужчины – карттары сменили во время исполнения религиозных обрядов предшествующий им по времени класс женщин – жриц Пиров, затем, с возникновением мусульманства в VI веке, проникновением его на Урал и принятием нового религиозного учения башкордами

Булгара Биляра в X веке, прежних жрецов – картов и карттаров сменили муллы, которые знали арабский язык.

Лингвистическим доказательством наличия матриархата у почти всех индо – германских племен в глубокой древности является само ведийско – арийское слово - брахман, «высший жрец», производное от праиндоевропейского корня : brx{B – R} со значением «расширяющийся», «разбухающий» и тождественного со словом Пир «пожилая женщина» в курдском языке. Природой устроено так, что именно тело, живот женщины после зачатия семени мужчины начинает : «разбухать» и «расширяться» - brx (вед.). Именно поэтому ведийско – арийский корень – бр (B – R), «разбухать – вздуться» совпадает по своему значению со словом того же корня – «беременная» в русском языке, со словом – Pregnant в английском языке; со словом – бар «плод» в курдском языке; и словом – бөрө «почка» и бөрөлөү – разбухать в башкордском языке. Этот же этимон - бр (брахман) является основой слов - Пир «старушка- (прародительница)» в курдском языке и Peer в английском языке, которые имеют единую «авестийскую» фонетику с языком башкордов, предками которых - Дахо Массагетами управляли женщины - жрицы Пиры. В эпоху фетишизма и оборотничества далёкие предки индогерманских народов почитали слово человека живым, материальным предметом, вещь и, поэтому, ведические арии думали, что жрецы-брахманы, произнося вслух слова гимнов и молитв, связывают во время исполнения обряда земной мир с небесным миром богов. Именно поэтому ведийско-арийский корень - rga «наполняться» - достигать совпадает по значению и един с этимоном английского слова - rгаег«молитва». В курдском языке от того же ведийско-английского (праиндо-германского) корня - rга родилось имя - Пирhэбок «паук» (биол.),

который ткёт и прядёт свою нить и растирает - рга, тем самым свою - Паутину, как ведийский риши ткёт свою молитву к небесам и словами гимна достигает бога. Другое значение слова - Пирхэбок, в курдском языке это «ведьма», «старая колдунья», опять-таки - женщина - волшебница, жрица, что на самом деле подтверждается этнической историей и матриархальным устройством предков башкордов Урала - ираноязычных Сарматов и Дахо – Массагетов. Именно женщины - жрицы Пирьк у предков башкордов Урала, как позднее и брахманы у ведических ариев Куру начинали обряд жертвоприношения повествованием мифа, который раскрывает суть сакрального действия.

Ведийский глагол - «говорить» - Bṛu этимологически точно соответствует башкордскому - бурылдау «ворчать - бормотать», английскому - brag «хвастать», древнеисландскому - bragi «поэт», а также «главный», «лучший». Таким образом мы видим, что древнеисландское слово - bragi «поэт» и английское - brag «хвастать» этимологически совпадает с курдским словом - Пир «большой - великий», а также «духовный руководитель, наставник». Это очень важно понять, поскольку лексика, взятая нами из удалённых районов индо-германской географической ойкумены, сама показывает и доказывает один и тот же факт, что в древности предки курдов, англичан, исландцев и индийцев считали великими людьми, жрецами тех своих соплеменников, кто умел красиво говорить, то есть излагать свои национальные мифы. Причины подобного мышления древних людей достаточно легко понять на примере религиозного культа. В любой религии сакральные обряды может исполнять человек, знающий молитвы, то есть говорить и излагать наружу, во вне, внутренний смысл и суть обряда. Именно поэтому - то ведийский глагол - bṛu «говорить», от которого и произошло слово - брахман «жрец обряда» этимологически и по смыслу совпадает с английскими словами - прауге «молитва» и preacher «проповедник», а также - brag «хвалить», поскольку священник знает молитвы и восхваляет Господа Бога во время исполнения обрядов. К этому же семантическому ряду восходит и древнеисландское слово - bragi «поэт», поскольку в древности поэты приравнивались к священникам, а ведические брахманы сами были поэтами (bṛu – bragi), слагавшие гимны богам - дэвам. У предков башкордов Урала - ираноязычных Дахо - Массагетов и Сарматов - поэтами - жрецами были, как это позже подтвердила археология, женщины - Пирьк. Женщины - Пирьы (bṛu, ведич.) во время празднования древними башкордами весеннего обряда Хабандтуй пересказывали устно весь космогонический миф Урал - батыр, который прерывался театрализованными представлениями, где участники на сцене мимическими действиями изображали отдельные эпизоды национального эпоса, являющегося этиологическим повествованием о

возникновении нашего мира, людей и самих башкордов из тела принесённого в жертву своего далёкого Первопредка.

Башкордские жрицы - Пирьк и жрецы - Пирьы для повествования мифа Урал - батыр выходят в центр круга - Диар (курдск. - башк.), прообраз древнегреческо - ахейской площадки для сценических танцев - Дромос. Два имени круга - площадки - Диар у башкордов и курдов, а затем - Дромос у ахейских греков, происходят из единого праиндоевропейского корня - Ара - агеа «пространство». Учитывая тот факт, что в курдском языке предлог - дь указывает на место - «в», «на» и согласуется с послесловом – да «в», в башкордском и курдском языках, которые также указывают на место; общеиранское, башкордское слово Диара следует переводить как «в круге».

б) Кикәл – СусЛос – Цикл.

Круг – Диар с центром вокруг жертвенника складывался из двух полукругов - участников весеннего обряда Хабандтуй. В башкордском языке слово - Полукруг происходит от понятия - Гребешок (петуха - курицы) - Кикәл. Вот именно от этого древнебашкордского слова - Кикәл «гребешок» - «полукруг», (складывая их вместе получается круг), и родилось древнегреческое слово - КукЛос - Цикл.

По всей видимости, само понятие Цикл, означающее периодическую смену одних явлений другими, но однотипными, которые через определённый период времени повторяются вновь, - родилось из наблюдений того, как участники Хабандтуя у башкордов Урала, Дромоса у ахейских греков периодически образовывали собой круг - Диар из двух полукругов, созерцающих жертвоприношение Божеству. Позднее, организаторы - жрецы ведических ариев, сознательно разделили всех участников весеннего жертвоприношения Божеству на два полукруга соперников, которые чередуясь, состязаясь друг перед другом в том, какой полукруг участников обряда лучше изобразит в сценической пантомиме, пересказываемый главным исполнителем тот или иной сюжет мифа. Несомненно, с этого момента жертвенный обряд башкордов, ведических ариев Куру, ахейских греков стал превращаться в театрализованное, сценическое представление, где главным действующим лицом Драмы было само национальное божество: Дьяус - Бык, поскольку именно из чередования полукруговых киклических хоровых диалогов сложилась такая существенная часть древнегреческой трагедии как Эписодии, завершающиеся Стасимом, то есть общей песнью хора в соединившемся и неподвижном положении.

Хор, своими пантомимическими движениями тел участников пения, изображал тот или иной эпизод мифа. В этом отношении древнегреческое слово epeisodion «случай», «происшествие» в первоначальном смысле соответствует башкордскому слову – епыс «кривляние». Это в полной

мере согласуется с тем, что в древности в эпоху господства коллективного мышления у члена родовой общины отсутствовало чувство личности, из-за чего во время жертвоприношений, не актёр, а коллективный хор становился действующим лицом драмы, ряженные участники которого мимическими движениями и кривлянием изображали и пересказывали миф. Если в мифе речь велась о борьбе героя со своими врагами, то участники майзана на полукруге начинали бороться между собой; если рассказ шёл о преследовании демонов, то участники хора устраивали бега наперегонки друг с другом и так далее, тогда как жрец - пир, брахман или священнослужитель - Тьрек у курдов - езидов, вёл повествование эпоса, являющегося устной генеологией для людей в древнюю эпоху. Сценическое действие участников обряда превращало Диар в круговую Диараму, в которой разыгрывалась Драма жертвоприношения Бога. Майзан у башкордов Урала исторически является прообразом оркестра у древних греков.

Первым обрядовым состязанием, в котором по мифу «Урал-Батыр» прошёл испытание и победил, являлась борьба с быком царя Катилы. Диалог Урал -Батыра с Быком раскрывает театральный характер этого обрядового состязания героя с быкочеловеком. Вместе с этим, описания в башкордском эпосе различных эмоциональных переживаний народа, окружавшего Урал-батыра, указывают, что в древности все люди на майзана непосредственно принимали участие в обряде, как современные актёры в спектакле.

Люди являются главными действующими лицами в башкордском эпосе и с этой точки зрения миф «Урал - Батыр» представляет собой - драматическое произведение трагического характера.

960. Как только двинулись они –
И люди стали плакать и стенать,-
Урал вырвался вперёд, говорят,
И такие слова сказал, говорят:

970 (3 –8) Видя, как стенает народ,
Как на глазах у него
Берущая души злая Смерть
Руку накладывает на людей,
Мужчиной считающий себя батыр
Будет ли безучастно стоять.

980. Приближённые, убирайтесь! – закричал
Великий падишах, с носилок сойди!
Развяжи руки рабам,
Развяжи руки девушкам!»

990 (4 – 10) Словно медведи косматые,
Словно оргомные дивы,
Четыре батыра явились, говорят
«Будешь биться или бороться?
Выбирай! – сказали они, говорят
«Не погибли бы сами вы!
Подумайте сначала о том.
1000. Посильнее самих себя
Найдите какое – нибудь животное!»
Когда Урал так сказал, те захохотали, говорят.
«Ох – хо – хо! Какой ты, оказывается, батыр!» -
Так падишах и все остальные
Издевались над ним, говорят.
В гневе падишах Катил
Не знал, что и сказать,
Не раздумывая, он повелел:
«Если крови жаждет он,
1010. Если жить надоело ему,
Быка приведите сюда,
Который поддерживает мой дворец, -
Сделает то, что надо, бык!
А вы, батыры, подождите [пока]»
Услышав эти слова,
Все люди перепугались, говорят.
Урала пожалели они.
«Пропадёт егет», - думая,
Слёзы проливали, говорят.

Народ в башкордском мифе исполняет роль коллективного положительного героя наподобие хора в древнейших трагедиях, начиная с эпохи Эсхила.

Образ народа дан в эпосе «Урал - батыр» монолитно и весьма схематично, без всякого последующего развития характера. Переживания народа об участии Урал - батыра, выраженные в словесной форме, по всей видимости, напоминали в древности - тренос древних трагедий Диониса - Быка. Аффект, сочувствие, сопереживание герою, пассивное ожидание беды, катастрофы, а не активное и решительное действие, направленное на свою защиту, являются отличительными чертами драматического образа народа, как коллективного героя в башкордском эпосе «Урал -батыр». Эта пассивность народа объясняется тем, что в историческую эпоху разложения родового мышления, которую отображает эпос «Урал - батыр» сам народ представлял из себя

монолитную, малоподвижную массу людей, связанную между собой иерархической системой отношений. Поэтому народ, как действующее лицо башкордской драмы изображается только со стороны своих аффективных состояний и переживаний: то впадающий в ужас перед царём Катилом, то благодарящий Урал - батыра за своё чудесное избавление от смерти.

Народ в эпосе не действует, а ожидает и созерцает разворачивающуюся вокруг него череду событий и воплощает собой некую положительную идею, монументальный принцип. Но вместе с этим, башкордский народ не был простым созерцателем событий и, если под драмой понимать развитие и становление характера, столкновения положительных характеров действия с отрицательными, то все эти качества и признаки в эпосе «Урал - батыр» имеются. Это выражалось внезапной остановкой хорового пения или сценической пантомимы и исполнения одним актёром монолога, включающего в себя сольное пение, или же диалогом двух участников культово-обрядовой драмы. В эпосе «Урал - батыр» тронетическое причитание хора прерывается монологом дочери царя Катилы:

1020. Дочь падишаха пришла,
Стала отца умолять:
«Отец мой, остановись,
Понапрасну его не губи!

1030 (5 – 10) Не внял просьбе дочери падишах,
Не уступил её мольбам.

Таким образом, в башкордском мифе налицо столкновение характеров, вследствие чего эпос «Урал - батыр» приобретает облик трагической драмы, которую башкорды разыгрывали во время своего весеннего праздника Хабандтуй и, получали эстетическое наслаждение, созерцая развитие, предустановленное обрядом сценического действия, в котором участники воплощали собой стихийные силы природы, порождающие в своём диалектическом становлении весь мир.

Для древних греков подсознательным осмыслением и обобщением творчески производительных сил и процессов природы личностью, которая только - только выделилась из первобытной общины, стал культ Диониса - Вакха, пришедшего на материковую Грецию в VII – VI в.в. до н.э. из Малой Азии, где ещё с 18 в. до н.э. обосновались Митаннийские арии - Куру - родичи башкордов Урала и ахейских греков. Символом Диониса был Бык или козёл, тогда как ещё у ведических ариев Куру эти животные почитались символами Дьяуса, Праджapati и Дакши. Ведические арии Куру ещё во II тыс. до н.э. обитали на Южном

Урале в городе – крепости Аркаим на своей древней прародине в «Арьянам - Вэджа» и, поэтому вполне закономерно, что в башкордском мифе образ человекоподобного Быка, которого в борьбе побеждает главный герой - человек Урал, занимает центральное место. Образ быка в башкордском эпосе имеет два аспекта: во - первых, бык - это древнее божество Дьяус - Зевс, которому башкорды, как и ведические арии Куру и ахейские греки приносили человеческие жертвоприношения; и во - вторых, бык воплощает собой некоего культурного героя, доставившего блага людям в начале времён, после того как Урал - батыр победил и укротил это чудовище. Ритуальная борьба человека с быком во время обрядов Дьяусу - Зевсу в древности достаточно хорошо представлена в степной росписи Кносского дворца на Крите.

До настоящего времени у другого индо-европейского народа, испанцев, сохранилась коррида, представляющая из себя борьбу человека с быком. [По мнению некоторых учёных, коррида была перенята испанцами от Басков Пиренейского полуострова, которых, в свою очередь, опять - таки некоторые учёные считают прямыми потомками древних критян.] У римлян были гладиаторы.

В башкордском мифе обрядовая борьба человека с быком описывает, по всей видимости, реальные факты древней истории ведических ариев Куру, которые выбирали из своей среды 4 сильных мужчин, способных свалить с ног жертвенное животное (быка, жеребца) и красиво закласть его перед богом на алтаре - Vedi.

Сцена борьбы Урала с быком в башкордском мифе изображена так:

Землю с рёвом взрывая,
В ярости брызжа слюной,
Подбежал бык [огромный] как гора, говорят.
Остановился перед Уралом он.

1040. Постоял, посмотрел на него,
Голову чуть в сторону повернул.
«Егет, я на землю не брошу тебя,
Пока сам не сгниёшь и не превратишься
в прах,
Пока ветром не развеет твой прах
Я буду тебя на рогах держать
Я тебя вот так иссушу» -
Так сказал Уралу бык, говорят.

Способность животного говорить человеческим голосом в эпосе «Урал - батыр» является древним рудиментом фетишистско-оборотнического мышления ведических ариев Куру и ахейских греков,

полагавших Быка живой ипостасью Дьяуса - Зевса. Дионис - Загрей, из культа которого родилась древнегреческая трагедия, почитался сыном Быка - Зевса Критского, чьи священные рога украшали алтарь бога - людоеда. Рога - strue - почитаются у курдов малой Азии, где первоначально и возник культ Диониса - символ богатства, изобилия, мужества.

Бык и козёл почитались священными животными Диониса - Загрея и, как считают некоторые учёные – античники, именно бляные козла перед закланием его на жертвеннике во время обряда и породило так называемое тренетическое пение - тренос в древнегреческой трагедии. Изображение актёров, одетых в «бычьи» маски и костюмы на стенах Кносского дворца, на сосудах и монетах подтверждают, что во время обрядов трагедии ряженные священники - актёры вели в процессе священного действия между собой диалоги наподобие представленного диалога между быком и человеком в башкордском эпосе «Урал – батыр».

1050. «И я тоже, бык, тебя постараюсь не погубить,
Не стану силы тратить, себя изводить,
Не стану возиться с тобой.
Что сильнее человека нет на свете никого,
Придется тебе признать.
Не только тебя, но и племя твоё
Сделает человек своим рабом».

После этих слов участник обряда, изображавший в маске быка - Дьяуса, бросался на героя, и у них завязывалась ритуальная схватка. Отголоском этих кровавых схваток, проходивших в древности у ведических ариев Куру, является повествование в башкордском мифе о схватке Урал - батыра с Быком.

От этих слов бык
Ринулся на Урала, рассвирепев,
Урала он решил
На рога свои поднять.
1060. А Урал – батыр быка
Схватил за рога, говорят.
Бык тоже старался, говорят,
Хоть и надеялся на свои рога,
Из рук Урала вырваться не смог
По колено в землю ушёл, говорят,
От науги большой
Из пасти быка
Чёрная кровь потекла, говорят;

Верхний зуб выпал, говорят
1070. Бык обессилел, говорят.
(6–10) Урал слово своё сдержал,
Быка он не стал губить,
Схватил его за рога,
Увявшего быка из земли,
На ноги поставил, говорят.

Безусловно, в древности башкорды, как и все ведические арии Куру, и затем ахейцы, убивали жертвенного быка, посвящаемого Дьяусу - Зевсу, после чего расчленили его тушу, которую частично сжигали на костре алтаря, а частично поедали сами, символизируя тем самым своё родство с космическим Быком - Прародителем.

Борьба атлета с быком, а позднее и актёра с мнимым Минотавром, была важнейшим элементом мистерий Дьяуса - Зевса Критского. Но несмотря на этот исторический факт, у Гомера ни в «Илиаде», ни в «Одиссее» нет упоминаний, описывающих схватки героев древнегреческого эпоса с быком. Это объясняется тем, что поэмы Гомера являются поздними литературными произведениями, тогда как башкордский эпос «Урал - батыр» является древним мифом. В целом следует отметить, что обряд - медхи у ведических ариев Куру начинался в собственном смысле именно с жертвоприношения, посвящаемого божеству животного - быка, жеребца и, поэтому, начало повествования в башкордском эпосе «Урал - батыр» - с борьбы человека с быком соответствует исторической действительности. Именно поэтому до настоящего времени весенний обряд башкордов Урала - Хабандтуй, начинается с убоя скота, чьё сваренное мясо позднее поедают сообща все участники празднества. В древности, как это следует из текста эпоса «Урал - батыр» этот убой скота являлся закланием жертвы перед божеством Дьяусом - Зевсом - Быком у ведических ариев Куру и ахейских греков.

Предварял Хабандтуй, как мы уже говорили, обряд Каргатуй, на котором мальчики развлекались на женском празднике стрельбой из лука. Случайно ли это? Безусловно нет, поскольку в обрядах и обычаях народа ничего случайного не бывает. Башкордский космогонический миф «Урал – батыр» начинается с описания сцены охоты, где говорится:

470. Как-то однажды все вчетвером
На охоту ушли, говорят,
Много дорог прошли, говорят
С охоты вернулись, говорят.
Среди птиц, на охоте пойманных,
Была одна – лебедь белая.

Лебедь раскрыла людям тайну, что она является дочерью царя солнца Самрау (Sam – га «самовозгорающий» санскр.) по имени Хомай («Влага» - праиндоевроп.). Позднее, в эпосе Лебедь – Хомай, вступив в брак с Уралом – землёй (Weg – alt:World), порождает весь мир во главе с башкордами. Миф раскрывается в обряде, и поэтому башкорды в древности начинали повествование своего этиологического эпоса с изображения охоты семьи Урала на лебедя Хомай. Как писал, касаясь этого вопроса, С.И.Руденко: «Мальчики, кроме того, развлекались стрельбой из лука (йәйә). Состязание в стрельбе из лука раньше по словам И.И. Лепёхина (1802,ч.2,стр.144.): «Они метили стрелами как в поставленную цель, так и в башкирцов, которые столько имели проворности, что в известном расстоянии могли увёртываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы, стоя на земле, а удалые, рассказавшись во всю конскую прыть, метили стрелой в подставленный предмет»

(См. С.И. Руденко, указ.

соч. стр. 277.)

Затем женский праздник Карга - туй плавно переходит в совместный праздник мужчин и женщин Хабандтуй, который начинался с собирания по деревьям всадниками на конях куриных яиц, являвшихся у башкордов символом неоплодотворённого Уралом семени Хомай. Следовательно, башкорды в древности, в эпоху фетишизма и оборотничества, проводили каждый год жертвоприношения быка самому богу Дьяусу - Быку на празднике Хабандтуй, дабы воскресить всю природу к жизни весной. Именно этот религиозный обряд, проводимый многократно предками башкордов - ведическими ариями Куру и описывает эпос «Урал - батыр» как борьбу героя с быком.

Победив быка, Урал - батыр вступает в схватку с четырьмя батырами - борцами царя Катилы. По всей видимости, эта ритуальная борьба перед жертвенником бога была в древности у башкордов не на жизнь, а на смерть.

Падишах своим четырём батырам кивнул.

Батыры к Уралу подошли, говорят.

«Если умрёшь ты на наших руках,

1100.

В какую сторону бросать тело твоё?

Если останешься в живых

В какую страну забросить тебя?» -

Сказал так Уралу

Своё слово один батыр.

Монологи и диалоги героев переполняют эпос «Урал - батыр» и являются в свою очередь ярчайшим свидетельством исполнения в

древности ритуальных перебранок участниками обряда Хабандтуй, ставших позднее важным сценическим прообразом эпизодов в древнегреческих трагедиях - Дионисиях.

Речь Урала: Не утратился Урал,
Против батыров четырёх
Один вышел вперед:
«Все четверо подойдите
Батыра, разыскивающего Смерть
1110. Силу на себе испытайте вы!
Если я умру на ваших руках,
То тело моё отдайте льву

Теперь и вы ответьте мне:
Если в руки попадёте мои
И мотыльками затрепещете вы –
В какую сторону забросить вас?

Ответ 4-х батыров Уралу:

Рассмеялись батыры, когда Урал это сказал.

«Если хватит сил одолеть

И на спину положить,

Падишаху и его приближённым

1130.

Бросишь под ноги нас» -

Так насмеялись они.

Установив условия борьбы и договорившись биться на смерть, Урал - батыр вступает в ритуальную схватку с атлетами – борцами царя Катилы.

Потом все вместе, вчетвером,

С Уралом сцепились, говорят.

Урал, схватив одного,

Падишаху под ноги швырнул,

Остальных же троиц

В сторону приближённых швырнул,

Казалось, земля затряслась:

И приближённые и сам падишах,

1140.

И все четыре батыра - богатыря

В муку – толокно превратились, говорят,

С глаз исчезли, говорят.

Матери в кровавых слезах,

Рыдающие отцы,

Дети, связанные по рукам,-

Все видели это, говорят,

К Уралу бросились они

- Обступили его со всех сторон, говорят.
Урал вошёл во дворец, говорят,
1150. Всех людей собрал, говорят,

(4 – 8) Приказал Урал, говорят,
Избрав среди них главу,
Сам уйти собрался, говорят
Народ устроил йыйын [собрание - празднество]
Урал вместе со всеми был.

Если вслед за Аристотелем [см. «Поэтика»] под трагедией понимать очищение человека от аффектов, то безусловно народ, наблюдавший на обряде Хабандтуй схватку не на жизнь, а на смерть актёра – атлета, игравшего роль Урал - батыра с четырьмя борцами - батырами, испытывал глубокие душевные сопереживания, увидев ритуальную победу героя над своими соперниками, у него наступал коллективный Катарсис, как у древнегреческих зрителей трагедий.

Для башкордов эпос «Урал – батыр» был в древности не мифом, а исторической реальностью, явившейся причиной причин, породившей в конечном итоге весь мир. Башкорды, таким образом, воспроизведя в сценическом действии на празднестве Хабандтуй подвиги Урал - батыра, подражали самому важному историческому событию в мифическом этногенезе - Космоса.

Суть обряда Хабандтуй у башкордов заключалась в сценическом изображении драматическими средствами весь миф о своём Первопредке Урал - батыре. Этот миметический характер праздничного обряда Хабандтуй у башкордов Урала в древности в полной мере соответствовал художественным целям и задачам, которые перед собой ставили организаторы древнегреческих оргий Диониса, а затем и постановщики трагедий, такие как Геспид, Эсхил, Софокл, Эвклид.

Об этом писал и Аристотель: «Трагедия есть подражание». (poet 1449 в, 25)

... «А так как подражание производится в действии, то по необходимости первую часть трагедии будет убранство зрелища, затем музыкальная часть и [затем] речь: именно этими средствами и производится подражание» (1449. в, 30) [...]

И далее Аристотель говорит: «Но самая важная из этих частей - склад событий. В самом деле, трагедия есть подражание не [пассивным] людям, но действию, жизни, счастью, [а счастье и] несчастью состоят в действии. И цель [трагедии – изобразить] какое-то действие, а не качество, между тем как характеры придают людям именно качества, а счастливыми и несчастными они бывают в результате действия. Итак, [в трагедии] не для того ведётся действие, чтобы подражать

характерам, а [наоборот], характеры затрагиваются [лишь] через посредство действий; таким образом цель трагедии составляют события, сказание, а цель важнее всего. Кроме того, без действия трагедия невозможна, а без характеров возможна» (1450. а, 15 – 25)

Следуя классическому определению трагедии, данному Аристотелем, башкорды, созерцая ритуальную схватку борцов с Урал-батыром на празднике Хабандтуй, сопереживая герою, очищались от аффектов посредством страха и сострадания. Именно катарсис, то есть душевная разрядка, испытываемая зрителем в процессе сопереживания гибнущему герою, превращает религиозный обряд с точки зрения эстетики в священную трагическую драму.

Из года в год, из поколения в поколение башкорды на протяжении нескольких тысячелетий, собравшись весной на майзанае Хабандтуя, наблюдали ритуальную схватку атлетов - батыров, борющихся не на жизнь, а на смерть, изображая как актёры на сцене схватку Урал - батыра со слугами царя Катилы.

Народ, участвующий в обряде, располагался полукругом с двух сторон, замыкая жертвенник - Майзан полным кругом. Как писал С.И.

Руденко: «В центре круга начиналась борьба (көрәш). Она состояла в том, что борцы, выступая на середину майзана, сбросив с себя верхнее платье (оставались только в штанах и сорочке) и, засучив рукава рубашки, сходились и схватывались, перекинув друг другу через спину кушак (билбау), концы которого держали в руках, обмотав вокруг кисти. Расставив ноги и испытывая друг друга в ловкости и силе, они пытались положить противника на лопатки. Медленно и тяжело переступая с места на место, поворачивая друг друга то в одну, то в другую сторону или припадая на одно колено, они старались перекинуть противника через голову или прижимали его к груди, стараясь сломить его сопротивление, наваливались на него всей тяжестью тела, или поднимали на воздух и, наконец, обернув раза три вокруг себя, бросали на землю. Постепенно на арене вместо двух - трёх собирались десятки пар борющихся. Только когда схватятся два одинаково ловких и сильных противника, долго и упорно борющихся, на этой паре сосредотачивалось всё внимание зрителей. Как только одному из них удавалось побороть противника, вся толпа одобрительным гулом приветствовала победителя. Случалось при этом, что раздавались и шумные протесты родственников или друзей побеждённого, усмотревших что-нибудь незаконное в приёмах борьбы победителя. Поборовший подходил к одному из стариков, раздающих награды и получал от него пару яиц, платок или просто лоскуток материи. Полученный приз победитель сейчас же дарил кому-нибудь из

лиц почётных, отцу, дяде или старику, которые обыкновенно отдаривали его деньгами (монетой в 50 коп. или рублём). У зауральских башкир строго соблюдалось правило, по которому раз побеждённый уже не боролся. Из борцов, победивших десятки противников, подбиралась группа силачей (бәһлеуән), которые начинали состязаться между собой, и в результате оставался один-два непобедимых богатыря (батыр). Местами эти состязания в борьбе славились настолько, что батыри приезжали на һабантуй за много километров померяться силами и ловкостью с другими силачами и батырями». (См. С.И. Руденко. указ. соч. стр. 279 – 280)

Башкорды Урала являются прямыми потомками ведических индоариев Куру и поэтому представляют из себя (как и курды Месопотамии) близкий этнос к таким индогерманским народам Северной Европы как исландцы, норвежцы, датчане, немцы, шведы и англичане. В частности, этим этническим родством и можно объяснить наличие в языке башкордов и англичан общей древнеиранской, авестийской фонетики. В эпоху Риг - Вед (II тыс. до н.э.) племена древних германцев, отделившись от индо-иранских племён Куру - Бхаратов, двинулись на Северо - Запад Европейского континента, заселив который и истребив там почти всё местное автохтонное население, провозгласили эту часть суши своей Родиной, окрестив себя теперь новым именем - Европейцами. Однако людям и учёным, изучающим древние мифы индо-германских народов, нетрудно установить родство башкордов с немцами, англичанами и норвежцами. Так, по мифическим преданиям башкордов Урала рода Борзян, одним из прародителей их рода Борзян был Монаш, известный по Риг - Веде как Ману сын Вивасванта, прародителей ведических индоариев, тогда как у германцев Манн является прародителем: ингвеонов, истевонов и герминионов.

Установив родство между индо-германскими племенами на уровне этимологического мифа о прародителе человечества Манне - Мануше, уже не составит большого труда для учёного - этнографа подтвердить это этническое родство башкордов и германцев в сфере древних ритуалов и сакральных обрядов, поскольку именно миф является основой, идеологическим базисом обрядов.

Ритуальная схватка двух борцов - воинов перед живым быком, которого затем победитель закладывал в жертву перед родовым божеством, была священным обрядом и у древних норвежцев - исландцев. В связи с этим, необходимо сделать следующее историко - филологическое пояснение: поскольку в германских языках башкордское имя Урал означает: Вселенная - Первочеловек «Werg - alt» - «World», то, следовательно, и в ритуальной схватке не на жизнь, а на смерть борцов перед жертвенным быком у исландцев - норвежцев являлось

воспроизведение в обряде мифа о битве Урала с четырьмя батырями перед быком царя Катила.

Древнеисландский Ритуал битвы борцов перед быком Сага об Эгиле. LXV

«Атли сказал, что он согласен на поединок с Эгилем. [...] «Они пожалы друг другу руки и договорились, что будут биться на поединке и что тот, кто победит, получит земли из-за которых шёл спор». [...].

«Привели большого старого быка. Его называли жертвенным животным. Тот, кто победит, должен был зарезать его. Иногда бывал всего один жертвенный бык, иногда же каждый из тех кто выходил на поединок, приводил по быку.

Когда бойцы приготовились к поединку, они побежали друг другу навстречу. Сначала они метнули свои копья, но ни одно из них не вонзилось в щит - оба упали на землю. Тогда оба взялись за мечи, сошлись и стали рубиться. Атли не отступал. Мощные удары сыпались так часто, что щиты скоро были изрублены и стали непригодны. Когда Атли увидел это, отбросил свой щит, взял меч в обе руки и стал рубить что было силы. Эгиль нанёс ему удар в плечо, но меч не вонзился. Тогда он ударил его второй раз и третий. Ему легко было выбирать место для своих ударов, так как Атли не был защищён. Эгиль замахивался мечом изо всей силы, но меч не вонзался, куда ни попадал.

Видя, что ничего так не выйдет, ибо и его щит тоже пришёл в негодность, Эгиль бросил меч и щит, кинулся на Атли и обхватил его. Здесь сказалося неравенство сил, и Атли упал на спину, а Эгиль наклонился над ним и перекусил ему горло. Так Атли расстался с жизнью, а Эгиль быстро вскочил и побежал туда, где стоял жертвенный бык. Он схватил его одной рукой за морду, другой за рог, перевернул вверх ногами и сломал ему шею. Потом он пошёл туда, где стояли его люди. Он сказал:

Меч мой закалённый
От щита отпрянул, -
Атли Короткий сделал
Сталь клинка тупою.
Воина болтливую
Сокрушил я всё же,
И не жаль зубов мне
Для такой победы.

(перевод с исландского С.С.Масловой - Лашанской)
см. «Исландские Саги» М. 1956 г.

Борьба является непосредственно первым (1) ритуальным атлетическим состязанием мужчин – бәһлеуәнов, после заклания быка (коня, овцы) на праздничном обряде Хабандтуй вплоть до настоящего времени. Этот факт сам по себе указывает, насколько важную и основополагающую роль играл миф об Урал - батыре для древних башкордов, что ритуал подражания его борьбе с четырьмя батырами сохранился в целостности до сего дня. Эпос «Урал - батыр» пронизывал всю духовную жизнь башкордов и по эпосу был организован сакральный обряд жертвоприношения.

Обряд стал областью эстетики башкордов, созерцая которую в сценическом действии - исполнении, участники праздника Хабандтуй получали духовное очищение - катарсис. Подражая героям своего национального эпоса, древние башкорды создали свою эстетику, поскольку сам эпос, будучи частью культуры как и все другие виды известных в древности человеку искусств, основан на подражании, то есть Мимезисе.

Аристотель в «Поэтике» (1147,а,15) гооворит: «Сочинение эпоса, трагедий, а также комедий и дифирамбов, равно как и большая часть авлетики с кифаристикой,- всё это в целом не что иное, как подражания (mimeseis); И далее Аристотель поясняет свою мысль (Poet. 1147, а 20 – 25): «... вышесказанные искусства, все совершают подражания, [пользуясь] ритмом, словом и гармонией или раздельно, или вместе. Так, только гармонией и ритмом пользуются авлетика, кифаристика и другие какие есть искусства, на то способные, например свирельное;[так], только ритмом без гармонии совершается подражание в искусстве плясунов, ибо они изобразительными ритмами достигают подражания характерам, и страстям и действиям».

У Аристотеля, как это видно из его вышеприведённых цитат, эпос и трагедия, как виды искусств, приравнены к игре на флейте – авлосу, и пляскам, то есть, – пластическому искусству, которой является, в известном смысле, и атлетическая борьба, если понимать под эстетикой науку о Выражении. В древности так оно и было, поскольку ещё в античной Греции искусство, как эстетическая предметность, не отделялась человеком от ремесла. В этом и заключается феномен античной эстетики, и подобную же картину размытости эстетической предметности в сфере практических ремёсел мы наблюдаем и в истории культуры древних башкордов, читая эпос «Акбузат», где говорится буквально следующее: «Хотел было Хаубан походить по аулам ещё, но узнал, что Масем - хан уже разослал весть о большом туге [майзәне], и вернулся в яйляу хана, говорят. Вернулся - и что же он видит, говорят: бии, аксакалы, их сыновья, мурзы, гарцующие на аргмаках, на резвых

рысаках, прогуливающие скакунов под уздцы, заполнили окрестности ханского яйляу [кочевье, башк. - айле, курдск.]:

Кроме биев и тарханов собралось, говорят, много разного народа.

На одной стороне майдана собрались, говорят, батыры, не имеющие ни коня, ни шубы, и старики.

На другой - девушки, женщины, старухи, дети.

В центре майдана стояли, говорят, жёны Масем-хана, три его дочери и зятья. Собравшиеся около них аксакалы, бии, ожидая начала праздника окружили хана.

Борцы, ловко накрутив кушаки на руку, в волнении ходили взад и вперёд;

певцы, чтобы лучше звучал голос, пили сырые яйца;

кураисты увлажняли водой кураи;

всадники, соблюдая строй, водили скакунов вокруг майдана.

В это время Хаубен подошёл, говорят к майдану и внимательно оглядел всех».

(См. Башкирский народный эпос М. 1977 г. стр. 400.)

Из этого текста эпоса видно, что в древности башкорды, как все ведические племена индоариев Куру и ахейских и дорийских греков, не знали эстетику как самостоятельную науку и поэтому различные виды искусств у них приравнивались к ремёслам, в которых можно было состязаться, как атлеты на соревнованиях. По всей видимости, праздник Хабандтуй у башкордов Урала в древности напоминал Пифийские празднества античных греков, устраиваемые в Дельфах в честь Аполлона, победившего дракона, [как Урал - батыр победил дракона Кахкаху «Млечный Путь»]. Пифийские празднества состояли из музыкальных состязаний, к которым присоединялись впоследствии и атлетические упражнения. Многие древнегреческие поэты и драматурги были участниками как атлетических, так и поэтических состязаний, проводимых на пифейских игрищах.

Как писал С.И.Руденко: «Вторым по порядку состязанием на хабантуе был бег впуски (югеруе). В беге принимало участие человек до десяти, причём бегущие (югеруе) были только в рубашках, заправленных в засученные до колен штаны. Бежали обыкновенно на небольшое расстояние, до 2 км. Впереди бегущих скакал всадник и указывал им путь, по которому следует бежать. Троим, прибежавшим первыми, дарили: первому - большой кусок мяса, второму - рёбра, третьему - небольшой кусок мяса. Местами вместо мяса бегущим раздавались полотенца. И эти призы победители обычно дарили почётным гостям, которые одаривали их деньгами». (См. С.И. Руденко, указ. соч. стр. 280- 282)

Переход от поэтических состязаний к атлетическим соревнованиям являлся эстетической нормой Олимпийских игр у древних греков, которые в античные времена устраивались в местечке Олимпии в честь Зевса Олимпийского. Основу Олимпийских игр составляло сочетание мусического искусства с атлетическим, поскольку олимпийские состязания состояли как из бега, бега с оружием, ристалищ на колесницах, борьбы, так и в состязании поэтов, писателей, драматургов и даже историков и ораторов, которые декламировали свои произведения. В 445 г. до н.э. на поэтических состязаниях среди историков участвовал Геродот. Олимпийские игры приходились на летнее время и продолжались пять дней, во время которых устраивались всевозможные ярмарки. Как писал В Сергеев: «Победитель на играх получал лавровый или масличный венок и право на постановку статуи, составлявшей гордость не только самого победителя и его родственников, но и всего города или племени. Олимпийские празднества имели общегреческое значение. Счёт времени вёлся по олимпиадам. Первую олимпиаду предание относит к 776 г. [до н.э.]. Каждые четыре года составляли одну олимпиаду». (См. В. Сергеев История Древней Греции. М. 1939. стр. 118)

У башкордов Южного Урала скачки верхом на конях, в подражание мифическому обретению Урал - батыром своего коня - Акбузата, заменяли ристалища на колесницах у древних греков. «За бегом взапуски следовали скачки на лошадях (бәйге). Седоками были мальчики лет от шести до двенадцати. Если день был не очень жаркий, то лошадей пускали часа в два пополудни, если же было жарко, то часа в четыре вечера. Обычная дистанция скачек была километров шесть – семь. Мчались всё время во весь карьер с криком, визгом и ударами нагаек. Как только издали покажутся скачущие, борьба прекращалась, и все с майзан спешили к дороге, становились по обе её стороны в две шеренги и с большим интересом и волнением следили за приближающимися. Как только первая лошадь поровняется с толпой, раздавался взрыв криков и возгласов приветствующей толпы. И.И. Лепёхин, описывая хабантуй, сообщал, что на дороге, на некотором расстоянии от зрителей или молодой парень, или девушка держали на шесте привязанный белый платок, вышитый по углам разноцветным шёлком, который и доставался в награду тому, кто всех на своей лошади перегонит и первым платок сорвёт с древка. Если же случится двоим прискакать вместе к назначенному месту и схватиться за платок, «то должны они совершенное платка присвоение заслужить борьбою... Хотя плат и недорогой, однако не всяк охотно пожелает и дешёвую вещь подарить другому: то у них узаконено, чтобы на сабанном рыцарстве награждение сделано было руками той женщины, которая в

деревне моложе всех за мужем». В.М.Черемшанский и И. Казанцев также пишут, что шест с платком держала в руке женщина или девушка, славящаяся красотой, щегольством и искусством в рукоделии. Оба они отмечают, что соперники, вместе прискакавшие, вопрос о праве владения платком решали борьбой или состязанием в стрельбе из лука. Призы, которые в начале XX в. выдавались победителям на скачках, были довольно значительны. Первая лошадь получала жеребёнка, чаще всего годовалого, вторая - рублей пять денег и третья - полотенце.

(См. С.И. Руденко, указ.соч. стр 281 – 282)

Миф являлся основой башкордского праздника Хабандтуй, во время которого его участники в сценических действиях - пением, пляской, игрой на музыкальных инструментах, а также атлетическими состязаниями старались художественными средствами разыграть в обряде и воплотить на жертвенной площадке Майзана весь эпос «Урал - батыр», с которого по мысли и представлениям древних башкордов началось построение нашего мира. По мифу Урал - батыр получил коня только после того, как победил в состязании - метании камня, хорошо известного атлетического соревнования у античных греков уже по поэмам Гомера под названием - метание диска.

У ведических ариев Куру в бою для поражения противника на расстоянии применялся металлический обруч - Чакра, с остро заточенными повсеместно краями обода, который бросали как диск с расстояния во врага. Естественно, до того исторического момента, когда предки индо германских народов познакомились с металлом и научились выплавлять на Южном Урале (андроново - срубные племена II тыс. до н.э.) первоначально медь, а затем железо и сталь, главным оружием в бою и на охоте был камень, и только затем копьё и лук со стрелами.

Именно поэтому потомки индоариев во время своих национальных праздников соревнуются друг с другом в метании тяжёлого камня, а не металлического диска. У исландцев, потомков норвежских переселенцев, атлеты - борцы, соревнуются в метании камня на национальном празднике - Йоль. У башкордов Южного Урала (древние андроновцы) слово - Йола означает «обычай» - «распорядок» и, в известном смысле совпадает с исландским словом - Йоль. Так, например, у башкордов проведение обряда Хабандтуй весной как раз и является - Йола «обычай – порядок» - «этическое требование».

В эпосе «Урал - батыр» речь о метании тяжёлого камня как условие, выполнив которое победитель сможет получить в дар коня, начинает сам волшебный конь Акбузат. Опираясь на историю древнегреческой трагедии мы знаем, что предпосылкой возникновения театральных актеров явились участники Дионисовых шествий, ряженные конеобразными силенами, козлоподобными сатирами. Дионис был божеством плодородия, а его демоны изображались конеобразными

силенами, особенно в аттическом фольклоре, которые противостояли в культурном смысле пелопонесским козлоподобным сатирам. В Афинах театральная маска сатира носила как лошадиные черты – грива, хвост, так и козлиные – борода, рога и козья шкура. Сатиры и Силены, стремясь воплотить на сцене демона плодородия, которого они изображали, пели и плясали.

Учитывая тот исторический факт, что ахейские и дорийские греки, чьи потомки создали древнегреческий театр, были этнически и духовно близки к индо - ираноязычным ведическим ариям Куру, обитавшим во II тыс. до н. э. на Южном Урале, мы можем твердо сказать, что человекообразный конь Акбузат в башкордском мифе является прообразом аттического конеобразного актера - Силены. Суть этого важного и центрального для истории искусств тезиса заключается в следующем: многие ученые - исследователи не зная исторических истоков возникновения у древнего человека абстрактного мышления, наивно думают и серьезно полагают, что в эпоху Эсхила в древнегреческом театре, дескать, актера наряжали козлоподобным сатиrom или же конеобразным силеном. Иными словами, по мнению этих кабинетных ученых, древний человек той эпохи - аттический грек или ведический индо - арий Куру, уже обладал в достаточной мере абстрактным мышлением и поэтому даже, мол, актер - силен или актер - сатир стремился в своей игре на сцене для зрителей изобразить человека в роли сладострастного животного - жеребца и козла. Но на самом деле, все было как раз наоборот, и мы, зная законы развития человеческого мышления в истории от фетишизма и оборотничества к его абстрактным формам и категориям видим, как религиозно - эстетические каноны той эпохи требовали от актера – (сакральной персоны) - изображать в миксантропическом образе животное, почитаемое родом или племенем своим Божеством - Прародителем. У ведических ариев - Куру, как и у ахейских греков таким божеством - животным почитался Дьяус - Бык или Дьяус - Жеребец. И только позднее в истории, в эпоху возникновения наиболее ранних форм абстрактного мышления, каноны общества позволили и заставили актера - жреца при исполнении сакрального обряда придать человеческие черты животному – Богу. Актеру – жрецу, до этого ползущего на четвереньках на шаманском камлании, позволили наконец встать на ноги на оркестре жертвенника и, самое главное, разрешили заговорить человеческим голосом.

Именно этот исторический период перехода шаманского камлания, проводимого перед охотой в театрализованную постановку мифа на жертвенном обряде весной, раз в году, и отображает башкордский эпос «Урал - Батыр», в котором то бык, то жеребец, то лебедь, то змей начинают вдруг заговаривать голосом человека. В эпосе «Урал - батыр» небесный конь - Бузат «Сивый», являвшийся Жеребцом - Дьяусом у той

части ведических ариев Куру, которым последовали - Баш - Курды Южного Урала, изображен как божественный персонаж уже равный человеку (Уралу, Шульгену и т.д.) и не являющийся больше объектом слепого поклонения, как в предыдущую эпоху фетишизма и оборотничества.

Акбузат говорит людям собравшимся на Майзанае:

2960(7-10)

«Если я поскачу, поднимется ветер такой,
Что и камень на месте не улежит,
Воды вспенятся, забурлят,
Рыба не сможет плыть по волнам.

2970. Ударю копытом - даже гора Каф [гора, где стоит город Уфа
Рассыплется в муку - толокно, древнеиран.-haуфа «гора»]
Всё живое вокруг
Погибнет, не выдержав того.

Дьяус – Жеребец, как божество неба у ведических ариев Куру и, по всей видимости, позднее у уральских Дахо – массагетов, как и Дьяус - Зевс у ахейских и дорийских племён древних греков, обладал в представлениях предков индо-германских народов такими атрибутами как громы и молнии. В мифах эти перуны представлены как стрелы - молнии, копье или меч. Достаточно здесь вспомнить вооружение копьем бога Одина у древних скандинавов, стрелами – перунами древнегреческого Аполлона. У древних башкордов эта молния - перун - изображена как атрибут Светлого коня Акбузата - Дьяуса, тождественного по своим функциям древнегреческому Господу Ясного Света - Дьяусу: Зевсу, а также Дьяусу «Сияющему Небу» ведических ариев Куру. Различие заключается в том, что в башкордском эпосе «Урал – батыр» индо-германский бог Дьяус «Господь Сияющего Неба», представлен в своей животной форме, в своей миксантропической ипостаси - Белого Жеребца - Буз Ата! В курдском, иранском языке слово – Боз означает: «светло-серый» цвет, масть лошади. Учитывая, что у башкордов Урала в мифе ведийско-арийский бог сияющего неба - Дьяус представлен в образе белого жеребца, становится понятным внутренний смысл обряда Дахо - массагетов приносить в жертву Солнцу коней, упоминаемых Геродотом («История» I, 216). В эпосе «Урал - батыр» конь Бузат говорит о своём небесном атрибуте - громе с молнией, как о булатном мече, наточенном как алмаз, то есть – сверкающий «div» (санскр.). В этом своём облике Дьяус – Жеребец Бузат предстаёт в ипостаси верховного бога – Громовержца.

Акбузат изрекает:

«На луке моего седла
Булатный меч, острый как алмаз.
Долгие годы закаляло его
Солнце [каши, санскр.] на пламени своём.
Огонь способный расплавить весь мир,
Не сможет расплавить его,

2980. Ничто на свете не способно
Лезвие его притупить
Тот, кто не поднимет и в небо не взметнёт
Тяжесть в семьдесят батманов
И на трёх пальцах
Не удержит, уронит
Тот мужчина не настоящий – батыр [pater, латин.]
Моим спутником не сможет стать.

2990. Когда я поскачу, тот батыр
Не удержится на мне».

Далее, конь – божество ставит человеку условие:

«Кто жаждет батыром стать,
Кто хочет меня получить,
Пусть вот так силу испытает свою
И только потом на меня
Осмелится на меня сесть».

В древности у башкордов, во время обряда Хабандтуй, кто-то один из участников ритуала играл роль коня-Буза, как древнегреческий актёр, накинув на голову лошадиную маску, украшенную гривой и прицепив на пояс сзади лошадиный хвост, изображал собой Силена - верного спутника Диониса – Загрейского.

Указание на массовость действия при исполнении обряда Хабандтуй у башкордов в древности, мы находим в следующих строках эпоса «Урал – батыр»:

3000. Услыхав, что сказал Акбуз,
Люди поняли всё,
К подножию горы направились они,
Тяжестью в семьдесят батманов
Огромный камень отыскав
Решили с места сдвинуть его
Месяц толкали его, говорят,
Год толкали его, говорят
Камень не содвинулся с места:
Сил не хватило у них;

Действительно, метание камня в древности у германских племён, а также метание диска у древних греков из жертвенного обряда охотников, превратилось со временем в публичное состязание атлетов. У башкордов, насколько это можно судить по эпосу «Урал – батыр», главной распорядительницей – судьёй даже на мужских состязаниях атлетов – богатырей, выступала женщина – жрица (пирьк), которая в обряде исполняла роль лебедя – Хомай. Это указание в эпосе «Урал – батыр» о ведущей роли женщины в обряде вполне точно согласуется с теми историческими сведениями Геродота (IV, 117) о наличии реликтов Матриарха в общественном устройстве предков башкордов – Савроматов и Сарматов.

О женщине - судье на состязаниях батыров – бәхлеуэнов у башкордов говорят строки из эпоса «Урал – батыр», где Хомай изображена как главная распорядительница на мужских обрядовых игрищах по толканию камня.

Посмотрев на Шульгена Хомай
И сказала ему: «Поднимись и забрось!»
Подошёл к камню Шульген,

3010. Ощупал его со всех сторон,
Выворотить его хотел
Напрягся, напыжился он,
Старался не жалея сил,
Как стоял – по колену
В землю ушёл Шульген, говорят.
Месяц возился Шульген, говорят,
Год возился Шульген, говорят, -
Камень не сдвинулся с места,
Шульген устал, еле уже дышал,
3020. Не смог он камень поднять.

Глядя, как один из участников не смог справиться с условиями и проиграл состязание, женщина – судья Хомай, даёт знак другому мужчине – атлету приступить к соревнованию.

На Урала взглянула Хомай,
Сказала: «Попробуй подними!»
Урал подошёл к камню, говорят.
То, что опозорился брат,
Очень рассердило Урала, говорят.
Ударил кулаком по камню, говорят,
Камень покотился по земле, говорят.
Потом взял в руку его,
Бросил камень в небеса.

3030. Камень стрелой полетел, говорят,
И скрылся из глаз
Все в небо смотрели, говорят,
Ждали, когда камень назад упадёт, говорят
Было утро, полдень настал,
Полдень прошёл, вечер настал-
Увидев, как падает камень,
Опасаясь, что он всё разобьёт, все до
единого заплакали.

3040. Хор народа: «Пусть на землю не упадёт,
Пусть не погубит нас»,-
Все вместе Урала
Стали с мольбою просить.
Урал вытянул руку, говорят,
Камень поймал на лету, говорят,
В страну Азраки
Урал метнул камень, говорят.

3050. Все переглянулись между собой
Удивились, стали гадать,
Переговариваясь между собой
О том, куда камень упадёт
После этого конь Буз,
Склонив голову, к Уралу подошёл,
Сказал: «Батыр, я отныне твой», -
И подчинился его воле, говорят.

Только после этих строк мифа, которые атлеты – богатыри изображали на майзанае, избранные участники обряда Хабандтуй садились верхом на коней и начинали конные состязания, стараясь во время скачек показать битву Урал - батыра и его сыновей с демонами - змеями, вышедшими из морских глубин: Ахи - буднхья - Ехидна - Ажи Дахака и затопивших всю землю водой. О представлении в драме этой вселенской катастрофы всеми участниками обряда Хабандтуй свидетельствуют следующие строки:

3240. (2-10) Ни одна душа места себе не находила на земле,
Измучились, исстрадались все.
И вот птицы и звери,
На земле падишаха - змея жившие,
Все вместе собрались,
С мольбой к Уралу пришли
Не растерялся Урал,
Ни воды, затопившей землю,
Ни огня, охватившего небо,

3250. Не испугался совсем
Вскочил на Буза верхом,
Взял в руку булатный меч [молнию]
Против дива - падишаха [Ажи - Дахака «змеи
глубин»]
Начал кровавую войну.

Таким образом, из эпоса «Урал - батыр» мы узнаём, что в древности, возможно ещё в эпоху индо-ирано-германского единства у башкордов во время весеннего обряда Хабандтуй проводилось четыре мужских состязания 1) борьба с быком, 2) борьба атлетов, 3) метание камня, 4) скачки на лошадях, где судьями были женщины - жрицы - дочери царя Кагила, Гулистан и Хомай. На празднике Каргатуй, который непосредственно предшествовал Хабандтую и по религиозному канону являлся по сути его первой - женской частью, молодые девушки - башкордки, соревновались между собой в беге, прыжках через препятствия, игре в мяч, то есть проходили испытание через три (3) состязания. Позднее, после того как борьба с быком, слившись просто с борьбой атлетов - мужчин, исчезла у древних башкордов, весь комплекс обрядовых игрищ и состязаний стал напоминать древнегреческий - Панкратий или Пентатл, включавший в себя бег, прыжки, борьбу, метание диска, метание копья.

Теперь мы сравним мужские состязания, данные в эпосе «Урал - батыр» и женские спортивные игры на празднике Каргатуй со спортивными соревнованиями древних греков. В поэме Гомера показано, какие виды атлетических состязаний и единоборств проводились и практиковались у греков на Поминальных играх в эпическое время. В «Илиаде» в песне XIII, говорится, как Ахилл, оплакивая погибшего Патрокла, после погребения мёртвого, учреждает Поминальные Игры, на которые выставляет дорогие призы для восьми (8) видов состязаний воинов – атлетов: 1) ристалище на колесницах; 2) кулачный бой; 3) борьба; 4) бег; 5) поединок с оружием; 6) метание круга; 7) стрельба из лука; 8) метание копья. Гомер начинает описание состязаний речью Ахилла:

Песнь XXIII

257. Свежий, насыпав курган, разошлись они.
Ахиллес же
Там народ удержал и, в обширном кругу
усадивши,
Вынес награды подвижникам: светлые блюда,
треноги;

260. Месков представил, и быстрых коней, и волов крепкочелых,
И красноопоясанных жён, и седое железо.
Первым быстрым возницам богатые бега награды
Он предложил: в рукодельях искусная дева младая,
Медный, ушастый с боков,
двадцатидвухмерный треножник
265. Первому дар; второму шестигодовая,
Неукрощённая, гордая, в недрах носящая меска;
Третьему мздою – не бывший в огне умывальник прекрасный,
Новый ещё, сребровидный, четыре вмещающий меры;
Мздою четвёртому золота два предложил он таланта;
270. Пятому новый, не бывший в огне фиал двусторонний.
Стал наконец Ахиллес и так говорил меж ахеян:
«Царь Агамемнон и пышнопоножные мужи ахейцы!
Быстрых возниц ожидают сии среди круга награды.

В последовавших ристалищах на колесницах победителями стали следующие военные вожди ахейских племён – Диомед, Антилох, Менелай, Мерион, Эвмел, Нестор. Во время награждения Ахиллом победителей старец Нестор вспоминая свою молодость произнёс речь о своих былых подвигах на состязаниях:

Песнь XIII

630. Оных годов, как эпейцы в Вупрасе царю Амаринку
Тризны творили (...)

635. Там я кулачною битвой бойца одолел Клитомеда;
Трудной борьбою борца ниспроверг плевронийца Анкея;
Ног быстротой превзошёл знаменитого бегом Ификла;
Дротиком двух победил: Полидора и мужа Филея.
Только одними копьями меня преогли Акториды.

651. Так произнёс, - и Пелид сквозь великие сонмы ахеян
Вновь возвратился, приветствие выслушав Нестора старца.
Тут предложил он награды кулачного страшного боя:
Выслав пред круг, привязал шестилетнего, сильного меска;
655. Игом ещё несмиранный, жесток для смирения был он.
Меск – победителю мзда; побеждённому – кубок двудонный.
В кулачном бою победу одержал вождь ахейцев Эпеос.

700. Сын же Пелеев немедленно новые третьи, награды
Выставил сонму, награды борьбы, изнурительной силами:
Мздою победителю вынес огонный треножник огромный,
Медный, - в двенадцать волов оценили его аргивяне;
Мздою побеждённому он рукодельницу юную вывел,
705. Пленную деву, - в четыре вола и её оценили.

В поединке борьбой, в которой сошлись Аякс и Одиссей, оба борца были признаны Ахиллесом равными друг другу.

740. Сын же Пелеев другие за бег предлагает награды:
Первая – серебряный, пышный сосуд, шестимерная чаша,
750. Мздою второму – тельца откормленного, тяжкого туком;
Но последнему золота он полталанта назначил.

В этом состязании победителем стал Одиссей, второе место досталось – Антилоху и третье – Аяксу. Затем наступил черёд вождям сразиться в поединке с оружием.

- Тут Ахиллес быстроногий ...
- 800 (2 – 5) Стал наконец перед сонмом и так говорил аргивянам:
«Ныне подвижников двух вызываем, отлично могучих,
В бранный облекшись доспех, ополчившись пронзительной
медью,
Выйти один на один и измерить их мощь пред народом.
805. Кто у другого скорее пронзит благородное тело
И сквозь доспехи коснётся и членов, и крови багряной
Тот победитель, - тому подарю я сей нож среброгвоздный,

В этом поединке участие приняли Аякс Теламонид и Диомед. После чего последовало состязание в метании железного круга – обода, наподобие чакры ведических индоариев.

- 825 (1) Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа;
Стали порядком; и первый тот круг подымает Эпеос;
840. Долго махал он и бросил; и хохот раздался по сонму
После поверг Леонтей, благородная отрасль Арея;
Третий сын Теламонов, схвативши железную тягость.
Бросил могучей рукой, и за знаки он всех перекинул
Но когда тот круг подхватил Полипет браноносный,
845. Так далеко как пастух свой закривленный посох бросает,
Он же вертится кругом и летит через тельчье стадо,-
Так далеко, перекинул за круг он; вскричали данаи.
Быстро толпой побежавши, друзья Полипета героя
Радостно к чёрным судам понесли награду владыки.

После состязания в метании металлического круга, в которых победил Полипет, наступил черёд состязаний в стрельбе из лука.

850. Сын же Пелеев для лучников тёмное вынес железо:
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.
Выставил целью стрельбы – корабля черноморского мачту
В дальнем конце на песке; а на самой вершине голубку
За ногу тонким снуром привязал; и по птице велел он
855. Метить стрелкам: «Который уметит по робкой голубке,
Все топоры двуострые в сень понесёт победитель;
Кто же улучит по снуру одному, не уметивши птицы
Тот, как стрелок побеждённый, секиры простые получит».

В этом состязании, в котором участвовали Тевкр и Мерион, победил Мерион, вознесши Аполлону, метателю стрел, такую молитву:

В сердце обет сотворил метателю стрел Аполлону
Первенцев агнцев ему в благодарность гекатомбу
[сто жертв]

- И, высоко под облаком робкую птицу завидев,
875. Быстро кружась, в бок под крыло угодил он стрелю:
880 (3) Все топоры двуострые взял Мерион победитель;
(перевод Н.Гнедича)

В последнем, восьмом (8) соревновании по метанию копья, Ахилл в награду предложил победителям дротик и сосуд – рукомойник. Но когда состязаться с царём Агамемноном решил Мерион, то тогда Ахилл, зная силу царя ахейцев, прерывает их неначатое единоборство и присуждает сосуд Агамемнону, а дротик – Мериону.

На этом Поминальные Игры в честь Патрокла закончились и ахейские воины разошлись по своим кораблям.

В другой эпической поэме Гомера «Одиссея» перечисляются те же общегреческие состязания: бег, борьба, прыжки, метание диска, кулачный бой, - за исключением ристалища колесниц.

«Одиссея» Песнь VIII

На площадь все собрались: толпой многочисленно-шумной
Там окружил их народ.
К ним подошли, наконец, Лаодам, Галионт с богоравным
Клитонеоном – три бодрые сына царя Алкиноя.
Первые в беге себя испытали они. Устремившись
С места того, на котором стояли, пустились разом,
Пыль подымая, они через поприще: всех был проворней
Клитонеон благородный ... Оставив
Братьев своих позади, возвратился он первый к народу
Стали другие в борьбе многотрудной испытывать силу:
Всех Евриал одолел, превзошедши искусством и лучших
В прыганье был Анхиал победителем. Тяжкого диска
Лёгким бросаньем от всех Эретмей отличился. В кулачном
Бое взял верх Лаодам, сын царя Алкиноя прекрасный.

Несмотря на то, что в этом эпизоде нет описания ристалищ на колесницах при дворе феакийского царя Алкиноя, Гомер подробно изложил обряд метания камня, в котором отличился сам герой повествования Одиссей.

«Метание камня у древних греков».

Камень схватил – он огромный, плотней и тяжеле всех дисков

Брошенных прежде людьми феакийскими, был; и с размаха
Кинул его Одиссей, жилватую руку напрягши;

Камень жужжа, полетел; и под ним до земли головами

Вёслалюбивые, смелые гости морей, феакийцы

Все наклонились, а он далеко через все перемчался

Диски, легко улетев из руки, и Афина под видом

Старца, отметивши знаком его, Одиссею сказала:

«Странник, твой знак и слепой различит без ошибки,
ощупав

Просто рукою; лежит он отдельно от прочих, гораздо

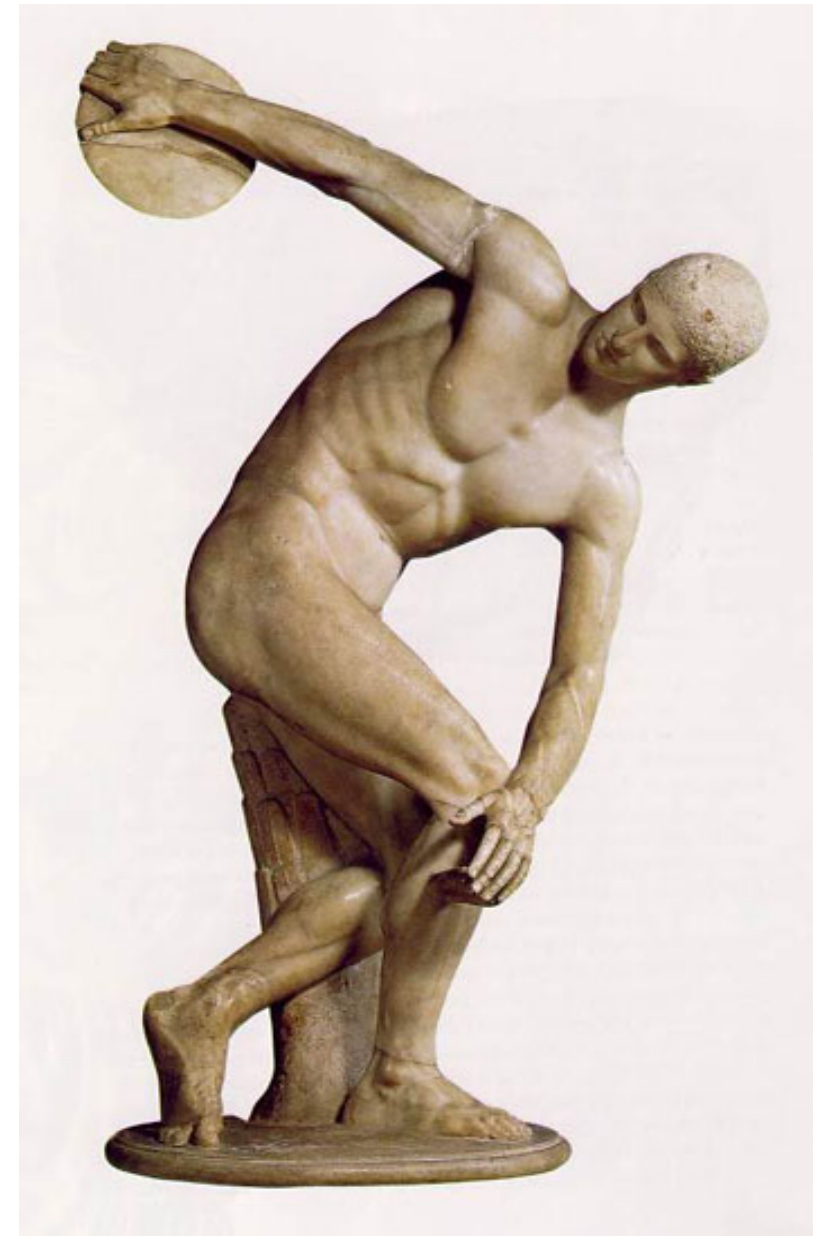
Далее всех их. Ты в этом бою победил; ни один здесь

Камня ни дале, ни так же далеко, как ты, не способен

Бросить». От слов сих веселье проникло во грудь Одиссея.

(перевод В.А. Жуковского)

Таким образом, опираясь на «Одиссею» Гомера, мы видим, что в эпические времена у древних греков существовало состязание в метании камня как и у башкордов, о чём повествуется в эпосе «Урал – батыр». Подобное «родство» в состязаниях башкордов и эпических греков объясняется этническим родством дорийцев и ахейцев с ведическими индоариями Куру, обитавшими ещё во II тыс. до н.э. на Южном Урале. Это родство наблюдается в женских состязаниях.

Дискобол.
Древняя Греция

Спортивные игры башкордских девушек на обряде Каргатуй и военное воспитание девушек в древней Спарте.

На празднике Каргатуй, как отмечали многочисленные свидетели, башкордские девушки, отделившись от юношей и мужчин, под руководством пожилой и уважаемой женщины – пирьк (карсык) соревновались между собой в таких спортивных состязаниях как: игра в мяч, прыжки через препятствие, бег. Безусловно, в древности эти спортивные соревнования носили ярко выраженный военный характер, что полностью согласуется с указанием античных источников на военный уклад жизни сарматских женщин. Подобное требовательное отношение к военно-спортивному воспитанию девушек было у эллинов и в древней Спарте.

Как писал В. Сергеев: «Немалое внимание в Спарте уделялось также и воспитанию женщин, занимавших очень своеобразное положение в спартанском строе. Молодые спартанки до замужества занимались теми же самыми физическими упражнениями, что и мужчины: бегали, боролись, бросали диск, бились в кулачном бою и т.д. Воспитание женщин рассматривалось как важнейшая государственная функция, ибо на их обязанности лежало рождение здоровых детей, будущих защитников родины». (см. В.Сергеев «История Древней Греции» М. 1939 стр. 91.)

У Плутарха, «Ликург» (14) о девушках Спарты читаем: «Девушки – спартанки должны были для укрепления тела бегать, бороться, бросать диск, кидать копья, чтобы их будущие дети были крепки телом в самом чреве их здоровой матери, чтобы их развитие было правильно и, чтобы сами матери могли разрешаться от бремени удачно и легко, благодаря крепости тела».

Этот обычай как спартанских, так и сарматских и массагетских женщин был в обычае и у башкордских женщин, о чём в своих «Воспоминаниях» указал Заки – Валидов, писавший: «Обычаи башкир и мишаров аула заметно отличались. Башкирские девушки, к примеру, ходили с открытым лицом, повадками были схожи с джигитами и ездили верхом. О некоторых распространяли сплетни, что мол, и после замужества ездят на неосёдланных лошадях, а это считалось у нас неприличным. Махуб [тётя писателя] боролась с желающими взять в жёны парня и отвергала побеждённых. Теперь она была замужем за силачом из аула Колгасау». (см. указ. соч. стр. 206)

По всей видимости, в древности девушки до замужества и юноши до свадьбы составляли у башкордов две военные мужские и женские фратрии. Неспроста Геродот говорит, что Савроматы своим происхождением обязаны двум военным союзам – отряду скифских юношей –мужчин и отряду амазонок – женщин. Подобное сарматскому

делению своего общества на две фратрии, мужскую и женскую, имели и дорийцы в древней Спарте.

О нравах спартанцев у Плутарха (Ликург 15).

Читаем: «Невест брали уводом, но не слишком юных, недостигших брачного возраста, а цветущих и созревших. Похищенную принимала так называемая подружка,. Коротко стригла ей волосы и, нарядив в мужской плащ, обув на ноги сандалии, укладывала одну в тёмной комнате на подстилке из листьев.[...]

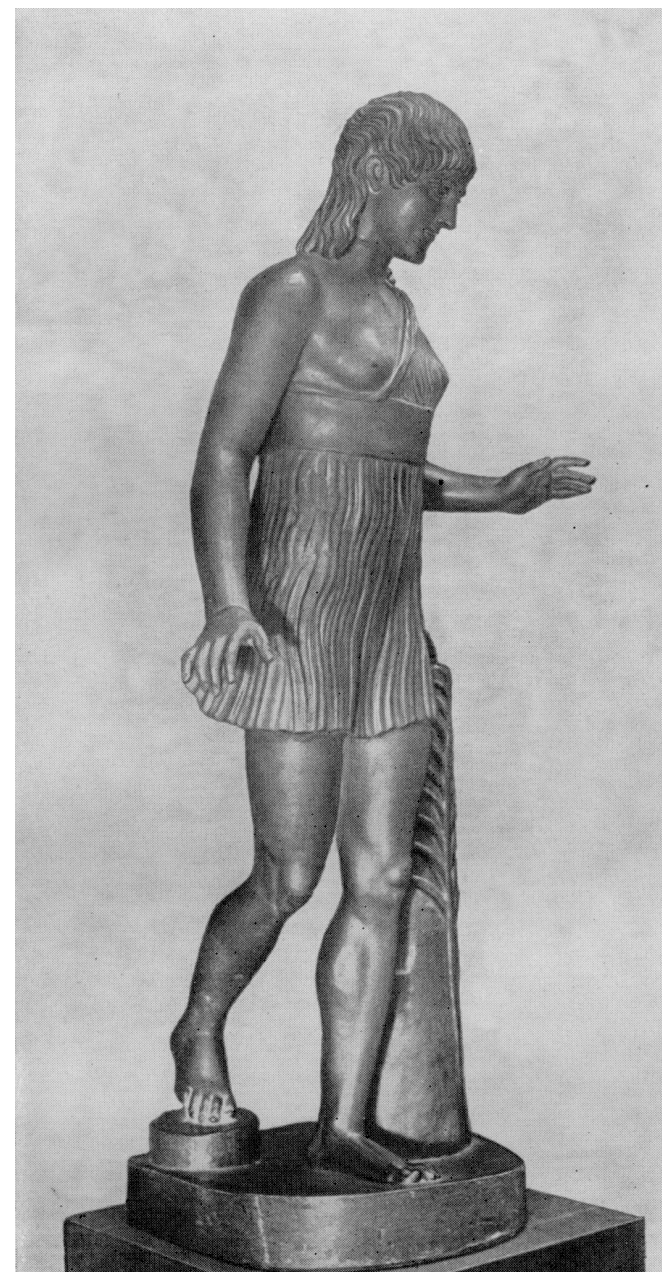
[...] Внеся в заключение браков такой порядок, такую стыдливость и сдержанность, Ликург с неменьшим успехом изгнал пустое, бабье чувство ревности: он счёл разумным и правильным, чтобы. Очистив брак от всякой разнузданности, спартанцы предоставили право каждому достойному гражданину вступать в связь с женщинами ради произведения на свет потомства, и научил сограждан смеяться над теми, кто мстит за подобные действия убийством и войною, видя в супружестве собственность, не терпящую ни разделения, ни соучастия. Теперь муж молодой жены, если был у него на примете порядочный и красивый юноша, внушавший старику уважение и любовь, мог ввести его в свою опочивальню, а родившегося от его семени ребёнка признать своим. С другой стороны, если честному человеку приходилась по сердцу чужая жена, плодовитая и целомудренная, он мог попросить её у мужа, дабы, словно совершив посев в тучной почве, дать жизнь добрым детям, которые будут кровными родичами добрых граждан. Ликург первый решил, что дети принадлежат не родителям, а всему государству, и потому желал, чтобы граждане рождались не от кого попало, а от лучших отцов и матерей. В касающихся брака установлениях других законодателей он усматривал глупость и пустую спесь. Те самые люди, рассуждал он, что стараются случить сук и кобылиц с лучшими припускными самцами, суля их хозяевам и благодарность и деньги, жён своих караулят и держат под замком, требуя, чтобы те рожали только от них самих, хотя бы сами они были безмозглы, ветхи годами, недужны. Словно не им первым, главам семьи и кормильцам, предстоит испытать на себе последствия того, что дети вырастут дурными, коль скоро рождаются от дурных, и, напротив, хорошими, коль скоро происхождение их хорошо».

Интересно отметить, что и положение замужней женщины в Спарте напоминало и походило на положение женщины у ираноязычных Массагетов. Как писал Геродот (История I, 216): «Об обычаях массагетов нужно сказать вот что. Каждый из них берёт в жёны одну женщину, но живут они с этими женщинами сообща. Ведь рассказы эллинов о [подобном] обычае скифов относятся скорее к массагетам. Так, когда

массагет почувствует влечение к какой-нибудь женщине, то вешает свой колчан на её кибитке и затем спокойно сообщается с этой женщиной». Эти черты архаичных форм брака у массагетов точь в точь существовали и в древней Спарте. Как писал Ф. Энгельс: «У позднейших греков следует проводить различие между дорьянами и ионянами. У первых, классическим образом которых служит Спарта, существуют брачные отношения во многом ещё более архаические, чем изображённые у Гомера. В Спарте существует парный брак, видоизменённый государством в соответствии с местными воззрениями и во многих отношениях ещё напоминающий групповой брак. Бездетные браки расторгаются: царь Анаксандрид (за 650 лет до нашей эры), имевший бездетную жену, взял вторую, держал два хозяйства; около того же времени царь Аристон, у которого были две бесплодные жены, взял третью, но зато отпустил одну из первых. С другой стороны, несколько братьев могли иметь общую жену; человек, которому нравилась жена его друга, мог делить её с ним, и признавалось приличным предоставлять свою жену в распоряжение здорового «жеребца» (...), даже если тот не принадлежал к числу сограждан. Из одного места у Плутарха, где спартанка направляет к своему мужу поклонника, который домогается её любви, можно заключить – согласно Шёману – о ещё большей свободе нравов. Действительное нарушение супружеской верности, неверность жён за спиной мужа, было поэтому неслыханным делом. С другой стороны, Спарта, по крайней мере в лучшую свою эпоху, не знала домашних рабов, крепостные илоты жили обособленно в имениях, поэтому у спартиатов было меньше соблазна пользоваться их женщинами.

Естественно поэтому, что в силу всех этих условий женщины в Спарте занимали гораздо более почётное положение, чем у остальных греков. Спартанские женщины и избранная часть афинских гетер были в Греции единственными женщинами, о которых древние говорят с уважением и мнения которых они признают заслуживающими упоминания». (см. Ф.Энгельс «Происхождение семьи частной собственности и государства» Партиздат ЦК ВКП(б). 1937 г. стр.59-60)

Учитывая этническое родство ахейских и дорийских эллинов (переселившихся в 18–12 в.в. до н.э. с севера Балкан на юг Материковой Греции) с ведическими ариями Куру, обитавшими во II тыс. до н.э. на Южном Урале, становится понятным, насколько древняя индо-германская культурная традиция стоит за историей возникновения у башкордов обычая женских спортивных состязаний на матриархальном обряде Каргатуй.

Спартанская бегунья. V век. Рим.

Территориально-административно-военное деление – Оба у кордов, спартанцев и «обѠ-тубѠ» у башкордов Урала.

Другим немаловажным свидетельством близости дорийских племён эллинов в древности к индо-ираноязычным курдам Месопотамии и Малой Азии является единое административно-военное деление территории своего расселения на районы, именуемые единым для спартанцев и курдов названием - оба, которое в свою очередь полностью этимологически соответствует башкордскому слову -ТубѠ, с тем же семантическим значением – «род», - «территория, занимаемая одним родом башкордов». Считается, что всю Спарту разделил на обы царь Ликург, почитаемый богом света, культ которого справляли все Спартиаты в исторические времена.

Вместе с этим следует указать, что в курдском и башкордском языках слово – Кур (лькур-г) означает «костёр», при этом известно, что ахейцы и дорийцы обожествляли Огонь как и этнически близкие им ведические арии Куру, являющиеся далёкими предками башкордов Урала.

Сисситии – майзан.

Нормой поведения ведических ариев Куру было участие каждого члена общины в совместной трапезе «medha», которую башкорды до настоящего времени справляют как свой обряд – Майзан на празднике Хабандтуй весной.

Подобный же обычай вкушения совместной трапезы был и у древних спартиатов. Как писал Ю.В.Андреев «Краеугольным камнем спартанского «космоса» были сисситии – совместные трапезы, на которых царил дух грубой уравнительности и строгого взаимоконтроля. Установленная законом твёрдая норма взносов (Plut.Luk.,12;Athen.,IV ,141 с.), как и одинаковая для всех участников сисситий норма потребления Athen, 141 а-с), должна была служить наглядным выражением принципа всего государственного устройства Спарты» (...)

- «Как сисситии полноправных граждан, так и объединявшие юношей и подростков агелы принадлежат к наиболее архаичным спартанским институтам. Их близкое сходство с аналогичными учреждениями дорийских городов Крита, указывающее на несомненную общность происхождения, было подмечено уже в древности (Arist.Pol., 1272 а 1 sgg;Strabo, X, С 482). Выживание этих форм первобытной социальной организации в условиях уже сложившегося классового общества, равно

как и их вращение в структуру рабовладельческого государства, было обусловлено прежде всего настоятельной потребностью господствующего класса Спарты в консолидации и внутреннем сплочении перед лицом численно намного превосходящей его массы порабощённого и зависимого населения. Эта сложная задача была решена здесь наиболее простым и эффективным способом – посредством введения принудительной регламентации свободного времени граждан. В целях максимальной сплочённости и поддержания дисциплины всем была навязана традиционная форма коллективного сотрапезничества и групповых атлетических упражнений». (см. указ. автор. «Спарта как тип полиса» в кн. «Античная Греция. Проблемы развития полиса.» т.1, М.Наука, 1983. – с.205)

В Спарте вообще гражданином мог считаться только тот, кто участвовал в сисситиях, на которые он допускался, если регулярно вносил установленную норму продуктов. Как писал Аристотель [«Политика» (1272 а, 15)]: «С сисситиями у критян дело обстоит лучше, чем у лакедемонян. В Лакедемоне каждый поголовно должен делать положенный взнос – в противном случае закон лишает его гражданских прав».

Обряд совместного вкушения трапезы, подобный спартанским сисситиям, существовал и у башкордов Южного Урала, на празднике Хабандтуй. Спартанское слово – сиссития соответствует слову того же корня – satiety «насыщение до сыта» в английском языке, который имеет единую фонетику с языком башкордов Урала.

Интересное описание ритуальной трапезы – сисситии у башкордов Урала в начале 20 века оставил русский писатель В.Н.Львов в своём рассказе «Шамсинор», изданный в 1906 г. Самым удивительным в описании В.Н.Львова является древнеиранское (арийское) имя – Махан, каким назван в рассказе башкордский обряд совместного вкушения пищи. Глагол – Məhānd в курдском – древнеиранском языке так и означает – «Жевать и переваривать пищу». В этом отношении Иранское имя Махан башкордского обряда совместного вкушения пищи полностью совпадает с дорийским словом – сиссития.

Все атлетические состязания мужчин и женщин у древних башкордов, после которых все участники устраивали майзан – medha и вкушали жертвенное мясо, родились из мифа «Урал-батыр» и являются, по сути дела, сценической постановкой этимологического эпоса на площади перед жертвенником, на котором закладывалось животное: жеребец или бык, символизирующий бога неба Дьяуса – Зевса у ведических ариев Куру, а также ахейских и дорийских греков. Таким образом, мы видим, что атлетические состязания среди древних башкордов своим происхождением обязаны мифу «Урал – батыр»,

связывающему воедино все виды соревнований как у мужчин, так и у женщин.

В Древней Греции мы наблюдаем ту же картину возникновения спортивных состязаний атлетов из предшествующего им мифа, действие которого раскрывалось в играх вокруг жертвенника во время исполнения священных обрядов. Мифы о борьбе героев и богов лежат в основе таких культурных мероприятий античной Греции, какими являлись: Олимпийские, Немейские, Истмийские и Пифейские Игры. Сразу необходимо указать, что первые три культовые обрядовые Игры древних греков были напрямую связаны с культом быков Зевса и Посейдона, что в свою очередь ещё ярче высвечивает и показывает на культурных феноменах древнее родство сакральных культов ахейско-дорийских греков с ведическими ариями Куру – Бхаратами.

Так, по древнегреческой народной и легендарной традиции Немейские игры в честь Зевса – Дьяуса – Быка установил Геракл после того, как, убив немейского льва, совершил свой Первый подвиг. Немейские игры представляли из себя в античную эпоху общегреческие празднества, происходившие каждые два года в Немейской долине в Арголиде; справлялись в честь Зевса – Быка в середине лета. Во время игр, продолжавшихся несколько дней, участники состязались в беге, кулачном бою, бросании диска и копья; проводились и состязания колесниц. Во время Немейских игр объявлялся мир по всей Греции.

Олимпийские игры – важнейший из общегреческих празднеств, по тем же народным преданиям были учреждены опять Гераклом, который очистил скотный двор царя Авгия от навоза быков, посвящённых богу солнца Гелиосу, во время своего шестого подвига. Олимпийские игры справлялись раз в четыре года. За несколько месяцев до игр по всей Греции и греческим колониям рассылали послов, приглашавших на игры в Олимпию. Игры приходились на летнее время и длились пять дней. На них проводились состязания в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска, копья, а также ристалище колесниц. Победители на играх получали в награду оливковый венок и пользовались великим почётом. Счёт исторических Олимпиад начинается с 776 г. до н.э. Все греческие полисы на общественный счёт отправляли на игры своих представителей. Хотя все греки в Олимпии были равноправны, тем не менее праздник носил преимущественно дорийский характер и стоял в близкой связи со Спартой. Главным богом в Олимпии был Зевс – Дьяус и ему в V в. до н.э. был построен храм, для которого скульптор Фидий сделал свою знаменитую скульптуру. Первоначально главной целью Олимпийских игр представляли жертвоприношения богам; но в историческое время они стали затмеваться атлетическими состязаниями. Первоначально состязание состояло из бега взапуски на расстояние стадия (192, 27 м.); позднее возникло пятиборье – пентатлон, включавшее

в себя – прыжок, бег, метание диска, дротика, борьба атлетов. Позднее к пентатлону прибавили кулачный бой и ристалища на колесницах.

Истмийские игры в Коринфе были посвящены богу водной стихии Посейдону, выступавшему в зооморфном облике Быка.

Все три древнегреческих Празднества, которые имели общезеллинский обязательный характер: Немейские, Олимпийские и Истмийские Игры имели единым объектом религиозного поклонения образ Бога – Быка.

Пифийские игры были посвящены и устраивались в Дельфах в честь лучезарного бога Аполлона, победившего дракона Пифона. Сюжет о победе Урал – батыра над Мировым Змеем – Кахкахой (Млечный Путь, иран. яз.) имеется и в башкордском мифе, тогда как по поверьям древних греков сам лучезарный Аполлон любит пребывать по шесть месяцев в году у гипербореев возле гор Рифейских (Уральских). Древние греки полагали Аполлон любит гипербореев, приносящих ему гекатомбы жертв. Археологические раскопки полностью подтвердили миф греков о том, что древние жители Южного Урала - ведические арии Куру - приносили своим богам – Дьяусу, Агни, Хоме, Сурье в жертву быков и жеребцов.

Из древнегреческих мифов видно, что гиперборей Рифея устраивали «хороводы и пение дев» по весне, постольку в тех же мифах говорится, что во время празднеств к ним слетаются лебеди. На Урал – Рифей такие перелётные птицы, как лебеди, почитаемые у башкордов девой – Хомай, прилетают весной. Именно в это время – весной - башкорды Урала и устраивают свой праздник Хабандтуй, для чего закладывают быков и коней, чтобы насытить (сиссития – satiety) всех участников и зрителей обряда. В древности, когда на Южном Урале (Рифее), жили ведические арии Куру, этнически близкие к ахейцам и дорийцам индо-иранские племена, приносили быков и коней в жертву богу Солнца и Неба - Дьяусу.

Позднее, уже в эпоху Геродота, на Южном Урале обитали потомки ведических Куру – ираноязычные племена Дахо – Массагетов и Савроматов с Сарматами, которые по многочисленным свидетельствам античных авторов, подтверждённых позднее археологическими раскопками – сами приносили коней в жертву Солнцу. Потомками ираноязычных Сарматов у башкордов является племя Юрматы, имя которых трансформировалось с учётом выпадения начального С>Й.

Сарматов сменили воинственные Аланы, которые начиная с I в. н.э. стали через Кавказ вторгаться в Переднюю Азию. В настоящее время Аланы представляют из себя одно из крупных племён курдов. На Южном Урале последнее упоминание об Аланах приходится на эпоху татаро-монгольского нашествия в 13 веке. Потомками ираноязычных Аланов в среде башкордов является племя Елан. Этноним башкордского

рода Борзян этимологически связан с древнегреческим мифическим этнонимом: Гипер-борей. Это положение согласуется с тем, что в среде курдского народа существует племя Барзан, тогда как и курды и греки представляют из себя два близкородственных индо-германских этноса, чья этническая близость должна совместно и непременно увеличиваться по направлению к древности, то есть до момента распада Праиндоевропейской общности.

В настоящее время на Южном Урале или Древнем Рифее обитают башкорды, устраивающие каждый год по весне свой национальный праздник Хабандтуй, во время которого для насыщения участников по обряду забивают много голов домашнего скота, преимущественно быков и лошадей.

Поминальные игрища башкордов.

По легенде «Кузый Курпес и Маянхылыу», записанной Т.С. Беляевым (1768 – 1816 г.г.) в долинах гор Рифейских у одного башкурдского курайчи в 1809 г.

Похороны коня героя – батыра [pater, лат.]

Карабай с помощью сына своего вырыл большую яму, в которую положила доброго коня своего и вместе с ним обломки оружия своего, горько плакал и приговаривал, что впредь не надеется иметь ни товарища столь верного, ни оружия такого крепкого. Сделав над оным большой мар, обыкновенный памятник степных народов, решились они возвратиться в свой аул.

(стр. 263.)

Похороны погибшего батыра – pater.

Смелый в опасностях батыр теперь подобно робкому и испуганному зайцу поскакал в горы к означенному месту, где нашёл бездыханного отца своего; соскочил с коня и, бросясь на окровавленное тело его, горько плакал и обвинял себя в нерачительности об нём за то, что от него отлучился.

Между тем товарищи его, видевшие издалека скакавшего Куз-Курпяча в горы, пустились вслед за ним и когда, прискакав, увидели Карабая мёртвого, то покидались все с коней на тело его и, обнимая оное, горько плакали, называя его отцом своим, а себя осиротевшими детьми его. Выслушав сына его о битве Карабаевой с чародеем, проклинали Пярия и, не мешкая, сделали костёр, сожгли мерзкий труп его и прах по ветру развеяли. Тело же Карабаево, омывши чистою

водою, вынесли на плечах своих на вершину высокой горы и там, по завещанию авлия, похороня его, положили с ним, по обычаю своему, все его и свои оружия и насыпали высокий мар в память добродетельного мужа и сильного батыра; и от того времени бугор сей называется Кара – тау. Затем сделали скачку на конях вокруг мара, означая тем последнее с Карабаем звероловство и прощание и, поклонясь могиле его, печальные поехали в кош свой.

(стр. 267 – 268)

Поминальные состязания батыров.

Вдова Карабаева, давно желающая сделать поминки по муже своём, посылает сына сзывать на оные всех жителей своего аула. Они, собравшись на лучших конях своих около кибиток её, поехали в сопровождении муллы и Куз – Курпяча к могиле Карабаевой, до которой не доехав на выстрел пущенной стрелы, остановились лицом на полдень, потом, оставив коней, пешие пошли к могиле. Тут мулла, сев на кожу арасланову, употребляющуюся некогда при молении Карабаем, и посадя подле себя Куз – Курпяча, начал читать молитвы из алкорана. Прочие с благоговением слушали и усердно молились о Карабае, которого все любили и за добродетельное житие почитали избранным. Оконча моление и поклонясь могиле его, пошли к своим коням, дабы облегчить их и приготовить к скачке. У них такое было обыкновение, чтобы на поминках делать все те потехи, которые умерший любил в своей жизни. Куз-Курпяч, как бы по приказанию отца своего, расставил вокруг могилы его семь ставок, одну от другой неподалёку, в награду состязующихся на конях. В 1-й стоял у коновязи чубарый аргамак; во 2-й была железная кольчуга; в 3-й – конский убор с серебряною насечкой; в 4-й – лук со стрелами; в 5-й – сабля с оправленной серебром рукоятью; в 6-й – копьё с камышовым древком и крепкою оправой; в 7-й – калта лучшей киргизской работы. Вся сия ратная сбруя повешана была на длинных шестах, дабы состязующимся виднее была их награда. Куз-Курпяч, учредя сие, повестил всему собранию, что резвых коней всадники получают награду на могиле Карабаевой. Отъехав от оных на четверть дня обыкновенной езды и став впереди на два выстрела сайдачных, подал знак к скачке, а сам пустился вперёд, дабы видеть, кому какая ставка принадлежать будет. Тогда все, как вихрь, пустились к могиле Карабаевой с визгом и криком. Первый из всех выдаётся Алдар на белом коне. Все за ним, подобно струне, выгиваются. Доскакав первый рубежа, принимает он в награду чубарого аргамака из рук равнолетнего друга своего Куз-Курпяча. За сим родственник его Иш-Кары, только за два прыжка конских отставший от него, достигает второй ставки и срывает с

длинного шеста кольчугу. Затем, поседевший Аралбай, неразлучный товарищ Карабаев, отставший только головою коня своего, берёт конский убор с насечкою. Позади сих трёх на выстрел сайдачный несутся на игренях конях Бурюбай и Кучербай, два брата родные, звероловы и наездники. Кони их одной матери, скачут ухо об ухо; но Бурюбай умножает удары коню и сугубит визг свой; конь высовывается, и Бурюбай успевает схватить с шеста четвёртую ставку, лук со стрелами. В самый тот миг и Кучербай срывает саблю с оправленную рукоятку. За сим аксакал Муйняк, современный отцу Карабаеву и уже давно оставивший степные свои потехи и звероловство, желая почтить память Карабаеву, скачет на вороном коне, берёт в свою очередь шестую ставку, копьё с камышовым древком и не могши удержать рьяного коня своего, пронесится весьма далеко за рубеж.

Потом молодой и проворный сын его Байджигит взял последнюю ставку, калту, оставив за собою кучу скачущих в беспорядке и без надежды получить награды. Сим образом кончилась скачка в память Карабая. Посем Куз-Курпяч определил ещё награды для борцов. Первую составлял кармазинный кафтан; вторую – шёлковый персидский кушак; третью – тубетейка, шитая марьяном и бобром обложенная; четвёртую – зимняя шапка, чёрной лисой подбитая; пятую и последнюю – кожа большого юлбарса. Борьба же башкирская происходит следующим образом.

Борец, одолевший противника своего, выходит на другого, а потом и на третьего и, поборя оных, получает первую награду. Но после двух удачных подвигов не успевши в третьем, лишается награды; и противнику его тогда предложит для получения оной совершить три удачных подвига. Сим образом продолжается борьба до тех пор, пока разберутся все ставки.

Все собравшиеся, сошед с коней, сделали из себя большой круг и присели. Куз – Курпяч вынес на середину сказанные ставки, объявил, что достойнейшие единоборцы получат их в награду за свои подвиги. Тогда выходит на середину круга великоросный Буркутбай; ослабив кушак свой, присел, ожидая противоборца. По малом времени, встав из круговины, подходит к нему широкоплечий Джигилбай и хватается за него жилистыми своими руками. Друг друга поворачивают, друг друга сжимают и тем испытывают свои силы. Буркутбай, чувствуя противника своего себе под силу, подвёртывается и чрез бедро своё ударяет его о землю, и первый совершает подвиг. Побеждённый уходит в толпу; победитель останется на месте и ожидает другого. Является молодой и хватливый Тулькубай, схватывается с Буркутбаем и, употребя всё усилие и уловку, повергает на землю и побеждённый уходит; а победивший ожидает последнего противника, дабы, одолев его, получить кармазинный кафтан. Народ избирает могучего и плотного

Батыркула и выставляет его на борьбу с Буркутбаем; но он противится и не выходит на поприще, как бы боясь остаться побеждённым, в самом же деле хотел показать свою скромность. Наконец после многих отговорок приближается с потупленными глазами и смиренно осанкой, но со смелостью батыра берётся за кушак Буркутбаев. Сопротивники, схватясь, ходят в малых кругах, друг друга испытывают и равную слышат в себе силу. Если один хочет взять на уловку, другой в тот же миг, предупреждая оную, противопоставляет ей преграду. И таким образом спорили столь долго, что сырое мясо, пущенное в котёл, на огне стоящий, легко могло бы свариться. Уже слабели силы их, онемели руки и ноги и истощились все хватки и хитрости, но ни малейшего один над другим не мог взять верху. Тогда Куз-Курпяч и старейшины велели им разойтись и присудили первые две ставки – кармазинный кафтан и шёлковый кушак отдать в награду за сей подвиг.

По сем выходит Алдар, равнолетний друг Куз-Курпячев, с проворным Байджигитом, сыном Муйняковым, получившим последнюю ставку на скачке. Схватываются и со всем усилием стараются одолеть друг друга. Каких не употребили с обеих сторон хваток и приёмов, бывши одинаково в борьбе искусны и одинаково проворны. Наконец Куз – Курпячев друг исплошил сына Муйнякова, сделав приём, что хочет взять его за бедро, и в тот миг, как сей брал против того свои меры, Алдар пал на одно колено и, перекинув через себя Байджигита, заставил из круга удалиться. Вместо сего берётся за кушак Алдаров наездник Бурюбай, получивший на скачке в награду лук со стрелами. Видевши, что предшественник преодолён был хитростью, надеялся он подобной ж хитростью и сам побороть Алдара; но в том обманулся. Друг Куз – Курпячев приметил его умысел и, не дав ему к себе подобраться, сильно посунул его от себя, в мгновение упёр головою в грудь, а коленом под живот и, приподняв на плечо к себе, ударил спиною о землю, а сам остался в кругу и присел отдыхать. Но Кучербай, родной брат Бурюбаев, не долго дал ему отдыхать; подходит к нему скоро, за кушак берётся смело, сжимает его крепко и, быв гораздо сильнее Алдара, свободно повёртывает во все стороны утомлённого. Алдар, зная в борьбе все хватки и приёмы, давал сопротивнику своему волю приподнимать себя, дабы тем его немного обессилить, а самому между тем перевести дух. Потом, исплоша его, вдруг пал навзничь и чрез себя столь больно ударил затылком Кучербая, что отшиб у него память, а сам, вскоча при подсвате всего народа, вторичную из рук друга своего получает награду – тубетейку, шитую марьяном и бобром обложенную. За сим выходит на поприще средолетний борец, сильный и крепкий Куслубай, и, став твёрдою ногою, вызывает к себе на единоборство. Никто не дерзает вступить с ним в оное, ибо все знают крепость сил его. После многих переменных

выборов от народа выходит из круговины Арасланбай, одинаких с ним лет и мужества, но не столько в борьбе поворотливый. Берутся за кушаки и борются: друг друга теснят, один другого силятся поднять, но не могут отделить от земли; и только пот течёт по зардевшим их лицам и всем членам. Куслюбай, негодуя на столь упорное сопротивление, решается последнюю употребить уловку и, закинув руку через плечо Арасланбая, прижал голову к себе под мышку столько крепко, что отнял от него всю силу и, схватя поперёк, поднял вверх ногами и положил его спиною к себе на голову. А чтоб показать больше в борьбе сей молодечества, несколько раз обернулся кругом и кинул его на землю, а сам остался на ногах, как будто ничего не делал. Зрители удивились ловкости и силе Куслюбаевой и определили за один сей подвиг отдать в награду четвёртую ставку - зимнюю шапку, чёрной лисой подбитую, ибо знали все, что никто из находящихся тут одолеть его не может.

Куслюбай, хотя получил награду, но видя, что ещё не было состязания об одной ставке, именно юлбарсовой коже, не выходит из круга и ждёт себе противоборца. Тогда старейшины и весь народ единогласно присудили, чтобы Куз-Курпяч почтил память родителя своего и кончил борьбу с Куслюбаем. Сей молодой батыр со скромностью от того отговаривался, но приневоленный гласом народным выходит на середину и хватается за Куслюбая, который, зная ловкость его и силу, превосходящую молодые лета его, внутренне начал раскаиваться в своей дерзости, но не мог уже от того отказаться. И так берётся за его кушак, и оба начинают сперва делать опыты сил своих. Средолетний батыр всей силой жмёт под бока младшего, у которого пот из всех членов и слёзы из глаз выступили. Но и он в свою очередь столь сильно стеснил обеими руками бока Куслюбая, что у сего последнего спёрлось дыхание, и он кряхтел, подобно как скрипит дуб, бурею исторгаемый. По таковым обоесторонним попыткам борцы узнают друг друга. Куз – Курпяч первый сделал приём: подхватил его к себе на грудь, отделил от земли и начал вертеть; но сей поджал ноги и тем приподнять себя выше не дал свободы противнику, который и принуждён был опять поставить его на ноги. Куслюбай лишь только коснулся земли, то подвернулся плечом под грудь Куз – Курпяча и потащил его на себя, чтоб ударить через плечо о землю. Казалось, что Карабаев сын исплошился и уже терял равновесие; но вмиг, отставя назад ноги, столь сильно на себя его потянул, что вздёрнул его спиною к себе на голову и назад перекинул и тем кончил борьбу на могиле у отца своего.

Все зрители от удивления и радости вскочили на ноги и, похваляя проворство в борьбе молодого батыра, поднесли в награду его подвига юлбарсову кожу: но он принять её отказался, говоря, что она не

принадлежит ему; потому что сим преимуществом над Куслюбаем он почитал себя обязанным больше случаю, нежели своим силам и уменью; и потому что ставил награды для состязающихся в честь памяти Карабаевой; а сам довольно награждён уже и тем, что был сын столь любимого и всеми почитаемого родителя. Но если бы позволено ему было располагать сею последнею ставкой, то бы он присудил отдать её Арасланбаю, хотя побеждённому Куслюбаем, но достойному награды.

Народ, ещё больше восхищённый его скромностью и почтением к праху родительскому, похваляя сына и благославляя отца, первому единодушно желал преуспевать в добродетели, а последнему наслаждаться райским блаженством; и все одобрили мнение Куз – Курпячево, чтоб Арасланбаю, хотя побеждённому, но достойному награды, отдать юлбарсову кожу. Карабаев сын благодарил их почтительно за сие снисхождение и за совершение подвигов в память Карабаеву и предложил им возвратиться в аул и пиршеством окончить поминки. Немедля все посели на коней и поехали прямо к кибиткам Куз – Курпячевым, где Алтыша, вдова Карабаева, всё приготовя, их встретила и начала угощать со всевозможным усердием, зная, что каждый из её гостей был Карабаю ближний друг его, товарищ, собеседник, не щадила ни мяса, ни кумысу. Гости, насытись пищею, благодарили за усердие хозяйку и разошлись по своим кибиткам. Куз – Курпяч, оставшись один с матерью, рассказал ей о потехах батырских, по желанию её на могиле Карабаевой совершённых. Алтыша, отдав последний долг праху мужа своего, пролила слёзы, но слёзы удовольствия, слёзы сердцу приятные; потом делала наставление сыну своему, чтобы он по примеру отца своего, живя честно и добродетельно, заслужил от соотечественников своих такую же, как и отец его, любовь в жизни и почтение по смерти. (см. Т.С. Беляев «Куз – Курпяч» в книге «Башкирия в русской литературе» стр. 272 – 276)

Башкордский (скифо-сарматский) обряд уничтожения тел врагов – чародеев.

Битва Куз – Курпяса с Дью – Пярнем.

Куз – Курпяч к нему бросается,
И, не дав ему опомниться,
Длинный нож схватил с бедра своей,
Обнажает ногу правую,
Открывает место гибельно
И разит со всею силою.

Закричал Пяри ужасным голосом,
Ипуская злобный дух из тела вон.
Потекла ручьём из раны чёрна кровь;
Закипела, как смола в котле кипит.
Он кричал, как львы рычат в темных лесах;
Засвистал, как змей свистит в крутых горах;
Застонал, как рыба – кит в синих морях;
Завывал, как буйный ветер в пустых дебрях.

Таков был конец злейшего Дью – пяри и самого ненавистнейшего Магомету и его мусульманам, - продолжал рассказчик повести.

Сжигание тела врага – демона.

Батыры, видя врага своего погибшего, принесли благодарение Магомету и, боясь, чтоб из сего злого существа не возродилось ещё злейшее, со всевозможною скоростью нарубили оставшимся у них ножом дров и, сложив большой костёр, сожгли на оном чародея и пепел его по ветру развеяли. (см. Т.С. Беляев, указ. соч. стр. 262 – 263)

Этот же обряд уничтожения тел своих врагов и всяких магов и чародеев, существовавший у ираноязычных скифо-сарматов описал Геродот (484 – 425 г.г. до н.э.), живший почти за 2400 лет до уральского собирателя башкордской эпической поэзии Тимофея Савельевича Беляева. Геродот в своей «Истории» (IV, 69) писал так: «Род казни [у скифов] прорицателей следующий. На запряжённый быками воз наваливают доверху хвороста. Прорицателей со связанными ногами и скрученными за спиной руками запикивают в кучу хвороста. Хворост поджигают и затем пугают и погоняют быков. Нередко вместе с прорицателями в огне гибнут также и быки.

[...]. Упомянутым способом прорицателей сжигают, впрочем, и за другие проступки, называя их лжепророками».

Драматическое искусство как – Спортивная борьба.

Эллины: философы и драматурги – участники спортивных состязаний.

Исторические источники Древней Греции свидетельствуют, что участниками Олимпийских, Истмийских, Пифейских Игр в разные годы были такие известные философы, учёные – математики, мыслители как: Пифагор и его ученик Милон Критонский, Эсхил, Софокл, Сократ, Платон, Демокрит, Аристотель, Еврипид, Аристофан, Эмпедокс, стоики Клеанф (как кулачный боец) и Хрисипп (бегун дальнего бега) и многие другие, в том числе и историк Геродот.

Относительно Платона достоверно известно об его участии на Истмийских играх в качестве борца. Так античный биограф Диоген Лаэртский писал: «Грамоте он учился у Дионисия, о котором упоминает в своих «Соперниках», а гимнастикой занимался у борца Аристора из Аргоса – от него он получил имя Платон («Широкий») за своё крепкое сложение, а прежде звался Аристоклом, по имени деда ...». (см. Диоген Лаэртский. М. 1986. кн. III Платон. Стр. 138)

Истмийские Игры в честь Посейдона – Быка мифического родного брата Зевса – Быка дорийской ипостаси ведийско-арийского Дьяуса справлялись в античной Греции каждые два года.

По своей легендарной родословной Платон по отцовской линии был потомком последнего афинского царя Кодра предок которого Нелей, был сыном Посейдона в честь которого и были учреждены игры. И поэтому участие Платона в Истмийских Играх было совсем не случайным, а наоборот закономерным актом, основанном на старых семейных традициях. [Бог – Бык Посейдон (брат Зевса – Быка Дьяуса) был отцом Нелейя, сыном которого был Нестор, которого считал своим предком царь Афин Кодр предок философа Платона]. Хорошо известно по античным источникам, что в молодые годы Платон увлекался живописью и поэзией, сочинял дифирамбы и трагедии. Сохранилось около 25 эпиграмм, приписываемых Платону. Источники извещают нас о том, что одна из трагических тетралогий молодого Платона уже репетировалась актёрами для постановки на сцене, когда он перед театром Диониса услышал диалог Сократа, после чего сжёг все свои стихи и стал заниматься только изучением философии. Занятия спортом и физическими упражнениями, участие на Истмийских и Пифейских Играх с одной стороны, а затем и его увлечения живописью, поэзией и драмой с другой стороны показывает нам, на конкретном примере философа Платона (427 - 347г. г. до н. э.), что Античная Греция не отделяла чистое искусство от ремесла, причём уже в ту эпоху, когда творили такие известные драматурги как Эсхил, Софокл, Еврипид, ставшие впоследствии законодателями и основоположниками всего западноевропейского классического театра.

Театральные представления, прежде чем получить своё право на постановку во время Великих Дионисий, обязаны были пройти через состязания, перед своеобразным жюри, состоявшим из 10 человек, по одному представителю от каждого круга. Так, Софокл в 468г. до н.э. одержал в подобном театральном состязании свою победу над Эсхилом. В дальнейших состязаниях Софокл 20 раз был на первом месте и ни разу не был третьим по счёту. За свои «спортивно-драматические» победы в театральном состязании Софокл стал любимцем афинской публики, а после своей смерти был причислен к лику героев, и на его могиле ежегодно приносились жертвы. Еврипид (480-406г.г. до н.э.), другой

афинский драматург был в течение полувека, со времени постановки своей первой пьесы в 455 г. до н.э. постоянным соперником Софокла на всех театральных состязаниях. Таким образом, все три самых знаменитых античных драматурга Эсхил, Софокл, Эврипид понимали искусство как род физических состязаний. Платон сам принимал участие на Истмийских и Пифейских Играх и выигрывал спортивно-обрядовые состязания по борьбе, тогда как в своём философском учении он не отделял софистику, то есть умение вести диалог, от охоты на птиц или диких зверей.

Если мы теперь с позиции этих канонов античного искусства рассмотрим миф «Урал-батыр», то сразу же увидим в башкордском национальном Эпосе наличие всех элементов древнегреческой трагической драмы, которую и разыгрывали древние башкорды во время исполнения своего весеннего обряда Хабандтуй, путем принесения в жертву быка, символизирующего собой Первочеловека Дьяуса (Зевса). Нет никаких сомнений в том, что если бы башкордский эпос Урал-батыр был перенесён в античную Грецию, то это произведение было бы поставлено как драматическая трагедия на афинской сцене в театре Диониса. Однако, подобный этиологический миф в самой Древней Греции был, это миф о страдающем божестве Дионисе, культ которого и породил такой феномен мирового искусства, как – античная Драма, включавшая в себя трагедию, комедию и дромос сатиров.

Конеподобные Силены и козлоподобные сатиры говорили в аттической драме человеческими голосами, как и конь Акбузат или Змей Заркум, Лебедь-Хомай, утка Наркас, Бык-царя Катиллы, Солнце Самрау в эпосе Урал-батыр, который древние башкорды каждый год разыгрывали весной во время проведения обряда Хабандтуй.

Посейдон – Бык, брат Быка Зевса-Дьяуса, чьё теофорное имя – Poteidan традиционно разлагается на - Potei «владыка» в звательном падеже и прилагательное – daon «водный» от индоевропейского корня – da-, danu «вода – влага» этимологически, то есть на уровне ассоциации и семантики образа оказывается крепко связанным с башкордским укротителем водной стихии Урал – батыром. Башкордское слово – батыр через этимон *pat>bat – pater – batir* означает «владыка», «силач», «богатырь»; тогда как индогерманский корень –da со значением – «влага», находит своё соответствие в курдско – башкордском слове – дьм «сырость – влага».

К этим древним башкордско – греческим изоглоссам следует добавить и исторические свидетельства русских хроник, которые проясняют значение термина – Батыр, латинское – Pater.

Башкордская феодальная верхушка общества издревле подразделялась на 3 социальных класса, первый из которых носил имя – Ишаны, второй – Тарханы, а третий – батыры. Такое социальное

устройство у башкурдов сохранялось издревле, вплоть до середины 18 века. Как писал А. Чулошников о башкурдских батырах: «Ниже тарханов, как последняя ступень феодальной верхушки, располагались батыры, в отличие от тарханов не свободные от платежа ясака, но так же как и последние, зачастую выступавшие в роли родовых старшин, используя таким образом те же выгоды от сохранявшейся родовой оболочки по существу уже новых общественных отношений; путём пожалования со стороны русской власти они довольно легко могли продвигаться и в самые верхние этажи феодального мира». (см. Материалы по Истории Башкирской АССР ч.1. М.П. 1936. Введение стр 13.)

Самым важным в этих многочисленных русских археографических текстах 17 – 19 веков является тот факт, что здесь, фактически, документально зафиксировано и показано юридическое употребление термина – батыр, как определение социального ранга башкурдских феодалов. Иными словами для башкурдов имя батыр было не сказочно-мифическим прозвищем, а реальным названием ранга и социального положения того или иного феодала. Так в ранге батыра *pater*, (лат) состоял известный башкордский феодал Салават Юлаев, руководитель знаменитого восстания в Крестьянской войне 1773 – 1776 г.г., возглавляемого казацким царём Емельяном Пугачёвым. Отец Салавата – Юлай Азналин носил уже более высокий по званию башкурдский титул – Тархан и являлся главой целого Шайтан – Кудейского рода.

Салават Юлаев – батыр был не только атлетом и воином, но как и Платон (потомок *Poteidona – батыра – pater*) писал стихи – Дифирамбы, некоторые из которых, (около 10 стихотворений), сохранившись в памяти народной, дошли до наших дней. В одном из своих стихотворений «Стрела» Салават – батыр (*pater*) Юлаев, как потомок древних иранцев метафорически, образами своего национального персидского воинского состязания в стрельбе из лука воспеваает чувства человека, готовящего себя к защите своего Отечества.

Ук - Стрела.

<i>Башкордский текст</i>	<i>Русский текст.</i>
Һауларға ук сойорғоттом,	В небо метнул стрелу,
Карлугаска тейзе уккынам.	Попала в ласточку стрела.
Аяккайым янына колап тошкәс,	Упавшую к моим ногам,
Меҫкен кошто йәлләп юкһынам.	Бедную птицу жалеючи вспоминаю.

Һауаға аткан уккайым Стрела, взмывшая в воздух,
 Тау, урманدار аша уҙһасы Пролетела бы через горы, леса.
 Карлугаскай кошто ултерғәнсе, Чем убивать ласточку – птицу,
 Бер дошмандың йәнән өзһәсе. Оборвала б жизнь одного врага.

Обращение национального башкурдского героя – батыра (patera) знаменитого Салавата Юлаева в своём поэтическом творчестве к таким символам войны, как лук и стрелы, совсем не случаен, поскольку для башкордов – потомков ведических индоариев Куру эти виды являются национальным оружием. Ещё Геродот (кн. I, 136) писал: «Главная доблесть персов – мужество. После военной доблести большой заслугой считается иметь как можно больше сыновей.[...]. Детей с 5 – до 20 – летнего возраста они обучают только трём вещам: верховой езде, стрельбе из лука, и правдивости».

Салават –батыр Юлаев принадлежал к княжеской элите башкурдского феодального общества и по древнеиранской царской традиции известной ещё со времён ахеменидов, был обязан с детства упражняться не только в воинско – атлетических дисциплинах – конная верховая езда, стрельба из лука, борьба, но и в не меньшей степени изучать литературу и уметь писать стихи.

Воспитание древних иранцев. (потомков ведическо-митанийских ариев Куру).

Обычаи и правила воспитания знатных башкордских юношей – батыров, по которым они должны были упражняться как в верховой езде, стрельбе из лука, так и в светских и изящных науках, а также уметь писать стихи, восходят к традициям персидского царского двора известных ещё с эпохи Ахеменидов. В последующую эпоху Парфянского Царства (246 г до н.э. – 224 г. н.э.) древнебашкордский огонь Бурзен – Михрбан стал родовым огнём парфянских царей – Аршакидов. Так - как именно огонь башкордского рода Борзян был родовым огнём парфянских царей на протяжении более чем 600 лет подряд, можно сделать вывод, что в целом система обучения персидских знатных юношей проходила по более древней системе воспитания башкордских княжеских детей – батыров. Башкордские князья – Борзяне составляли по всей видимости особую касту – военачальников при дворе Парфянских царей, поскольку при следующей династии Сасанидов в письменных источниках при перечислении имён царской знати имя Борзян (Борсин) отражает уже сложившийся класс вельмож и военачальников. Так, например у Фирдоуси читаем о башкордских князьях Борзянах

упоминание при описании похода знаменитого Сасанидского царя Бехрама Гура для отражения войска алтайских тюрков, вторгнувшихся на территорию Ирана, включающую тогда в ту эпоху всю Среднюю Азию.

1300. До Чинской земли, до Туранской земли
 До Хинда и Рума известья дошли:
 Мол празден Бехрам, забавляясь живёт
 На свете ни с кем не считаясь живёт,
 Нет вышек дозорных и нет часовых,
 И на рубежах нет вождей боевых.
 Потехам и играм весь день посвящён
 О явном и тайном не ведаёт он
 Как вести такие хакан услышал
 Из Чина, Хотана дружины призвал
 Дирхемы раздавши, пошёл к рубежам
 Ирана ...

Из этого отрывка мы видим, что во время отсутствия внешней угрозы и военных походов парфянская знать занималась празднествами, на которых условием было выступление княжеских юношей в поэтических состязаниях между собой, соревнуясь в искусстве написания изящных стихов.

Известье меж тем получил Бехрам – шах,
 Что враг на иранских уже рубежах.
 Вождя Гостехема владыка зовёт
 С ним речь о властителе Чина ведёт.
 Советник царя, полный силы к тому ж,
 В бой шёл как на праздник, сей доблестный муж.
 Пришёл Мехр – Барзин, чей родитель Ферхад,
 Ещё Мехр – Фируз, чей родитель – Хоррад,
 Бехрамова рода Бехрам, Хезерван,
 Рокхам именитый и с ним Эндеман,
 Владыка Гиляна и Рея глава,
 Чью стойкость в бою прославляет молва;
 Ещё Дад – Барзин, что искусно ведёт
 Сраженья, чья доблесть – Забула оплот
 Ещё сын Борзмехра, Карен исполнит
 И с грозным челом пехлеван Рад – Барзин
 Шесть тысяч иранцев избрал он мужей
 Испытанных, славных отвагой своей.

(см. Фирдоуси, т. V . М. 1984. стр. 291 – 292)

Таким образом, из «Шах – Наме» у Фирдоуси, а также из многих других пехлевийских источников мы узнаем, что в правление сасанидского царя Бехрама – Гура (Варахрана V 421 – 439 г.г.) в среде иранской знати было четыре князя, носящих башкурдское имя Борзин, а именно Мехр – Барзин, Дад – Барзин, Борзмехр, Рад – Барзин, при этом Дад – Барзин «учитель Барзин» называется «оплотом Забулистина», то есть обширной области на юго – востоке Ирана на границах с Индией. Затем, Фирдоуси упоминает зороастрийского жреца Рам – Борзина, бывшего мобедем при сасанидском шахе Кобаде I (488 – 531 г.г.):

«Печать золотую к письму властелин
Подносит. Хранитель – мобед Рамборзин».

Этот зороастрийский жрец Ромборзин возвёл на престол сына Кобада самого знаменитого шаха из династии сасанидов Хосрова Нушинравана (531 – 579 г.г.)

1510. Лишь плача по шаху окончился срок
Мобед [Рамборзин] завещанье владыки извлёк
Воссело собранье мужей храбрецов
Ирана мобедев, благих мудрецов
Указ прочитали, и вот уж на трон
Наследник царей с торжеством возведён
[....]
- 1520 [....]
И слышится всюду: «Пусть вечно царит,
Величием царским Джамшида затмит!»
За веру властителя, ум, доброту
Речей справедливость и дел красоту
С тех пор нарекли его Нушинраван»
(см. Фирдоуси «Шах – Наме. М. 1989 г. стр. 38 – 39)

Постоянные войны персидского царя Хосрова Ануширвана с бурджанами – бурзянами, о которых упоминают многие арабо – персидские источники и историки, в частности Ибн – Асир, говорят нам, что предки башкурдов имели непосредственные контакты с сасанидским Ираном. Башкурды в отличие от сасанидского Ирана придерживались по всей видимости ещё в V в. более древних ведийско – арийских обычаев. Так, как писал Ал – Масуди: «если у бурджан умирает кто –нибудь, то они собирают всех его слуг и свиту, говорят им известные мудрые изречения, сжигают их за тем мертвецом». (см. Гаркави, 1870. стр. 126)

При этом все арабо – персидские историки IX –XIII веков: Ал – Масуди, Ал – Бакри, Ал – Казвани, Ал – Фазари подчёркивают в один голос тот факт, что башкурды – бурджане (борзяне) по вере близки к

персам – зороастрийцам, поскольку: «придерживаются веры магов». (см. Гаркави, там же).

В свою очередь поэт- историк Фирдоуси (940 – 1030) в «Шах – Наме» наоборот передаёт сведения, по которым, по пехлевийской традиции мобедами – багнапатами (зороастрийскими жрецами) при дворе царей Сасанидов были – Борзины (башкурды – борзяне), один из которых Рамборзин и возвёл Хосрова Нушинравана (Ануширвана, арабск.на престол. Рамборзин правитель Мадаина подавил с согласия шахиншаха своим войском восстание Нушзада сына Хосрова Нушинравана. По всей видимости, башкурды представлены были в самих персидско – сасанидских письменных источниках этнонимом – Хайталы или эфталиты, которые являлись кочевыми иранскими племенами, обитавшими между Ираном и Хотанскими тюрками.

Царь Кобад, отец Хосрова Нушинравана пробыл заложником у эфталитов два года, после чего с помощью их войска возвращает себе царскую власть в 488 году. Затем, после государственного переворота и заточения в тюрьме Кавад снова бежит к эфталитам – хайталам и при их военной поддержке свергает узурпатора Джамаспа и восходит вторично на царский престол в 499 году, на котором пробыл до 531 года, исправно платя дань вождям кочевых иранских племён. По всей видимости, эти иранские племена эфталитов – хайталов были близки к Кушанам исповедовавшим буддизм, основателем которого был Гаутама из рода Саков – Шаков (Массагетов). Только этнической близостью иранских кочевников эфталитов – хайталов с некогда кочевыми индоариями Кушанами можно объяснить тот необычный исторический факт, что с одной стороны цари Сасаниды возводили свою родословную к Кушанским царям, а с другой просили и получали помощь от эфталитов – хайталов. Известное благодаря «Шах – Наме» Фирдоуси имя Гатфар – Иатфарр, так звали вождя эфталитов – хайталов, свидетельствует об их древнеиранском происхождении и прекрасном знании «АВЕСТЫ», благодаря чему становится понятна их помощь иранским царям сасанидам – обладателям божественного – хваррно в борьбе с узурпаторами престола шахиншахов.

Сын Хосрова Ануширвана по имени Хормозд IV (570 – 590 г.г.) у Фирдоуси убивает зороастрийского мобеда по имени Симах Борзин, а некоего Хоррада Борзина посылает к тюркскому кагану Шабе с требованием не помогать восставшему против него полководцу Бахрама Чубине, происходившего из знатного парфянского рода Михранов. Но в результате дворцового переворота Хормозд IV был свергнут и на престол был возведён его сын Хосров II Парвиза (591 – 628). При правлении Хосрова Парвиза, а затем и его сына, по Фирдоуси при шахском дворе Хоррад Борзин по прежнему остаётся знатным мобедем и входит в число иранских вождей – военачальников входящих в царский

совет. Именно Борзин – Хоррад вместе с Оштадом были послами от Хосрова к низложенному Хормозду, что свидетельствует об исключительно высоком ранге рода Борзинов при царях сасанидской династии Ирана.

Хосров Парвиз:

«Прощайте, лишь радости знайте всегда,
Меня лишь добром поминайте всегда!»
Возванье вождя лишь дослушал Оштад

23440. Достойный, с ним доблестный Борзин – Хоррад.

Хоррад – Борзин – название одного из главных святилищ огня в сасанидском Иране. Со времен Сасанидов сохранился литературный памятник «Хосров, сын Кавада и его паж», по которому мы можем дословно выяснить всю систему воспитания молодежи персидской княжеской знати при дворе царя Хосрова Ануширвана (Нушинравана «бессмертный дух»). В тексте в форме диалога юноши-слуги с царем, пересказывается все, чему должен был быть обучен иранский юноша княжеской крови. Во первых, в беседе с царем, следует стоять как юноша-паж перед шахиншахом в почтительной позе, спрятав ладони подмышки. (4)И сказал он: «будь бессмертен, о царь царей, будь навеки господином мира и исполнителем желаний (официальный титул Хосрова I)...(8) Моя семья ...всегда была благодарна, могущественна и богата ... (9) В свое время меня отдали в школу (фрахангестан), и в обучении я был старателен. (10)И я выучился яштам, и хадокту, и Ясне, и Видевдату (разделы «АВЕСТЫ»)- как хербед, и изучил весь Зенд (среднеперсидский комментарий к «АВЕСТЕ»)-часть за частью. (11) А в дабирстве (светских науках), я знаю и изящную литературу и ... литературную речь. (12) А в джигитовке (асеварих) и стрельбе из лука я так искусен что [мой противник] считает себя счастливым, если может избежать моей стрелы. (13) А во владении копьем – я таков, что несчастным должен считать себя тот всадник, который вступит со мной в единоборство или в скачке или фехтовании копьем и мечом, или в игре в мяч, в борьбе (далее перечисляются прочие воинственные подвиги). (14)И также в игре на вине, барбуте (струнные инструменты), на барабане и литаврах, и в пении, и в вопросах и ответах (соревнования в поэтических экспромтах) – я - первый. (15) И во всем, что касается знания звезд и планет – я таков ...что нет мне равного. (16) И в игре в шатранг (шахматы), и неварташир (нарды), и хаштпад («восьмь ходов»-вид какой-то игры) – я первый среди своих сверстников». – Шахиншах затем испытывает юношу в том, знает ли он лучшие сорта вин, лучшие блюда, одежды, лучшую музыку и т.д. (По

мнению юноши, в частности, ничто не может сравниться с красивой девушкой гарема, которая играет на чанге и поет высоким голосом).

Шахиншах затем испытывает юношу об обычаях на банке [пирах], о самых лучших цветах (лучшим, по мнению юноши, считается запах жасмина – йасмин), о красоте женщин, о достоинствах коней. На все эти вопросы юноша дает прекрасные ответы и получает подарок [...], и место при дворе». (В.Г.Луконин. см. Шахнаме т.V. приложения.стр.359-360).

По источникам установлено что в Сасанидском Иране слово пахлаван «богатырь» тождественно башкордскому – батыр «богатырь, храбрец» являлось княжеским титулом. Учитывая древнюю и постоянную связь башкордских борзят с мобедами – Борзянами сасанидского Ирана следует сделать вывод о том, что обучение башкордских батыров – пахлеванов на Южном Урале вплоть до 18 в. как в искусстве стрельбы из лука, так и умении писать изящные стихи, строилось по единой методике воспитания княжеской молодежи принятой у персов.

Великий национальный башкордский батыр Салават Юлаев в своих стихах обращается к таким поэтическим символам, как лук и стрелы потому, что в Иранской поэзии этим видам оружия посвящено немало строк, что в свою очередь было связано с генеологической традицией царских династий Аршакидов и, затем и Сасанидов. Аршакиды связывали свое происхождение со знаменитым лучником Кави Аршаном (Ареш), одного из правителей легендарной дохаменидской полумифической иранской царской династии Кавиев или Кейянидов. Во время войны иранцев – зороастрийцев с иранцами – девопоклонниками Турами или туранцами (потомками Тура, сына Траэтона) Кави Ареш, по договору с Афросиабом должен был выстрелом из лука по месту падения стрелы установить государственные границы между Ираном и Тураном. Кави Ареш набрав дыхания и натянув лук, выстрелил изо всех сил, направив стрелу как можно дальше на край земли. Не выдержав напряжения Кави Аршан пал замертво, но стрела выпущенная им из лука улетела так далеко, что, что позволило иранцам расширить границы своей земли и изгнать туранцев. С этого мифического времени, имя и образ Кави Ареша стали для иранцев символом любви к Родине и борьбы до смерти за свою свободу и независимость.

Если посмотреть с исторических позиций на известное стихотворение «СТРЕЛА» великого башкордского батыра княжеского рода – пахлавана Салавата Юлаева, то мы сразу видим, что эти строки были написаны по эстетическим канонам древне-иранской поэзии. Так, в классической персидской поэзии воспевались выстрелы из лука трех иранских богатырей; Кави Аршана, затем богатыря Зохры – Суфрая и потом Бахрама Чубине.

Династия иранских царей Сасанидов, вслед за предшествовавшей им династии Аршакидов, так – же возводила свою генеологию к родословной мифического героя – царя и искусного лучника Кави Аршана. По Фирдоуси и род мобеда Хоррад – Борзина происходил от Кави Аршана – лучника, из чего следует вывод об его принадлежности к древним башкордам Урала.

В «Шахнаме» у Фирдоуси, царь Хосров Парвиз в письме к византийскому императору Маврикию I (582 – 602г.) говорит буквально следующее :

Ты в Руме теперь под защитой своей
Хранишь благородных иранских мужей:
То славный Шапур, Гостехем, и Андыян,
С Хоррадом Борзиным из рода Кеян.

17220 .

Исходя из индоарийских мифов и древнеперсидской «АВЕСТЫ», свидетельствующих о том, что священный огонь зороастрийцев Борзин – Михрбан был перевезен в Иран через территорию Средней Азии с Южного Урала (Аркаима), где расположен горный Бурзянский район, соответствующий авестийской горе Хара Березаити, где обитает обитает башкордский род – Борзян, диалект языка которых сохранила ряд интердентальных фонем свойственных древнеиранским языкам, легко понять, что сам род Мобедов – Борзинов служивших советниками, послами и жрецами при царских дворах династий от Аршакидов до Сасанидов имел исконно башкордское происхождение. Род Борзинов, как это видно из Шах – Наме почитался Сасанидами, как наиболее опытный в вопросах дипломатии и философии, что как раз и является прямым доказательством древнего происхождения этого клана зороастрийских жрецов – Мобедов. В «Шах – Наме» шах Хосров Парвиз всегда советуется с мобедом Хоррад – Борзином и с его помощью принимает наиболее важные решения. Например, перед боем с Бахрамом Чубине :

15668 Внял юный Хосров наставленью тому,
Разумный совет показался ему.
15670 Он витязей несколько выбрал потом
Хоррада Борзина, Гостехма – бойца,
(...)

Хоррад – Борзин, как царский посол шаха Хосрова Парвиза вел непосредственные переговоры с византийским императором Маврикием I и затем с тюркским хаканом. Письмо Хосрова к императору Маврикию I сохранилось и в византийских хрониках. Во время переговоров послов сасанидского шаха с Маврикием, византийский император испытывает

иранских дипломатов и самым достойным из них снова оказывается Хоррад – Борзин.

« О горе! - кейсер [император Маврикий] восклицает, - беда!
17380 В печаль нас ввергает печальная та». Решенье загадки не слышит, и вот Хоррада Борзина в подмогу зовет Ему говорит: «Именитый герой Украсивши род Ардашира собой!».

Разгадав загадку и достойно ответив, мобед Хоррад – Борзин начинает излагать византийскому императору Маврикию I суть и основы Индуизма.

Хоррад – Борзин излагает хиндскую веру.

Ответил кейсер: «До скончания дней Живи, о, достойный советник царей»
(....)

Хоррад – Борзин:

«Кто хиндов премудрую книгу прочел,
Сияние радости в сердце обрел!»

Кейсер вопрошает:

Путь хинда ведет
Куда? В чем находит он духу оплот?
Кому поклоняется, верит во что,
17440 Кумиропоклонник по вере, иль кто?»
Путь, - слышен Хоррада Борзина ответ, -
Луна и корова инога там нет
Там плоти поблажки никто не дает,
Не верят в Йездана, в кружащийся свод,
И солнца б с собой не поставили в ряд!
За нами же знанья признать не хотят.
Кто - либо коль яркий огонь разведет,
Себя в этом пламени жарком сожжет –
Средь воздуха огонь распознает другой,

17450

Рожденный по воле Йездана благой
Эфиром мудрец его хиндский зовет,
Речь мудро и сладко про это ведет
Один, мол, огонь коль с другим будет слит,
Грехи уничтожит он, испепелит....
Так заповедь им о сожженье дана:
В горенье, мол, истина заключена.»

Император Маврикий I стал возражать Хорраду – Борзину.

(17458 – 9) «Нет правда не в этом, - кейсер говорит, -
И дух Иисусов сие говорит
(...)

Окончил кейсер свое слово и вот
17490. Ответить Хоррада – Борзяна черед.
Мобед Хоррад – Барзин излагает византийскому императору Маврикию I основы зороастрийской веры.

117500 - «Будь мудр и Йездану лишь верь одному!
Создателю всякая тайна ясна,
Не надобны Всевышнему сын и жена
Почто ты закон Кеюмарса отверг!
Обряд и устав Тахмураса отверг!
Учили они : Вседержитель един,
Служи, коль разумен, - он твой властелин
Йездана слуга, умудренный дихкан
Как в руки для бажа барсом ему дан,
Ни капли воды не глотнет никогда,
17510. Хотя бы и снилась от жажды вода
К Йездану под кров прибегает в бою
Так, воду и ту отвергает в бою!
Кыбла для него – сущность высшая та
Что выше, чем воздух, земля и вода.
Цари не предатели веры у нас,
Внимают веленьям Творца всякий час.
Алмази, динары не манят их взгляд
Прославиться лишь правосудьем хотят,
17520. Построив, дарят, не жалеют дворца,
Щедротами радуют людям сердца.
Того почитают, кто в пору боев
Лик солнечный кутает в пыльный покров,
Край отчий от лютых врагов бережет –
Властитель разумный иного не ждет.
Кто истину в вере не рвется стяжать,
Тому не хваленьям – проклятьям внимать».

Ответ византийского императора Маврикия I.

17530. Кейсер ощутил о той речи восторг
В ней пользу увидеть великую смог.
Изрекшему молвил: «Создатель миров
Возвысил тебя средь благих мудрецов
(...) Венец драгоценный подать повелел,
Вручил мудрецу с многократной хвалой:
«Иран, да пребудет украшен тобой.»

Могилы древнеиранских царей Тахмураса и Каюмарса из первой династии Парадата, к которой принадлежали и скифы, находились в историческое время в Башкордистане – Хешдекистане на Южном Урале,

откуда во II тыс. до н. э. ушли на юг индо-иранские племена, перевоза с собой на спине быка Сришоки свой священный огонь Борзен – Михрбан. Могилам своих древнеиранских царей Каюмарса, Тахмураса, Фаридуна поклонялись башкорды – хешдеки еще в XVII веке, о чем оставил подробный отчет в своей «Сайахат –Наме» (Книге Путешествий) известный османский путешественник и писатель Эвляя Челеби, посетивший Башкордистан-Хешдекистан в 1666-1667 годах, где он прожил среди башкордов около 6 месяцев, с октября по апрель. Лучник Кави Аршан происходил из второй после Пиштадидов – Парадата династии древнеиранских царей, называемой Кеянидами, от Кави «учитель – жрец». В эпоху династии Кавиев жил и творил пророк Заратуштра, слушая проповеди которого иранские племена приняли новую веру в Асуров – Ахуров, и начав войну со своими братьями индоариями, поклонявшихся старым ведийским богам Дэвам, вытеснили эти племена туров – дэвопоклонников с территории Средней Азии и современного Ирана. Одним из борцов за новую веру пророка Заратуштры и был Кави Аршан, от которого мобед Хоррад – Борзин, живший уже в эпоху Хосрова Парвиза, вел свою родословную.

Хоррад Борзин по имеющимся сведениям был послом Хосрова Парвиза не только к византийским императорам, но также вел переговоры по воле иранского шаха и с тюркскими кочевниками, в частности у Фирдоуси, ездил и к хакану Чина.

Хосров Парвиз посылает Хоррада Борзина к хакану.

19500 Лишь только известье услышал Хосров,
Что из лесу волк устремился на лов,-
Рать вывел такую отважный Бахрам
Что мраком облечься пришлось небесам,-
Царь молвил Хорраду Борзину: «Сыскать
Путь верный в сем деле тебе лишь подстать
В Иране разумней ты всех и во вне
И речи искусством владеешь вполне.»

Как любопытный исторический казус, отметим такой интересный случай, что в Башкордистане на Урале, селение Баймак является неофициальной столицей башкордов рода Бурзян. – В 1533 и 1534 г.г. послами в Молдавию к Петру Волошскому был направлен башкорд Бахтияр Баймаков, чье имя указывает на его принадлежность к башкордскому роду Бурзян на Южном Урале. Из этого следует вывод о том, что башкордская знать из древнего мобедского рода Борзян – Бурсин служили послами не только в древности у персидских шахиншахов из династии Сасанидов, но в силу своего хорошего знания восточных языков были переводчиками и дипломатами у русских царей, еще в эпоху позднего средневековья.

Род Борзин в древнем Иране при царях Ахеменидах (625 - 331 г.г. до н. э.), затем в эпоху правления Аршакидов (248г.д.н.э. – 226 н.э.) и наконец в раннем средневековье при династии Сасанидов (226 – 652 г.г.), то есть почти целое тысячелетие принадлежал к знатному сословию зороастрийских мобедов, служивших жрецами – багнапатами в храме – багин священного огня земледельцев Атур – Борзен – Михрбан, который предки иранцев перевезли с Южного Урала в Иран, на хребет Виштаспы, во время своего переселения во II тыс. до н.э. Главной обязанностью Мобедов было чтение молитв – Аятов.

Ликантропия и Дионисии у ираноязычных саков (скифов) Невров и Будинов.

«На основании, какого личного переживания,
по какому внутреннему порыву грек должен
был прийти к представлению о дионисическом
- иступленном и первобытном человеке как о сатире?»

Фридрих Ницше

У скифского племени Невров существовала, судя по рассказу Геродота, общеиранская ритуально-обрядовая игра – терзание козла – Бъзкаши (белуджск.). Зная по описанию Плутарха о превращении Диониса – агнеца через своё погребение в Дельфах в Аполлона – волка, мы можем понять суть скифского обряда.

Геродот располагает древнеиранское племя Невров среди других скифо – савроматских племён в следующем порядке (История, кн. IV, 100): «За таврами опять живут скифы, частично дальше на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаиса, которая впадает в это озеро в самом дальнем его углу. Северные части Скифии, простирающиеся внутрь материка, вверх по Истру, граничат сначала с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец с меланхленами». Далее (10,8) за меланхленами Геродот располагает скифов – Будинов, находившихся в непосредственном родстве с предками курдов – мидийским племенем – Будии, за которыми по словам античного историка обитали (кн. IV, 22) уже предки башкордов – фиссагеты и (кн. IV, 110) – савроматы. Учитывая, что со всех сторон – невра, будучи сами племенем иранцев были окружены другими древнеиранскими племенами саков – скифов, можно предположить что и возникновение самого этнонима – Невры, возможно как-то связано с названием Курдского, а затем и общеиранского весеннего празднества – Навруз, во время которого разыгрывалась и разыгрывается ритуально – обрядовая игра – «терзание козла» – Бъзкаши (пушту).

Геродот пишет (кн IV,105): «У Невров обычаи скифские. За одно поколение до похода Дария [549 – 486 г. до н. э.] им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невра были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов... Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно, на несколько дней превращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик. (...)».

Таким образом из «Истории» Геродота мы узнаем, что невра жили на земле родственного курдам племени скифов-Будинов. Раз в году, во время культового празднества – Невры рядились волками и на несколько дней оказывались охвачены священным безумием – ликантропией. Сообщение об оборотничестве связано с почитанием Аполлона-волка, как тотемного животного у Невров, с которым они считали себя состоящими в родстве. Во время сакрального обряда Невры рядились в волчью шкуру, маски и изображали охоту на козленка – Диониса.

Этот оборотнический обряд скифского племени Невров имеет под собой реальную историко-религиозную основу. Так, по древнему общегреческому мифу, бог Аполлон любит как свой народ – священный род Гипербореев живших по легендам возле гор Рифейских (на Урале). Мать Аполлона, богиня Лето, как говорит Аристотель (Hist/ anim.VI.35.); «Лето, пришла из страны гиперборейцев на Делос в образе волчицы». В главном святилище Аполлона в Дельфах висело в античное время - медное изображение волка являвшегося символом лучезарного Феба.

Как писал русский философ-языковед А. Ф. Лосев посвятивший однажды целое исследование культу этого бога: «В отношении фигурирования волка в мифологии Аполлона можно наметить такую последовательность. Аполлона прежде всего сам делается волком или в него превращается [...]. С одной стороны, Аполлона не враждебен волкам; об этом свидетельствует миф, рассказывающий, что после убийства Пифона волк первый принес лавр Аполлону. Но, являясь пастушечьим богом, Аполлон убивает волков, защищает стада. В Афинах знаменитый Лицей тоже ведет к мифологии Аполлона- волка, потому что *Luceios* и означает не что иное, как «волчий». (см. его «Античная мифология» стр. 282)

Таким образом, культ лучезарного бога Аполлона, через свой тэофорный эпитет, волчий образ его матери Лето у древних греков был связан напрямую с зооморфным образом - Волка. Греческое слово – Лус «волк» соответствует башкордскому глаголу – олоу «вить» (о волке) и английскому – Low «мычать». Вместе с этим и русское – «волк» - волк и английское – wolf этимологически связаны с греческим – Лус, то есть названием хищного животного – волка, характерной особенностью

которого является именно – вой. Интересно по этому поводу заметить, что башкорды словом того же корня – Лус – олоу называют именно – вой волков, тогда как лайние собак в башкордском языке передаётся глаголом – ерәу, произошедшего из праиндогерманского корня – arǵ «устремляться», «раздирать» (ведич.), egos (др. греч.); ярость, орать (русск.) и т.д. Другой зооморфный образ Аполлона – собаки, сохранившийся в его теофорном эпитете – Кинегет или Киней «собачий» вполне согласуется и соответствует зороастрийской религии пророка огнепоклонника Заратуштры, жившего некогда за Волгой – Ранха (авест.) на Южном Урале, для которой собака является священным животным Аһура – Мазды и человек, ударивший её, подлежал самому тяжёлому наказанию. У предков башкордов ираноязычных Дахо – Массagetов собака – Саг почиталась в образе священного Пса – Сенмурва с крыльями и покрытого рыбьей чешуёй. Башкордское слово – кэнтэй «собака – сучка» этимологически и семантически соответствует древнегреческому – кyпос «собака», тогда как с другой стороны и общеиранское – Саг «собака» соответствует башкордскому – сәук «сучка».

Лук и стрелы как символы лучезарного Аполлона соответствуют вооружению знаменитого лучника Кави Араша из АВЕСТЫ.

Собака и волк являются двумя крайними образами единого, но амбивалентного переживания религиозного чувства, которое древние индогерманцы испытывали во время исполнения сакрального обряда, посвящённого богу Света, антиподом которого всегда выступал бог Тьмы. В эпоху фетишизма и анимизма, когда человек являлся носителем нерасчленённо – синтетического мышления, волк являлся символом и зооморфным образом тёмной стороны, а полудикая, домашняя собака служила символом светлой стороны единого праиндогерманского божества – лучей света: Аполлона. В иранских языках слово – гур означает – волк, а также – сильный «Гор» (курдск.яз. диалект курманджи). Ряд ученых – филологов, опираясь на общеиранскую этимологию слова - Гёр пытались вывести происхождение этнонима - Башкорд. С другой стороны, иранское слово – Саг «собака» послужило основой для образования этнонима предков башкордов Сако – Массagetов, поклонников летающего божества – Пса Сенмурва.

Рассказ Геродота о том, что Невры покинули свою прежнюю северную родину из-за нашествия змей, полностью согласуется как повествованием «АВЕСТЫ» о захвате власти в Иране царем – змеем Ажи – Дахакой, так и древнеиранской генеологической легендой о происхождении курдов от 200 юношей спасенных от принесения их в жертву Змею – Зохлаку. Курды до настоящего времени почитают змея Шах – мера, а убийство змеи почитают грехом или неблагоприятным поступком. По средневековым иранским источникам известно, что в

Мидии сохранялось среди местного населения почитание Ажи – Дахака. Все эти факты свидетельствуют, что Геродот при написании истории происхождения скифских племен опирался на самом деле на древние иранские генеологические предания.

Превращение Невров по словам Геродота : «...ежегодно, на несколько дней» - в волка, говорит о наличии у иранских племен скифов – Саков экстатических религиозных культов, которые так-же одновременно были широко распространены в античной Греции и Южной Италии. Как писал Вячеслав Иванов : «Эта темная эпоха была эпохой удержанных мифологической памятью душевных болезней, как мания превращения в животных – корову, лисицу, оленя, волка. Конечно ослабленные и спорадические их проявления не исчезли и в позднюю пору; так, существуют исторические свидетельства о болезнях кинатропии и ликантропии; замечательно, что именно в феврале, дионисийском и хроническом месяце Анфестерий, люди подверженные таинственному недугу, «по ночам выходили из городов, во всем подражая волкам и собакам. Обобщая материал относящийся к душевным аномалиям древнейшего периода, мы приходим к выводам о многочисленности и распространенности таких случаев психического заболевания; о религиозной окраске их в воззрении древних; о постоянной связи между ними и религией Диониса (фигуры Ореста, Алкмеона, Ио, Геракла возникли без сомнения, под влиянием дионисийских представлений); наконец, о необходимости различения двух категорий этих фактов, характеристически распадающихся на явления аффекта одиночного и коллективного.

Об экстазе, или безумии, как явлению собственно культовом мы вправе говорить только тогда, когда оно принимает характер состояния коллективного. Эта совместность исступления, есть отличительная черта Дионисовых оргий. Ни бог, ни охваченные восторгом его служители не пребывают в одиночестве.[.....]».

- « Эндемические или эпидемические невроты охватывали целые населения. Мифы сохранили воспоминания об этих всенародных заболеваниях. Путем постепенно распространяющейся заразы, религия Диониса овладела греческим миром». (См. Вячеслав Иванов. «Эллинская религия страдающего бога» в книге Эсхил «Трагедии» М. 1989 г. стр. 322-324; далее, ссылки на В. Иванова даются по этому изданию)

Из достоверных свидетельств античных авторов доподлинно известно, что сам культ Диониса проник на территорию Древней Греции в VII-VI в.в. до н. э., из Малой Азии, где обитают Курды, предки которых индийское племя Будийев состояло в непосредственном родстве с иранским племенем Саков (скифы)-Будинов, справлявших оргии Диониса и на землях которых и жило другое кочевое иранское племя

саков - Невры, чьи обряды включали в себя как необходимый элемент массовую ликантропию.

Сакское племя Невров жило по рассказу Геродота на земле другого сакского (скифского) племени Будинов. Сам этноним Будинов предполагает их родство с мидийским племенем Будиев. Косвенным подтверждением этому факту служит указание Геродота о мидийском (курдском) происхождении сарматского племени Сигиннов. Сам тот факт, что Невры переселились и жили на земле Будинов, говорит о близком родстве друг другу этих двух иранских Сакоскифских племён.

Религиозно-культовые обряды Невров Будинов являлись дополнением друг к другу и составляли собой единый календарный цикл. Геродот (кн IV, 108) писал о родичах курдов – скифском племени – будинов буквально следующее: «Будины – большое и многочисленное племя; у всех у них светло – голубые глаза и рыжие волосы. В их земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженные по эллинскому образцу. Каждые три года, будины справляют празднество в честь Диониса и приходят в вакхическое иступление. Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у гелонов, образ жизни их также иной.»

Из этого текста мы узнаем, что Будины в Скифии, в целом вдали от Малой Азии справляли вакхическое празднество Дионису. Геродот сам будучи греком прекрасно знал культ бога Диониса пришедшего в Древнюю Грецию из Малой Азии, где в ту пору, когда он писал свою «Историю» проживало мидийское племя – Будии. Поэтому нет никаких сомнений в том, что когда Геродот писал о вакхическом празднестве у скифских Будинов, то подразумевал именно культ страдающего божества Диониса - Загрея сына Дьяуса - Быка - (Зевса).

Гелоны, упоминаемые Геродотом, носят этноним близкий к имени иранского племени Гиляни ведущих свое происхождение от древних Гелов или Гилей, проживавших в Иране еще в эпоху Ахеменидов (550 – 331 г.г. до н.э.) В Иране прикаспийская область Гилян получила свое название от обитавших там Гелов. Горная часть Гиляна носила название - Дейлем и там издревле обитали курды и их предки мидийцы – Будии. Таким образом, если в Малой Азии являвшейся родиной зарождения культа Диониса, древнеиранские племена Гелов и Будиев проживали непосредственно по соседству друг с другом в Дейлеме, то в Скифии сакские племена носившие идентичные этнонимы Гелоны и Будины жили на одной территории.

Гелоны в Скифии по генеологической легенде пересказанной Геродотом происходили от брака Геракла, то есть грека (были индоевропейцами) и некой мифической Ехидны, полуженщины – полужмеи. Ехидна древних греков это Ажи – Дахака древних иранцев, во время правления которого возник курдский народ избавленный от гибели могучим кузнецом – силачом Кави, являющегося своеобразным Гераклом в «АВЕСТЕ». Рассказ Геродота о происхождении скифского племени от Ехидны имеет прямое отношение как к башкордам Урала, так и их предкам ведическим ариям Куру. Один из главных героев башкордской мифологии Торна – Хаубен победив дракона Кахаху – Млечный Путь (иранск.) жениться на водной богине Наркас, дочери подводного змея Шульгена, родного брата Урала – батыра. Поскольку отцом Наркас по мифу является подводный змей, то по своему естеству Наркас для башкордов в эпоху фетишизма представляла в облике Ехидны, Полудевы – полужмеи. Эта легенда находит свое продолжение и в реальной истории. Так, башкорды Урала почитали – змею, как свое патронимическое божество еще в X веке. Как писал об этом посланник багдадского халифа Ибн – Фадлан к башкордам рода Буляр – Булгар, посетивший Башкордистан: «Мы видели, как одна группа [башкордов] поклоняется змеям, другая группа поклоняется рыбе, третья поклоняется журавлям». (см. Путешествие Ибн – Фадлана. 1939. стр. 66 – 67)

До настоящего времени одно из башкордских племен носит родовой этноним – Елан «змей». Предками башкордов Урала являются ведические индоарии Куру – Бхараты, основатели протогородской цивилизации Аркаима, из чего следует закономерный вывод о том, что обряд поклонения змеям у башкордов, а равно и у курдов исторически восходит к культу ведийского Змея Глубин – Ахи Будхнья.

В «Ригведе» Змей Глубин упоминается около 12 раз и всегда с таким мифическим персонажем как Аджи Экападом – «Одноногим Козлом».

Ригведы. Мандалы X

Гимн 64. (Ко Всем – Богам)

Как, какой хвалебной песнью усилится

Громкогласный поэт Брихаспати,(какими) прекрасными гимнами?

Пусть Аджа Экапад вместе с легко призываемыми (божественными) певцами,

Ахи Будхнья слушает при (нашем) призыве богов!

В представлениях древних греков, Змей является священным животным лучезарного бога Аполлона, а козел почитался сакральным обликом бога Диониса. О боге Аполлоне, как покровителе и даже демоне всех змей повествуют два знаменитых древнегреческих мифа. Первый, о Кассандре получившей свой дар пророчества от Аполлона в

его Храме Змей, благодаря чему, позднее предсказала гибель Трои. Второй, миф о прорицателе – жреце Лакооне, который по одному из вариантов, погиб вместе с детьми, будучи удушен выплывшими из моря большими змеями посланными лучезарным богом Аполлоном, в наказание за свое оскорбление. При этом нужно помнить, что для древних греков бог Аполлон является защитником города Трои, жителями которого и являлись как пророчица Кассандра, так и жрец Лакоон со своими детьми. Связь образов змеи и лучезарного Аполлона вызвана необходимостью этого класса пресмыкающихся греться на камнях под лучами Солнца, что повсеместно и наблюдали, как древние греки, так и ведические индоарии Куру.

Если исторически верна этимология В.Н.Топорова о соответствии имени ведийского божества Ахи Будхья древнегреческому Пифону, а затем и сербо-хорватскому Бадняк. (см. Топоров В.Н. – Пифон, Ahi-Budhaya, Бадняк и др., в сб. Этимология, 1974, М.), то тогда, мы опять возвращаемся к этнической истории башкордов Урала. Баджняки или пачинаки у древних греков, а затем и печенеги в древнерусских летописях, издревле жили на землях башкордов Урала. Как писал о баджняках в Башкордистане в X веке посол багдадского халифа Ибн – Фадлан : №12 «Мы двинулись с этих мест и дошли до реки Бугтади. Реку перешли на плотах. Здесь мы встретились впервые с башкордами. Потом пришли к реке Жом. Перешли следующие большие реки Жакхым, Азал, Ардан, Арыш, Ахты, Мана, Бана. Потом около большой воды встретили живущих там бажнаков (печенегов, прим. автора).

№13. Бажняки – лицом черные – темные, бороды бреют, по сравнению с народом Гузии – бедные. В Гузии некоторые люди держат по 100 тысяч голов овец.

№14. От бажняков ушли и пришли к реке Жанех (Яик). Эта река была самая большая и течение сильное, что мы видели до сих пор. Потом мы видели следующие реки : Жаха, Бажак, Сэмур (һақмар), Кибал, Кибак, Сух. После этого мы пришли к городу (шаһар) башкордских племен».

Константин Багрянородный (905 – 959 г.г.) византийский император с 913 года писал в своем трактате «Об управлении империей» о башкордах : бажняках - пачинахах (печенегах) в связи с переходом через их земли скандинавских викингов – росов (гребцов) на своем пути с севера из Норвегии на юг в Константинополь буквально следующее : Викинги – росы (гребцы) «Затем достигают так называемой переправы Крария, через которую переправляются херсониты, идя из России [Скандинавия], и пачинакиты [бажняки – печенеги] на пути к Херсону. Эта переправа имеет ширину ипподрома, а длинну, с низа до того [места]. Где высовываются подводные скалы, - насколько пролетит стрела, пустившего ее отсюда до туда. Ввиду чего к этому месту

спускаются пачинакиты [бажняки] и воюют против росов [викингов]. После того как пройдено это место, они достигают острова называемого Св. Григория» - «От этого острова росы, [скандинавы] не боятся Пачинакита [башкордов – бажняков], пока не окажутся в реке Селина» (см. Эллинака, М. Аспект – пресс. 1995 г. стр. 235)

Печенеги, в конце концов, по наущению византийского императора, убили на Днепровских порогах норвежского конунга викингов знаменитого Свендослава (Святослава) в 972 году. В курдском языке, диалект курманджи слово- ПЬЧЭНГ «залив».

Исходя из таких разных источников, как данные ведийско – арийского языка, затем древнегреческой легенды о происхождении саков – скифов от Ехидны полуженщины – полузмеи, аветийского предания о возникновении курдского народа в эпоху правления змея царя – Ажи – Дахаки, следует признать этноним – Баджняки – Пачинаки индоиранским теофорным именем одного из башкордских племен откочевавших в средние века, (непосредственно предшествующие татаро-монгольскому нашествию) с Южного Урала, где их застал Ибн – Фадлан, на территорию Хунгарии – Венгрии, называемую в персидских и затем арабских хрониках тех лет страной Боджгирд. Для такого вывода есть веские основания, подтверждаемые тождеством языческих обрядов башкордов и баджняков – пачинаков (печенегов) в средние века. Лев Диакон, хронограф X в. описывая убийство норвежского викинга Сфендослава (Святослава), приводит интересные факты об обрядах печенегов: «Сфендослав оставил Дористол, вернул согласно договору пленных и отплыл с оставшимися соратниками, направив свой путь на родину. По пути им устроили засаду пачинаки – многочисленное кочевое племя, которое пожирает вшей, возит с собою жилища и большую часть жизни проводит в повозках. Они перебили почти всех [росов], убили в месте с прочими Сфендослава, так что лишь немногие из огромного войска росов вернулись невредимыми в родные места.» (перевод М.М. Копыленко).

Как пишут М.Я. Сюзюмов и С.А. Иванов, авторы комментария к текстам Льва Диакона: «О так называемых фтирофагах рассказывают Геродот (IV, 109), Страбон (XI, 2, 14, 19), о них упоминают Плиний старший, Помпоний Мела, Арриан, Птолемей и др. слово «φθῆρ» имеет два основных значения: «вошь» и «шишка». Что здесь хотели сказать античные авторы, не совсем ясно (не снимает вопроса и специально посвященная этому статья Беляева (1964), в которой, кстати Лев Диакон не упомянут) Однако можно быть уверенным, что наш историк пишет именно о «вшеядности» печенегов: хотя само слово заимствовано из геродотовой традиции, на что указывает и употребление далее «ἄμαξοβουοῦ - живущий в повозках», также встречающееся у Геродота (

IV, 121). Возможно, что Лев Диакон привязал к стереотипу известные ему факты: арабский путешественник X в. Ибн Фадлан, вряд ли испытывавший на себе влияние Геродота, во время пребывания на Волге видел, как аборигены поедали вшей. И описал это во всех ужасающих подробностях (Ибн – Фадлан. 130) [см. Лев Диакон «История» М. 1988, стр. 82 и стр 214].

Все эти факты свидетельствуют в пользу того, что многие средневековые арабские и византийские историки **Башкордов** называли **Печенегами**.

Геродот (кн.IV, 109.) писал: «Будины – коренные жители страны – кочевники. Это – единственная народность в этой стране, которая питается сосновыми шишками. Гелоны же, напротив занимаются земледелием, садоводством, и едят хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов. Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя и неправильно. Вся земля их покрыта густыми лесами разной породы. Среди лесной чащи находится огромное озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдру, бобров и других зверей с четырехугольной мордой. мехом этих зверей будины оторачивают свои шубы, а яички бобров применяют как лечебное средство против болезней матки.»

Бобер в зороастрийской религии пророка Заратушты являлся священным животным богини воды Ардвисуры Анахиты. У Башкордов Урала шапки родовых вождей – тарханов оторачивалась мехом выдры – камсат. Так в знаменитой башкордской песне посвященной национальному герою Салавату Юлаеву, звучат такие слова :

Батыр Салават, всего-то, во сколько лет,
В зеленой шапке обшитой мехом выдры[камсат]
Стал бригадиром Пугачева
Всего-то, в свои 22 года

Башкордское название выдры – камса, соответствует курдско-иранскому – Сае аве «выдра», буквально – речная собака. В зороастризме такие животные как – бобер, выдра, куница, соболь, горностаи наряду с собакой почитаются благами, ахуровскими существами. Само башкордское название речного животного – выдра как «кама» или «камса» включает в себя общеиранское слово – «кама» [лодка], например в курдском языке –«гами»[лодка], а – «гамикар»[лодочник]. Следовательно, башкордское сложносочиненное имя – камса означает на иранском языке – в буквальном смысле – лодка-собака.

Культ Аполлона в Древней Греции имел древние индо – иранские корни своего происхождения, на что указывает его эпитет – Ликей. С одной стороны, этот эпитет подтверждает волчью природу – Лус бога Апполона, но с другой указывает на Ликий в Малой Азии, откуда культ Апполлона очень рано X – XIII в.в. до н.э. проник на территорию Древней

Греции. Гомер в Илиаде (IV, 101, 119) дважды называет Аполлона – рожденным в Ликий – «Lycegenes».

Пандар дерзай!

101. «Прежде ж обет сотвори луконосцу ликийскому, Фебу».
119. И, обет сотворя луконосцу ликийскому Фебу
120. Агнецв ему первородных принесть знаменитую жертву.

Этот текст из «Илиады» напрямую перекликается с древнеиранскими народными языческими, дозороастрийскими верованиями, по которым Хварна (авест.) или Фарр (парфянск.) – тепло и благодать тёплых лучей Солнца почиталась в своём зооморфном образе барана-агнца. Аполлон –Феб как раз и почитался у античных греков в облике золотистых лучей Солнца. Предки индо-германских народов, в первую очередь у греков – ахейцы и дорийцы, у индо –иранцев – ведические арии Куру – Бхаратов были кочевыми пастушескими племенами чьи стада постоянно подвергались нападению стай диких волков, для которых наиболее лёгкой добычей являются молодые козлята, ягнята и тельцы, народившиеся с новой весной. В эпоху господства родового строя древние индо-германцы представляли весь мир как одну единую кровно-родственную семью и поэтому ягненок – Дионис и волк – Аполлон почитались детьми одного отца Дьяуса – Зевса господа светлого неба. Волк, представитель класса хищных животных, убивая ягнёнка и пожирая его мясо тем самым, как считали ведические индо-арии, исполнял своей жизнью космический закон Рита. Для ведических ариев эпохи завоевания Индии (II тыс. до н.э.) вся жизнь Природы представала как непрерывный процесс жертвоприношений. Волк, поедая ягнёнка, тем самым служил исполнению законов Природы, предопределённой небесной гармонией или Мировым порядком – Ритой.

Ведические индоарии Куру до своего вторжения на полуостров Хиндостан во II тыс. до н.э., а также предки античных греков – ахейцы и дорийцы до продвижения на юг Балканского полуострова обитали на севере на обширной территории, включавшей Алтай, Среднюю Азию, Южный Урал, Северное Причерноморье. Вполне возможно, что название местности Илек, включающее в себя и реку Илек приток реки Урала (Даика), где обнаружены знаменитые Илецкие курганы, в которых представлены памятники разных временных эпох древней индо-германской культуры насельников этого края (ямной и андроновской культур, а затем, племенной знати савроматов 5-4 в.в. до н.э. со слугами, конями, оружием, золотыми украшениями), - своим происхождением связано с культом Аполлона – волка, поскольку, уже у Геродота есть указание на наличие культа этого бога у скифского племени Будинов. Сам топоним-Илек состоит из чистого индогерманского этимона – Лус «волк», а Геродот, описывая скифское племя Будинов говорил, что на их земле расположен город Гелон,

жители которого издревле были – эллинами, то есть не варварами, а близкими по нравам и обычаям к грекам индо-иранским этносом. Хорошо известно, что древние греки считали все другие индо-германские народы – варварами по отношению к себе. Поэтому указания грека Геродота на то, что жители города Гелона осели у будинов, поскольку считали их этнически близкими к себе к эллинам, как раз и следует понимать как некое признание своего индо-арийского родства с кочевыми иранскими племенами. Учитывая, что Геродот говорит далее о языке гелонов как частично эллинским, а частично сако – скифским вполне логично придти к выводу о древнем индо-германском происхождении топонима Илек «волчий» идентичный названию области Ликия в Малой Азии, откуда культ бога – волка Аполлона пришел в VIII – VII веке до нашей эры в Древнюю Грецию. Само проникновение культа богов агнца – тельца Диониса и волка – Аполлона в Малую Азию обязано индо-иранскими племенами Митаннийских ариев пришедшим с севера в 18 веке до нашей эры. В религии ведических ариев Куру, частью которых и являлись древние митаннийские арии Малой Азии жертва и пожиратель дополняя друг-друга являлись по закону Риты как бы одним целым. Бог Дьяус Питар порождая своих детей агнцев и тельцов приносил их в жертвы самому себе путем их поедания другими своими детьми-порождениями волками и хищными животными. Благодаря этому процессу Тепло-Тапас (санскрит.) или по курдски – Тэф не исчезает из мира при смерти, а передается от одной живности – жертвы к другой – будущей жертве, в чем собственно и заключается вся концепция ведических ариев Куру о жизни, как постоянном жертвоприношении одних ради жизни других. На этом принципе было основано учение ведических ариев о Космическом Законе – Рите, или Рэт «порядок у башкордов Урала.

Совершив переселение с севера с Южного Урала (Аркаим) на юг, ведические индоарии Куру привнесли с собой на свою новую родину в Сев.Индию, Пенджаб, Афганистан, Малую Азию свой культ страдающего бога – агнца. До настоящего времени этот древний индо-арийский календарный обряд сохранился как национальная игра – Разодрать козла, - почти у всех иранских народов населяющих Пенджаб и Афганистан.

Бъз каши – терзание козла

(по рассказу очевидца)

Риг Веда Мандала I.51 «К Индре».

1. Этого **барана** – много раз призванного, прославленного Индру опьяняйте хвалебными песнями, (этот) поток добра,
 Чьи (деяния) ради людей распространяются, как небеса.
 Воспевайте (нам) на радость щедрейшего вдохновенного!

«Че-Чакту - степной кишлак в северной части Афганистана. [...] Жители кишлака, угостив нас рисом, бараниной и чаем, продемонстрировали нам «бузкаши» (в дословном переводе – «отними козу») - яростное состязание между двумя командами всадников («чопандос») за обладание тушей убитого и обезглавленного животного, чаще всего козы.

На сей раз предметом «бузкаши» стала туша теленка, положенная в центр размеченной для игры площадки, за пределы которой нужно вынести добычу. По сигналу, обе соревнующиеся команды, сорвавшись с места, несутся к туше животного. Тот, кто завладевает ею первым, старается вынести свой трофей за прочерченную на земле линию. Товарищи по команде прикрывают его, противники же нападают. Возникает жестокая стремительная схватка в гладиаторском духе. Весь кишлак вместе с нами увлеченно наблюдают за состязанием, [...].

Национальная афганская игра «бузкаши» - жестокое в гладиаторском духе соревнование двух команд всадников, стремящихся овладеть тушей обезглавленного козла.

Всадник пуштун с тушей козла во время обряда Бъз-каши
(терзание козла).
Фото Карло Маури.

Полноправным участником «бузкаши» наряду со всадником является конь, этот царь азиатской степи». (см. Карло Маури «Когда риск – это жизнь! М. 1986 г. стр.85)

Наиболее ценным древним источником о культе Диониса у потомков ведических ариев Куру переселившихся в Сев. Индию, является труд Мегасфена – посла Селевека Никатора при дворе индийского царя Чандрагупты (конец IV в. до н. э.) – «Индика». Мегасфен разделил условно всех «философов» Индии на две группы: жителей гор, почитавших Диониса и жителей равнин почитавших Геракла. Большинство ученых – индологов под культом Диониса сообщаемого Мегасфеном, Аррианом и Страбоном у жителей Индии подразумевают культ экстатического бога Шивы. По Арриану именно Дионис научил индийцев танцам, то есть вакхическому служению, тогда как в Индии Шива почитается как – бог танца. Шива как и Дионис вобрал в себя более древний индо- иранский культ - поклонения деревьям. Вакхический танец является наиболее важной частью служения богу Шиве, что отмечено уже в Пуранах, тогда как в Малой Азии и в древней Греции в ту эпоху священное безумие сатиров и менад было отличительной чертой культа Диониса.

Культом бога Шивы включает и сакрализацию его волшебного Посоха – трезубца.

В курдском языке слово Шьв «посох», «деревянная палка». В башкордском языке слово того-же индо-германского корня - Шьбага означает «Посох клятвы», или «Посох разрешения спора» - Шьбага тоту, суть процесса которого заключается в том, что из двух и более спорящих людей выигрывает тот чья рука во время периодического попеременного обхватывания ладонью вертикально стоящего Посоха – Шьбага окажется победителем.

Волшебный посох – хукмар подаренный подземным змеем Кахкахой герою Урал – батыру играет центральную роль в башкордском эпосе. Здесь мифологема Посох – змей является отражением в башкордском мифе древних индо-германских фетишистских представлений о Змее глубин терзающими корни Древа Мирового. Посох Диониса, увитый плющем или гроздьем винограда также являлся продолжением этих древних индо-германских представлений. Гроздь винограда на посохе Диониса символизировала алкогольно-хмельной напиток ведических индоариев Сому, у башкордов Живую воду богини Хомай, которую ищет и находит герой мифа Урал – батыр.

У древних греков Дионис почитался как сын Дьяуса – Зевса «Господа Светлого Неба» и следовательно нисподающий в виде дождя космической влаги.

Плутарх, в своем трактате «Об Исиде и Осирисе» о связи Диониса с влагой писал так:

35. [...] «А что греки считают Диониса владыкой и творцом не только вина, но всякой влажной природы.»
То здесь нам достаточно иметь свидетелем Пиндара сказавшего:
«Пусть увеличит пищу деревьев радостный Дионис Ясный блеск зрелости.»

(перевод с древнегреческ. Н.Н.Трухиной. ред. А.Ч.Козаржевского.)

Пиндар (518 – 438 г.г. до н.э.) поэт – лирик, автор гимнов в честь победителей на Олимпийских и Дельфийских играх сумел в этом стихе четко и ясно передать древнейшее представление о Дионисе – Ваххе у башкордов - Вахшы «безумный», как о весеннем божестве изливающим живую влагу и тем самым дарующим как и Урал – батыр бессмертие всей Природе. Поэтому башкорды Южного Урала разыгрывали ритуальную игру «растерзание волком бога – козлика» весной, как необходимую часть обряда – вызывание дождя.

Аполлоно – Дионисомахия у башкордов Урала.

Индо-иранское родство башкордов Урала как со скифскими племенами Невров и Будинов, так и с потомками мидийских Будиев – курдами Месопотамии и Передней Азии полностью подтверждается, доказываемая и находит своё продолжение в тождестве сохранившихся обрядов.

С.Н. Руденко об обряде терзания козла у башкордов говорил: «Подобное состязание (драть козла, собственно «серый волк» - хоро буре) описывает у южных башкир и П.С. Назаров [1890 в, стр. 35.]. Башкиры собирались верхами в известное место, и один из них вёз зарезанного козла. По данному знаку башкир с козлом на седле пускался вскачь, а остальные старались догнать его и отнять козла. Если кому-нибудь удавалось схватить козла, скажем, за ногу, то он, стараясь перетащить козла к себе на седло, отрывал ему ногу и продолжал скакать. Тогда башкиры разделялись на две партии: одна гонялась за козлом, другая за ногой; так продолжалось до тех пор, пока козёл не был растерзан на клочки». (см. С.Н. Руденко. указ. соч. стр. 284)

Совпадение скифско-иранских сакральных обрядов с башкордскими вполне закономерно и исторически предопределено, поскольку и ираноязычные Невры с Будинами и башкорды являются прямыми потомками ведических индо-ариев Куру, обитавших ещё во II тыс. до н.э. на Южном Урале (Аркаим, Синташта). Башкорды являются родичами Курдов Месопотамии, а скифское племя Будинов состояло в непосредственном родстве с мидийским племенем Будиев. Здесь

намечается интересная параллель в обрядах древних индо-иранских племён – башкордов, курдов – прямых потомков ведических ариев Куру, анализ которых чётко выявляет и устанавливает исконно курдско-башкордское происхождение древнегреческой трагедии Диониса. Так, скифско-иранское племя Будинов справляло каждые три года празднества в честь Диониса. В Древнюю Грецию культ Диониса проник в VIII – VI в.в. до н.э. из Малой Азии, где как раз в это время проживало мидийско-иранское племя Будиев, предков совр. курдов. По мифам древних греков именно божественные куреты (курды) спасли младенца Дьяуса – Зевса, сыном которого и являлся Дионис. Сам Дьяус – Зевс являлся верховным божеством – светлого неба – Dyaus у всех индо-арийских племён, в том числе и у ведических ариев Куру, обитавших во II-м тыс. до н.э. на Южном Урале, где сейчас и живут Башкорды, язык которых продолжает сохранять ряд интердентальных спирантов – ξ и ζ , свойственных древнеиранским языкам. Все античные историки и летописцы - Геродот, Мегасфен Арриан, Страбон, описавшие культ Диониса и Аполлона у саков (скифов) Невров и Будинов, а затем и в Сев. Индии - были греками – эллинами, которые относились к другим, в том числе к индо-германским народам, как к варварам – barbar (санскр.), слово кстати – индоиранского происхождения. Поэтому единое мнение о тождестве культа и образа своего национального греческого бога Диониса с Шивой в сев. Индии и у сакского племени Будинов в Сев. Прикаспии является этими высокообразованными для своего времени эллинами (Геродот, Мегасфен) ярчайшим свидетельством признания некоего своего праиндоевропейского родства с индо-иранским миром.

Вахх – Вахши.

В башкордском языке слово – Вахши означает – «священное безумие, иступление, одичание» человека. Изображая в обряде Аполлоно-Дионисомахии терзание волком козла, – согласно выпавшей им роли в ритуальной игре, то жертву Диониса –Агнца, то хищного волка – Аполлона, поедающего свою добычу, башкорды, как и скифы Невры и Будины, поклонники Диониса в Малой Азии и античной Греции впадали в священный транс, именуемый ими – Вахши. Известно, что для ускорения наступления транса – вахши ведические индоарии Куру употребляли алкогольный напиток Сому и наркотическую траву коноплю – Киндер (курдск.- башкорд.). О широком употреблении скифами конопли писал ещё Геродот (Ист. IV, 75) следующее: 75. «Взяв это конопляное семя, скифы подлезают под войлочную юрту и затем бросают его на раскалённые камни. От этого поднимается такой сильный дым и пар, что никакая эллинская паровая баня не сравнится с такой баней. Наслаждаясь ею, скифы громко вопят от удовольствия».

Геродот поведал о скифском культовом обряде, во время исполнения которого жрецы – багнапаты, надыхавшись опьяняющим галлюциногенным дымом от сжигаемых стеблей сухой конопли, впадали в транс – Вахши и начинали петь священные гимны Гаты. Необходимо указать, что курдское слово – запах «бина» этимологически тождественно общеиранскому слову – bangha «конопля». Вакхическое служение Дионису у сакского племени Будинов родичей мидийского племени Будиев, затем священное безумие сатиров и менад в обрядах Диониса у древних греков, доведение себя до безумия испитием хмельной Сомы у ведических ариев Куру и иступленные танцы у поклонников Шивы в северной Индии так или иначе восходят напрямую к традициям древнего индо-германского шаманизма.

Мирче Элиаде, известный философ и исследователь в области истории религии писал:

«... не подлежит сомнению, что самая элементарная техника экстаза – опьянение коноплей – была известна древним иранцам. Ничто не мешает считать, что иранцы знали и другие составные элементы шаманизма, например магический полёт (зафиксированный у скифов?!), или вознесение на небо.

[...] «Значение опьянения, достигаемого, благодаря конопле, подтверждается с другой стороны, широчайшим распространением этого иранского термина в Средней Азии. Иранское слово bangha – «конопля», стало во многих угро-финских языках обозначением как специально шаманского гриба, *agaricus muscarius* (употребляемого исключительно в качестве интоксикационного средства до или во время сеанса), так и самого опьянения: достаточно сравнить, например, вогульское (мансийское) панкх – «гриб» (*agaricus muscarius*), мордовское панга, панго или черемисское (марийское) понго-панкх обозначает также «опьянение», «пьянство». В гимнах божествам также упоминается экстаз, вызванный интоксикацией грибами. Эти факты доказывают, что магико – религиозный престиж интоксикации в экстатических целях имеет иранское происхождение. Бангха, вместе с другими иранскими влияниями в Средней Азии, к которым мы ещё вернёмся, свидетельствуют о высоком религиозном авторитете Ирана». (см. Мирче Элиаде «Шаманизм» «София» 2000 стр. 367)

Афганский мальчик-пуштун с ягненком.
Фото Карло Маури.

Средняя Азия, Южный Урал, степи Северного Причерноморья, Северный Кавказ и Прикаспийские степи являются Древней Прародиной для всех без исключения индо-иранских племён и народов. Башкорды и есть потомки древних индо-ариев Куру, создателей философии Йоги, а об употреблении ираноязычными племенами скифов – саков наркотического дыма конопли, вызывавшего у человека религиозный экстаз, уподоблявший адепта или участника обряда одичавшему и обезумевшему богу Вакху – Дионису, писал ещё Геродот.

По всей видимости одичание человека – Вахши (башкорд.) по употребление дыма конопли или после испытания галлюциногенного напитка Сомы-Хомы во время обрядов, почиталось древними иранцами как нисхождение некоего святого Духа, терзаемого участниками сакрального ритуала – сына Дьяуса – Зевса в облике агнца или бычка. В Древней Греции спутниц Диониса вакханок и бессарид так и называли – безумствующими – Менадами, поскольку считалось, что бог насыляет некое священное безумие на своих поклонников, благодаря чему те набрасываются на диких животных, разрывают их живыми на части и затем, поедая сырое мясо своих жертв, пьют их тёплую кровь. Именно этот древний вакхический обряд своих индо-германских предков ведических ариев Куру исполняли каждый год весной, охваченные внезапным священным безумием – Вахши, башкорды Урала, называя ритуальную игру – Растерзание козла.

Волк, как это становится понятным уподоблялся у башкордов в сакральном обряде Богу – Творцу, вкушающему принесённую ему в дар жертву, тогда как агнец или телец становились культовыми символами бога – Творца, приносящего себя целиком в жертву этому, вновь создаемому им, этой весной – тварному миру. В момент, когда один из участников обрядовой игры схватывал на скаку тушу барана, козла или телёнка, он и сторонники его команды превращались в страдающего Диониса – агнца, который стремится убежать от преследующего его титанов – волков, жаждущих схватить юного бога и разорвав его на части, пожрать его тёплое сырое мясо. Как только он терял тушу барашка или её выхватывал из рук противник из другой команды, то Агнец – Дионис перевоплощался в Аполлона – волка и ритуальный обряд повторялся вновь. Эти душевные перевоплощения и переходы сознания каждого участника жертвенного обряда из одного пограничного состояния в прямо противоположное вызывали у них сильное эмоциональное перевозбуждение приводившее их и всех зрителей к религиозному экстазу – катарсису. Как писал Вячеслав Иванов о вакхическом самозабвении античных служителей Диониса: «Эти блаженные состояния испытывались служителями бога с первого момента экстаза – с таинственного зова, их поднимавшего и стремившегося туда, где чудилась божественная близость. По одному свидетельству,

относящемуся к концу V или началу IV века, женщины в южноиталийских Локрах и Регионе, сидя дома за трапезой, внезапно улавливали слухом, как бы чей-то призыв (...), вскакивали в иступлении и бежали вон из города. Оракул, для исцеления их, предписывает исполнение весенних пеанов. Здесь, как в приведённом факте милетских эпидемических самоубийств, мы находим, несомненно пережиток дионисийских заболеваний». [...] - «В этом состоянии женщины были «святы». Утрачивая сознание личности, они делались безыменными менадами, или казались самим себе превращёнными в другие существа – птиц, летучих мышей, коров, растений, в собак, как в «Вакханках» Еврипида, где Агава принимает сына за горного льва, травимого охотничьей сворой, как чувствуют себя Еврипидова Лисса, «ловчая собака Геры», и Эсхилувы Эринии, чуткие к запаху крови, - образы которых все воспроизводят тип менад». (В.Иванов «Эллинская религия страдающего бога» «Эсхил» стр. 326.)

У башкордов, напомним – женский праздник Карга-туй, на котором молодые и незамужние девушки проводили свои спортивно-культовые состязания, проводился непосредственно перед праздником Хабандтуй. Здесь не трудно увидеть аналогию с малоазийским древнегреческим культом Диониса, где как и у башкордов – обряду терзания козла – Вакха предшествовало ритуальное объединение женщин в горах в некое воинствующее сообщество, обезумевших от предвкушения крови менад. В башкордских календарных обрядах женский обряд Карга-туй являлся сигналом к подготовке и проведению в целом мужского праздника Хабандтуй и его роль в древности, учитывая матриархальное устройство общества у ряда скифских и дахо-массагетских и савроматских племён – была несомненно более важной и значительной. Вакхическое безумие и дух состязательности охватывали в древности весной первоначально женскую часть башкордского общества, а затем предавалась и мужской половине. Весьма знаменательно, что у башкордов женщины выступали в культе инициаторами проведения мужчинами обряда растерзания кровавой жертвы – козла или телёнка, зооморфного символа сына бога Дьяуса – Зевса.

Диуана – Вахши.

В башкордском языке слово – Диуана «юродивый», «блаженный», «сумасшедший – умалишённый» происходит из единого индогерманского корня – Дий – Дуаус «небо – свет», от которого возникло имя Дьяус Питар у ведических ариев Куру. С этой точки зрения, выяснив индогерманское семантическое значение самого корня слова становится понятным, что для башкордов слово – Диуана первоначально означало – «Просветлённый» человек, или «человек Дия – Дьяуса», по типу – гаја «царь», но - гајани «царский, царственный». Суффикс – ап, в санскрите имеет притяжательное значение и поэтому исконно башкордское слово

Диуана означает «Человек Божий». Этимология и семантическое значение такого специфического слова как Диуана показывает, что башкорды в древности понимали вакхическое иступление участников обряда как просветление разума человека светом верховного божества – Дьяуса. Именно об этом вакхическом безумии у предков башкордов ираноязычных саков – скифов, наступавшем во время исполнения обряда – терзания козла Диониса, и писал Геродот (IV, 105): «Скифы и живущие среди них эллины по крайней мере утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик». [...]

Подобное вакхическое иступление у курдов потомков мидийского племени Будиев, уже в наше время, во время исполнения дервишеского обряда – зикра описал в 19 в. курдский хронограф Мелла Махмуд Баязиди, в своей книге «Нравы и обычаи курдов».

Культ Диониса – агнца зародился в Малой Азии среди предков современных курдов индоиранских племён мидийских Будиев, которые прекрасно знали о своих скифских сородичах – Будинах, поскольку, например, в составе персидских войск царя Дария I Ахеменида (549 – 486 г.г. до н.э.) вторглись на их землю.

Геродот в своей «Истории» (IV, 123) вторжении мидо – персидских войск на землю Будинов описывает так: «Пока путь персов шёл через Скифию и Савроматию, они не могли опустошать местность, так как она была бесплодной. Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окружённый деревянной стеной. Будины бежали, город опустел, и персы предали его огню. После этого персы продолжали следовать всё дальше за отступающим противником, пока пройдя через эту страну, не достигли пустыни. Пустыня эта совершенно необитаема, расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на семь дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты. Из их земли текут четыре большие реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Название этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис.

124. Дойдя до пустыни, Дарий с войском остановился на реке Оаре». (перевод Г.А. Стратановского)

Данные античным историком 4 этнонима: Лик, Оар, Танаис и Сиргис наконец позволяют учёным строго и точно локализовать местожительство Будинов, Савроматов, Фиссагетов в Скифии в древние времена.

Река Лик у Геродота точно соответствует по своему этимону названию реки Илек, являющейся левым притоком реки Урала.

Имя следующей реки – Оар совпадает с названием трёх рек Самаро-Уральского региона – Орь, Урал и Волга – Идель, именуемая древними иранцами – Раа, и было зафиксировано даже в «АВЕСТЕ» как – Ранха.

Следующая река у Геродота носит исконно иранское имя – Сиргиз и полностью соотносится с реками Большой и Малый Иргиз, являющимися левыми притоками реки Волги – Раа (индоиранск.). Как Ирхыз этот гидроним указан в х в. у Ибн – Фадлана, возле которой живут башкорды.

Танаис, указанный у Геродота, все историки отождествляют с рекой Доном, от иранского – дану «вода».

Указание Геродота на то, что эти 4 реки впадают в Меотийское озеро, следует считать простой оплошностью и случайной опиской великого древнегреческого историка, легко объяснимой гигантским объёмом его литературного труда, переполненного всевозможными историческими датами, легендами, жизнеописаниями и подробными географическими экскурсами и т.д. и т.п.

Две реки ЛИК и Сиргиз имеют непосредственное отношение к нашему исследованию культа богов Диониса – Аполлона у ираноязычных скифских племён Невров и Будинов. Две эти реки Лик «волчья» (греч.) и Сиргиз «Козлиная» (иранск. – греч.) протеравшие, если верить Геродоту, по землям – Будинов, савроматов, Фиссагетов, указывают своими названиями на широкое распространение среди скифского населения культа Диониса – агнца и Аполлона – волка. В курдском языке слово – Гъз «козлёнок», а в древнегреческом гъз «коза» и Айгес «козьи шкуры». Сомневаться в зооморфном индо- иранском происхождении гидронимов – ЛИК и Сиргис не приходится, поскольку сам этноним Массагеты возник в древности от иранского – Масья «рыба», а саки – хаумварга «саки Хаому чтущие» от растения – Хома.

Знаменательно, что совпадение курдско – мидийских и древнегреческих слов наблюдается именно в именах, связанных с культом Диониса – Вакха, проникшего в Древнюю Грецию не только из Малой Азии, но также и в не меньшей степени из Фракии, то есть непосредственно от скифо-сарматских племён, в частности и от Сигинов родичей мидийцев. В курдском и греческом языках слово кур – коре означает – сын. Так сын волка – Ликург (Лик «волк» (греч.) и коре «сын» (курдск – греч.) сын царя фракийского племени Эдонов, воспротивился проникновению культа Диониса – Вакха, за что был ослеплён Дьяусом – Зевсом.

Гомер. Илиада . песнь IV, (130 – 140)

Нет и могучий Ликург, знаменитый отрасль Дриаса,
Долго не жил, на богов, небожителей руки поднявший.
Некогда, дерзкий, напав на питательниц буйного Вакха,
Их по божественной Ниссе преследовал: нимфы вакханки
Фирсы зелёные бросили в прах, от убийцы Ликурга.

135. Сулицей острой свирепы разимые; Вакх утрашённый
Бросился в волны морские и принят Фетидой на лоно
Трепетный, в ужас введённый неистовством буйного мужа
Все на Ликурга прогневались мирно живущие боги;
Кронов же сын [Зевс отец Диониса] ослепил Дриатида
(Перевод. Н. Гнедича)

Дионис – Вакх у Гомера бросается согласно культу в воду, а Гомер, по сути дела пересказал ираноскифскую обрядовую игру – терзание козла, где туша животного является символом принесённого в жертву молодого бога сына Дьяуса, благодаря чему жизнь на земле возрождается каждой весной вновь. По другому мифу Дионис наслал безумие на Ликурга и тот, желая топором отрубить виноградную лозу – символ Вакха, ударив, убил собственного сына.

Другой древнегреческий миф, где встречается индо-иранское имя – Аяты «священные молитвы» повествует о свирели – АВЛОСЕ, музыкальном инструменте бога Диониса – Вакха. По этому мифу Аэдона дочь царя малоазийского города Эфесса из зависти убила по ошибке своего сына, а затем сошла с ума и боги, сжалившись над ней, превратили её в соловья. Флейта – авлос являлась культовым музыкальным инструментом спутников Диониса – Вакха менад и вакханок, сатиров и селенов. Курай, он же карнай «костяной» (иранск.) является национальным духовым инструментом – дудкой, свирелью как башкордов, так и иранцев. Индоиранский инструмент – Ситар в греческом языке назывался – Кифара.

В двух греческих мифах, так или иначе связанных с реальной историей проникновения культа Диониса-Вакха в Древнюю Грецию с территории Малой Азии в VIII – VI в.в. до н.э., убийство невинной жертвы – собственных сыновей мотивируется внезапно напавшим безумием на одного из родителей. В этом отношении весьма примечательно, что слово Вакх – Вахш и в древнегреческом и в башкордском языках означает - безумствовать. «Ваχύω@ -«ликовать, безумствовать» (древн. греч.).

Безусловно слово Вахши «безумствовать» в греческом языке является древним заимствованием из башкордского и иранских языков, поскольку сам культ страдающего и терзаемого бога – барашка Диониса – Вакха пришёл в Древнюю Грецию в 8 веке до н.э. из Малой Азии, где его исповедовали мидийские племена потомки митаннийско-ведических ариев Куру, проникших в переднюю Азию в 18 в. до н.э., переселившихся с севера, с Южного Урала (Аркаим), где и живут башкорды, называющие одичавших людей именем – Вахши. Свидетельством наличия у башкордов Урала в древности весенних вакхических обрядов является ритуальная игра – терзание козла волком и указание Геродота на «вакхическое исступление» иранского племени Будинов, носивших почти идентичный

иранский этноним с мидийским племенем Будиев в Малой Азии. На землях скифских будинов протекали 4 реки, две из которых носили названия Лик «волчья» и Сиргиз «Царь – козлик», так или иначе связанные с культом Диониса – Вакха, распространенных в древности у кочевых и земледельческих племён не только Скифии, но также и в Савроматии. Современная форма имени реки Иргиз восходит все таки к индо-арийским языкам, где Weg «человек – муж».

Перевод названия Иргиз как индогерманское – «река человека – козла» напрямую подразумевает широко распространённый в древности у скифов Будинов культ Диониса – Вакха, который одновременно являлся и божеством весенней влаги и «всякой влажной природы».

В частности Плутарх писал (Исида и Осирис. 35) по интересующему нас вопросу буквально следующее: «У Аргивян же Дионис именуется сыном быка; его вызывают из воды звуками труб, бросая в глубину барана для привратника». (перевод Н.Н. Трухиной, под ред. А.Ч. Козаржевского)

Вполне очевидно, что и река Иргиз «человеко – козёл» связано происхождением своего имени с Дионисийскими обрядами, исполняемыми живущими здесь в эпоху Геродота скифо-мидийским иранским племенем Будинов.

Вакхический Зикр курдов в Месопотамии.

Вакхический экстаз является частью религиозных обрядов у курдских дервишей.

Как писал курдский автор 19 в. Мела Махмуд Баязиди «Есть некоторые [курдские муллы], которые выучились ассирийским словам, [произнося которые], они режут себя ножом или мечом // нанося себе раны; кровь при этом из раны не течёт; [рана] сразу же заживает, и даже не видно место ранения».

(перевод М.Б. Руденко. Указ соч. стр. 59-60)

Курды являются потомками Мидийцев, у которых одно из шести племён Будии носило идентичное имя с иранским скифским племенем – Будины. По Геродоту во время справления обрядов Диониса, Будии приходят в «вакхическое исступление».

Этот же вакхический обряд Геродот отмечал и у жителей Малой Азии – карийцев в своей «Истории» (II, 60 – 61): «После жертвоприношения все присутствовавшие мужчины и женщины – много десятков тысяч – бьют себя в грудь в знак печали. А кого они оплакивают мне не дозволено говорить. Карийцы же, живущие в Египте, при этом заходят ещё дальше египтян: они наносят себе раны ножом на лбу; по этому узнают, что они чужеземцы, а не египтяне».(перевод Г.А. Стратановского).

Об отождествление в представлениях древних греков и всех жителей Малой Азии по смежности вакхических обрядов Диониса – Вакха с египетскими обрядами растерзания на 14 частей мёртвого тела бога Осириса указывал и Плутарх («Об Исиде и Осирисе» 35.)

- «А то, что Осирис и Дионис – одно, кто знает лучше, чем ты Клея? Так и должно быть: ведь это ты предводительствуешь в Дельфах вдохновенными жрицами, предназначенная отцом и матерью для таинств Осириса. Если же доказательства надо представить ради других, то всё сокровенное мы оставим вне повествования, но открытие действия жрецов во время погребения Аписа, когда тело его везут на плоту, нисколько не уступает вакхическому ликованию: ибо они надевают оленьи шкуры и несут тирсы, и издают крики, и делают движения подобно тем, кто одержим дионисийским экстазом. Поэтому многие эллины делают изображения Диониса в виде быка. А элейские женщины во время молитвы призывают бога «прийти к ним бычьей стопой». (перевод Н.Н. Трухиной под ред. А.Ч. Казаржевского)

Культе Вакха – Диониса сохранялся у жителей Греции и Малой Азии официально в древности вплоть до принятия христианства государственной религией в Римской империи в 4 веке. Жители восточной части Малой Азии, находившейся в составе иранской империи Сасанидов, свободно разыгрывали мистерии Диониса-Вакха вплоть до завоевания своих стран воинствующим исламом в середине 7 века. Однако, древние религиозные национальные обряды взяли верх над новой религией в Иране и как справедливо подметили учёные – исследователи Вячеслав Иванов и С.М. Марр культ индо-иранского бога – страдальца Диониса – Вакха переродился в ежегодную псевдомусульманскую траурную сценическую церемонию памяти мученической смерти Хуссейна внука Мухаммада, убитого в 680 году возле г. Кербела в Месопотамии.

Иранцы называют проводимый ими праздник исконно «башкордско-древнегреческим», ведийско-арийским именем – Шахси – Вахсей. Само индо-иранское, башкордское имя «человек» - Шахси (башк.), «исходящийся в диком исступлении» -Вахши (башк.) показывает исследователям, что под якобы мусульманским трауром по убитому Хуссейну шииты Ирана и жители некогда им подвластных территорий справляют свой древний национальный праздник по страстям богочеловека Диониса.

Обряд Шахси – вахши (искажённо Шахсей – Вахсей) шииты Ирана отмечают 10 мухаррама в день, когда был убит Хуссейн – 10 октября 680 года. Этому предшествуют десятидневная мистерия – таазие, где дервиши суфийских братств вместе с наиболее активными прихожанами мечетей разыгрывают на улицах больших городов эпизоды из битвы и мученической смерти под ударами топоров и сабель Хуссейна.

Как писал очевидец этого праздника Вячеслав Иванов: сам наблюдавший этот обряд у шиитов г. Баку: «Больше чем за неделю до главного дня [Ашура] начинают ходить по городу, в окрестностях мечетей, процессии верных, бичующих себя в такт причитаний по голой спине связками цепей или ударяющих себя кулаками в обнажённую грудь». [...] «Число участников заметно возрастает со дня на день; растёт и воодушевление по мере приближения к завершительному акту печального торжества. С утра в последний день разыгрывается на большой площади пышное действо со многими действующими лицами, воинами пешими и конными в старинных кольчугах, детьми Гуссейна и исполняющими женские роли перереженными мужчинами». [...] - «При виде окровавленного, обезглавленного, изуродованного убийцами, его тела в окружающей толпе пробегает огонь подлинного исступления, и белые туники обгащаются первой кровью». [...]

- «... проводят лошадей с тюрбанами на седле, в ознаменование погибших всадников и покрытую окровавленным чепраком лошадь самого святого, причём группа дервишей, бормочущих молитвословия, через равномерные промежутки времени устремляется к её морде, чтобы покрывать её ласками; наконец, проносят закутанный труп Гуссейна с обнажёнными израненными ногами и покрытым запекшеюся кровью обрубок шеи.

Поиски отсечённой и украденной врагами головы составляют предмет отдельного обряда: Ищущие заглядывают во все дворы и закоулки, изображая тревогу и надежду. Любопытно, что по обезглавлении героя, отрубленная голова раскрыла уста и произнесла исповедь единого Бога и Его пророка. По окончании патетической части празднования начинается кафартическая, открываемая многодневным постом, за которым следует пиршество». (см. Вячеслав Иванов «Дионис и Прадионисийство» в кн. «Эсхил» стр. 361 – 362)

Экстатический обряд иранских шиитов Шахсей – Вахсей своим происхождением генетически и типологически непосредственно связан с культом Диониса – Вакха, проникшим в Малую Азию вместе с митанийско-ведическими ариями Куру в 18 в. до н.э., племена которых пришли на юг с севера, с Урала, где проживают их потомки башкорды. Доказательством привнесения культа Диониса в Малую Азию с севера является башкордская – индогерманская этимология его теофорных имён, собственно Диониса «Диуаныусы», «безумствующий» и Вахши «одичавший» человек.

Похоронный обряд невинно убитого Хуссейна у шиитов-иранцев представляет из себя драматическое действие, включающее в себя такие важные сценические элементы как ряжение и переодевание всех участников в одежду символически разделяющую верующих на 2 группы – верных и неверных. Безусловно, одежда в подобном ритуале играет самую главную «сакральную» роль. Сакрализация обрядов усиливается по мере его приближения к древности, когда для человека эпохи фетишизма и оборотничества жертвенный обряд представлял из себя момент непосредственной встречи с божеством.

В древности в представлениях людей каждое божество имело и свой земной зооморфный облик, например как в башкордской мифологии: Хомай – лебедь, Заркум – змей, Акбуз – конь и т.д. Изображая в обряде то или иное божество древние люди рядились не в театральные одежды, а в шкуры изображаемых животных, из чего позднее в аттической Греции возникла традиция переодевания актёров в силенов – коней и сатиров в козлов. Играя женские роли в трагедиях, актёры – мужчины наряжались женщинами.

У скифов по сообщению Геродота (I, 105; IV, 67) в женские одежды рядились энареи (иранск. «анарья» - не мужчина), представлявшие из себя особый класс гадателей – прорицателей. У курдов Месопотамии и Малой Азии до настоящего времени сохранился обычай во время празднования в марте дня святого – Хьдернаби наряжать мальчиков – подростков в женские одежды. Нет необходимости доказывать древнее домусульманское происхождение этого обычая у курдов, тем более у езидов.

Другой обряд, устраиваемый шиитами Ирана в день Ашура представляет из себя театрализованный поиск верующими отрубленной головы Хуссейна, украденной якобы врагами, также имеет непосредственное отношение к обрядам предков башкордов: ведийско – митаннийским ариям Куру – Бхаратам, покинувшими Южный Урал (Аркаим – Синташта) и переселившимися в Северную Индию и Переднюю Азию. Причём из самого мусульманского предания невозможно установить или выявить сакрального значения ритуала поиска дервишами похищенной врагами отрубленной головы внука Мухаммада, что и является доказательством возникновения обряда Ашура у шиитов Ирана из более древних чем ислам вакхических культов индо-иранских народов Передней Азии. Только языческое толкование ритуала поиска головы может объяснить подлинный смысл этого «шиитского» - иранского обычая.

По мифическим представлениям ведических индоариев куру жизнь природы осуществляется благодаря космическому закону Рита (RTA), по которому смерть одних живых существ порождает рождение и жизнь других. Вакх сын Дьяуса – Зевса принесён был в жертву всему миру. Поэтому в память о нём каждую весну, когда возрождалась к жизни вся природа, умершая зимой, ведические арии разыгрывали обряд жертвоприношения Диониса-Вакха, роль которого в ритуале символически исполнял предназначенный на заклятие – барашек, козлёнок или телёнок. Род животных, предназначенных в жертву, был «предопределён» тем типом который пасли и которыми кормились различные племена индо-иранцев эпохи Риг-Вед. Заклятие козла, сдирание шкуры и рассечение на части туши жертвенного животного представлялось для древних людей страданиями и истязаниями божества. Далее, по логике индо-арийского мифа весь обряд жертвоприношения совершался для символического воскрешения умершей зимой Природы. Ведические арии верили в циклическое воскресение всей Природы через символическое воскресение приносимого в жертву божества. Для этого после вкушения мяса жертвенного животного на обряде – медха разыгрывался ритуал мнимого воскресения божества, для чего на священнослужителя – тьрека накидывали овечью или козью шкуры, а на голову ему надевали ритуальную маску с рогами.

Всего этого нет в исламе, догмы которого не знают циклического воскресения природы и человека и тем более – воскресение природы как бога человека. Поэтому и остаётся непонятным и тёмным смысл поиска отрубленной головы Хуссейна в день Ашура у шиитов Ирана, поскольку исторические корни этого мистического обряда кроются в более древней чем ислам языческой религии и народных верованиях митаннийских ариев Передней Азии, потомками которых и являются курды. О наличии обряда воскресения божества путём собирания костей скелета, принесённого в жертву символического животного у ведических индо-ариев Куру свидетельствуют ритуальные игры и бейаны «повествования» у башкордов Южного Урала, то есть у обитателей тех регионов, где в древности проживали индо-иранские племена создателей гаятри гимнов «Риг Веды» и гаятов «АВЕСТЫ».

**Ритуальный башкордский бэйан (пеан)
О мудрой козе с овцой, обманувших с одной мёртвой
головой стаю диких волков.**

Риг Веда Мандала I.52. «К Индре».

1. Я хочу прекрасно возвеличить этого барана, находящего солнце
Чья сотня благотворных (сил) сразу приходят в движение.
Как скакуна – к награде, мчащуюся на зов колесницу –
Индру я хотел бы обратиться к себе на помощь хвалебными песнями.

По рассказу автору его дедушки Шакира Мустафина раньше, среди башкордских женщин бытовала игра, условно называемая – Хитрая овца «Акыл тӘкӘ», которую исполняли на празднике Хабандтуй.

Сразу же, после завершения мужского состязания – «растерзать козла» женщины и девушки, собравшись в месте накидывали себе на плечи пуховые козьи шали и подобрав в поле отодранную голову барана (козлёнка, телёнка), считавшуюся условно – утерянной, клали её в мешок. Затем, разделившись на 2 группы стремились выйти за край поля – дара, но везде натыкались на условно выставленную другой командой – стаю волков, которая должна была угадать чья голова лежит в мешке у команды стаи овец, поскольку в мешок клалась и другая голова – козы или телёнка, взятая от животных, забитых ради мяса для праздничного пиршества – Махана на Майзанае. Если стража волков не угадывала, голова какого животного барана или телёнка лежала в мешке вместе с головой козла, подобранной в поле, то тогда стая овец, изображаемая группой девушек и женщин проходила по кругу – дара дальше, а если угадывала, то девушки – овцы бежали, спасаясь от волков до следующей стражи, при этом, схваченные девушки – овцы выбывали из игры, а в некоторых деревнях и сёлах – сами превращались из овец в волков. Необходимым и обязательным элементом словесной перебранки волков с овцами была – палка, называемая – шибага, на которой спорили между собой волки, если один из них говорил: в мешке лежит голова ягнёнка, а другой утверждал – козла. Тогда два волка, поставив между собой палку, принесённую командой овец, начинали обхватывать её своими ладонями, по очереди приговаривая каждый – коза, овца. Выигрывал тот волк, чья рука оказывалась по очереди на вершине палки. Этот спор назывался – Шибага тотоу. И только затем, уже утвердив между собой – общий ответ таким образом, команда волков начинала испытывать команду овец. Пройдя через все испытания и мытарства, стая женщин – овец благополучно избегала все препятствия, и обманув стаю – волков, выходила под конец

игры с поля, унося с собой голову козла. После этого, положив голову барашка или козла на широкое блюдо – таба, устанавливаемое на почётное место, все участники обряда Хабандтуй, мужчины и женщины, приступали к совместной трапезе – Аш.

Именно этот ритуальный обряд башкордов Зауралья упоминает в 18 веке Георгий в своей книге «Описание всех обитающих в Русском государстве народов» (СПБ., 1799 г. 1 стр.107), где писал: «... во время какого – ни есть празднества [башкорды] убьют животное, то ставят на приборе уваренное мясо против солнца, творя при этом много поклонений и прочее во всё подобно шаманским язычникам».

Этот древний обряд поиска и спасения головы козлоподобного божества, исчезнув со временем из башкордских обычаев сохранился как волшебная сказка в устном народном творчестве, причём не только у башкордов Урала, но почти и у всех индо – иранских народов, что напрямую свидетельствует о наличии данного ритуала в древности на всей территории обитания ведических индоариев Куру – Бхаратов.

У башкордов Южного Урала бэйан (пеан) о «Козе с Овцой, испугавших мёртвой головой стаю волков» сохранил ярко выраженные черты первобытного ритуала, символически объединяющий вместе два идейно противоположных, кровавых обряда. И волки и овцы стремятся вместе к жертвенной пище, так как в реальной жизни дикой природы волки питаются мясом, а овцы и козы поедают траву, которая зарождается весной на земле, благодаря самопожертвованию божества Дьяуса этому миру. Поэтому волки, раздирающие козлёнка в башкордской игре, уподобляются гигантам, раздирающим на части тело Диониса – Вахши, одичавшего сына Дьяуса – Зевса и тем самым способствуют, как считали древние индоарии – скорейшему наступлению весны, прихода дождей и всеобщему возрождению жизни на земле. Овцы, козы и прочие травоядные животные в меньшей мере чем дикие волки жаждут исполнения кровавого обряда, терзая козла, как думали древние башкорды, поскольку жертвоприношения замыкало собой один космический цикл и начинало другой.

Башкорды в жертвенном обряде – «терзание козла», а затем в ритуале – «хитрая овца», в сценической форме разыгрывали главную философскую концепцию ведических индо-ариев Куру о том, что жизнь есть постоянное жертвоприношение -Рита. Трава весной, которой питаются овцы и козы не сможет произрасти, если кто-то не принесёт себя в жертву, как верили древние башкорды. Этим первым живым существом и было божество неба Дьяус – Зевс, который принёс себя через своего сына Диониса-Вахша в жертву этому миру. В архаичную эпоху фетишизма и оборотничества ведические индо-арии Куру верили в то, что это жертвоприношение бога Дьяуса совершается каждый год и поскольку считали своих родоплеменных вождей – ишанов, ишвар,

брахманов – раджей живыми потомками небесных богов, то и разработали соответствующий ритуал, подтверждающий и обосновывающий святость своих жрецов, связанных с каждым членом ведийской общины прочными узами кровного родства.

У древних греков, даже в эпоху сложения античного полиса кровнородственное «семейное начало» стало основой государственности. Граждане античных городов-государств считали, что кровнородственные связи являются основой полиса и залогом успешного управления страной. Какого-бы ни взять знаменитого грека античной эпохи, он всегда будет связан родственной нитью с мифическим основателем того или иного государства – полиса. Достаточно вспомнить здесь Платона, потомка царя Кодра по отцу и законодателя Солона по матери. Кстати Платон как афинский гражданин принимал участие в жертвоприношениях богам, в празднованиях Великих Дионисий, на которых весной, как и в башкордско-иранской обрядовой игре – Терзание козла, исполнялся ритуал убийства и воскресение божества – агнца, во время которого женщины – вакханки разыгрывали сцену поиска разбросанных членов тела Вакха.

По народному общегреческому мифу разбросанные члены и части тела Диониса – агнца собирали Деметра и Рея, а отец невинной жертвы Дьяус – Зевс в гневе преобразился в бурный дождь, излился на землю, а громами и молниями поразил титанов. Если античные греки везде изображали Диониса сына Дия агнцем или козлёнком, то нет никаких сомнений, что в народных представлениях титаны изображались как волки, этот грозный бич всех пастухов. Явления Дьяуса – Зевса, превратившегося в дождь с громом и молниями и изливающегося на землю весной, после чего начинала расти свежая трава, питаясь которой овцы ежегодно увеличиваются в своём поголовье, - вот чего добивались далёкие предки индо-иранских народов – ведические арии Куру, когда проводили весной обряд – «Терзание козла» - Бъз Каши.

Собирание членов растерзанной во время обряда туши козлёнка или ягнёнка, телёнка есть в целом магический ритуал, который с развитием у человека абстрактного мышления выродился, превратившись в памяти народа в волшебную сказку. В башкордском языке сказка называется экийэт, от курдского и шире – иранского: һькийат «сказка», а также слово того же корня – шькиат «жалоба – протест».

В башкордской сказке **«О козе и овце, одной мёртвой головой обманувшие стаю волков 12 раз»** история о чудесном спасении повествуется так:

«Было – не было, в древние [борон] времена встретились на большой дороге овца с рогатой козой и пошли они вместе. Идут – идут, видят на дороге лежит мёртвая голова волка. Удивились, испугались, подняли, сказали: - а вдруг пригодится, положили в мешок, закинули мешок за

спину и пошли по дороге дальше. Дошли овца с козой до леса к вечеру, стало темнеть, наступила ночь. Остановились коза с овцой, не зная что делать, вдруг увидели за деревьями свет и пошли на огонёк.

Вышли коза с овцой из леса на поляну и видят - горит костёр, над ним на таганке висит большой казан, в котором варится пшённая (тары) каша, а вокруг огня сидит голодная стая волков, ждёт, когда сварится еда. Испугалась овца, говорит козе – бежим, а то нас волки съедят. Коза овце отвечает: если убежим, то от голода умрём. Пойдём к волкам, вкусной каши поедим. Подошли овца с козой к волкам, попросили разрешения присесть возле костра погреться и покушать. Увидели волки овцу с козой, обрадовались, думают и говорят - сейчас мы кашу сварим, а там и их съедим. Окружили волки овцу с козой со всех сторон, да только коза не растерялась, встала в центре и запела:

Я коза пасу стада
Вот отбилася овца
Я пока её искала
Двенадцать волков задала
Я смелая коза
Двенадцать волочьих голов в мешке у меня.
Ми ки ки – Ми ки ки
Сейчас вы их увидите.

Поёт так коза, а сама из мешка, висящего у ней за спиной достаёт сначала левой рукой, а затем правой рукой одну и ту же единственную мёртвую голову волка, которую она вместе с овцой раньше (днём) нашла на дороге. Видят волки, что коза достаёт головы волков то из-за своего левого плеча, то из-за своего правого плеча, сосчитали до 12, испугались козы и бросились спасаться в тёмный лес, забыв про костёр и кашу. Сели коза с овцой возле костра, сварили кашу как надо поели и забрались спать на дерево. Утром с рассветом солнца слезли коза с овцой с дерева на землю, бросили волчью голову в костёр и пошли дальше к себе домой». Так заканчивается башкордская сказка - экийэт».

Волшебную семантику сказки возможно понять и интерпретировать только из национальной мифологии к которой принадлежит данный народ. Культ козы или барана является пожалуй центральным и основополагающим в народной религии курдов Передней Азии и Месопотамии, где в древности и зародился культ Диониса – агнца сына Дьяуса – Зевса, которого самого при его рождении охраняли, по греческому мифу – Куреты, ударяя при этом в щиты, как по барабану - дэф (курдск.) копиями (ръм): дифирамб.

Советский учёный – исследователь В.Я. Пропп в своих многочисленных работах, посвящённых поиску и определению исторической морфологии сказки установил, что под многочисленными волшебными сюжетами в сказке скрываются определённые магические ритуалы, сакральные обряды и возрастные посвятельные инициации, некогда бывшие неотъемлемой частью культуры и социальной жизни у изучаемого народа, племени, этноса. [см В.Я. Пропп, «Исторические корни волшебной сказки», Л., 1946 г; «Морфология сказки», М. 1969. и др.].

Ритуальная семантика инициации в волшебных сказках у разных народов устанавливается учёными – исследователями весьма надёжно и повсеместно, поскольку сюжет строится приблизительно, по той же схеме, что и обряды инициации. Парадигма волшебной сказки имеет следующий вид

1. Странствие героя
2. Испытание героя угрозой смерти
3. Чудесное избавление от смерти, связанное с волшебным (магическим) приёмом или же перевоплощение героя.

Башкордская сказка «О козе и овце, напугавших мёртвой головой стаю диких волков» легко поддаётся семантическому разложению на составляющие её части по установленной схеме.

Первый этап – Странствие, с которого начинается башкордская сказка, является прообразом земной жизни человека. Овца и коза здесь представлены сакральными символами, в которых отразились тотемические, фетишистско – оборотнические представления древних индо-германских народов, в частности ираноязычных кочевых и земледельческих племён скифов, о своём родстве с некоторыми видами животных.

Маршрут странствия овцы и козы, то есть жизни неожиданно прерывается в повествовании сказки внезапным напоминанием человеку о неумолимой смерти, описываемой, как их находкой на дороге мёртвой головы волка. К этому же пласту мифологических представлений о смерти относится и сюжет о наступлении вечера, окончании дня и падении тьмы на землю. Но смерть можно избежать, если как считали древние люди её обмануть, для чего нужно идти на свет и затем пройти Испытания.

Второй этап – Испытание героев в башкордской сказке изображается как диалог овцы и козы с дикими волками, которые варят пшённую кашу. Весьма знаменательным является изображение в сказке волков – плотоядных хищников стражниками скоромной, постной пищи, добываемой из зёрен растений – травы, которой питаются овцы, козы и прочие жвачные животные. Каша здесь выступает символом жизни и избавления от голодной смерти, добыть которую можно, обманув

стражников – волков. Обман есть перевоплощение героя, желание изменить ситуацию из одного состояния в другое. Герой сказки, обманывая, отрицает вербально какую-либо связь своего настоящего индивидуального – «Я» со своей –же прежней жизнью, со своим прошлым. На этом же сакральном принципе были основаны в древности и все ритуалы и обряды посвящения - инициации.

Коза является здесь медиатором и проводником овцы от смерти к жизни и выполняет роль культурного героя-трикстера, которого судьба поставила перед необходимостью пройти испытания. Преградой на пути к цели в сказке выступают волки эти «собаки на сене», что действительно соответствует реалиям пастушеской жизни древних индо – иранских племён. Пройдя через инициацию испытанием смертью коза и овца получают право на жизнь, то есть рождаются в этот мир заново. Изгнав волков и плотно поужинав кашей, овца и коза забираются ночью на дерево – прообраз Древа Мирового, которое в башкордской сказке играет роль символа пересечения временных и пространственных категорий в жизни человека. Смерть как ночь наступает на человека, которому дабы избежать своего уничтожения, как единого целого, необходимо подняться над временем, несущим в себе в данный момент угрозу для жизни. Сюжет сказки о влезании козы и овцы на дерево, вверх от тёмной ночной земли к блистающему звёздами небу, откуда с наступлением утра засверкает солнце переносит нас от горизонтальной модели космоса, где до этого момента происходили все события, к вертикальной схеме. Переход повествования от горизонтально – пространственной модели к вертикальной посредством сюжета о дереве, даёт возможность разделить весь Космос сказки на три уровня: верх, низ и середина.

Первый уровень – низ, где господствует тьма, волки, голод и страх смерти. Этот мир герой может и должен обманывать, дабы спасти свою жизнь.

Второй уровень – середина, где герои пребывают временно. Здесь нужно жить тихо и мирно дабы не сорваться и не упасть вниз в царство смерти.

Третий уровень – верх является царством света, неподвластного ходу времени. Восход солнца утром придаёт силы героям сказки и спустившись вниз (родившись весной заново) козы и овцы заполняют собой всё земное пространство.

Ритуальная основа башкордской сказки «Об овце и козе, обманувшие волков» сохранила своё значение, не смотря на демифологизацию сознания и рост абстрактного мышления, почти всех индо-иранских народов. Палка – Шibaга, на которой спорят волки, имитирует Древо Мировое, куда по сказке забрались вверх коза с овцой. Этимологически башкордское название совпадает с курдским –

Шъв «палка – прут», а также и- Шив «вечер, ночь», что соответствует имени бога Шивы в индуизме. Необходимым сакральным атрибутом бога Шивы был его волшебный Посох. В Древней Греции, а также в Малой Азии почитался увитый плющом знаменитый посох бога Диониса. И культ индоарийского бога Шивы в древней Индии и культ Вакха – Диониса в Малой Азии и Греции в античные времена представляли собой замкнутые сообщества посвящённых к обрядам адептов веры, попасть в круг которых можно было только пройдя специальные обряды инициации, включающие элементы испытания человека – смертью. Волки, стерегущие кашу, то есть не свойственную хищным животным еду, в башкордской сказке тем самым как бы сами дают овце и козе (травоядным животным) юридическое право отнять у них пищу, дарующую жизнь. Двенадцать голов мёртвого волка, которыми коза обманула хищных волков символизируют 12 созвездий на небе.

Вполне закономерно наличие этой ритуальной сказки «О овце и козе, обманувшие волка» и обрядовой игры «Напугай волка» у башкордов Урала, проживающих на той территории, где в древности обитали их предки - ведические арии Куру и индо-ираноязычные племена скифов Будинов, Невров, Савроматов.

Эта сказка демонстрирует нам историю развития абстрактного мышления у далёких предков башкордов Урала. В сказке мифологический космогенез сменяется историческим повествованием земного масштаба о деяниях тех или иных тотемных героях рода и племени.

Рождение из мифа «Урал – батыр» ведийско-арийского обряда – medha. (поедание жертвенного мяса)

Изучая и анализируя древние мифы, учёные – исследователи установили, что в эпоху фетишизма и оборотничества древний человек мыслил и представлял свои родовые божества в образе различных животных. Так, у античных греков Зевс овладел Антипой в образе сатира-козла, Европой – превратившись в быка, Данаей – в виде золотого дождя, Ледой в образе лебедя, Ганимеда Зевс утащил на небо, преобразившись в орла. Посейдон, хтоническое божество-владыка морской стихии, речных потоков, брат Зевса, почитался в облике коня или быка. У предков башкордов, ведических ариев Куру, бог неба Дьяус имел облик Быка или Жеребца. В религиозном культе и быков, и жеребцов ведические арии приносили в жертву по обряду, а затем совершали совместную трапезу: medha- майзан, на которой вкушали мясо закланных животных, почитаемых земным воплощением небесного божества – Дьяуса. В башкордском мифе бык и жеребец являются символами Урал-батыра. С быком Урал борется и побеждает, а коня

Буза «сивого» герой получает в награду в состязании по метанию камня.

Быка, воплощавшего в обряде тёмную сторону Дьяуса – древние башкорды приносили в жертву богу неба, перед ритуальной схваткой борцов-атлетов. Бык воплощал бога – неба Дьяуса в его ночное время, когда месяц напоминает собой рога этого животного. В противоположность быку – жеребец сивой масти в крапинку Буз (башк.) являлся земной ипостасью Дьяуса, символизируя собой дневное небо, когда бог Солнца и света едет по небу на белых лошадях.

Как показывает исторический анализ индо-германской мифологии, разум человека развивается по направлению от грубых форм фетишизма, оборотничества и миксантропизма к антропоморфизму, а затем и к абстрактным формам мышления. Исходя из этого следует признать образ Урал-батыра новым, антропоморфным обликом древнего ведийско-арийского миксантропического божества Дьяуса – Зевса.

Человек располагается в башкордском мифе в центре биоморфного космоса, и с одной стороны, противостоит Быку-ночи, а с другой - стремится к свету – Жеребцу- Акбузату. Урал – батыр, борясь с быком, побеждает Вселенскую Тьму Космоса и, затем, оседлав сивого жеребца Акбузата, приносит свет людям.

Миф отображает и незримо фиксирует уровень развития и состояния исторического сознания и мышления человека, его создавшего. По этой причине, стремление эпоса «Урал-батыр» поставить героя-батыра вровень с такими астрономическими феноменами как день и ночь, ясно и чётко свидетельствует о зарождении у древних башкордов чувства чрезвычайной силы и мощи человека в его борьбе с природной стихией. В башкордском мифе «Урал – батыр» космические феномены и стихии даны в форме субъектов природы: ночь – бык, день – жеребец, которых человек – батыр побеждает и ставит их на службу людям.

Как писал А.Ф. Лосев: «Подобного рода мифологические концепции не могут возникать в те времена, когда ещё нет чёткого разделения между космосом и человеком, когда человеческая личность ещё не выделилась из общеприродной и общекосмической жизни и, главное, когда у человека ещё не дошла до его сознания противоречивость, существующая между субъективной жизнью и объективным миропорядком. Такие мифы могут возникнуть только тогда, когда уже окончательно сформировалось то, что можно назвать космической мифологией и, с другой стороны, когда отдельная человеческая личность уже настолько развита, что перед ней стоит проблема охвата этого, открывшегося ей, космоса и проблема вмещения этого космоса в пределы его совершенно внутреннего, интимного самочувствия. Всё это

переносит нас в поздние периоды общественно-родовой формации или, во всяком случае, в такие, когда уже проснулось субъективно-человеческое самоощущение». (См. А.Ф. Лосев «Античная мифология в её историческом развитии» М. 1957. – с. 153)

Как в древнегреческой мифологии с созданием мифа о растерзании, смерти и последующем воскресении Диониса – Загрея, сына Зевса – Вседержателя, произошло в мышлении античных греков отделение от субстанции Зевса – Дьяуса той его стороны, тех атрибутов и качеств бога, которые ассоциировались с периодической смертью и воскресением природы, так и в истории развития башкордской философии миф о рождении и смерти Урал – батыра сложился в эпоху, когда древние башкорды начали переосмысливать первобытный синкретический облик своего родового божества – Дьяуса. Эпос «Урал – батыр» позволил древним башкордам разделить Космос на трансцендентальную и социальную сферы. Дьяус – бог-неба, таким образом, в мышлении древних башкордов разделился на три самостоятельных образа божества, среди которых бык воплощал собой ночь, конь – Акбуз воплощал собой день, а смену времени суток воплощал собой Урал – батыр, поборовший в схватке быка и затем оседлавший жеребца. Урал – батыр – это бог буйных саморепродуктивных и производительных сил природы в башкордской мифологии, который по мысли древних башкордов умирал осенью и воскресал по весне.

Таким образом, мы видим, что в башкордском эпосе, пусть в мифической форме, человеку для решения поставлены все кардинальные вопросы мироздания со всеми вытекающими отсюда проблемами жизни и смерти. По мысли древних башкордов, побеждая быка – Дьяуса, Урал – батыр как бы приносит трансцендентальное божество в жертву людям, и наносит тем самым ущерб космосу. Дабы восполнить изъян, Урал – батыр затем, борясь со злом, приносит себя в жертву и этим актом восстанавливает гармонию во Вселенной.

В акте самопожертвования жрецом Уралом и жертвой Уралом выступает сам Урал – батыр, то есть – Мир: Weralt(герм.) – World(англ.). Поэтому, потребитель жертвы, жрец и сама жертва являются в башкордском мифе одним и тем же лицом-Урал-батыром, то есть Миром, а ещё точнее – общемировой жизнью. В природе один класс живых существ является пищей для другого класса живых существ, наподобие травоядных млекопитающихся и плотоядных хищников. В этом жизнь Природы (Weg – alt) и Мира представляют собой непрерывный процесс жертвоприношений.

В эпосе «Урал – батыр» нетрудно увидеть всю диалектику развития древнебашкордской философской мысли, восходящей от грозного зооморфного божества, требующего от людей принесения себя в жертву к представлению о трансцендентном богочеловеке, самом идущем на

смерть ради людей. Урал – батыр – это земная ипостась бога Дьяуса, Бык – ночная ипостась Дьяуса, а конь Акбузат – его ипостась в дневное время и по мифу, только его антропоморфный образ и естество приносят себя в жертву этому миру, то есть самому себе – Дьяусу. Древние башкорды создали этот удивительный миф об Урале-батыре, созерцая как в природе любой организм, любой класс животных, и человек в том числе, для своего роста и развития нуждаются, в первую очередь, в питании и насыщении себя плотью другого биологического организма. Видя это, предки башкордов пришли к мысли о необходимости людям насыщать божество – Дьяуса (Дейу Перей) жертвоприношениями в обряде Хабандтуй, дабы поддерживать своими действиями установленный порядок в Космосе. Поэтому, в древности башкорды приносили быка в жертву Быку-Дьяусу, коня в жертву Дьяусу – Коню Акбузу, а людей в жертву Дьяусу – Уралу – земле. Но с тех пор, как древний ведийско-арийский бог Дьяус принял антропоморфный облик Человека – Урала, то башкорды, насколько это заметно по одноимённому эпосу, пришли к пониманию необходимости запрета культа человеческих жертвоприношений, как и античные греки, выразившие это через свой миф о Тезее, победившем как и Урал – батыр, быка – людоеда Минотавра.

Для предков башкордов, ведических ариев Куру, главными животными, от которых зависела их жизнь, были корова и лошадь. Пищей этих двух видов домашних животных является трава, которую каждый год порождает земля, представляемая древними башкордами в антропоморфном облике Урал – батыра. Поэтому в жертву Урал-батыру лили в костёр хому и молоко, а для быка – Дьяуса и жеребца Дьяуса предки башкордов, ведические индоарии Куру, закладывали гекатомбы быков и лошадей и подкладывали священную траву – куша.

Правило приносить в жертву Быку-Дьяусу живого быка у башкордов, как этот обряд описан в эпосе «Урал-батыр», а коню Акбузату – коня, как это делали Дахо-массагеты, возникло у их предков – ведических ариев Куру из понимания того, что в природе все живые существа через своё потомство воспроизводят себе подобных.

Поедание всеми башкордами, участниками праздника Хабандтуй жертвенного мяса забитых для бога Дьяуса коней и быков, являлось магическим причащением всего народа телом своего родового божества. Цель всего праздника Хабандтуй у башкордов заключалась в причащении телом бога Дьяуса – Урала, которого воплощал собой приносимый в жертву бык или жеребец белой масти. Как писал С.И. Руденко: «Во время борьбы на некотором расстоянии от майзан приготавливалось угощение. В довольно длинной, неглубоко вырытой канаве, раскладывался огонь, над которым поставлено было в ряд несколько котлов с водой и мясом. Несколько человек с заострёнными

палочками следили за варкой. Тут же рядом другая группа занята была приготовлением конских колбас, которые, как и сварившееся мясо, складывались в специально для этого приготовленное корыто (чаще челн). Сваренное мясо резалось на мелкие кусочки для бишбармак. В некотором отдалении для того же бишбармак несколько женщин готовили лапшу(халма). Когда бишбармак был готов, весь народ принимался за угощение, после которого уже под вечер расходились и разъезжались по домам». (см. С.И. Руденко. Указ.соч.стр. 282)

Бык одновременно представлял собой и самого человека-бога Урала, поскольку человек является частью природы, начало которой для башкордов и их предков, ведических ариев Куру, воплощал собой Дьяус Питар. Сам Бык – Дьяус Питар «Звёздное небо» или, как бы мы сказали Космос, порождает Землю – Урала, и поэтому, в обряде жертвоприношения, когда умирал закланный Бык, символизирующий земное воплощение Дьяуса Питара, в самый момент смерти рождался человек - прародитель башкордов Урал – батыр. Космос, порождая Землю, как бы разделяет себя на 4 субстанции, и в подражании этому общемировому процессу и состоял обряд расчленения туши закланного в жертвоприношении животного: быка – жеребца на части, которые символизировали 4 первоэлемента первоматерии: Углерод, Водород, Азот, Кислород, представленные в эпосе как четыре сына Урал-батыра: Идель, Нугуш, Яик и четвёртый его племянник Сакмар, сын Шульгена. Из этого эпизода мы можем сделать вывод о том, что для древних башкордов число 4 являлось священным, как и у древних греков, что особенно проступает в философской системе Пифагорейцев.

В эпоху создания эпоса «Урал – батыр», когда древние башкорды перешли от зооморфного образа к антропоморфному представлению об облике и естестве Дьяуса Питара, обряды жертвоприношения стали переосмысливаться и пониматься больше как нравственное служение богу путём исполнения тех моральных заповедей, которые умирая, богочеловек завещал людям.

Урал – батыр, погибая, говорит собравшимся о необходимости жить по определённым нравственным канонам и следовать во всём и всегда соответственно моральному долгу. Урал, обращаясь к народу, перед своей смертью говорит:

4220. Слушайте сыновья мои, обращаюсь к вам,
 Народ мой, слушай, обращаюсь к тебе:
 Пусть ты – муж сильный, как лев,
 И от рожденья у тебя рука богатыря,
 Но пока не постранствуешь, не повидашь страну,
 Пока не походишь по колено в крови,
 Не станет отважным сердце твоё.
 Зло в попутчики себе не бери

4230. Не посоветовавшись, не делай ничего
 Сыновья мои, к вам слово моё:
 «На землях, что очистил я,
 Счастье найдите для людей;
 Будет битва – возглавьте войска
 Благоустройвайте страну для людей,
 Славными батырами станьте вы,
 Читите старшего по годам,
 Не пренебрегайте советами его;
 Младшего чтите за молодость [его]
 Не лишайте совета [своего]
 Тем в чьём глазу соринка,
 Которая слепым его сделать грозит,
 И для несчастных сирот
 Будьте ресницами их глаз.
 Акбуз мой и верный меч
 Останутся для отважных людей;
 Батыру, что сможет на них скакать,
 Кто способен меч поднять в бою,
 Акбуз станет верховым конём
 А мужам кто отваги лишён
 Мой конь будет чужим.
 Скажите своим матерям,
 Пусть не сетуют на меня,
 Пусть молвят: «Прощай, мой муж!»
 А всем вам вместе так скажу:
 4240. Человек – пусть будет имя вам,
 Не уступайте дорогу злу,
 Не сторонитесь добра!»
 Выполнив такие слова,
 Умер батыр Урал, говорят
 В скорби весь народ
 Низко голову склонил.
 4250.

Эти стихи из эпоса показывают нам, что башкорды в древности понимали происхождение социально-нравственных законов общества как некое жертвоприношение их Первопредка – Урала миру (людей). Исходя же из индогерманской этимологии Урал – Wir «человек» (санскр.) Wer «человек» (древн.германск.) – old – alt «древний, первый» (нем), то есть Первочеловек – мир «Урал – Wer – alt» мы видим, что Урал – батыр, то есть мир, понимаемый как бог – Дьяус совершил своё жертвоприношение самому же себе, то есть опять миру, точнее, своему мировому порождению – людям, или каждому человеку на земле.

Бык, приносимый в жертву Дьяусу – быку на обряде Хабандтуй у башкордов, мясом которого причащались все присутствующие, символизировал собой Урал-батыра, принесшего себя в жертву. Исполнение жертвоприношения в соответствии с календарём года весной служило наглядным подтверждением этиологическому мифу.

Поскольку жертвоприношения быка символа Урала – Дьяуса совершалось весной на празднике, именуемого Хабандтуй, чьё имя происходит от курдского – Хаб «зерно, семя» и последующего – Хабанд «молиться, поклоняться богу», то из самой этимологии названия жертвенного обряда у древних башкордов, заметно его соответствие с календарным циклом года. Зерно прорастает весной на земле, которую для башкордов по мифу символизировал Урал – батыр, имя которого в индогерманских языках *Wig – alt* так и означает – мир «World».

Поскольку в природе один организм живёт по закону Риты (Рэт) - смертью другого организма или вида материи, то созерцая этот процесс, древние башкорды считали, что Первопредок – Первоматерия Урал-батыр, питает своим принесённым в жертву космическим телом – землёй, каждое прорастающее по весне зёрнышко, семя всякой травы, которой кормятся уже в свою очередь все травоядные животные, на которых охотится человек.

Здесь не трудно понять всю диалектику мышления древнебашкордской богословской мысли, по которой Первоматерией является богочеловек Урал – батыр, принесший себя в жертву всему миру. С точки зрения логики, как абстрактной науки о законах мышления, мы видим, что древнебашкордский жертвенный обряд Хабандтуй есть ничто иное, как архитектурно - скульптурное построение схемы формальных понятий, образующее тем самым равностороннюю Пирамиду (Мандала, санскр.), названную – Древом у древнегреческого философа Порфирия (233 – 304). В этом отношении, весь башкордский эпос «Урал – батыр» представляет из себя древо логических понятий, так: Урал – (Weralt – World «мир») есть Бытие, который приносит себя в жертву и порождает этим актом физическое Тело, то есть нашу Землю, питаясь соками её размножаются биоорганизмы и трава, являющаяся пищей животных, которых поедает человек. Главным лицом в башкордском мифе, как и в жизни, выступает человек Урал – батыр, победивший Быка царя Катилы, то есть Смерти (Ктол – Катил «убивать» арамейск.). Зимой на Урале в небе доминирует Луна, то есть Месяц, рога которого напоминают рога Быка. Весной, когда совершался обряд Хабандтуй, ночное время суток на Урале сокращается за счёт прибавления солнечного времени суток и, поэтому в эпосе герой, символизирующий Землю (Weralt) и весь мир – World, побеждает Быка (месяц) и вступает в брак с Хомай, дочерью Солнца и порождает детей – речные потоки. Зимой все реки Башкордистана замерзают и тем

самым, сам башкордский эпос «Урал – батыр» своим хронологическим повествованием указывает на весеннее время проведения обряда жертвоприношения Быка – Хабандтуй, когда реки полностью освобождаются от зимнего льда, входят в свои берега после апрельского наводнения, и чёрная земля начинает покрываться свежей зеленью травы. Именно поэтому, башкорды в древности, желая в сценическом, доступном эстетическому созерцанию действию изобразить календарную жизнь бога – земли Урал – батыра, его смерть и воскресение, проводили обряд жертвоприношения быка - Хабандтуй - весной, в период длившийся с конца наводнения рек до первых всходов молодых побегов травы.

Основой логического построения, на котором базировался индогерманский закон природы Рита является Пища, то есть поедание тела одного организма другим организмом для своего роста и развития. Башкордский миф полностью воспроизводит в своём повествовании эту цепь логических понятий и учитывая тот исторический факт, что переселение ведических ариев с севера, с Арьяварты на юг в Северную Индию на Курукшетру, состоялось во II тыс. до н.э. с Южного Урала – Аркаима; то есть все основания считать, что именно башкордский эпос «Урал – батыр», в котором повествуется о жертвоприношении мира в облике человека - бога всему миру, и послужил у индоарийских племён Куру идеологической основой оформления жертвенного обряда – *medha*. Во время коллективного вкушения мяса быка, символизирующего Дьяуса, принесённого в жертву всему миру, ведические арии Куру, как и их потомки, башкорды Урала на празднике Хабандтуй, подтверждали через сакральный обряд своё родство с мифическим первопредком – прародителем.

Этот же обряд возрождения родства со всеми членами рода через восседания на шкуре, принесённого в жертву быка и поедания его мяса, существовал по сведениям Сенеки (Токсарид, 48) и у ираноязычных скифов ещё в первый век нашей эры. У башкордов Урала этот древневедийский обряд совместного вкушения пищи сохранялся вплоть до настоящего времени. Сам сакральный ритуал коллективного поедания мяса принесённых в жертву животных во время весеннего праздничного обряда Хабандтуй, носил древнеиранское – исконно курдское название – Махан, от курдского глагола – *məhand* «переварить пищу». Этот древнеарийский обряд *medha* у башкурдов подробно был прекрасно описан русским очевидцем В.Н. Львовым в самом начале 20-го века.

**Поедание жертвенного мяса – Махан
у башкордов в 1906 году.
(по рассказу В.Н. Львова «Шамсинор»)**

В конце июня, перед началом полевых работ, башкиры имеют обыкновение устраивать у себя маленькие пиршества. Каждый достаточный хозяин поочерёдно режет барана и приглашает к себе на «махан» соседей, родных и непременно несколько человек бедных.

Однажды, проснувшись утром, я заметил на дворе муллы особенное оживление. Фариха и ещё несколько соседок-башкирок сутились и то и дело бегали из амбара в кухню и обратно. С утра был зарезан баран и, разрезанный на части, варился в котлах. В амбаре, где жил летом мулла со всем семейством, тоже делались приготовления. Среди комнаты, освещённой одним маленьким окошком, был постлан большой ковёр, по краям которого в углу, против входа были положены подушки для более почётных гостей. На крыльчке амбара было повешено чистое, расшитое яркими узорами полотенце (таҫтамал) и стоял чисто вычищенный медный кумган, наполненный водой. Часам к двенадцати стали собираться гости...[...]

Каждый приходивший брал кумган, поливал себе водою на руки, вытирал их расшитым полотенцем, потом снимал обувь и, поставив её при входе, входил в амбар, протягивал хозяину обе руки и усаживался на ковре, поджав под себя ноги. Так набралось человек пятнадцать гостей и в том числе несколько бедных, которые поместились ближе ко входу. Сын муллы постелил сверх ковра, посредине между гостями, скатерть, положил на неё несколько ножей, блюдец с солью и две-три тарелки. Потом он вышел опять и через несколько минут вернулся с большой деревянной чашкой, доверху наполненной большими кусками «махана», т.е. мяса. Поставив её посредине скатерти, он стал на колени и, несколько вытянувшись, вынул руками большой, жирный кусок и подал его другому мулле, который хотя был и младший, но в качестве гостя занимал самое почётное место в углу и важно сидел на подушке. Тот взял мясо также руками и положил перед собою на скатерть. Потом Ахмет – Гата тем же порядком, вынимая кусок за куском, подавал их каждому гостю, сначала более почётным, а потом беднякам, которые сидели у входа. Так как скатерть до них не хватала, то они клали свои куски мяса прямо на ковёр. Потом были розданы ножи, хотя их не на всех хватило, и некоторым приходилось пользоваться вдвоём одним ножом. Почётным гостям подвинули тарелки, и они, взяв махан со скатерти, переложили его на тарелки.

Между тем мулла-хозяин взял нож и, отрезав от своего куска жирный кусочек и держа его пальцами, повернулся к мулле-гостю. Тот открыл рот, и мулла сунул ему туда махан. Затем он отрезал другой кусочек и также сунул его пальцами в рот другому почётному гостю, сидевшему от него по другую сторону. Мулла-гость, проглотив положенный ему в рот кусок, отрезал от своего и, в свою очередь, сунул в рот хозяину, а потом соседу с другой стороны. Протягивая третьему, он сам должен был раскрыть рот, так как кто-то из гостей в это время сунул ему самому жирный кусочек. Теперь пошло взаимное угощение. Каждый, проглотивши несколько кусочков от собственной порции, вдруг следующий всовывал кому-нибудь в рот и сейчас же сам должен был широко раскрывать свой собственный рот, чтобы принять в него протягиваемый кем-нибудь из гостей кусочек махана. Если у того, кому протягивали кусок, был в это время занят рот, он принимал его руками и, прожевавши первый, сам уже клал себе в рот.[...]

Когда махан весь был съеден, пустую чашку убрали, и на месте её была поставлена другая огромная чашка величиною с целую лохань. Она доверху была налита бульоном с мелко нарезанными кусочками махана. Гости взяли ложки и стали хлебать с громким чавканьем. Двое или трое налили себе в отдельные тарелки. Когда на дне оставалось уже немного, мулла подвинул к себе чашку и, взяв её обеими руками, приставил ко рту и стал таким образом пить. Отпив немного, он подал другому мулле, тот следующему соседу, и так чашка обошла около половины гостей, пока не оказалась совсем пустой.

Теперь были поданы две чашки, обе поменьше предыдущей, и поставлены на двух концах перед гостями. Это была лапша, слегка подбелённая молоком. Опять началось чавканье, пока обе чашки не были осушены до дна. После этого все чашки и ложки были убраны, и на пол поставлен огромный глиняный чан, вместимостью в 3-4 ведра, наполненный кумысом. Рядом с ним Ахмет-Гата поставил несколько деревянных плоских чашек, которые у башкир употребляются специально для кумыса. Мулла взял деревянный, украшенный резьбой ковш, налил сначала одну чашку кумыса и не спеша выпил её сам. После того он снова наполнил ту же чашку и подал одному из гостей, а затем налил во все остальные, передавая их более почётным гостям. Каждый пил не спеша: отпьёт немного и поставит перед собой, потом снова пьёт. Как только кто-нибудь кончал, он подавал свою чашку мулле: тот наливал в неё кумыс и отдавал кому-нибудь из гостей, кто ещё не пил. Во всё время обеда шла оживлённая беседа, но мне она была непонятна, так как происходила на башкирском языке. Но вот, наконец, «кончали» и кумыс. Разговор смолк. Гости все сразу, точно по команде, подняли руки и, выпрямив пальцы, приставили их к ушам,

затем прошептали какую-то молитву, сказали вслух: «Алла», встали и стали расходиться. [...].

**Раздельное вкушение на праздничном Майзане (Махане)
жертвенной пищи женщин от мужчин
у башкордов, как у древних эллинов (аланов-ариев).**

Я прошёл в сарай, где подобным же образом пировали женщины. Подойдя к дверям, я был поражён красивой картиной. На земле, на постелённой белой кошме, сидело человек 12-15 башкирок в необыкновенно оригинальных красивых праздничных костюмах. Блестящие, украшенные кораллами и серебряными монетами головные уборы, такие же серебряные красивые нагрудники, чёрные бешметы с серебряными позументами на спине, яркие цветные платья, красные, синие и зелёные сафьяновые сапоги - всё это вместе представляло такую своеобразную и гармоничную картину, что я не сразу мог опомниться от удивления. Хотя я уже видел их праздничные костюмы, но в массе они производили несравненно более сильное впечатление». (см. «Башкирия в русской литературе» том 3. Уфа 1965 г. стр. 544-548)

**Бошоу – Пушан: Козлорогий Пан
Жертвоприношение козла.**

В башкордском языке слово – бошоу «переполняться чувствами» точно соответствует ведийско-арийскому «Pusan – puṣ» - « расцветать, разбухать», которое является именем козлоподобного божества Пушана. Культ божества Пушана был привнесён на территорию Индии ведическими индоариями Куру, обитавшими до II тыс. до н.э. на Южном Урале (Аркаим). Это положение о северном для Индии происхождении культа козлоподобного Пушана подтверждает как общую индо-германскую этимологию его имени – pus, raus - , «делать, становиться плодородным, через своё переполнение», так и родство образа Пушана с козлоподобным божеством древних греков – Паном. В скандинавской мифологии бог войны Тор ездит на колеснице, запряжённой двумя козлами, носящих имена: Тангниостр и Тангриснир. Таким образом мы видим, что и древнегреческое имя козлообразного божества Пана и ведийско-арийское имя козлоподобного Пушана происходят из единого «праиндоевропейского» - башкордского глагола «бошоу» с тем же значением – «переполняться». В.Топоров говорит и о косвенном родстве имён Пана и Пушана с авестийским именем демона засухи Апаоши: А – raus «не изобильный, не переполняющийся, не изливающийся». Слово – бошоу «переполняться» в башкордском языке,

как впрочем и в курдском, имеет свой антоним – бош, буш «пустой», «беспольный», который как мы видим, происходит из того же самого этимона. Неоднозначность этимона, из которого произошли два слова с противоположными значениями: бошоу «переполняться» и бош «пустой» говорит о необычайной древности этого явления, и восходит, по всей видимости, к той весьма архаичной эпохе становления индогерманских языков, когда вследствии недостатка необходимых лексических средств один и тот же корень слова вследствие различной его огласовки, приобретал новый, необходимый для говорящего человека, семантически-противоположный смысл.

О необычайной древности как самого башкордского имени Бошоу – Пушан (Б>П), которым названо козлообразное божество в мифологии ведических ариев Куру, и в мифах доисторических греков и пруссов, так и башкордской, иранской игры –«Разодрать Козла», свидетельствует один гимн Риг – Веды (I, 42), обращённый к Пушану, в котором раскрывается сама суть этого образа.

К Пушану (Р.В.І. 42)

2. Тот лютый волк, о Пушан,
Что нам угрожает, свирепый –
3. Убей ты его, прочь с дороги
Прочь того разбойника!
Грабителя, замышляющего засады,
Прогони далеко прочь с тропинки!
5. Мы хотим заручиться той твоей помощью,
О удивительный, многомудрый Пушан
Которой ты вдохновлял (наших) отцов!
7. Проведи нас через выморочные (места)!
Создай нам хорошие легкопроходимые пути!
О, Пушан, найди нам здесь силу духа!
8. Отведи на хорошее пастбище!
Да не (нападёт) на нас новая лихорадка в пути!
О Пушан, найди нам здесь силу духа!
10. Мы не задеваем Пушана
Мы восхваляем его в гимнах
О благах мы просим удивительного.

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Слова гимна: «Отведи на хорошее пастбище» ясно указывают на весеннее время проведения обряда и моления Пушану ведическими ариями Куру, когда начинался сезон перегона скота на летние кочевья с зимних стойбищ. Желание поющих гятри упросить Пушана убить того лютого волка, подтверждает ритуальный характер самого гимна (I, 42),

поскольку полностью согласуется с башкордско-иранской игрой – «Драть козла» или «Серый волк», которая в древности являлась магическим обрядом ведических ариев Куру – Бхаратов, направленной на вызывание дождя, обилия пастбищ травой, защиту своих овечьих стад от хищников. Пушан - божество, связанное с водной стихией, на что указывает само его имя «переполняющийся», и поэтому ритуальную башкордско-иранскую конную игру «Драть козла», проводимую весной перед началом выгона скота на летние пастбища, пахотных работ и сеяния зерна, необходимо рассматривать как обряд «Вызывание дождя».

Возможно, эпитетом козлоподобного божества Пушана, как считают некоторые учёные (С.Крамриш, В. Топоров, В.В. Иванов), в Риг-Веде является имя - Аджи Екапад от древнего курдско-индоарийского: Аја – Козёл, - ека «один» - рад «стопа, нога».

В ведийско-арийской мифологии козлоимённое божество Аджа Екапад почти всегда упоминается вместе с такими известными водными божествами как Апам – Напат - «отпрыск вод» и Ахи – Будхнья - «змеи водных глубин».

Ритуальной пищей Пушана в обряде у ведических ариев Куру являлась – каша, тогда как у башкордов Урала каша является священной едой воронов, обряд кормления которых проводился ранней весной и был связан с культом воды (наводнений). Приготовление каши связано с молоком, которое козы могут, в отличие от коров и кобылиц, давать почти круглый год.

Коза и Конь.

В башкордских преданиях пересказывается поверье о наличии некой сакральной, потусторонней связи существующей между козами и лошадьми.

Эти древние башкордские предания подтверждают и раскрывают, как обрядовая индо-иранская игра «Бъз – каши», башкордское состязание – «Драть козла», так и гимны «Риг – Веды». В иранской игре «Бъз-каши» всадник на коне или аллегорически сам Конь, которому собственно и подражает всадник, как актёр, изображающий Силену, пытается спасти козла или выхватить козла из рук врагов-волков. В другой, более древней индо-арийской традиции, сохранившейся благодаря одному гимну Риг-Веды, сам Козёл идёт на жертву впереди Коня, который вскоре сам будет заклан в дар небесным богам.

Риг – Веда (I, 162)

1. Да не проглядят нас Митра, Варуна, Арьяман,
подвижный Агни.
Индра, повелитель Рибху, Маруты

Когда на месте жертвенных раздач, мы будем провозглашать героические деяния,
Скакового коня, несущего награды, рождённого богами.

2. Когда они впереди покрытого праздничным убранством
(и) унаследованным добром
Коня ведут в жертвенный дар, спутанный верёвкой,
То козёл всех цветов, прекрасно направляющийся вперёд,
блея,
Вступает на путь, приятный для Индры и Пушана.
3. Этого козла, предназначенного для всех богов, ведут впереди
Вместе с конём, приносящим награды, как долю Пушана.
Когда эту желанную предварительную жертву (ведут) вместе
со скакуном
4. Сам ТВАШТАР [творец] взбадривает её для славного деяния.
Когда предназначенного для жертвы коня люди
По правилу трижды обводят кругом по пути богов,
То доля Пушана идёт первой –
Козёл оповещающий богов о жертве.
5. Хотар, адхварью, жрец, отгоняющий жертвой (опасность),
зажигатель огня
Держатель давилых камней, а также вдохновенный
произноситель –
Наполните животы этой жертвой,
Прекрасно приготовленной, прекрасно пожертвованной.
(перевод Т.Я. Елизаренковой).

Ритуальная связь жертвы – козла с жертвой – конём в обряде ведических ариев Куру в этом гимне «Риг-Веды» особенно заметна. Как пишет автор перевода Т.Я. Елизаренкова в «Примечаниях» к ритуальному гимну: «Этот гимн, как подчеркнуто Гельднером, носит вполне конкретный, прикладной характер. Он посвящён ритуалу жертвоприношения коня. Основные этапы ритуала следующие. Боевого коня трижды обводят вокруг жертвенного столба. Впереди него ведут козла – жертвенную долю для Пушана. Коня закалывают. Рядом с конём кладут его сбрую. Затем жрецы разделяют тушу по строго предписанным правилам и готовят её на огне жертвенного костра. Ритуал заканчивается вкушением жертвы». (см. «Риг-Веда», Мандалы I – IV, М. 1989 г. стр. 643)

В следующем гимне «Риг-Веды», посвящённого описанию жертвоприношения коня, также говорится о том, что козла ведут на заклание первым.

Мандала I, гимн 163.

12. На заклание отправился скакун, приносящий награды,
С мыслью, обращённой к богам, с даром прозрения.

Козла ведут впереди его сородича

Позади следом идут мудрые певцы.

(перевод Т.Я. Елизаренковой).

В предыдущем гимне М.1, 162 говорится, что жертвенного Козла подбадривает – сам ТВАШТАР, почитаемый ведическими ариями Куру как бог – демиург, божественный мастер с топором и ножом в руках, Отец – Прародитель, Творец – животных. Из этого факта следует вывод о чрезвычайно высоком значении и роли, которую жертвенный козёл играл в магическом обряде. Сам обряд принесения в жертву богам козла и коня перекликался и имел некое ритуальное тождество по своей технике исполнения с правилами, которые ведические арии Куру соблюдали при погребении своих соплеменников. Так, в многочисленных могильниках ведических ариев Куру на Южном Урале, датируемых эпохой ранней бронзы, рядом со скелетом человека, находят костяки кремированных лошадей, баранов, коз в определённом порядке и количестве. Этот обряд положения в могильниках, рядом с трупом кремируемого сородича туш лошади, барана и козы у ведических ариев Южного Урала во II тыс. до н.э. находит своё логическое продолжение у индоариев Древней Индии, где при кремации мёртвого тела индуса рядом с ним вместе сжигали труп убитого козла. Этот древний ведийский обряд своих предков, индо-ариев Куру, башкорды Урала продолжали хранить и исполнять очень долгое, продолжительное время, даже не смотря на своё историческое отделение и вынужденное обособление от некогда генетически близких им индо-иранских соплеменников - ариев Куру – Бхаратов (Курды Бьхирэти), ушедших во II тыс. до н.э. с Южного Урала (Аркаим – Синташта) через территорию Средней Азии в Индию и Переднюю Азию.

В башкордском предании «Кузый - Күрпәс», записанный Т.С. Беляевым и изданным им в 1812 году в Казани, даётся полное описание исполнения историческими башкордами древнего ведийского обряда жертвоприношения козы для коня, или, перед погребением коня своих далёких индо-иранских предков митаннийских ариев Куру. Самым интересным и важным для науки в башкордском предании о «Кузый - Күрпәсе» является то, что здесь жизнь предков башкордов Урала и их героев изображена в эпоху битвы сторонников «Праведной веры» со своими противниками – поклонниками Дэвов. Учёные авестологи и индологи –ведологи, изучающие древнюю историю индогерманских племён, прекрасно знают, что такая религиозная война между иранцами – поклонниками Асуров и индо-ариями, поклонниками «старых» ведийских божеств Дэвов, действительно произошла во II тыс. до н.э. на

огромной территории от Урала и Средней Азии до Памира, Гиндукуша и гор Загроса. Результатом этой войны явилось переселение сторонников старой веры в Дэвов ведических и митаннийских ариев в Северную Индию и Переднюю Азию около 1800 – 1600 г.г. до нашей эры, о чём нам свидетельствуют как многочисленные археологические находки, так и тексты «АВЕСТЬ» и «Риг – Веды», «Махабхараты» и «Шах – Наме».

В башкордском предании «Куз – Күрпәс» башкорды изображены сторонниками правильной веры, но уже в соответствии с эпохой, эта «правильная вера» показана уже как мусульманская. Башкорды, как мусульмане, воюют с поклонниками ведийских богов Дэвов. Брат убитого ведийского божества Дьяуса Питара (в башкордском сказании Дьеу – Пәрей) говорит стороннику «праведной веры» следующее: «Лютый чародей кидается на батыра, как хищный ястреб на робкого зайца, и терзает его, бесчувственного, острыми когтями и носом, приговаривая человеческим голосом: «Ненавистный роду пяривев род мусульманский! Прими достойную казнь за погубление сильнейшего в подсолнечной Дью – пяривев. С таким или ещё большим мучением погублю твоего сына и истреблю проклятое ваше семя. Где теперь заступник твой Магомет? Пусть придёт сюда и освободит тебя от когтей моих!» (см. «Башкирия в русской литературе». Уфа 1989 г. стр 266.) Вместе с этим в «Куз - Күрпәс» говорится о том, что Млечный Путь на небе есть Путь Господа, по которому тот проехал на «Златорогом Овне», что является открытым воспоминанием башкордов Урала о своей древней иранской, зороастрийской религии, где Хварно - Божественная Сущность и Благодать – Харизма, изливаемая с неба на благочестивого человека – маздаяниста, изображались в облике – Барана, источающего золотистый свет. В предании «Куз - Күрпәс» о божественном Овне говорится: «Поутру знамение Магометово, окружённое звёздами, ещё освещало Путь [Млечный], по которому некогда Магомет проезжал на златорогом овне; [...]. «Истребитель злого Дейеу Пяривев, как старший и почтеннейший в ауле своём, сидел и молился подле муллы на разостланной коже побеждённого им в ещё молодости араслана [лев] ; и сию кожу ни в каких других случаях, кроме молитвенных обрядов он не употреблял». (см. указ. соч. стр. 264.)

Жертвоприношение Козы во спасение Коня.
в предании башкордов «Куз – Күрпәс»

В предании башкордов «Куз – Күрпәс» легко прочитать древний ведийско-арийский обряд жертвоприношения коня. Семантика башкордского предания имеет под собой твёрдую основу ведийского обряда, где рвы и ямы соответствуют Могильнику; густой туман,

внезапно напущенный на героя злыми чародеями, соответствует дыму от барсома – бархиза, которым ведийские жрецы – брахманы: хотары, адхварью, отгоняли от жертвенных животных: коня и козла всякую тёмную и нечистую силу; целебные травы это – ведийско-авестийский бархиз – барсом; костёр – бог Агни (Ягыу, башк.); терзание коня – ритуал расчленения туши. Коза в башкордском предании занимает в ритуале роль магического посредника между миром людей и животным миром, представитель которого конь выступает, согласно гимнам «Риг – Веды» уже медиатором между миром людей и миром небесных богов. Примечательно и глубоко символично, что в башкордском предании весь древний жертвенный обряд своих ведийских предков индо-ариев Куру пересказан и изображён как цепь трагических событий на пути странствия главного героя к своей заветной цели.

«Смелый батыр содрогнулся, вспомня, что всей силой коня своего направлял прямо на сии рвы. Причитая спасение своё покровительству Магомета, догадывался (как и в самом деле было), что это были коварные замыслы злобных чародеев, о коих ему и Мяскяй предсказывала. Они, злобные, не смея восстать на него явною силою, умыслили ископать сии рвы во всех местах, по пути его лежащих. Чародейством своим напустили густой туман и, быв сами невидимы, терзали коня его, дабы он, взбесясь, попал в который-нибудь из сих рвов с своим всадником; но вещей Юлдуз-юлаучи, предчувствуя свою и хозяина своего гибель, а может быть, и видя терзающих его пярив (ибо конский глаз никакое колдовство очаровать не может), давал себя на терзание и тем спас свою и батыреву жизнь.

Куз – Курпяч, нарвав целительных трав, положил оные в чистую брюховицу застреленной им козы и, наполнив водою, завязал крепко, потом, вырыв небольшую яму и положи в оную брюховицу, засыпал на поллоктя землёю и разложил над нею огонь. Таким образом, травы, бывшие под огнём до половины дня, довольно уварились, и батыр начал оные прикладывать к свежим ранам коня своего. От сего к вечеру же сделалось ему легче, и раны начали затягиваться, а на другой день он уже и готов был служить своему хозяину».

Принеся в жертву козу, Куз-Курпяс тем самым оживил своего коня для путешествия. Даже в башкордском предании говорится, что злые чародеи [хотары, адхварью, риши] слуги Дейеу Парийя [Дьяуса Питара] завывли и закричали так громко и дико, что – конь: «перенеся глубокие раны от дью пярив нанесённые, не мог вытерпеть крику [Молитвы гимна] , злобным чародейством произведённого и, испугавшись, бросился из-под дерев [дров на которых лежит туша коня в обряде] в сторону. В тот миг два превеликих беркута, поджав крылья, пали на него и, подхватя его острыми своими когтями, поднялись на воздух...» (см. указ. соч. стр. 294.)

В «Риг- Веде» этому эпизоду из башкордского предания соответствует миф о похищении орлом [беркутом, башк.] Сомы с небес на землю, где Ману - сын Вивасванта - совершил первое жертвоприношение Индре. Далее, Индра, выпив через жертвоприношение сок Сомы, начал сокрушать племена инородцев – дасью и помогать ариям захватывать новые земли как в северной Индии, так и в Передней Азии.

Мандала IV, гимн 26 («К Индре»)

2. Я дал землю арье
3. Я крепости разбил, опьянённый сомой
4. Эта птица должна быть далеко впереди (всех) птиц, Быстро летящий орёл – впереди (всех) орлов, о Маруты. Когда по собственному порыву без колёс прекраснокрылый Понёс жертву для Ману, услаждающую богов.
5. Птица вне себя от страха от того, унесёт ли она сому, Ринулась быстрая, как мысль, в далёкий путь. Быстро прилетела она с мёдом сомой И орёл при этом нашёл славу.

IV, 28 «К Индре и Соме».

4. О Индра, дасью самыми низкими из всех, Ты сделал племена даса бесславными. Вы оба угнетали, разбивали врагов. Вы нашли возмездие с помощью оружия.
5. Такова истина, о щедрые. Тогда вы оба О Индра и Соме, взломали укрытие с конями.

(перевод Т.Я. Елизаренковой.)

В башкордском предании «Куз-Курпяс» ведийским сакральным атрибутам жертвенного обряда - соломе – бархиз и стеблям Сомы - соответствуют целебные травы, находить которые героя научил его отец, а собрав, Кузый – Курпес засунул их в брюхо жертвенной козы и затем, положив тушу в яму, засыпал землёй и развёл сверху костёр. И в «Риг-Веде» и в башкордском предании волшебные травы оказываются привязанными к жертвенному обряду. Эти совпадения и соответствия объясняются историческими причинами. Ведические индоарии Куру, потомками которых являются – башкорды и курды – жили некогда на Южном Урале (Аркаим – Синташта) и поэтому не удивительно, что до наших дней их многие мифы хорошо сохранились в башкордских преданиях. Конь героя в башкордском сказании «Куз – Курпяс» возносится из - под деревьев (дров жертвенного костра) орлом по молитвам слуг дьяю – пярия [жрецов – хотаров, адхварью, поющих гимны

Дьяусу – питару]. Безусловно, коня принесли в жертву богам, о чём повествуется далее в предании:

«В продолжении всего времени услышал он карканье ворон и хотел узнать тому причину. Подойдя к тому месту, откуда оное происходило, объят был жалостью и печалью; горячие слёзы покатались по щекам его. Он увидел доброго коня своего, на части растерзанного и хищным воронам на пищу преданного. Долго тужил он о нём, но пособить было нечем; вырыл глубокую яму и, собрав все его разбросанные по сторонам части, положил в оную и вместе с ним зарыл седельный убор и оружие, кроме сабли своей. Сию, положив в ножны, заплавав, сказал: «Ты мне остался один друг и товарищ. Прости, мой добрый конь! Я никогда тебя не забуду». (см. указ. соч. стр. 295.)

У башкордов Урала ведийско-арийский ритуал Ашвамедха, судя по сказанию «Куз-Курпяс», проводился следующим образом: собирали жертвенную траву, на которую клали туши предварительно забитых козы и коня, затем обкладывали дровами и поджигали. Считалось, что в определённое время проведения ритуала с небес слетает орёл и уносит жертвенную тушу к богам – дэвам. Затем жертвенное мясо ели участники обряда, а кости забитых животных собирали вместе и хоронили вместе с оружием, уздой и прочей священной утварью в яме, служившей общей могилой для козла и коня. Следы подобных совместных захоронений козла, барана, коня и часто человека, принадлежащих ведическим ариям Куру (II тыс. до н.э.), археологи неоднократно находили и раскапывали на Южном Урале (Аркаим – Синташта).

Кульٹ Козлѐнка у башкордов.

Древние ведийско-арийские обычаи своих предков Куру башкорды Урала смогли сохранить в своей культуре вплоть до недавнего времени. Так, С.И. Руденко в своём историко-этнографическом исследовании, посвящённом башкордам Урала, в разделе «Пережитки религиозных доисламских представлений» (башкордов) описал некоторые магические обряды башкордов, которые соответствуют как древним ведийским индо-иранским ритуалам, так и методу лечения коня, изложенному в предании «Куз-Курпяс». С.И. Руденко писал: «Местами, для того, чтобы отпугнуть болезнь (лихорадку), больного окуривали дымом дерева, в которое ударила молния».[...]

- «Для предотвращения скота, да и жителей от болезни [например, от сибирской язвы, чумы] башкиры добывали огонь при помощи трения (сыгыр уты) и подкуривали им скот. При добывании огня трением тушили все огни, [...]. Добытый огонь принимали на трут и

подкуривали им скот. Этим добытым трением огнём зажигали огни в очагах и печах.[...]». - «При заболевании сибирской язвой башкиры», - как пишет С.И. Руденко со ссылкой на В.А. Арнольдова (1890, стр. 274) – «прикладывали к больному месту лѐгкое, вынутое из зарезанного козлѐнка». (см. С.И. Руденко, указ. соч. стр. с 325 по 327).

Хьрка – Эгида Дьяуса.

Священное облачение актѐра – жреца- тьреца.

Козѐл или баран предназначались у ведических ариев Аркаима, судя по гимнам «Риг – Веда», для бога плодородия и изобилия Пушана (Бошоу), для которого служили верховными и упряжными животными, как и у скандинавского бога грома Тора.

Риг-Веда. Мандала VI, гимн 55.

к Пушану.

3. Ты поток богатства, о пламенный,
Куча добра, о ты, едзящий на козлах вместо коней
Друг каждого наделѐнного поэтическим даром
4. Пушана, едзящего на козлах вместо коней, сей час
Мы хотим восхвалить (этого бога) приносящего награды
6. Пусть козлы, (запряжѐнные) в колесницу,
Эти уверенно ступающие, повезут (к нам) Пушана,
(Легко) неся бога – украшение людей.

VI. гимн 57.

К Пушану и Индре.

3. Козлы – животные, возящие одного,
Пара буланых коней, снаряжѐнных (как надо) – другого.

VI, 58.

К Пушану.

2. Кто ездит на козлах, вместо коней, охраняет скот,
у кого дом полон наград.
Кто возбуждает мысль, поставлен надо всем миром,
Бог Пушан, размахивающий гибким стрекалом,
Двигается, озирая все существа.

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Бог Пушан ездил на козлах, а бог Сурья или Индра – громовержец на конях. Поэтому ведические индоарии Куру ещё в эпоху своего пребывания на севере, в Аркаиме на Южном Урале, во время проведения жертвоприношения по ритуалу первыми закалывали козлов – долю Пушана, а затем забивали коня.

Уральское, Аркаимское происхождение этого обряда жертвоприношения у ведических индоариев Куру подтверждают и доказывают следующие слова гимна:

Риг-Веды (I, 163). **Восхваление коня.**

9. Он с золотыми рогами, его ноги из железа,
Он стремителен, как мысль, - Индра остался позади него.
Сами боги пришли вкусить жертву у того
Кто первым сел верхом на коня.
11. Тело твоё в полёте, о скакун
Твоя мысль скользит словно ветер
Твои рога, находящиеся во многих местах
Двигаются, извиваясь, по лесам.

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Под золотыми рогами в гимне певцы-риши подразумевали лучи яркого солнца, поскольку жертвенный конь отождествлялся с богом Сурьей. Многие годы ученые-ведологи не могли найти фактическое подтверждение этим словам древнего гимна, но находка археологической экспедицией под руководством А. Пшеничнока при раскопках в 1986 – 1988 годах Сарматского кургана в Оренбургской области так называемой «Коллекции Золотых Оленей» доказывает тот факт, что ведические индоарии Куру в период обитания на Южном Урале, украшали головы ведомых на жертву коней стилизованными рогами, изготовленными из дерева и покрытыми золотыми пластинами, на подобие блестящей фольги. Этот обряд позднее сохранился и у ираноязычных сарматов, потомков индоариев Куру.

Гимны «Риг-Веды» (I. 162 – 163), получившие свое надежное подтверждение при археологических раскопках могильников Синташты и Аркаима показывают нам, что предки башкордов Урала и курдов Месопотамии ведические индо-арии Куру во время проведения ритуальных обрядов своим богам приносили в жертву козла и коня почти одновременно. Иными словами, за единое время исполнения всего сакрального обряда.

Если теперь вспомнить друг за другом античное эллинское предание и утверждения двух замечательных ученых Фридриха Ницше и Вячеслава Иванова о том, что : «Древнегреческая трагедия возникла из хора-дифирамба и священной пляски на оркестре вокруг жертвенника, в центре которого возвышался алтарь, где пылал огонь бога Диониса-Агнца, то сразу становятся видны и понятны те незыблемые каноны общего ведийско индо-иранского религиозного искусства, которые заставляли актеров древнегреческой трагедии рядиться только козлоподобными Сатирами и конеподобными Силенами.

Много позднее в среде дорийских ариев-эллинов произошло выделение из хора сатиров и силенов одного запевады дифирамба – трагика, исполнявшего опять-таки песнь козла «Tragos-ode». И лишь затем, только с эпохи Теспида, Эхила, Софокла и Еврипида,

религиозная изначально древнегреческая трагедия, приобрела свой «светский» характер.

У древних греков священное облачение бога Дьяуса – Зевса носило общее индо-иранское название - Эгида от индо-иранского - Айгес «козьи шкуры». Полное имя Дьяуса у древних эллинов было - Дьяус Эгиох. По мифам эллинов, младенца Дьяуса – Зевса выкормила своим молоком Коза – Амальфия, а защищали божественное дитя Куреты, ударявшие копьями – рьм(курд.) по шитам – барабанам : дэф(курд.) и породившие тем самым священную обрядовую песнь - дифирамб.

Коза – Амальфия есть не что иное, как хтоническая ипостась самого солнечного Дьяуса. Античные мифы эллинов говорят нам, что коза, вскормившая святающегося Дьяуса – Зевса, сама была дочерью Гелиоса – Солнца, от праиндоевропейского - Гали - Калить, тогда как у ведических ариев бога Солнца звали - Сурья.

Псевдо - Эратосфен «Превращение в звезды»

«На этом созвездии [Возничего] есть изображение Козы и козлят. Мусей говорит, что когда родился Зевс, Рея отдала его на руки Фемиде, а Фемиде отдала младенца Амальфии, у последней была коза, и она положила к ней Зевса. Эта коза и вскормила Зевса. Коза была дочерью Гелиоса, настолько страшной, что боги времен Кроноса, ужасаясь вида этого порождения, просили Гею скрыть ее в какой-нибудь из пещер на Крите. И Гея укрыла ее у себя и попечение о ней поручила Амальфии, а эта последняя ее молоком выкормила Зевса. Когда ребенок [Зевс] вырос и собирался воевать с титанами, у него не было оружия. Тогда ему было предсказано, что надо воспользоваться шкурой козы как оружием вследствие ее неуязвимости и ее страшного вида, [.....]. Зевс исполнил это и с помощью такого искусного средства получил двойной вид. Кости козы он покрыл другой шкурой. Он сделал ее живой и бессмертной и вознес ее на небо как звезду.» (см. А.Ф.Лосев. «Античная мифология» стр 250)

Дьяус использовал шкуру козы –эгиду как оружие в битве с титанами, и, поскольку эпитетом Зевса у древних греков было громовержец, следует вывод, что ему в индо-арийской мифологии соответствует бог-громовержец Аджа-Екапад «Одноногий Козел», который в свою очередь являлся ипостасью бога изобилия – Пушана.

На Южном Урале, где во II тыс. до н.э. проживали ведические арии Куру, прославлявшие Аджа Екапада - «Козла Одноногого» как ипостась Пушана – Громовержца, дожди с громом и молнией начинаются весной с середины мая. Именно к этому у башкордов Урала и приурочено проведение праздника Зерна – Хабандтуй. Для травы, которой питаются козы и овцы, нет ничего необходимого, чем обилие весенних дождей. Поэтому весь башкордский праздник Хабандтуй, во время

которого его участники приносят в жертву коз, баранов, коров и лошадей - есть в своей религиозной основе обряд - вызывание Дожда.

Ведийское имя - Аджа «козел» Екапад «одноногий» совпадает этимологически с курдско-арийским – Гейаж «бедренная ляжка [одна] у скота». Вообще, у курдов, по сообщению Мелла Махмуда Баязиди (19 век), в народных магических обрядах козел или козленок играли весьма заметную и важную, если не центральную роль. Мелла Махмуд писал, что у курдов есть предсказатели судеб – пилдары «Обладающий лопаткой», от ПИЛ «лопаточная кость(козла-барана)», что курды очень им доверяют. Сам процесс становления Пилдаром был глубоко связан с культом Козла в народных поверьях. Мелла Махмуд Баязиди свидетельствовал : «И есть среди курдов пилдары. Это пилдарство развивают в них с детства. Если, например, женщина,.. еще будучи беременной, захочет, чтобы ее ребенок сделался пилдаром, то сразу же при рождении ребенка приносят козленка, режут его, а мясо раздают. А лопатку сохраняют, делают в ней отверстие величиной с сосок матери ребенка и дают ребенку грудь через это отверстие. И всегда ребенку дают грудь только таким способом. Без лопатки никогда не дают ; и так до тех пор, пока ребенка не отлучают от груди. Когда ребенка отлучат от груди, то ежедневно два раза в день - утром и вечером - эту лопатку приносят ребенку, и он на нее смотрит. И так делают до тех пор пока ребенок не достигнет разумного возраста. Когда ребенок вырастает, считается, что если он посмотрит на эту лопатку, то видит на ней все, что происходит на свете, и рассказывает об этом [остальным]. Но условие таково, что лопатку эту нельзя оставить ни на один день; постоянно [ребенок] должен сквозь нее сосать молоко ; если хоть раз пропустить, то ничего не получится. [.....] Искусство пилдарства свойственно не только мужчинам, но и женщинам. Эти оба рода людей,[джиндары «повелитель джинов» и пилдары], пользуются большим уважением в Курдистане и им очень доверяют. Эти джидары и пилдары «получают большие деньги, потому что курды очень верят им» перевод М.Б.Руденко. (см. Мелла Махмуд Баязиди «Нравы и обычаи курдов» М. 1963. стр.63)

Сопоставляя рассказ Мелла Махмуда Баязиди с древнегреческим мифом о рождении и воспитании Дьяуса у куретов, мы сразу видим, что поколение старших богов эллинов вырастила Зевса, исполняя курдский народный магический обряд кормления ребенка - пилдара посредством Козы. Само имя мифической Козы Амальфии, вскормившей младенца Дьяуса – Зевса в древнегреческом языке продолжает хранить курдско-иранский корень - Альф (ам + альф + йе) «корм», «фураж», - «кормить скот», «давать фураж скоту».

Исторический анализ показывает, что соответствии эллинского мифа о кормлении Дьяуса – Зевса козой, курдскому народному обряду

многого кормления козой ребенка – пилдара, был объективно уже предопределен в древности жертвенным обрядом ведических ариев Куру, в котором Козла – земную ипостась бога изобилия Пушана, забивали для насыщения Дьяуса – жеребца. В «АВЕСТЕ» божество вод Тишья в образе белого коня одерживает победу с демоном – Апаошей дорийско – эллинское слово - Айгес (Эгида) «козья шкура» этимологически точно соответствует курдскому – Гиск «козленок», а также башкордскому – Кэзэ «коза». В связи с принесением во время обряда козленка Диониса в жертву как Пурушу в «Риг – Веде», разодрав на части, весьма уместно указать на то, что курдское слово – Пурт «шерсть» этимологически точно соответствует ведийскому слову – Пур (уша). Ведические индо-арии Куру, до своего исторического вторжения в Индию во II тыс. до н.э., а затем и ираноязычные Сако-Массагеты до II века до нашей эры включительно, обитали на всем протяжении от Южного Урала и Зап. Сибири до Алтая и Тянь-Шаня и, поэтому, вполне закономерно, что столь специфический жертвенный индо-иранский термин жертвенного обряда как Пура (Пуруша), был заимствован и алтайскими шаманистами, у которых – Пура означает «шкура коня, принесенного в жертву», которая символизирует живую душу закланного животного» (см. Мирче Элиаде «Шаманизм». Изд. София 2000, стр.188.)

Такие специфические индо-иранские имена «алтайских» божеств как Хейр –хан, Хомай (Умай, алт.)Ахура – Мазда (Хурмусда, монг.), прямо свидетельствуют о пребывании ведических индо-ариев Куру и ираноязычных скифо-сарматских племён в древности на Алтае. Само имя Алтай соответствует индоевропейскому – древнегреческому Алтей «роща – лес». У древних греков Алтей – Алтей - это священный округ в Олимпии, который считался родовым владением бога Дьяуса – Зевса: «белого жеребца», сын которого Дионис – Загрей почитался как агнец – козлёнок, по курдски – Гиск, чья шкура Айгес превратилась со временем в Эгиду – Хирку жреца – тьрека, исполнявшего обряд жертвоприношения.

Предки греков – ахейские и дорийские племена эллинов, пришли на материковую и островную Грецию во II тыс. до н.э. с севера из степей Северного Причерноморья и Волжско-Донского региона, где они обитали ранее по соседству с индо-ираноязычными племенами ведических ариев Куру, прямыми потомками которых являются башкорды Урала и курды Месопотамии. Поклонение древних греков, а затем и латинян, как и ведических индо-иранских племён единому богу Дьяусу – Зевсу, указывает нам не только на их праиндоевропейское родство или на общую прародину индо-германских племён (Север, Южный Урал, Зап. Сибирь, Алтай, Средняя Азия), но в наибольшей степени единый для всех них – религиозный культ богов Дэвов – Дьяусов и чрезвычайно близкий по технике исполнения жертвенный обряд заклания животных.

Суть ведийско-арийского, а затем и древнеэллинского обряда жертвоприношения, о чём нам говорят гимны «Риг-Веды» и поэмы Гомера, сводилась к коллективному причащению всех членов одного рода и племени мясом и кровью своего родового божества Дьяуса, который посредством магических действий жреца – тьрека, сходил с неба и превращался в агнца – козлёнка или быка, жеребца. По мысли ведических ариев Куру и ахейских – дорийских эллинов, агнец – козёл.(бык и жеребец), являются в сакральном ритуале – хтонической, зооморфной, животной, неразумной (Дионис – диуана – вахши «дикий», башк.) ипостасью Небесного, Лучезарного Дьяуса – Зевса! Человек, по мысли ведических индо-ариев, поедая животную, тёмную ипостась светлого бога Дьяуса, тем самым – просветляется, становится разумным, причащаясь телом своего родового божества. Вместе с этим, поедая тело своего бога, как считали ведические индо-арии в доисторические времена, они помогают умереть старому богу Дьяусу, и тем самым каждый ариец становится исполнителем Космического Закона Рока, носящего в «Риг – Веде» название Рита, от башкордского - Рэт «порядок».

Этот старый индо-германский закон «помочь старому умереть» или «Любовь к своему Року», сохранился в похоронных обрядах некоторых горных племён Курдов, прямых потомков ведических индо-ариев куру. Как писал О.Л.Вильчевский в своём очерке «Мукринские Курды»: «Ж. де Морган был свидетелем добывания мнимоумершего, очнувшегося при омовении его холодной водой источника. Считаю, что в покойника вселился дьявол, присутствовавшие убили его ударом дубины по голове. По словам Моргана, такие случаи не единичны, ибо воскресение мнимоумершего считается позором для всего края. [Курды – езиды при погребении помещают над головой камень («кьявуре салин», ср.камень и салин), которым закрывают могилу у мукринцев), чтобы если погребенный очнется, он ударился о камень и умер окончательно]. В настоящее время этот обычай уже не соблюдается. По словам моих информаторов, добывание покойников практиковалось только по отношению к лицам, умершим в постели ;смерть их определялась фактом закрытия глаз, и поэтому, как правило, отмечает Морган, тяжелобольным не давали засыпать. Все это не распространялось на лиц, умерших в бою, по отношению к которым, напротив, принимались все меры к их оживлению». (см. О.В.Вильчевский, указ. соч. стр217)

Для ведических ариев Куру, как впрочем и для древнего германца или античного эллина противиться своей смерти было равносильно противиться Космическому Порядку – Рите (рэт, башк.), которому подчиняются даже Боги, в том числе и Дьяус-Зевс. Старое, умерев, порождает – новое, таков Космический Закон – рита,

считали ведические арии Куру, и всякое движение вспять, казалось им нарушением Вселенского порядка.

Процесс рождения нового, молодого Дьяуса – агнца из своего умершего старого тела, представлял собой у ведических ариев Куру магический обряд, в котором шкура закланного в жертву зверя играла самую главную роль. Сама шкура – тире (башк.) агнца (козла или барана) являлась священным фетишем, прикоснувшись к которому – по поверьям башкурдов Урала – человек мог исцелиться от любой болезни.

Как писал об этом обряде у башкурдов С.И. Руденко: «В некоторых случаях, когда в семье был тяжело больной, в жертву (корбан) приносилось какое-либо животное, чаще овца. Шкуру её получал мулла, совершающий жертвоприношение, а мясо съедалось присутствующими, только больной его не ел». (см. С.И. Руденко, указ. соч. стр. 326) Далее **мулла заворачивал больного в шкуру принесённого в жертву барана или козла**, после чего, как считали башкурды, больной должен обязательно выздороветь. Этот башкурдский обряд заворачивания человека (больного) в шкуру, по существу, восходит напрямую к более древнему ведийскому обряду – Повторного рождения человека, принадлежащего к одной из четырёх (4) варн индо-арийского общества. Слово - хирка, в курдском языке означает «шерстяная накидка», которую носят священники – пиры и тьреки у курдов – езидов. Хирку вяжут из козлиной шерсти – һьри и для всех курдов – езидов эта накидка является символом чистоты и отличительным знаком святости пира и тьрека.

Хьрка в культуре курдов – езидов.

Хьрка «вязанная шерстяная накидка» играет важную сакральную роль у курдов – езидов, во время исполнения ими обряда – Фарзе братийе «избрание наставника», через который проходят все езиды. Как пишет Караме Анкоси: «С наступлением времени, езид начинает готовиться для определения своего шейха и пира («Дасте хва аветн.»). Он накрывает стол, готовит обед, приглашает близких и того шейха или пира, которого он намерен себе определить. Кроме них приглашается другой шейх или пир, который совершает ритуал «Фарзе братие». Этот день в семье отмечается как святой праздник. Шейх или пир, исполняющий обряд, воздаёт хвалу Богу, молится. После совершения молитвенного ритуала, он спрашивает у хозяина дома: «Чего ты просишь и желаешь?». Хозяин отвечает: «Я желаю получить духовного брата». Тогда он обращается к присутствующему шейху или пиру с вопросом: «Ты согласен стать его духовным братом или наставником?». Тот отвечает: «Да, я согласен. Но в трех заповедях (буквах), если он их нарушит, я не буду с ним!» Исполняющий ритуал спрашивает у

Месопотамия.
Курдистан.

В Уре было раскопано много гробниц XXVI и XXV столетий до н.э. Из них 17, как полагают, судя по богатым украшениям, были для царской фамилии. Статуэтку козла из золота, ляпис-лазури, серебра и ракушек нашли в гробнице, где было похоронено 74 человека из свиты царя; их принесли в жертву, чтобы они сопровозждали своего господина в царство мертвых.

искателя духовного брата или наставника хозяина дома: «А ты согласен на его духовное братство или духовное наставничество?» тот отвечает: «Да, я согласен. Но только в трёх заповедях (буквах), если он их нарушит, я также не буду с ним!» Эти вопросы и ответы повторяются три раза. Затем шейх или пир, руководитель ритуала, читает молитву «таркин», поздравляет и благославляет присутствующих. В конце «Хьрка» (вязаная рубашка – отличительный знак святости и чистоты шейхов и пиров) оmyвается водой и эту воду дают выпить участникам ритуала, шейху или пиру и мьриду. Ритуал «Фарзе братие» завершается обедом, который был заранее приготовлен, а при возможности музыкой и песнями. Отныне мрид должен следовать советам своего духовного брата и наставника и приносить им ежегодную дань». (Караме Анкоси «Фарзе братие» у Езидов» стр. 11-12. Тбилиси 1996 г. из личной библиотеки автора.)

Как видим у курдов – езидов, весь сакральный обряд по избранию мьридом (мирянин – послушник) своего наставника – пира, основан на неукоснительном и безусловном признании верующими езидами изначальной – Святости Хьрки, шерстяной накидки священника Тьрека. Учитывая, что прямыми предками курдов являются ведические арии Куру, о чём собственно свидетельствует этноним, следует вывод о том, что культ священного рубища Хьрка езидского священника Тьрека, должен непременно усиливаться по направлению к древности своего возникновения. Действительно, если ведические арии Куру приносили – Козла в жертву богу изобилия Пушану, то, естественно, и сам культ святости шкуры козла зародился в эпоху «Риг-Веды». Обожествление Козла или козленка сына Диева – Диуана, предполагает у людей древней эпохи фетишизм и обожествление его атрибутов – шкур и рогов, которые были ритуальными одеяниями Пиров – Тьреков во время исполнения обрядов Воскресения божества весной, а позднее превратились в сценические маски участников древнегреческих трагедий Диониса. Наличие у античных греков мифа о Золотом руне барашка, спасшего жизнь человеку, а затем, принесенного в жертву Тучегонителю Зевсу – Дьяусу, свидетельствует нам, что сам культ животворящий шкуры агнца существовал у индоарийских племен еще в эпоху Праиндоевропейского единства. Учитывая, что древнегреческий миф о золотом руне барашка, принесенного в жертву Дьяусу – Зевсу, соответствует напрямую ведийско – арийскому обряду жертвоприношения козла Дьяусу, следует неукоснительный вывод о том, что Эллинское повествование о битве Ясона с противниками во время своего путешествия в Колхиду, а также на поле (дара, курдек.) перед дворцом царя Эета являлось в древности неотъемлемой частью сакрального ритуала. К этой мысли нас подводит и то, что рукопашная схватка за руно является непременным элементом башкурдского праздника Хабантуй. Обряд жертвоприношения барана, козла или тельца у башкордов Урала в эпоху, последовавшую после принятия ислама, был назван на мусульманский манер – Корбан байрам. Иными словами, древние индоиранские обряды и игрища у башкордов получили мусульманские имена, сохранив при этом свою древнюю Языческо – Пантеистическую сущность.

Как писал С.Н. Руденко: «Угощение в поле, борьба и скачки устраивались также во время мусульманского праздника Корбан байрам, праздновавшегося башкирами, если последний был летом. Во время этого праздника бывали весьма любопытные состязания».

Царь Саргон II, несущий жертвенного козленка.
Рельеф из дворца Дур-Шаррукин. Месопотамия.
Курдистан. Музей Париж. Лувр.

По словам М. Баишева [1895, стр. 19], у юго – восточных башкир был обычай, по которому юноши устраивали во время Корбан байрам угощения для молодых людей соседней деревни. Когда угощение (баранина, кумыс, чай) было приготовлено, один из юношей посылается с известием, что гости едут, все устраивавшие угощения юноши выезжали верхами навстречу гостям, которые также все до одного ехали верхами. После взаимных приветствий один из гостей, обычно тот, у которого была лучшая лошадь, предлагал встретившим отнять находящийся в его руке большой кашемировый платок. а сам пускался вскачь по полю. Прибывшая группа защищала этот платок, а другая старалась отнять его. Победившей считалась та сторона, которой удавалось отбить платок. Состязание это называлось у башкир коталыу. Гости после этого отправлялись в приготовленный для их приема дом, где и устраивалось пиршество с пляской и пением.(см. С.Н.Руденко.указ.соч.стр.283.)

Битва за священную Хьрка - Платок у башкордов на празднике Хабандтуй. (по рассказу П. М. Кудряшова (1797-1827))

В число суеверий башкирских можно отнести ежегодное празднество их, называемое сабанным. Сие празднество есть не что иное, как смесь народных обыкновений и духовных обрядов. Оно происходит следующим образом: пред начатием пашни молодые люди, в вечернее время, садятся верхами на лучших лошадях, объезжают всю деревню, потом, возвращаясь, останавливаются перед каждым домом и громогласно требуют себе какой-нибудь подачи. Хозяин обязан удовлетворить сие требование и должен подарить разъезжающим удальцам несколько круту или подать по чашке айряну, бузы (род пива), аситки (род квасу), меду и т.п. Молодые люди, объехав всю деревню, возвращаются в свои дома и на другой день поутру выезжают в поле, верст за 5 от жительства; потом пускаются скакать в деревню, в которой по обеим сторонам улицы стоят зрители: мужчины, женщины и девушки. Один из молодых мужчин, или одна из девушек, держит в руках шест, на котором развевается белый платок, вышитый шелками и разноцветными нитками. Первый прискакавший к шесту и сорвавший платок получает оный себе в собственность. При сем случае раздаются громогласные восклицания зрителей и, в особенности, повторяются следующие слова: мярдысь! мярдысь! (исполать! исполать!). Но если случится, что двое или трое вместе прискачут к шесту и в одно время все схватятся за платок, тогда они обязаны между собою начать борьбу, которая служит решением, кому упоминаемый платок должен достаться. Тот, кто останется в борьбе победителем, получает означенный платок из

рук такой женщины, которая в целой деревне всех моложе и недавно еще замужем. После того мужчины идут в мечеть, молятся богу и просят об изобильном урожае хлеба; потом начинается общественный джиин (пир), на котором веселятся различным образом: поют, играют на чебызгах*, пляшут, борются, стреляют в цель и проч.**.

* Чебызга – музыкальное орудие башкирцев, сделанное из ствола некоторого растения.

** Издатель «Абевети русских суеверий и проч.», напечатанной в Москве в 1786 году, описывая сабанное празднество, говорит, что разъезжающих по деревне молодых башкирцев хозяева домов по большей части наделяют куриными яйцами и что во время пиршества происходит у башкирцев разные забавы, как-то: катание яиц, качели и хороводы. Сего никогда не было и не бывает. (см. Указ. автор. «Предрассудки и суеверие башкирцев» в книге «Башкирия в русской литературе» Уфа 1989 г. стр. 364.

Хьрка – козий пуховый платок.

Тексты гимнов «Риг –Веды» свидетельствуют о почитании ведическими ариями Куру козла – долю Пушана. У курдов, прямых потомков ведических племён Куру, одежда, изготовленная из шкуры или шерсти козы и барана стала священным одеянием – (накидкой Хьрка) жрецов: пиров, а затем и шейхов.

В ведийском санскрите слово: sutra 1) «нить», 2) «шнур», производное от корня – su «давить, выдавливать – вытягивать (что-то наружу). Как известно лексическая система санскрита в большей своей части (свыше 80%) является индоевропейской. (см. В.А.Кочергина. М. 1996 г. стр.6). Исходя из этого научного постулата, логично предположить наличие этого санскритского этимона с тем же значением и в других индоевропейских языках. Так в латинском языке слово – suo, sui «шить» в английском языке слово – sew «шить» совпадает со siv «шить» в санскрите.

В башкордском языке слово –шить «тегеу» соответствует латинскому – texo, texti «ткачь» и вместе восходят к ведийско-арийскому – taks «тесать, вытёсывать» (материал.). Слову «шить», «присоединять» в санскрите – siv; p.p. syuta в английском – sew, в латинском – suo в башкордском языке соответствует глагол от того же корня – сүпләү «перебирать», сравните с французским – suppletif. В санскрите слово – siri «ткацкий станок», «ткачиха» соответствует одновременно и слову – sira «поток» 2) жила, 3) вена, 4) артерия. Приблизительно ту же картину мы наблюдаем и в английском языке – sew «шить» – sinew «жила», «сухожилие». В башкордском языке вследствие чередования звуков S>h,

как в древнеиранских языках индоевропейское слово – сухожилие – *siner* произносится как – *heңer*, тогда как слово «цепочка» - *сыңыр*, опять совпадает со словом – *sansar* «соединять – связывать» в санскрите. Наличие слов с ведийским корнем *-su, si*, несущее значение - «связывать, объединять» в других индоевропейских языках – латинском, английском *-sui, sew*, свидетельствует о праиндоевропейском происхождении слова – *суф (suth)* «шерстяного одеяния» курдских мистиков – *суфиев*, которые, как и ведийские риши (девриши, курдск.) вяжут – *taks* (санскр.) и ткнут (*texi*, лат. *Tegeu*, башк.) нить – *sutra* молитв и гимнов.

Наличие в санскрите – *sira* «жила, вена, артерия» «в английском – *sinew* «жила» слов одного корня с общим значением – «кровеносного органа» животного и человека показывает учёным, что курды – езиды, как и их предки, ведические арии Куру, считали себя связанными кровными узами со своим духовным наставником – Пиром или Шейхом, облачённым в священную шерстяную накидку – Хьрку, сотканную (связанную) из шерсти козла.

Название – *суфий*, восходя в своём происхождении в индоевропейских языках к ведийскому корню *-su* «нить» - «жила» «тянуть», в древнегреческом языке означает *софия* «чистый», «непорочный» и *-sophronos* «мудрый». Древние греки – эллины и ведические – арии Куру Бхараты почитали светлое небо как верховное божество – Дьяуса. Дионис – Диуана сын Дьяуса «светлого неба» почитался в облике Козла из шерсти и пуха, которого плели нити и вязали ритуальную одежду жрецов. Курды – езиды, как и их далёкие предки, ведические арии Куру поклоняются Солнцу (*Ро – Шамс*) и поэтому глубоко символично, что их жрецы – Тьреки носят вязанные из шерсти козла, плащи и накидки Хьрка, поскольку священнослужители почитались людьми – озарённые истиной как лучами солнца.

Религиозные представления древних индо-ариев Куру о барашке или козлёнке как носителя божественной благодати Хварны, дарующей Харизму людям, достаточно наглядно представлены в изделиях луристанской бронзы, в гимнах «Риг – Веды», текстах «АВЕСТЫ», в пехлевийской, светской поэме «Карнамаг-и Ардашир-и Пабаган» и, затем в «Шах-Наме» у Фирдоуси.

Ношение шкуры – козла, барана, антилопы зафиксировано у брахманов Индии во время исполнения ими священных ритуалов. В ведийском санскрите глагол – *dhag* «носить», «хранить», «обладать» совпадает с курдским названием – Хьрка «шерстяной плащ», который «носят» и которым «обладают» курдские жрецы – Тьреки (пиры – кавалы). Поэтому, совершенно не представляется возможным толковать вслед за О.Ф. Акимовым происхождение слова – Хирка «плащ суфия» от якобы арабского глагола – *харака* «разрывать», тем более, что само

слово – хирка в Коране не зафиксировано, а обычай ношения – шерстяного рубища – Хьрки, был заимствован мусульманскими аскетами у восточных христианских монахов – подвижников. Тем более, что предки средневековых греков христиан, античные эллины, как и ведические арии Куру, предки Курдов Месопотамии, во время празднования весной рождения агнца Диониса сына Дьяуса – Зевса раздирали на части не шкуру, а живого барашка, козлёнка или телёнка. Башкорды Урала словом – *харык* называют всех овец, тогда как курды Месопотамии тем же словом - *хьрк*, называют «породу овец с хорошей шерстью и небольшим приподнятым курдюком». (см. Ч.К. Бакаев «Курдско – русский словарь . М. 1957 стр. 410).

Обычай первых христианских аскетов – мистиков носить в знак смирения грубую шерстяную накидку, восходит к Священному Писанию, где в Евангелии от Матфея (III, 4) говорится, что одеждой Иоанна Крестителя было волосяное рубище, которое курдские суфии называют - Хьрка.

Матфей гл. III.

1. В те дни приходил Иоанн Креститель и проповедует в пустыне Иудейской.
4. Сам же Иоанн имел одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах своих; а пищею его были акриды и дикий мёд.

Марк гл. I.

6. Иоанн же носил одежду из верблюжьего волоса и пояс кожаный на чреслах его и ел акриды и дикий мёд.
7. И проповедовал, говоря: «...».

Ведические и митаннийские индоарии Куру, во время обитания в Средней Азии разводили двугорбых верблюдов – бактрианов. На Ближнем Востоке и на Аравийском полуострове исторически раньше был известен одnogорбый верблюд, тогда как двугорбые верблюды – бактрианы проникли в Переднюю Азию, Палестину и Египет только начиная с эпохи проникновения на эту территорию главным образом индоиранских племён начиная со II тыс. до н.э. и частично, как военная добыча ассирийских царей, начиная с Салманасара I (1274 – 1245 г.г. до н.э.) до н.э. до Ашшурбанапала (668 – 627 г.г. до н.э.). Новую массу верблюдов – бактрианов привели на Ближний Восток ираноязычные

племена Среднеазиатских и Южно-Уральских сако-Массагетов, названные античными греками – скифами, которые возглавляемые своим царём Мадаем (Мадиес у Геродота), как союзники Мидии выступили на войну с Ассирией.

Башкорды Урала, Хорезма и Сев. Каспия издревле держали двугорбых верблюдов – бактрианов в своём домашнем хозяйстве, вплоть до недавнего времени. Так, наш бесценный информатор о башкордах этнограф С.И. Руденко писал: «В старину башкиры держали верблюдов [...] двугорбых. По сообщению П.С. Палласа (1773, ч.1, стр. 351), во второй половине XVIII в. их было особенно много у башкир Исетской провинции за Уралом, где они бывали хороши и при дурном содержании. По словам В.М. Черемшанского (1859, стр.367) ещё в середине прошлого [18 в.], верблюды имелись у башкир по рекам Белой, Дёме, Сакмаре и Исети; там они использовались вместо лошадей для перевозки тяжестей; их не навьючивали, но впрягали в телеги и сани. Насколько значительным было башкирское верблюдоводство, можно судить по тому, что по требованию правительства во время турецкой компании (1828 – 1829 г.г) башкиры для перевозки грузов доставили в Оренбург свыше тысячи верблюдов (И. Казанцев, 1850, № 20). По официальным данным 1850 г. в Оренбургской губернии насчитывалось около 8000 верблюдов. К концу прошлого века [19 в] редкие из башкир держали верблюдов [...].

Мясо и молоко верблюдов башкиры употребляли в пищу, шерсть и шкуры использовали для различных нужд». (см. С.И. Руденко указ. соч. стр. 109).

Хорошо известно, что у башкордов Урала одеяние священнослужителей Ишанов «господь» (санскр.) составляло шерстяное одеяние – Хьрка, которое вязали из козьего или верблюжьего пуха. В древности башкорды Урала почитали своих жрецов – Ишанов, чьё имя производное от слова – иша (iṣ) «Господь» в санскрите, как и курды своих священнослужителей – Тьреков, а древние эллины – Трагиков, как живое воплощение Дьяуса «Господа Светлого Неба». В «Риг – Веде», в «АВЕСТЕ», в поэмах Гомера – господь светлого неба неоднократно изображается в зооморфном облике Быка (Гайомарта) или Жеребца.

Во время исполнения магических обрядов жрец – Ишан у башкордов Урала и священнослужитель – Тьрек у курдов – езидов изображал снисхождение светлого божества Дьяуса с неба на землю, для ограждения от бед своих верующих и, поэтому, облачение в шкуру или шерстяную вязаную накидку, исполняющего обряд человека, являлось необходимой частью ритуала. Сам Зевс получил у эллинов прозвище – Эгиоха «Шкуродержца» от своего облачения в Айгес «козьи шкуры». Древнегреческое слово Айгес этимологически и семантически точно соответствует как ведийскому – Аја «козёл», так и курдскому – гьск (А-

гьск- Айгес). Исходя из гимнов «Риг-Вед» и курдско-башкордской, общеиранской игры «Бьз-каши» и религиозной драмы Диониса, нет никаких сомнений, что в архаичную эпоху фетишизма и оборотничества древние эллины, как и ведические арии Куру почитали Козла (как и Коня, Быка, Барана) одной из хтонических ипостасей Дьяуса – Зевса. Первоначальное ритуальное одеяние ведийского брахмана из рода Куру, как башкордского Ишана и курдского жреца – тьрека представляло из себя шкуру дикого козла или антилопы, накинутае на плечо и прошитое шилом со шнуром из сухожилия. Курдское слово – суджи «шило, игло», является однокоренным с ведийским словом - susi «игла, колючка», зафиксированное в санскрите. К этому же ведийскому корню – su «давить» (протыкать) восходит и курдское- сьфрэ «кожанная скатерть» и башкордское - сепрэк «тряпка», где в последнем случае наблюдается чередование согласных звуков: П>Ф. В башкордском языке слово – шкура, называется «тире». Шкура козла или барана, которой оборачивался священник, выступала как его – Ограда, что по - курдски – Тор.

Шейх Бьзьи (Тьрек – Трагик) Курдские истоки происхождения актёра в древнегреческой трагедии.

Жрецы ведических ариев Куру – брахманы, носили шкуры козы или антилопы – mrga. В древнем мифе эллинов говорится как Дьяус – Зевс, защищаемый Куретами вырос, выкормленный козой и, вооружившись шкурой – Тире (башк.) козы – Айгес – гьск (курдск.), поразил титанов, и тем самым – как бы шкурой Козы оградил – Тор (курдск.) светлый мир от уничтожения.

В этом семантическом ключе и необходимо понимать и трактовать все действия ведийских брахманов, башкордских Ишанов, курдских пиров – Тьреков во время совершения ими сакральных обрядов как направленных на ограждение – Тор(курдск.) своих верующих соплеменников от тёмных, злых, потусторонних сил Природы, которые сами обожествлялись людьми в образе демонов в эпоху фетишизма и оборотничества. Во время обряда весь предполагаемый светлый Дьяусов мир обозначался как круглая площадка – дара (курдск.) – ара (башкурдск.) – aға(латин.) – Дромос (греч.). Площадка – дара представляла собой обязательно – созерцаемое со всех сторон пространство, видимость которой символизировала для ведических индоариев – Светлый мир. Эту Видимую площадку – дара, символизирующую Мир, жрец – Тьрек, облачённый в шкуру козы, обходил по краям по кругу, как бы ограждая собой от злых демонов – титанов.

Как писал по интересующему нас вопросу знаменитый британский (шотландский) этнограф Джеймс Джордж Фрэзер: «Йазиды, которые верят в дьявола, в заключение одного своего паломнического торжества совершают обряд, долженствующий, по - видимому, помешать (...) алчному волку приблизиться к стаду верующих. Какого-нибудь старика одевают в козью шкуру и вешают ему на шею ожерелье из колокольчиков. В таком наряде он ползает на четвереньках вокруг столпившихся паломников, подражая бляению козла. Этот акт, по местным [курдским, прим С.Г.] представлениям, освящает участников торжества, но мы полагаем, что само освящение достигается в данном случае тем, что вокруг верующих воздвигается незримая ограда, которую коварный враг не может переступить. (см. Дж. Фрэзер «Фольклор в Ветхом Завете.» М. 1985 г. стр. 469.)

Йазиды, это и есть Курды, исповедующие древнюю религию своих предков ведических ариев Куру, почитавших во время обряда – козла, как «священную долю – Пушана». Ритуал обхождения верующих священнослужителем – Тьреком, облачённого шкурой овцы или козла у курдов – езидов, наглядно демонстрирует учёным древнюю веру ведических индо-ариев Куру в магическую силу козьей шкуры.

Курдское имя Тьрек имеет исконно индо-германское происхождение, несущее в себе семантический смысл – защита, ограждение. Так, в другой индо-германской мифологии – скандинавский бог защитник Тор – громовержец, ездит по небу в колеснице, запряжённой парой козлов и охраняет светлый мир богов – асов своим молотом, извергающим молнии. В ведийско-арийской мифологии Аджиджа – Екапад «Одноногий Козёл» напрямую отождествляется с молнией. По мнению В.Н. Топорова – одноноготь Аджиджа Екапада является символическим знаком молнии, ударяющей скачкообразно по земле, а имя божества выступает уже поэтической метафорой. (см Мифы Народов Мира. Т. 1. стр. 44 «Аджа – Екапад.) В «параллельной» кельтской мифологии бог – громовержец носит имя –Таранис от «tarann – гром». У индо-германских (кавказской ойкумены) племён хуррито – матиенов и хеттов в мифологии бог грозы носил имя того же корня – Тарку, Тархунт «могущественный», что соответствует индоиранскому – turvant с тем же значением. В чеченском языке, принадлежащем к нахско – дагестанской группе, предками которых и были древние Хурриты, слово – Турпал означает – «Герой – богатырь».

В древнегреческой мифологии бог – громовник имел имя Рунга, буквально «громовник», в котором корень – Рун соответствует латинскому – rungo «колоть», runio «наказывать», а корень – Ра соответствует ведийско-арийскому – Raj «сверкать, блистать» (о молнии).

Именно гром и молния насылали на древних людей – Панический ужас. В греческой мифологии хтонический бог Пан, спутник Диониса

имел облик козла, то есть животного одной из повадок которого является – бодание «rungo – укол», в отличие от кроткой овцы. Пан потому и был по мифу эллинов спутником Диониса, поскольку для жвачных животных необходима трава, произрастающая вследствие излияния весеннего дождя, посылаемого на землю богом – громовником от своего изобилия – переизбытка. Эллинский бог Пан (ραῦς+ αν) соответствует арийскому – Пушану, почитавшемуся ведическими индоиранскими племенами в древности как Охранитель Пути.

Риг – Веда(VI)

Гимн 54

5. Пушан пусть идёт за нашими коровами,
Пушан, пусть охраняет наших скакунов
Пушан, пусть добывает нам награду
(перевод Т.Я. Елизаренковой)

В другом гимне « Риг – Веда», Пушан провозглашается Господином пути и в стихах неоднократно призывается его способность «уколоть и проткнуть» противников индо-ариев, собравшихся завоевать коров, коз, овец.

Гимн VI, 53 (К Пушану)

1. Вот и мы, о господин пути,
Словно колесницу для завоевания награды,
Запрягли тебя, о Пушан, [...].
2. Веди нас навстречу мощному добру, [...].
4. Обеспечь пути, (ведущие) к завоеванию награды!
Рас (сей) врагов (и) разбей (их)!
5. Проколи острием [...].
6. Проткни остриём, о Пушан!
Ищи, что дорого, в сердце скупца
И отдай это нам во власть!
7. Расцарапай, разорви в клочья [...].
8. То подгоняющее молитву, о Пушан,
Острие, которое ты носишь (с собой), о, пламенный,-
Расцарапай, разорви в клочья
С его помощью [...]
(перевод Т. Я. Елизаренковой)

Ведийское слово - ага «острие», которое употреблено в предыдущем гимне, соответствует английскому - агтов «стрела», а затем и башкурдскому - ярыу «раскалывать», которое глоссируется с башкурдским словом - яра «рана» (на теле) и - «ранъеу».

В латинском языке: rango, рахі «вколачивать, втыкать, вбивать» и- ringo «колоть, прокалывать», что в свою очередь, как мы уже указали выше, соответствует имени эллинского козлоподобного божества - Пана (Пушана).

Весь анализ мифологемы «Пушан- Пан: Охранитель Пути» свидетельствует в пользу того, что для ведических индоариев козлообразный Пушан представлял божеством- Оградой, Тор (курдск.), божеством – Преградой (злу) для людей. Это весьма архаичное, фетишское поверье находило свое пластическое выражение в драме жертвенного обряда, для чего козла обводили по кругу возле алтаря, у которого толпились люди (будущие зрители), принимавшие участие в священном ритуале.

Атхарваведа (IX, 5) На жертвоприношение Козла

1. Приведите его ! Держите (его)!
Да отправится он, зная путь , в мир благих деяний!
Много раз пересекая великий мрак,
Да вступит козел на третий небосвод!
2. Я обвожу тебя кругом, как долю для Индры.
Как ходатая для жертвователя на этом жертвоприношении.
(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Именно так, как указано в Атхарваведе, именно так, как указано в «Риг-Веде» (I, 162,3) курдский священнослужитель – Тьрек, облачившись в шкуру козла, обходит вокруг толпы верующих езидов и своими действиями символически воздвигает вокруг езидов- солнцепоклонников невидимую ограду - Тор (курдск.) от тёмных сил Зла. Курды – езиды почитают солнце и жрец – тьрек, обрядившись козлом, указывает верующим Путь к лучезарному, светлому божеству на небе, освещая собой Путь людям на земле – дара (курдск.) – terra (латинск.) – ара – «пространство» (башк.) – агеа (англ.). Эта же мысль о том, что жертвенный козёл освещает верующим Путь (и на земле и на Небе) была присуща и ведическим индо-ариям Куру, о чём напрямую свидетельствуют строки ритуального заговора «на жертвоприношение козла».

Атхарваведа. IX, 5

6. Ступай отсюда ввысь, если ты прокалился кругом,
Из раскалённого котла на третий небосвод!
Из огня, о, огонь, ты возник.
Завоной этот лучезарный мир!
7. Козёл – Агни. Козла называют также светом.
Говорят: кто живёт, должен дать козла брахману.
Козёл, данный верующим в этом мире,
Далеко отбрасывает мрак.

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Священник – Тьрек, облачившись во время обряда в шкуру козла – Айгес (греч), как бы следуя словам заговора Атхарваеды, обходя толпу езидов, ограждает верующих от тёмных сил зла своим внутренним «духовным» светом, воздвигая невидимую ограду – Тор (курдск) на своём пути по кругу.

Слово – Тьрек, как показывает семасиология ритуальных действий курдского священнослужителя, безусловно происходит от существительного – Тор «ограда, изгородь, ожерелье», с прибавлением суффикса – ек, показателя единственного числа, которое восходит к числительному - йёк «один» в курдском языке и - эка «один» в ведийско-арийском языке племён Куру – Бхаратов. Когда курдский священнослужитель Тьрек «Единственный Оградитель» (Пути к Солнцу), надев шкуру Козла, обходит толпу верующих езидов, то он магически перерождается в ведийско – арийского бога – громовержца Аджа – Экапада «Одноногого Козла» грозной ипостаси козлоподобного Пушана, бога – изобилия, к которому ведические арии Куру в эпоху Риг –Вед обращались с такими словами:

Атхарваведа (IX, 5)

На жертвоприношение козла.

9. О, козёл поднимись (туда), где мир благих деяний!
Как затравленный олень, пробирайся через труднопроходимые места!
16. Ты козёл. Ты козёл, идущий на небо.
С твоей помощью Ангирасы узнали путь на небо
Я хотел бы узнать путь в этот чистый мир!

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

В башкурдском языке слово того же корня – тире, означает – кожа, шкура, которая как известно «ограждает» и защищает тело, как человека, так и любого животного. Вместе с этим другое слово того же корня – Тере в башкурдском языке означает – Живой. По всей видимости, в древности башкурды Урала считали, что именно шкура – Тире обладает психическими свойствами, качествами и способностями и, накинута на тушу, превращает живой бессознательный биологический организм в разумное существо. В эпоху фетишизма и оборотничества по

представлениям людей тех времён каждое живое существо обладало разумом. Рана на теле, как бы рассекая кожу – Тире (башк.) разрушала ту преграду – тор (курд.), которой был защищён живой организм диких животных, чей разум представлен через их повадки. Следовательно, накидывание шкуры священного животного жрецом во время исполнения сакральных обрядов, наделяло священнослужителя, по мысли древних людей сверхнормальными психическими и физическими качествами, необходимыми для приближения через восхождение к божеству, с которым род или племя было, как считалось, связанным кровным родством.

Гомер в своей «Одиссее» (XII) даёт прекрасный пример того античного поверья эллинов, что шкуры животных могут жить отдельно от тел. Спутники Одиссея под руководством Еврилоха, несмотря на страшный запрет, страдая от голода, убили золотых быков бога Гелиоса. Одиссей говорит:

Кончив молитву, зарезав быков и содравши с них кожи...

Все изрубили на части и стали на вертелах жарить

[...]

Я возвратясь к кораблю своему на песчаное взморье

Спутников собрал и всех одного за другим упрекал, но исправить

Зла нам уже было не можно; быки уж зарезаны были.

Боги притом же и знаменье, в страх нас приведшее дали

Кожи ползти, а сырое на вертелах мясо и мясо,

Снятое с вертелов, жалобно рёв издавали бычачий.

(перевод В.А.Жуковского)

Древнегреческое (эллиническое) имя бога солнца – Гелиос этимологически точно соответствует курдскому – gəlin «калить, жарить, палить». Корень этого эллино (алано) – курдского слова – gəl передаёт в языке башкурдов Урала значение – пепел «кəл». В ведийской мифологии бог солнца именуется – Сура от курдского – сора «красный», в башкурдском, вследствие древнего индо-иранского чередования звуков S>h как – хары. Для ведических индо-ариев Куру именно козёл и был животной, хтонической ипостасью космического света Солнца. По представлениям индо-ариев каждый человек носил в себе частицу космического света и тепла: тапас (санскр.) и тəф (курдск.), которую люди генетически унаследовали ещё до своего рождения, в докосмическую эпоху в момент первого жертвоприношения богов – Пуруши, самим себе – богам. Поскольку, как считали ведические индо-арии Куру все 4 касты, варны ариев: брахманы, Раджаны, Вайшья Шудры возникли из разных частей тела Первочеловека, то они в разной степени интенсивности унаследовали космическое тепло Пуруши.

Шейх – Бызни. **Курды – Народ богоносцев.**

У курдов – езидов сохранилось до настоящего времени деление всего сообщества на 4 касты – варны:

- 1) Пир равный брахману,
- 2) Шейх (арабск.) – равный раджанье,
- 3) Мьрьд – равный вайшья,
- 4) Мьртаба – равный Шудре.

Браки между курдами – езидами строго эндогамны как и в индоарийском обществе: представители касты Пиров, как и брахманы в Индии женятся или выходят замуж только за представителя касты Пиров; шейхи из касты шейхов за шейхов, мьрьд из касты мьрьда за мьрьда.

Курды – езиды поклоняются Солнцу – Ро, слово этимологически тождественное ведийско-арийскому – Raj «блеск, сияние» и имени верховного божества башкурдской мифологии – Самрау, которое соответствует ведийскому – Samraj «Самодержец». Разделение курдов – езидов на 4 касты – варны от курдского – war «стоянка, места на кочёвке» как и ведических индоариев Куру на Брахманов, Раджанья, Вайшья и Шудр, порождённых на свет из различных частей Пуруши, означает, что каждая каста курдов – Пир, Шейх, Мьрьд, Мьртаба чисто символически – воплощает собой определённую часть божественного тела первочеловека. Символ пришёл на смену древним фетишам. В древнюю эпоху фетишизма и оборотничества телесный образ божества – являлся прообразом символа. Поэтому, в представлениях ведических индоариев Куру, а затем и курдов – езидов Пир – Брахман являлся живым воплощением Головы божества. Пир для курдов – езидов, как и Ишан для башкурдов Урала является воплощением космического огня в физическом мире.

Этимологически имя пир выводится из понятия – Огонь, так: руг «огонь» (древн.греч.), пьриск «искра» (курдск.) – бьруск «молния» (курдск.). Через Пира – космический огонь Вселенной Агни сходит в мир физический и становится Вайшванара «всемирным огнём» - принадлежащего всем людям.

В Атхарваведе (IX, 5;7) Козёл во время жертвоприношения отождествляется с Агни и считалось, что Агни в виде пламени костра – подхватывает тушу закланного животного и возносит её на небо к алтарю других ведийских богов.

Атхарваведа IX, 5

13. Ведь козёл родился из огня, из пламени,
Вдохновенный – из силы вдохновенного, прозорливец
Что по жертвованию, даровано, исполнено под «Вашат» -
Да уготовят то боги в должное время.
17. Чем увозишь ты тысячу,
Чем о Агни,- всё имущество,
Тем эту жертву нашу увези
На небо, чтоб пошла к богам.

(перевод Т.Я. Елизаренкова.)

Ведические племена Куру занимались и скотоводством и земледелием. Сеяли ячмень. Скотоводство играло чрезвычайно важную роль в экономической жизни индоарийского общества. Куру пасли коров, овец, лошадей, коз, мясо которых идёт в пищу. Безусловно, в горных условиях Загроса, где и живут курды, наибольшее распространение среди населения получило овцеводство, а не коневодство – свойственное культуре и быту древнеиранских племён, живших на огромных степных просторах, раскинувшихся от Южного Урала до Иранского нагорья на юге, Сев. Причерноморья на западе и Алтая на востоке. Касаясь именно этого вопроса О.Л.Вильчевский писал: «В этой же связи весьма существенно то, что если внизу, на равнине между горами Загроса и холмами Хемрина вплоть до сего дня располагаются гармиян «зимовки» хемавенд, племени, связанного с коневодством, а потому и не поднимающегося высоко в горы, то выше Керкука в районе, где на алтайских пастбищах преобладает отгонное овцеводство, обитает издавна курдское племя, точнее группа старых курдских мелких пастушеских племён, с характерным названием шеван – «овечьи пастухи», «пастухи мелкого рогатого скота». При этом обитают эти «пастухи» по словам А. Заки [курдский историк], в соседстве с небольшим оседлым племенем под названием шех-бызни «род козлиного старца», эпонимом этого племени является тот самый «козлийный старец», который является покровителем мелкого рогатого скота и культ которого, вполне естественно сохраняется в районе преимущественного распространения мелкого скотоводства». (см. О.Л.Вильчевский, 1961 г. стр. 100)

Курды племени шех-бызни «козлиного старца» разговаривают на диалекте курманджи и часть их, во времена правления султана Селима переселилась в центральные районы Анатолии, где обитают и поныне в местности Бай – Абад.

Эпоним шейх – бызни указывает на то, что курды этого племени в древности считали своим родоначальником некоего – Козлиного старца. Когда группа людей – род, племя считает своим родоначальником не

себе подобного человека, а некое зооморфное существо – козла, то в этом случае как об этом прекрасно осведомлены учёные – этнографы, исследователи имеют дело не с религиозно-абстрактным, а более архаичным фетишистско-оборотническим тотемным верованием народа.

Тотемическое мировосприятие человека характеризуется – образным мышлением, которое не отделяет людей от природы, идеальные представления от материальных стихий, субъекта от объекта. Образное мышление в эпоху фетишизма и оборотничества заставляло древнего человека принимать внешний мир природы за свой внутренний мир и фиксировать в первую очередь своё внимание на еде. Те формы и условия внешней природы, которые питали и насыщали древнего человека становились его родовым тотемом – прародителем.

Для ведических индо-иранских племён, ещё в доарийскую эпоху, как об этом свидетельствуют гимны «Риг-Веды», родовым тотемом было Солнце, земным воплощением которого был – Козёл. Индо-арии Куру приручили коз и овец в древности на несколько тысячелетий ранее, чем была domestирована дикая лошадь. Из этого следует вывод, подтверждаемый заговором из «Атхарваеды» о том, что первоначально и издревле «ведические» индо-арии Куру полагали – мир Природы возник в результате космической жертвы – Козла.

Атхарваведа (IX, 5) на жертвоприношение Козла.

20. Ведь это козёл выступил сюда, в самом начале. Его грудью стала эта земля, небо - спиной, воздушное пространство, -серединой, стороны света - боками, океан - животом;
21. Истина и закон – глазами, вся истина и вера – дыханием, Вираджд – головой. Ведь эта жертва безгранична, когда (приносится) козёл вместе с пятью одана.

(перевод Т.Я. Елизаренковой).

Голова – жертвенного козла названа в заговоре словом Вираджд, которое передаёт весьма древнее фетишистское понятие – представление «Сияния физического предмета», например – глаз (кошки, козы, человека). В целом, для древних индо-ариев Куру понятие Вираджд отождествлялось с – Пищей.

Зооморфизм в истории развития человеческого сознания непосредственно предшествует Антропоморфизму, и поэтому религиозно-этнические представления курдов племени «шех – бызни» о своём происхождении от – Козлиного старца, восходят к очень древней эпохе первобытной магии Атхарваеды. Жрец – тьрек и является древним тотемом – агнцем, который предстаёт внезапно перед людьми во время исполнения ритуала обхождения верующих езидов их прародителем, то есть солнцем – Вираджем. В Атхарваведе (IX; V, 20) Козёл как Тотем –

прародитель понимается не этически, а пространственно: «Его грудь стала эта земля, небо – спиной, воздушное пространство – серединой, стороны света – боками, океан – животом», а голова объявлена – Вираджем – «Сияньем», то есть Солнцем. Следовательно, когда курдский жрец – тюрк, накинув шкуру козла, обходит по кругу толпу езидов, то здесь священнослужитель чертит в пространстве – дара модель Вселенной, а его голова символизирует Солнце, которое для древних индоариев умирало вечером и рождалось заново утром. Касаясь этого вопроса применительно к более позднему, уже античному мировосприятию Солнца греками А.Ф. Лосев писал: «Так, насколько можно судить по массе текстов, солнце вначале просто отождествлялось с днём, что как раз и соответствует непосредственному ощущению. Нет единого и определённого солнца, но солнц столько, сколько и дней, т.е. бесконечное количество. Примитивное сознание именно каждый день воспринимает солнце заново и ещё не в силах произвести такого обобщения, чтобы при всех различиях каждодневного непосредственного ощущения мыслилось всегда одно и то же солнце. Ещё Гераклит (в Rg. 6) утверждает, что «не только ежедневно новое солнце, но солнце постоянно, непрерывно обновляется» [...]. По сообщению Макробия (Sat I, 15,14), «критяне называют день Зевсом», так что не удивительно, что Варрон (tertull.Apol. 14; Ad nat I, 10) говорил о «трёхстах безголовых Юпитерах» под каковыми вероятно, нужно понимать 300 дней при десятимесячном годе. Пиндар (Ol.XIII, 37 и сл.) вместо того, чтобы сказать «в течении одного дня», говорит «в течении одного солнца». (см. А.Ф. Лосев. «Античная мифология» стр. 54-55)

Солнце, как считали в древности индо-германские племена, рождаясь утром, умирает вечером. Каждый календарный год имеет своё утро-рождение и свой вечер-смерть, под которыми безусловно понимается увеличение долготы светового дня: весной – летом и его сокращение: осенью – зимой. Поскольку, как мы выяснили – Солнце отождествлялось со Световым Днём: Дием – Дьяусом – Зевсом, то и сокращение светлого времени суток воспринималось как смерть лучезарного божества, воплощённого в тотеме, и наоборот, увеличение долготы Дня, воспринималось как рождение божества.

В отличие от «современного» человека «умеющего обобщать», древний человек полагал, что старый День – Солнце умирал, [что на самом деле верно по отношению ко вчерашнему дню как видимым событиям], а новый День – Солнце, новые невиданные события рождаются с наступающим утром.

Современный человек [это тот, кто умеет обобщать!] додумался благодаря своему абстрактному мышлению до того, что отделил Субъект – Солнце от Объекта – Дня, как будто в Природе день может возникнуть без Солнца. Древние люди эпохи фетишизма вполне правильно

отождествляли Солнце и День, поскольку новый день порождал новые – ещё не существовавшие события в жизни.

Жрец – тюрк у курдов, обходя толпу верующих езидов, нарядившись в шкуру козла, символизирует собой новое Солнце, родившееся на заре календарного года и взошедшее на небосвод взамен умершего – принесённого в жертву – старого солнца, которое в прошлом году родившись на земле в облике козла, питало и насыщало своей плотью людей.

В античной Греции у эллинов это древнее обще-индогерманское тотемическое представление полностью воплотилось, нашло своё обрядовое выражение в культе Агнца – Диониса сына Дьяуса – Зевса, иными словами в поверье о козле как о земной, временной, смертной ипостаси своего небесного отца – Солнца. Однако, сам культ агнца – Диониса пришёл на землю Эллады в VIII – VI в.в. до н.э. из Малой Азии, где и обитают курды среди которых племя «шех – бызни» ведёт своё происхождение от «Козлиного Старца». Древность и самостоятельность курдов – Шех Бызни или «Козлоподобного старца» подтверждается тем немаловажным религиозным фактом, что курды обычно потребляют в пищу мясо коз и овец и практически не едят конины. Из этого логически следует вывод о том, что далёкие предки курдов – ведические арии Куру принадлежали к тем древним индо-иранским племенам, хозяйственно-экономическая жизнь которых базировалась главным образом на выпасе мелкого рогатого скота – Пез «овец» и Бызн «коз». Следовательно, у этих индоарийских племён обряд – жертвоприношения козла – Ајamedha заменял обряд – жертвоприношения Коня – Ашvamedha, исполняемый ариями коневодами.

Жертвоприношение Ашvamedha предполагало собой для ведических индо-ариев построение через обряд в земном пространстве акта сотворения Вселенной посредством убийства бога-тотема Коня и расчленения его туши на части.

Коллективное поедание мяса и испитие сырой крови жертвы [как об этом говорится в башкурдском эпосе «Урал-батыр»] являлось для ведических индо-ариев Куру актом признания кровного родства со своим далёким предком божеством – Тотемом. Конь или Козёл, принесённый в жертву, символизировали для индо-ария Вселенную, Космос, который погибает дабы возродиться заново.

Священнослужитель – Тюрк, облачённый в шкуру Козла, был живым воплощением божества на земле, Тотемом – фетишем. Как писала, касаясь восприятия тотема древним человеком О.М. Фрейденберг: «Тотемическая образность говорит человеку о тождестве его жизни с жизнью окружающего, о тождестве его самого с видимой природой. Принимая себя за внешний мир, первобытный человек делает всё то, что этот внешний мир делает. Он повторяет его жизнь. И вот эти

повторения – прямой результат редуцирующего мышления. Оно повторяет всё, что попадает в его орбиту, потому что для него объект (мир) и субъект (человек) неразличимы. В нём творец и творимое отождествлены. (см. О.М. Фрейденберг «Введение в теорию античного фольклора» в книге «Миф и литература древности» М. 1998 г. стр. 98.)

Тождество субъекта (человека) с объектом (миром) в мировосприятии людей древней эпохи фетишизма и оборотничества было вызвано отсутствием у человека той тёмной поры опыта и чувства самостоятельной личности. Всё сознание человека в ту эпоху покрывали внешние впечатления, на которые он реагировал, опираясь на инстинкт самосохранения.

Созерцая смерть солнца на закате дня и затем рождение нового солнца на рассвете следующего дня, под которыми позднее стали пониматься осеннее и весеннее равноденствия, люди, подражая космосу, разыгрывали в своих обрядах ритуал смерти и рождения своего вождя – Солнце, у курдов – езидов тьреца, у курдов племени «шейх – бизни» их прародителя – козлоподобного старца.

Весьма примечательно, что в ритуале Ашвамедха у ведических индо-ариев Куру конь должен был пастись на свободе один год и за это время, все земли, которые конь обходил, то есть замыкал в круг, считались принадлежащим радже или брахману, совершившему обряд жертвоприношения. Конь являлся зооморфным воплощением солнца, движущегося по кругу на небосводе. Солнце, умирая, рождается вновь, чтобы принести себя в жертву этому миру. Хождение по кругу коня в ритуале Ашвамедха у ведических индоариев Куру, а затем и хождение по кругу курдского жреца – тьреца есть обрядовый мимезис заката – смерти и восхода – нового рождения солнца: Дьяуса – Зевса. Курдский священник – Тьреца как и башкордский Ишан воспроизводят своими ритуальными действиями обходя толпу верующих соплеменников по кругу восход и заход солнца, которое они сами олицетворяют, поскольку в древности, как считали индо-арии само солнце родилось из головы Пуруши, принесшего себя самого в жертву богам и ставший таким образом первым во всей вселенной – жрецом брахманом (Ишаном, тьрецом).

Лицо, производящее в обряде миметические действия, отождествляется верующими людьми с объектом действия и поскольку мы знаем суть ведийско-арийских ритуалов Ашвамедхи, а затем и Аджамедхи, заключающихся в расчленении на части живого фетиша – Первопредка,, то становится ясен смысл движений курдского тьреца., накинувшего себе на плечи шкуру козы. Здесь священник тьреца в обряде своими действиями – обход толпы по кругу, миметически изображает смерть на закате старого, принесённого в жертву солнца – козла. Фетиш, умирая вечером во тьме, как бы рождается светом на восходе и

наиболее точным и верным изображением этого акта в древней жертвенной драме было хождение жреца, изображавшего солнце по кругу. Этот обряд хождения священнослужителя по кругу, символизирующее смерть и новое рождение солнца имел чрезвычайно важное значение для ведических индоариев Куру, поскольку обосновывал «юридически» само деление общества индо-иранских племён на 4 касты – варны и объяснял, почему во главе каст стоял жрец-Солнце

Индоарии Риг-Вед	иранцы АВЕСТЫ	курды	башкурды
1. Брахман	1. жрецы – пиры	1. Пир	1. Ишан
2. Раджанья	2. Царь Хшайяхшатра	2. Шейх	2. Тархан
3. Вайшья	3. земледельцы-скотоводы	3. Мьрьд	3. Батыр-Мардан (халк)
4. Шудра	4. не иранцы	4. мьртаба (филёк)	4. фэлэн-фэсмэдан (такой – сякой)

Рождение Ишана – Тьреца

День рождения нового Солнца (дня, года) все курды, иранцы отмечают 22 марта как Ноуруз «новый год». Зороастрийцы празднуют этот день как – Вхождение солнца в созвездие Овна. Курды празднуют Ноуруз как – День рождения курдского народа, что глубоко символично, учитывая тот факт, что жрецы – тьрецы у езидов надевают на себя во время исполнения обрядов шкуру козла или овцы. Все эти мифы и поверья о своём происхождении у курдов, напрямую связанные с календарным циклом года – астрономическим восходом солнца, сохранили в себе архаичные фетишистско – тотемные зооморфные представления индо-иранских племён о тождестве жизни людей с жизнью космоса, о том, что рождение связано со смертью и страданиями.

Для древних иранцев и индо-ариев козёл и баран являлись воплощением солнца и его благодати, Харизмы – Хварны (древнеиран.). В подражание солнцу на небе, которое, жертвуя собой, по мысли индо-ариев Куру, - рассекает себя на множество лучей, которые, достигая земной сферы, питают всю природу, в среде ведических индо-иранских племён в древности, постепенно сложился и затем возник обряд – расчленения на множество частей туши барана или козла, почитаемого людьми хтонической ипостасью солнечного божества. Убийство козла, затем расчленение его туши с пожеланием его воскресения прекрасно описаны в Атхарваведе.

Атхарваведа (IX, 5)
на жертвоприношение Козла.

4. Разрежь тёмным (металлом) эту шкуру, о заклатель,
Ножом – сустав за суставом! Не замышляй против (него)!
Не будь враждебен (к нему)! Приготовь его член за членом!
Разложи его на небосводе!

(перевод Т.Я. Елизаренковой).

За убийством козла, живого двойника Солнца на земле у ведических индо-ариев, а также, судя по скандинавскому мифу, и у древних германцев немедленно следовало исполнение особого магического обряда, направленного на скорейшее рождение нового, молодого козла – Солнца.

Атхарваведа (IX, 5)

23. Да не расколется он его кости!
Да не высосет костный мозг!
Сложив всего его вместе,
Да отправит он то и другое (на высшее небо)!
24. То и другое поистине становится его формой
Для этого его складывают.
Подкрепление, величие, силу дарует он тому,
Кто даёт козла вместе с пятью одана, излучающего
жертвенную награду.

В скандинавской мифологии бог – защитник Тор периодически убивает двух своих волшебных козлов: ест их мясо, не повреждая костей, не высасывая костный мозг и не портя их шкур. Затем Тор оживляет своих козлов в магическом обряде – собрав все их кости вместе и накиннув на собранные скелеты – шкуры принесённых ранее в жертву козлов.

Шкура (тире, башк.) как видим играла чрезвычайно важную, возможно центральную роль в магическом обряде «рождении нового Солнца – года» у древних индо-германских племён. По их поверьям – рождалось не только новое солнце – агнец, но рождалось само время, год, пространство. Это фетишистское представление о материальном облике времени достаточно наглядно показано в древневедийских заговорах на жертвоприношение Козла.

Атхарваведа (IX, 5)

31. Только (тот), кто знает время года по имени «испепеляющее» - это действительно время года по имени «испепеляющее», а именно козёл.
32. Только тот, кто знает время по имени «созидающее», [...] Это действительно время года [...], а именно козёл ...

33. Только тот, кто знает время года по имени «удерживающее», [...] Это действительно время года ..., а именно козёл [...],
34. Это действительно время года по имени «делающее набухшим», а именно козёл, [...].
35. Это действительно время года по имени «восходящее», а именно козёл [...].
36. Это действительно время года по имени «преодолевающее», а именно козёл [...].

(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Курдский священнослужитель – Тьреф, накиннув на плечи шкуру (Тире, башк.) Козла, обходя толпу езидов по кругу, символизирует собой для верующих Новое Солнце – Ноуруз (Ra «блеск», санскр.), родившееся из жертвоприношения старого солнца – года, роль которого в обряде исполнял козёл – баран хтоническая ипостась небесного божества.

Ритуал магического воскресения - через своё рождение курдского Тьрефа полностью совпадает с подобным обрядом рождения у Брахманов Индии. Как пишет Джеймс Джордж Фрэзер: «... В Древней Индии обряд вторичного рождения служил также для других, более священных целей. «Брахман - глава семьи, совершающий обычные двухнедельные жертвоприношения, на время сам становился богом. Чтобы осуществить переход от человеческого состояния к божественному, от смертного к бессмертному, ему необходимо было переродиться. Для этого его окропляли водой – символом семени. Он воображал себя зародышем, и в качестве такового его забирали в специально для этого предназначенной хижине, считавшейся материнским чревом. Под одеждой он носил пояс, а поверх него – шкуру чёрной антилопы; пояс изображал пуповину, а одежда и шкура антилопы – внутреннюю и внешнюю оболочки зародыша. Он не должен был чесать себе тело ногтями или палочкой, потому что ему, как эмбриону, такие действия могли причинить смерть. Если он в хижине передвигался, то это потому что плод шевелится в утробе матери. Если он сжимал свои руки в кулаки, то делал так потому, что неродившийся ребёнок делает то же самое. Если он перед купанием снимал шкуру чёрной антилопы, но оставался в одежде, то это объясняется тем, что ребёнок рождается с внутренней, но не с внешней оболочкой. Этими обрядами брахман, наряду с его прежним естественным и смертным телом, обретал новое, одарённое сверхчеловеческими способностями лучезарное тело. Таким образом, посредством вторичного рождения человеческая плоть подвергалась преобразению: человек становился богом. (см. «Фольклор в Ветхом завете» М. Стр. 241 – 242).

Шкура козы у Тьрефа курдов – езидов, как и шкура антилопы у брахманов Индии представляет собой символ – фетиш живой козы – Солнца. Священный Шнур – пояс индийского брахмана, называемый

Мекхала и шнур – кусты у иранцев-зороастрийцев представляет собой у курдов длинный 6-8 метров шерстяной пояс – пәшт, кямбар, который носят, обвязав вокруг поясицы все члены племени и мужчины и женщины. Для курдов именно пояс издревле служил отличительным признаком, знаком племенной принадлежности человека. Иными словами курды в эпоху господства своей древней езидской религии по поясу определяли принадлежность к одной из 4-х каст-варн любого своего соплеменника. Необходимо указать, что в башкурдском и курдском языках название пояса – кямбар совпадают. Башкурды Урала и курды Месопотамии являются прямыми потомками ведических ариев Куру, для которых Пояс – mekhala символизировал пуповину, связующий ария с солнечным божеством, как пуповина связует и питает младенца, находящегося в утробе матери. По прошествии определённого периода исторического времени родовой строй древних индо-ариев Куру стал социальной основой для сложения первых городов – государств. У дорийских эллинов кровно родственные отношения играли чрезвычайно важную роль в государственной структуре полисе.

В эту новую для родовой общины эпоху, резко меняются былые представления. Как писала О.М. Фрейденберг: «Тотем теперь представляется родоначальником и предком. Так было и раньше, но без представления о преемственности. Родоначальник и предок мыслятся лежащими где-то в далёком предшестве. Они, умершие, как прежде, но умершие «во времени» давно, в прошлом. «Старик» образ смерти, получает значение «старейшины», того кто ближе к предку. «Умершие» обитатели ареальной страны переходят как образ в «умерших родных», членов по крови одного и того же коллектива. Действительно, это новая общественная структура; группа людей, объединённых кровным родством вокруг умершего родоначальника-предка, со старейшиной – патриархом во главе, с «отцом» в новом значении кровного родителя. Это и тот же старый вождь, но и новый, полноправный вождь рода, pater Familias уже в новом значении «вождя» кровного как владыки, жреца и судьи. Он – Rex, что значит племенной старейшина, он и «господин», «господь», «владыка жизни»: в данную эпоху он происходит уже не от тотема, а от «бога» и сам есть «бог» и «родоначальник». [...].

«...Родовые «цари» выбирались на год, потому что сами инкарнировали собой круговой «год», годовой круг солнца; а «выборы» в том и состояли, что царя ежегодно убивали, старого, как форму старого года и «выбирали» нового – новый, молодой год (в античных языках «новый» и «молодой» передаются одним и тем же словом)». (см. О.М. Фрейденберг, указ. соч. стр. 107)

В башкурдском языке слово «молодой» этимологически точно соответствует английскому – young «молодой», тогда как английское – new «новый» совпадает с курдским – ну «новый». Действительно, все те

грандиозные изменения, которые претерпело древнее фетишистское мышление индо-германских народов на своём пути от родового сообщества к юридическому, социально-правовому государству, о чём писала О.М. Фрейденберг, сохранились и продолжают удивительным образом сосуществовать в нравах и обычаях курдов.

Как писали различные исследователи Курдистана курды г. Соуджбулака в Западном Иране издревле справляют свой весенний религиозно-карнавальный праздник – Избрания нового эмира «Мир Мирен». Вполне закономерно, при знании древних обрядов ведических индоариев Куру, что дата ежегодного празднества «Избрания эмира» у курдов совпадает с датой Ноуруза, то есть когда по древнеиранским представлениям Солнце входит (рождается) в Созвездии Овна.

В дни проведения у курдов племени Мукри празднества «Мир-Мирен» население города Соуджбулака избирает на 3 дня ложного эмира, который вершит все дела области, тогда как настоящего эмира – правителя смещают с его законного государственного поста. Затем, истинный эмир, пройдя ряд карнавальных унижений по прошествии 3-х дней и ночей снова восстанавливается в своих юридических правах. Весь этот обряд смещение старого эмира и избрание нового у курдов Мукри является пережитком древнего сакрального ритуала – убийство старого вождя- тотема, антропоморфной ипостаси Солнца и избрание через прохождение спортивных состязаний нового вождя – солнца.

Подобный обряд существовал и у жителей древнего Вавилона, который справлялся в день Нового года – Загмук (март – апрель). Однако, учитывая проникновение в Месопотамию митаннийских ариев Куру уже в 18 в до н.э. ни о каком влиянии Вавилона на возникновение праздника Мир – Мирен у курдов не может быть и речи, скорее наоборот. Тем более, что кутии древние местные автохтонные племена горцев – овцеводов Загрота, так же признаются учёными как архаичные предки курдов.

Таким образом, у курдов Месопотамии сохранились два древних обряда – Избрание эмира всего мира «Мир-Мирен» и обход Тьрегом по кругу толпы езидов, которые символизируют рождение Нового солнца, но восходят к разным историческим эпохам.

**Ведийско-арийские истоки обряда ряжения Сатиром – Козлом актёров в древнегреческих трагедиях Диониса – Вакха.
Жертвоприношение Дакши.**

У курдов Месопотамии и Передней Азии, во время праздника Хьдър – Наби, известный и у башкурдов Урала как Хызыр Ильяс, который отмечается ранней весной, в первых числах марта по улицам сёл и деревень по народному обычаю ходят от дома к дому ряженные подростки и выпрашивают подарки.

Сам образ Хьдър – Наби, как у курдов, так и у башкурдов Урала имеет много общего с более древним зооморфным божеством Пушаном у ведических индо-ариев Куру. Так, у курдов и башкурдов Хьдър – наби (Хызыр) почитается – Хранителем путников в дороге, тогда как Пушан воспевался как – Охранитель пути, Охранитель дорог, спаситель от ложных путей. У курдов и башкурдов Хьдър – Наби является – Покровителем влюблённых, тогда как у ведических ариев куру бог Пушан почитался богом Плодородия, сексуальной силы. Обряд хождения по улицам ряженных подростков и юношей у курдов в дни празднования Хьдър – Наби имеет свою древнюю историю и также восходит к традициям ариев «Риг-Веды».

Божество индо-ариев Дакши «ловкий», имя которого этимологически можно возвести к курдско-башкордскому - Тәкә «козёл – вожак» (у башкордов: Тәкә, всё таки – баран – вожак), несколько раз называется в «Риг – Веде» отцом Богов.

Риг – Веда (VI, 50)

2. О Сурья, прекрасно блистающих «имеющих Дакшу отцом»
Богов пригласи, [...],
Дважды рождённых, (тех), что почитают закон, истинных.
(VIII, 63)
10. Жажда помощи создавая это
Благодаря вам мы хотим иметь
Дакшу отцом для усиления Марутов [боги – бури, дождя]
(перевод Т.Я. Елизаренковой)

Козлоподобность Отца богов раскрывается в мифе, по которому глава марутов бог Рудра не был приглашён на первое торжественное жертвоприношение богов, устроенное Дакши на горе Химаван. Рудра внезапно появился в середине ритуала и в ярости пронзил стрелой лежащую на алтаре жертву, которая превратилась в живую антилопу – марал (курдск.) и вознесся на небо, стала созвездием Мригаширша «голова антилопы». Затем Рудра, вне себя от гнева напал на богов Адитьев детей Дакши и стал наносить им физические увечья. Самому Дакши бог Рудра в бешенстве сносит голову. После того, как боги

адити взмолились к Рудре о пощаде, он прекратил их побоище и излечил им раны. Но, когда битва закончилась, боги не смогли найти голову Дакши и тогда Рудра приставил к его телу голову Козла. С той поры – поры первого жертвоприношения – Дакши «Отец богов» носит на плечах голову Козла - Тәкә.

Ведическое божество бури и грозы Рудра, является как бы предшественником Шивы, имя которого в курдском означает –Шьв «посох». Действительно, по представлениям индуистов и в иконографии Шива всегда имеет Посох. У башкурдов Урала – посох клятвы и спора носит имя - Шиббага. По всей видимости курдско-башкордское слово Шив «палка – посох» сменило со временем более древнее индо-германское имя божества– Рудра, что было связано с неким политическим и социально-экономическим усилением роли и влияния рода Куру среди индо-иранских племён в I тыс. до н.э. Бог Рудра и Шива являются божествами покровителями сексуальной силы мужчин и плодородия у женщин в Современной Индии, тогда как у башкордов Хызыр Ильяс, у курдов Хьдър – Наби является – покровителем всех влюблённых, праздник которого отмечался у башкордов Зауралья в начале марта. К этому торжественному дню Хьзыр Ильаса все башкордские женщины готовились очень тщательно, для чего всю зиму вязали из пуха, состриженного с коз, осенью – пуховый платок (Хьрка, курдск.). Именно этот платок – шәл, якобы похищенный у девушек и надевали на себя башкордские юноши и ходили ряженными по своим деревням. Именно этот, связанный из козьей шерсти (Хьрка, курдск.) и Пуха (йен, башк.) платок – шәл, который надевали себе на голову и накидывали на плечи башкордские юноши и является первой сценической одеждой актёров – сатиров у дорийских эллинов – аланов.

Ношение ритуального фаллуса у башкордов Урала зафиксировано в X веке Ибн Фадланом, тогда как у индусов до сего дня отличительной чертой приверженцев бога Шивы является маленький фалл, подвешенный за шнур на шее. У древних эллинов во время празднования Великих Дионисий в марте каждого года огромный деревянный фалл несли во главе процессии Сатиров позади ритуального Козла.

**Оргиастические – обрядовые песни
башкурдской и курдской молодёжи в древности,
в дни празднования покровителя влюблённых
Хызыр – Ильяса (Хьдър-Наби: шейх - Бъзни)**

Шәл бәйләнем (связала я шаль)

башкордский текст

русский текст.

Шәл бәйләнем, Шәл бәйләнем,

Связала я шаль,

Шәл бәйләнем, Шәл бәйләнем,

Связала я шаль

Шәлем туңәрәк тугел дә

Да шаль моя не круглая

Шәлем туңәрәк тугел

Да шаль моя не круглая

Әннә - гизер, әннә - гизер

генәйем дә

Осоп барын хойләшергә,

Полетела бы поговорить,

Осоп барын хойләшергә,

Полетела бы поговорить

Йәнем кубәләк тугел дә

Да Душа моя не мотылёк (бабочка)

Йәнем кубәләк тугел.

Да Душа моя не бабочка

Кара бәрәс тиреһе лә,

Шкура чёрного барашка

Кара бәрәс тиреһе лә,

Шкура чёрного барашка

Кама булыр тиһеңме лә

Будет ли как выдра

Кама булыр тиһеңме ?

Станет ли как выдра?

һикереп тошоп бейегәндән

Если пойду я плясать

һикереп тошоп бейегәндән

Если пойду плясать в припрыжку

Ясык булыр тиһеңме лә

Думаешь будет грех?

Ясык булыр тиһеңме?

Думаешь будет грех.

Мех выдры очень ценился у башкурдов, тогда как у древних иранцев богиня плодородия Ардвисура – Анахита, часто в «Гатах» описывается как стоящая в - «меховых одеждах».

**Селтәр элдем ситәнгә.
(Повесила кружева на плетень)**

башкордский текст

русский текст

Яңгыз:

Одна:

Ал альяпкыс селтә

Белый фартук с кружевами,

Илдә матур бөтөрмо?

В стране переведутся красивые?

Илдә матурзар бөтөрмо,

В стране переведутся ли красивые,

Йән хойгәнгә етерме?

Но не дойти им до любимых.

Кушымта:

Припев:

Кыззар: Селтәр элдем ситәнгә, Девушки: Повесила кружева на плетень,

Елбер – елбер итергә;

Чтоб развеяться на ветру;

Егеттәр: Без килмәнек буш китергә, Парни: Мы пришли, чтоб не уйти с

пустыми руками

Килдек алып китергә.

Пришли забрать с собой.

Кыззар: Алын алырһығызмы, Девушки: Заберёте ли красавицу-алуую

Гөлөн алырһығызмы?

Цветочек ли заберёте?

Урталарга сыгын һайлан

Выйдя на середину

Кемде алырһығыз һуң?

Кого же выберете?

Кушымта:

Припев:

Егеттәр: Алдарын да алырбыз,

Парни: И алых мы заберём,

Голдәрен дә алырбыз;

И цветы мы заберём;

Кунелебезгә кем окшаһа,

Кто придёт нам по душе,

Шуны һайлап алырбыз.

Того и выберем.

Яньгыз: Эй дуҫтарым, дуҫтарым,

Один: Эй дружочки, друзья,

Дуҫтарым, бәгерзәрем,

Друзья, любимые.

Йәш гумерзәр ике килмәй,

Молодые годы не

приходят дважды,

Белегез кәзәрзәрен.

Берегите, знайте им цену.

Кушымта:

Припев:

Кыззар: Селтәр элдем ситәнгә;

Девушки: Повесила кружево на плетень,

Елбер – елбер итергә;

Чтоб развеяться на ветру.

Егеттәр: Без килмәnek буш китергә Парни: Мы пришли, чтоб не уйти с
пустыми руками
Килдек алып китергә. Пришли забрать с собой

Кыззәр: Ак альяпкыс билдәрзә, Девушки: Белый фартук на талии,
Елберләмәй елдәрзә. Не развеивается на ветру.
Һандугастар за һайрамай И соловьи не поют
Һез булмаган ерзәрзә Где вас нет.

Кушымта: Припев:

Кыззәр: Селтәр элдем ситәнгә, Девушки: Повесила кружево на плетень
Елбер – елбер итергә Чтоб развеиваться на ветру

Егеттәр: Без килмәnek буш китергә Парни: Мы пришли, чтоб не уйти с
пустыми руками
Килдек алып китергә. Пришли забрать с собой

Кыззәр: Улай за бергә - бергә, Девушки: И так мы все вместе,
Былай за бергә - бергә; И сяк мы все вместе;

Егеттәр: Парни:

Дуҫтар менән бергә булһаң, Будешь вместе с друзьями
Кугәрсен кеуек горлә. Воркуй как голуби.

Кушымта: Барыһы ла: Припев: Все вместе:

Алдарын да алырбыз, И алых мы заберём,
Голдәрен дә алырбыз; И цветы мы заберём;
Кунелебезгә кем окшаһа, Кто придёт нам по душе,
Шуны һайлап алырбыз. Того и выберем.

Эта башкордская песня достаточно хорошо демонстрирует нам самую структуру становления в древности сценического, драматического искусства у индо-германских народов.

Во - первых, башкордская песня исполняется хором на весеннем празднестве. Дифирамб (дәф и рьм) был хоровой песнью в честь Диониса. В башкордской песне есть – Запевала хора, тогда как, прежде всего уже Аристотель говорил о происхождении греческой трагедии «от запевала дифирамба».

Во - вторых, тот же Аристотель говорит о происхождении трагедии из игры сатиров, поскольку сам Дионис изображался в виде козла и в жертву ему приносились козлы.

В башкордских песнях постоянно упоминается о такой важной детали из одежды сатиров как – шкура агнца – барашка. Башкордская песня сопровождала обрядовую игру, при этом исполнение песни и пляски имело магическое значение воздействия на природу. Поскольку в обряде принимает участие вся община, то и любая песня исполняется коллективно и становится – хором. Древнегреческий обрядовый хор обычно состоял из лиц одного пола и возраста, что в свою очередь отражало половое разделение общества; хоры девушек – женщин и юношей – мужчин участвовали в обрядах как самостоятельные группы артистов, обязательно вступавшие между собой в шутовские словесные перебранки – состязания «Агон» - Азгын.

Структура и цели башкордского хора, как мы можем наблюдать в песне «Повесила кружева на плетень» те же самые, что были у древнегреческого. Запевала задавал ритм пения всему хору, ударяя при этом пальцами или ножом, которым режут барашка по подносу для жертвенного мяса.

Затем выступала женская часть или женский хор девушек, своим пением заигрывая и подзадоривая мужскую половину участников весеннего обряда. На их условный вызов отвечал пением мужской хор, вступая этим в сценическую словесную перебранку, совершая тем самым некий прообраз театрального действия.

Разгульный характер этой башкордской обрядовой песни символически изображает – победу светлых сил жизни небесного божества над темными силами смерти природы. Смех, перебранка казались людям магическим средством, способным помочь человеку одержать победу весны и жизни над зимой - смертью.

Башкордские обрядовые песни, по своей структуре и идеологическому предназначению – удивительно точно соответствуют структуре построения древнегреческой народной обрядовой игре, что в свою очередь свидетельствует о несомненном их родстве и едином ведийско-дорийском источнике возникновения.

Именно народные обрядовые песни и пляски весенних празднеств в честь бога плодородия Диониса стали той культурой, основой из которой и возникла классическая драма в Древней Греции. Трагедия произошла из поочередного пения Запевал и Хора: запевала постепенно превращался в актёра (трагика – сатира), а Хор стал обрамлением спектакля – действия (драмы). Вся эволюция Драмы была вызвана падением роли и значения хора и наоборот возвышения в действии спектакля запевалы – актёра. Элементы всей Драмы прекрасно представлены в башкордских обрядовых песнях.

**Хоровая народная драма.
Кара – каршы өйтешеу.
(Озорная перебранка)**

Башкордский текст

Егеттәр:
най, кыззары, кыззары,
Янып тора куззәре,
Кыззарына һуз өйтмәгез
Уңгандар бит уззәре.
Алып алайык микән,
Гөлөн алайык микән?
Барыһы ла уңған икән,
Кайһын алайык икән?

Кыззар:

Егеттәре килгәндәр,
Ишек асып ингәндәр
Беззең уйынга сыкканды
әллә кайзан белгәндәр.
Алын алырһығызмы,
Гөлөн алырһығызмы?
Без барырға каршы түгел,
һайлап алырһығызмы?
Егеттәр:
Кыззары уңған икән,
Эштәре уңдан икән,
әллә касан өйтмәгәнмен -
Исәбе булған икән.
Алдарын да алырбыз,
Голдәрен дә алырбыз,
Арала кайһы йәнгә окшай,

Русский текст

Парни:

Эй, девушки, девушки,
Горят их глаза,
Не говорите против них слово
Проворны в работе сами они.
Взять ли аленьких,
Взять ли как цветочки?
Все они проворны в работе,
Кого же взять из них?

Девушки:

Пришли эти парни,
Сами открыли двери
О том, что мы вышли на игрища
Откуда только узнали
Возьмете ли аленьких
Возьмете ли как цветочки?
Мы-то идти не против,
Кого же выберете вы?
Парни :
Девушки эти проворны,
Работа их спорится,
Давно надо было сказать
Возьмём и аленьких,
Возьмём и как цветочек,
Кто средь них придёт по душе,

Шуныһын һайлап алырбыз

Кыззар:

Егеттәр килгән икән,
Хөрмәткә менгән икән.
Исемдәрен язып куйып,
Тактаға элгән икән.
Алын алайык микән?
Гөлөн алайык микән?
Уңған егеттәр сақыра,
әллә барайык микән?

Ту и выберем.

Девушки:

Пришли, оказывается, парни
Достигли, оказывается, почёта,
Написав их имена.
Повесили на доску
Взять ли аленьких?
Взять ли как цветочек?
Приглашают проворные парни,
Или уже пойти с ними?

Ете егет.

(Семеро джигитов – Семь звезд на небе в ковше Большой медведицы)

Башкордский текст

- Ете егет кунак килгән,
Еңгәм, нихәл итәбез?
- Сонтор койрок кара кәзә
һуйып кунак итәбез.
- Ете егет куна һалһа,
Ул сак нихәл итәбез?
- Кейез тушәп, юрган ябып,
Шулай кунак итәрбез
- Кисеп кәзә һуйыу булмай,
Инде нихәл итәрбез?
- Сәй хереп, икмәк менән
Бик шәп кунак итәрбез
- Сәйе лә юк, икмәк лә,
Нисек кунак итәбез?

Русский текст.

- Семеро парней в чести пришли
Невестка (сноха), что делать?
- Чёрного козлёнка с лошадиным
хвостом
Зарежем и будем угощать.
- Семеро парней если останутся
ночевать,
Что тогда будем делать?
- Войлок постелив, укрыв одеялом,
Так и будем угощать.
- Вечером козу не режут,
Теперь что будем делать?
- Чаем напоим с хлебом
Отлично угощать будем
- Нет ни чая. Ни хлеба,
Как же потчевать, угощать?

- Коләс булып, уйнап йырлап , - Будем улыбчивы, играть и петь,
Бейеп хормәт итәбөз. Танцами оказывать почёт.

*Примечание. «Сонтор койрок» - хвост лошади, обрезанный до колен.
(см. Башкирско-русский словарь М.1958 г. стр 335.)*

Это определение обрядовой овцы как обладающей лошадиным хвостом напрямую соединяет башкурдский весенний ритуал с древнегреческими трагедиями и комедиями, участники которых, изображая демонов плодородия из свиты Диониса, рядились в сатиров и силенов, чьи сценические маски содержали наряду с лошадиными чертами (грива – хвост), также и козлиные – бородку и козью шкуру.

Голнәзирә.

Башкурдский текст.

Русский текст.

Куршебөзгә кунак килгән,	К Соседям гости приехали,
Инде нихәл итәйек?	Что нам теперь делать?
Тукмак койрок кара бәрәс	Хвост колотушкой чёрного ягнёнка
һуйып куңақ итәйек.	Зарежем, будем угощать
Кушымта:	Припев:
Ай, эйелмәй, боголмәй,	Ай, не гнётся не сгибается
Матур баҫа терелме,	Красиво наступает ли,
Матур баҫып бейегәндә,	Своим красивым танцем
Куңел аса тугелме,	Душу раскрывает
Матур баҫып бейегәндә,	Своим красивым танцем
Куңел аса тугелме,	Душу раскрывает

В этой обрядовой песне снова упоминается жертвенный барашек, символ плодородия и воскресения природы после зимы.

В могильнике Синташта на Южном Урале найдены многочисленные костяки баранов, погребённых после жертвоприношения вместе с умершими из числа индо ариев Куру, обитавших на Южном Урале во II тыс. до н.э.

Әсәй, башым бик ауырта.

Башкурдский текст.

Русский текст.

Кыз: Әсәй, башым бик ауырта ла...	Дочь: Мама, ой, головушка болит...
Әсәһе: Әу, балам, ни булды, ни булды?	Мать: Да, дитя моё, что с тобой, что?
Бына, бирермен көтөусегә,	Вот, отдам за пастуха,
Көн дә көтөу көтөрһөң.	Будешь стадо пасти каждый день
Кыз: Улай тимәймен,	Дочь: Так не поступлю,
Көтөусенең камсыһы озон,	У пастуха длинный кнут,
Әсәй, уны һоймәймен.	Мама, его не люблю
Кыз: Әсәй, башым бик ауырта ла	Дочь: Мама, ой, головушка болит
Әсәһе: Әу, балам, ни булды, һуң?	Мать: Дитя моё, что с тобой, что?
Бына, бирермен ураксыйга,	Вот отдам жнецу-земледельцу,
Көн дә урақ урырһың.	Будешь каждый день жать рожь да пшеницу
Кыз: Улай тимәймен,	Дочь: Так не поступлю,
Урақ урып бил ауырта,	На жатве спину ломит,
Әсәй, уны һоймәймен.	Мама, его не люблю
Кыз: Әсәй, башым бик ауырта ла...	Дочь: Мама, ой, головушка болит...
Әсәһе: Әу, балам, ни булды, һуң?	Мать: Да, дитя что с тобой, что?
Бына, бирермен курайсыга,	Вот отдам за кураиста,
Уйнап – колоп йәшәрһең!	Будешь жить смеясь и припеваючи!
Кыз: Курайсыга барам мин,	Дочь: Пойду я за кураиста,
Курайсының көйө матур,	У кураиста мелодия прекрасна,
Әсәй, уны һойәм мин, ...	Мама, его люблю я,
һойәм мин,	люблю.

Ау – Аулак «Охота за женихом».

Обрядовые оргиастические песни в древности исполнялись башкордскими девушками непосредственно начиная с женского праздника Карга – туй, отмечаемого в марте – апреле вплоть до следующего главного праздника в ритуалах башкордов Урала Хабандтуя, справляемого в конце мая – начале июня. По всей видимости обучение молодых девушек – девственниц этим оргиастическим песням проводилось пожилыми женщинами на празднике Карга- туй, который, как мы уже указывали выше, справлялся отдельно от мужской половины древнебашкордского общества - ОбЭ. Оргиастические песни башкордские девушки и не рожавшие женщины распевали перед юношами и молодыми мужчинами на вечерних посиделках в доме из которого предварительно, как бы случайно, уходили родители и старшие члены семьи. Подобные посиделки молодёжи по ночам назывались – Аулак «Загон» от термина Ау «охота», «загон зверя в кольцо», «ловля сетью, силком». Само название вечерних посиделок – Аулак «загон» свидетельствует о том, что у предков башкурдов сако-массагетов, скифов, сарматов, савроматов, ведических индо ариев Куру поиск жениха девушкой уподоблялся охоте на зверя. Для этого молодые девушки – девственницы проводили ритуальные, атлетические приготовления и состязания в беге, прыжках в длину, метание копыя во время женского праздника Карга-Туй. Геродот (История IV, 110 – 116) описал как савроматские женщины захватили себе скифских женихов в битве как в охоте на зверя.

Оргиастический гимн богине Аши в Авесте.

С упоминанием барана-самца

44. Когда молился Аши
Спитама – Заратуштра
на Арианам – Вэджа (*Ирандэк-Аркаим*)
у Датии реки (*река Яик-Урал*)
55. Вот так сказала Аши:
И скрылась я под шеей
того самца – барана;
Что кроет сто овец;
Меня опять раскрыли
Незрелые подростки
И юные девицы
Незнавшие мужей
(*перевод И.М. Стеблин-Каменского*)

Курдские обрядовые песни девушек и женщин весной, в день покровителя влюбленных Хьдър-Наби.

êlkê Şemo (Алке Шамо)

Курдский текст.

Русский текст.

1. êlkê Şemo werxa vîne, werxa vîne, 1. Алке Шамо, пригони ягнят, пригони
Werxa vîne, werxa vîne, Пригони ягнят, пригони ягнят,
Kuîê arê min werxa vîne, Двоюродный брат мой, пригони ягнят,
Kulêv dayne, min viîevîne, Сбрось кулав, похить меня,
êlê dayê, kevir derdê dil nebîne. О, матушка, пусть камень не изведает
сердечных мук
2. Ezê dîna xwe didim êlkê Şemo; 2. Смотрю я на Алке Шамо,
Kesekê forma êlkê Şemo Ни у кого в мире нет стана, как у Алке Шамо
Darê dinyêda wê'unîne, Пригони ягнят, Алке Шамо,
êlkê Şemo werxa vîne О, матушка, пусть камень не изведает
êlê dayê, kevir derdê dil nebîne сердечных мук!
3. Wî dilê min, dilê karê, 3. О, моё сердце – сердце козочки!
êlkê Şemo werx berdane Алке Шамо выпустил ягнят
Mêrga □eşîş, zavva ketê, На луг священника, на гороховое поле,
Binya darê, К подножию дерева.
êlê dayê, kevir derdê dil nebîne О, матушка, пусть камень не изведает
сердечных мук
4. Dua bike ji xwedê, 4. Клянусь Богом,
Bira her hêft bra qîf bin, Если даже погибнут семь [моих] братьев,
Ez êlkê xwenê bikin Мы с Алке
Kar û barê def dêwatê Приготовимся к свадьбе –
Û dezgîndarê. Обручению.

В этой старой курдской обрядовой песне девушек даётся метафорическое описание конца старого и наступления нового года – Навруза. Имя мужчины Алко Шамо в песне соответствует слову Шамс «солнце» в курдском языке, а слово Алко производное от – ал «красный». Семь братьев, стерегущих девушку означают семь звёзд в Большом Ковше из созвездия Большой Медведицы, которые господствуют в ночном небе зимой из-за календарного сокращения светового дня. Смерть семерых братьев, о которой говорит девушка в своей песне означает день весеннего равноденствия 22 марта, когда

солнце – Шамс восходит и занимает главенствующее место на небосводе. Солнце – Шамс освещает землю большую часть суточного времени и своими сияющими лучами пронзает как стрелами ночное небо и убивает семерых братьев – Ковш Большой Медведицы, которые держат в плену свою сестрицу землю. Курдское имя Шамо «Солнце» восходит к древнему хуррито-матиеенскому имени божества солнца – Шемиг известного в Месопотамии с III тыс. до н.э. Мифические представления в курдском фольклоре о семи звёздах Большой Медведицы как о 7 братьях восходит к ведийской традиции индо ариев Куру, для которых 7 сияющих звёзд в Ковше Большой Медведицы были воплощением семи риши создателей священных гимнов Риг – Вед, один из которых – Агастья, повторил – испив воду подземного моря – подвиг башкурдского Урал – батыра.

Haylo delal
О, любимый!

<i>Курдский текст</i>	<i>Русский текст</i>
1. Haylo delal, haylo delal, Îşev şeve, şeva mine, Tu goşe oxanê hilde, ez bê m bine, Sivê êqîn zanbe:- Yan girtine, yan kuştine, Yan ferwara serê mine.	1. О милый, о любимый! Эта ночь – моя ночь, Приподними край одеяла, - я лягу под него [Но] знай, утром непременно, Или схватят, или убьют, Или же беда мне.
2. Haylo delal, haylo Şênî, Devra nesekine, were xênî, Kê ditirsî, kê newêrî? Sîngêmin ji tefa sivre sinî, Zermemikê mine tofîneî, Şevê şevê payza ji xwefa bike şevbihêrî.	2. О любимый, о Шени! Не стой за дверь, иди в дом, Кого ты боишься, кого опасаться? Моя грудь для тебя – поднос с яствами, Мои молодые, цвета апельсина груди, В одну из осенних ночей сделай для себя ночлегом.
3. Haylo delal, haylo Şênî, Îşev şeve, şeve îîê Destekî sarî hatiye nava sîng û vekê min xanimê, Wekî sivê dê û bavê min ji min pirsîn, Ezê bêjim, ew pişik bû banzda ser kûlnê.	3. О любимый, о Шени! В эту ночь – ночь на пятницу Чья-то холодная рука легла мне на грудь, Если утром родители спросят меня, Скажу: «То кошка прыгнула в кулин».
4. Haylo delal, haylo Şênî,	4. О любимый, о Шени!

Baran barî ji xudêda, Sêlav rabû devê rêda, Bila xudê mirazê miraxweza bikira,	Дождь полил по Божьей [воле], У края дороги поток побежал, Исполнил бы Бог желания, стремящихся к счастью,
Paşê mirazê min, mirazê keleşê min wê di mala bavêda	А затем в отцовском доме - моё желание и желание моего любимого!

(Песни взяты из книги «Курдская народная лирика» М. 2002 г. стр. 40-42
Авторы составители К.Курдоев, Ж.С.Мусаэлян)

Her Nazê **Курдская песня.**

<i>Курдский текст</i>	<i>Русский текст</i>
Her Nazê, Nazê bi, Nazê, lê, Nazê, lê, Nazê, Naza min.	Ой, Назе, Назе, Назе, ле, Назе, ле, Назе, Назе моя.
Sê ç'îya li Antok'ê dirêjin, lê, Nazê, lê, Nazê, Naza min.	В Антоке три высоких горы, ле, Назе, ле, Назе, Назе моя.
Sê ç'îya li wêranê dirêjin, lê,	В проклятом [Антоке] три высокие горы, ле,
Te biç'ûkê, gerdên gazê.	Ты малышка длинношея.
Şiş mengene davêjin, lê, Nazê, lê, Nazê, Naza min.	Шиш – мянгана бросают, ле, Назе, ле, Назе, Назе моя.
Zozanê zerîya jimêjin, lê,	Кочевья красавицами издревле славятся, ле,
Te biç'ûkê, gerdên gazê.	Ты малышка длинношея.
Cîka dayne em t'ev Razen, le, Nazê, lê, Nazê, Naza min.	Приготовь нам ложе, ле, Назе, ле, Назе, Назе моя.

*Одичание как снисхождение Святого Духа
Архитектурное построение мифа
во времени и пространстве – дара.*

Наза.

Башкурдская песня.

Башкурдский текст.

Русский текст.

Урал таузары бейек тә,
Мендем ак кулдәк кейеп.
Ауылдарза без эшләйбез
Игенде урып – игеп.
Кушымта:
Наза, Наза,
Наза уңган кыз бала,
Наза укый, Наза эшләй,
Наза һәр вакыт алдан бара
Кушымта:
Бейек таузың баштарында
Ал сәскә ата сейә
һин, дуҫкайым, биг(е) рәк матур,
Көн дә һине курәһем килә.

Высоки уральские горы,
Поднялась, надев белое платье.
В деревнях работае мы
Убираем пшеницу.
Припев:
Наза, Наза,
Лихая девушка Наза,
Наза учится, Наза работает,
Наза во всём впереди.
Припев:
На вершине высокой горы
Алым цветом покрылась вишня.
Ты подруга, очень красива.
Каждый день тебя видеть хочется.

Тексты курдских и башкурдских песен удивительным образом, несмотря на прошедшие тысячелетия, сохранили воспоминания о древнем ведийско-арийском поверье своих предков Куру о святости шкуры жертвенного козла закладываемого в дар Пушану-Пану в ритуале обретения нового вожда Ишана-солнца раджи, пира, (тьрека-брахмана) Ашвамедха, исполняемого каждый год весной.

Бәйан – Пеан - Бәйандара – Баядера

Этимология. В курдском языке слово Бәйан «дикий, одичалый», что соответствует башкурдскому – Вахши «дикий» «зверь» (Вахх, древнегреч.). Например, в курдском языке һәйване бәйан «дикие животные», бәйан бун «одичание».

Курдский тьреқ, накинув шкуру (тире, башк.) козы начинает ползать на четвереньках вокруг толпы езидов и блеять, подражая козлу или барану, стараясь по возможности – одичать «бәйан бун», дабы отождествлять свой образ с тем животным, которое он сам и изображает в обряде, упоминаемый Дж. Фрэзером.

Главным моментом всего ритуального действия курдского священнослужителя – Тьреқа, является то, что он выразительными мимическими движениями своего тела и голоса – Повествует верующим езидам – курдам о событиях, происходящих в Мифе. Одичание - бәйан (курдск.) становится у езидского Тьреқа пластическим средством выражения через Мимезис сокрытое словесное повествование. Слово - бәйан у башкордов Урала, как раз и означает «Повествование – рассказ» и происходит от единого корня со словами – танец «бейеу» и стих «бәйет». В курдском языке слово – байет означает «стих», тогда как в английском (индогерманском) слово того же корня – роет значит человека «сочиняющего стихи». В эпоху Риг – Вед для индо – ариев Куру поэзия как жанр носила ярко выраженный состязательно – спортивный характер, что полностью подтверждается наличием в башкордском языке слова того –же корня –бәйге «состязание».

В центре ведийско-арийского обряда рождения Нового Бога – года (нового цикла жизни) у индо-иранских племён Куру и «рождения Диониса» - неразумного, животного Диуана – вахши – Диониса, сына небесного Дьяуса у дорийских эллинов – Аланов лежал ритуал жертвоприношения козла, барана, быка, лошади, космическому закону – Рита, по которому сама Смерть и является основой зарождения Жизни.

Ашвамедха – Жертвоприношение коня, является, пожалуй, наиболее изученным из всех древних обрядов ведических индоариев. Самое первое упоминание о жертвоприношении коня восходит к гимнам «Риг-Веды» (I, 162 и 163), где даны подробные описания этого обряда. Выбранный Конь, который под охраной людей свободно пасся в течении всего года приносился в жертву. Правитель – раджа, совершивший обряд Ашвамедха

получал имя Властителя миров. Умертвив коня, его туша расчленилась по суставам, как это требовали ритуальные предписания, поскольку кости должны были быть в целостности и сохранности для последующего обряда – воскрешения. По всей видимости с этой целью, чтобы не портить шкуру, коня не резали, а душили, а затем сдирали шкуру чулком, что ещё до настоящего времени практикуется в башкордских деревнях Зауралья при снятии шкур с мелкого рогатого скота, а также у курдов, когда из шкуры козы или барана желают сделать бурдюк для молока, вина, воды, называемый – һабан..

После убийства коня у ведических индоариев Куру, а затем и у индусов, совершался оргиастический обряд зачатия нового коня – солнца. Как пишет Я. Васильков о ритуале Ашвамедха: «Через год по возвращении коня, совершалась серия обрядов, в которых центральным моментом было умерщвление коня посредством удушения; жёны царя оплакивали жертву, а главная царица ложилась рядом с убитым животным под покрывало и имитировала совокупление с ним; жрецы и женщины, участвовавшие в обряде, обменивались при этом репликами эротического содержания».(см. Словарь «Индуизм, Джайнизм, Сикхизм». М.1996 г. ст. Ашвамедха, авт. Я. Васильков стр. 70 – 71)

В этом обряде жена раджи условно превращается в кобылицу принесённого в жертву жеребца – символа старого солнца – года. Именно вот это превращение человека в животное, то есть – одичание, дикое исступление называется по курдски – Бәйан. Все ритуальные действия супруги Раджи, направленные на магически – сакральное зачатие нового солнца – коня от принесённого в жертву старого коня - солнце , происходило на возвышении у алтаря – веди в центре священного пространства – дара (курдск.). Бәйан - «одичание» было по представлениям ведических индоариев Куру нисхождением во тьму, превращение человека в дикаря – Вахши (башк.). Затем, как бы находясь в этой животной мгле, сознание человека начинало восходить вверх и впадать в блаженное безумие – Диуана «блаженный» (башк.), проясняясь светом сияющего небесного божества – отца.

В древнюю эпоху фетишизма и оборотничества, как это показали наблюдения этнографов за племенами, находящимися в наше время на мезолитическо-энеолитической стадии развития – сознание людей, ещё не умеет обобщать многие явления и мышление человека той эпохи не достигает представления о Едином боге. Поэтому, для древних индоариев Куру их вождь – Ишан, Тьреҫ.(Ишвара, Пир, Брахман) весной в обряде умирания старого солнца Дьяуса – Быка и рождения нового солнца агнца – Диониса, Диуана не изображал якобы солнце (старое и молодое), а сам почитался Солнцем, которое умирает и воскресает (В

этом и состоит причина чрезвычайно развитого у иранцев шиизма с его культом-Ишанов шейхов – старцев).

Жрец – Ишан, Тьреҫ умирал в обряде Солнцем – Отцом в шкуре жеребца (быка, оленя), а затем после жертвоприношения и магического совокупления супруги Раджи с конём под попоной – Хиркой воскресал уже в облике солнца – сына агнца в шкуре – тире (башк.) барана, козла.

Обряд умирания и воскресения состоял из мимических действий (хождение по кругу как солнце по небосводу) священнослужителя Ишана – Тьреҫа, надевавшего в начале ритуала шкуру жеребца, а в конце при воскресении солнца – шкуру ягнёнка. Тьреҫ или Ишан не имитировал смерть божества тотема, а умирал по представлениям индоариев Куру – на самом деле, а затем, пройдя стадию умопомешательства – Диуана (башк.) уже рождался другим, новым солнцем.

Это временное умопомешательство жреца, во время обряда было сценическим рубежом, до которого нисходило умирающее старое Солнце, а затем рождалось новое. Священное безумие жреца – Тьреҫа, Ишана было тем моментом обряда, в котором для людей в мимическом действии изображалось зарождение разумной жизни из состояния животного, неразумного, враждебного Хаоса природы. Безумие – Вахши, овладевавшее внезапно Тьреҫом, соответствовало, согласно фетишистским представлениям древних людей – животной стадии развития природы, неотъемлемой частью которой являлся и сам человек. В обряде жертвоприношения тотема племени (Ашвамедха, Аджамедха, Пурушамедха) у ведических индо-ариев Куру в сценическом представлении на площадке – дара у алтаря, мимическими и пластическими действиями изображался весь генезис зарождения, развития годового цикла жизни и смерти старого солнца – года, а затем и рождение нового солнца. Таким образом, обряд жертвоприношения тотема – солнца (коня, козла), как бы являлся переходом от старого года к новому. Сценическим лицом, изображавшим смерть старого тотема – солнца и рождение нового и был жрец – Тьреҫ, ишан (пир, брахман). Для ведических индо-ариев Куру было очевидным, что Новый год, новый годовой цикл не может начаться, если не окончится (не умрёт) старый год. Живой ипостасью солнца в индоарийском племени был не военный вождь, а священник Брахман, Ишан, который в обряде жертвоприношения накинув шкуру (коня, козла, барана) ходил как курдский Тьреҫ у алтаря, возле которого толпились люди, по кругу изображая смерть старого и рождение нового солнца.

Обряды, посвящённые окончанию старого годового цикла и рождению нового у всех индо-иранских племён исполнялись в строго установленный период времени, как того требовали календарные изменения в природе Брахман. Пир или Тьреҫ не могли по своему

усмотрению начать или не проводить обряд, поскольку в ту далёкую эпоху фетишизма и оборотничества человек считал себя неотъемлемой единицей природы и видя астрономические изменения на звёздном небе, периодическое чередование сезонов года, уменьшение и увеличение светового дня отвечал миметическими движениями своего тела (микрокосмоса) на движение Космоса (макромира), состоящего также из 4 первоэлементов: земля, вода, дерево, огонь.

С течением определённого отрезка исторического времени, когда мышление древнего человека от тотемно-фетишистских представлений о божестве – прародителе, умирающего каждый год вместе со всей природой, пришло к более прогрессивному новому понятию о нетленной сущности божества и бренности земного мира, то тогда у ведических индо-ариев Куру, как и у других индо-германских племён ко II тыс. до н.э. священнослужители – Брахманы, Ишаны, Тьреци, Пиры старались во время обряда вызвать на себя дух космического божества. Результатом этой жертвенно-обрядовой практики жрецов явилось возникновение многочисленных школ Йоги у ведических индоариев, где адепты через специальные психофизические упражнения стремятся стяжать Дух божества и соединиться с ним. Для этой новой эпохи перехода человеческого сознания от Тотема – фетиша к Божеству - Духу жрец – тьреци уже не умирал во время жертвенного обряда, а только изображал смерть Первопредка – Солнца. С того исторического момента, как только жрец – тьреци у ведических ариев>эллинов стал разыгрывать во время жертвоприношения на площадке – дара смерть и воскресение божества, то есть имитировать смену таких настроений и душевных состояний божества, как: страдание, мучение, страх смерти – радость, воскресения, то в культуре древних индо-германских племён сложились все необходимые природные эстетические предпосылки для возникновения обрядовой народной Драмы.

Бэйан мимическое «одичание» (курдск.) жреца – тьреца, накинувшего шкуру Тире (башкурдск.) на своё тело – повествовало Бэйан (башк.) верующим зрителям миф о жизни, смерти и воскресении Божества, которое превращалось в грандиозный всенародный спектакль под открытым небом. Изложение жрецом своих внутренних душевных видений во вне, перед зрителями телесными пластическими и мимическими средствами переродило повествовательный миф в примитивный сезонный спектакль, в котором тьреци стал актёром, а все участники обряда – зрителями. Ряженье в шкуру козла, мимические игры являлись характерной чертой обрядовой драмы Диониса у индоариев Куру, башкурдов, курдов, эллинов. При переходе от одного годового цикла к другому жрецы - тьреци с другими служителями культа Пирами, брахманами, раджами разыгрывали в обрядовой календарной драме перед

толпой соплеменников, становившихся зрителями, все страсти и мучения умирающего старого божества, а затем, муки и терзания рождения нового, юного бога – младенца.

Настроения и чувства соплеменников зрителей, созерцавших обрядовую драму, сменялись в соответствии с развитием сюжета трагедии: от скорби, при виде смерти закланного на алтарь божества и растерзания его «ещё живого» тела ножами на части при разделке туши жеребца, до безумного ликования от счастья при виде внезапно возникшего из-за пламени жертвенного костра священнослужителя – тьреца в козлиной шкуре, голосом, мимическими действиями и пластикой своего тела изображающий родившегося нового бога – солнца Диониса. Здесь, в этот момент сценическое действие всей обрядовой драмы достигало своей кульминации и вся толпа зрителей приходила в неистовое, дикое возбуждение – Вахши. В этом душевном состоянии – богоодержимости мужчины становились Вакхами – куретами, защитниками – пастухами агнца – Диониса неразумного сына Дьяуса – Зевса, тогда как женщины становились - Бэйандерами, то есть «исступленными танцовщицами» наподобие вакханок – менад у эллинов.

Бэйандара, от башкурдского «место повествования» или курдского «площадка одичания» в известном смысле соответствует древнегреческому –hippos dromos «место – пространство для бега лошадей». От этого индо-иранского слова - Бэйандара и возникло искажённое европейское – Баядера, через чередование Бэйан – Бала «ребёнок» (санскр.) Бэйандара>Баладара>Баядера «танцовщица».

Женщины – жрецы были вождями племён у предков башкурдов Урала ираноязычных сако – массагетов. Этот этнографический факт о наличии матриархальных отношений у Массагетов описал Геродот, а затем, уже в наше время подтвердили археологические раскопки могил скифо-сарматских жриц – вождей. Следовательно в древние времена у сако-массагетов Урала именно женщины – жрицы Пирьк (курдск.) в отличии от мужчин – Пиров у других индо-иранских народов исполняли жертвенный ритуал Ашвамедха и затем изображали в танце чудесное рождение Агнца Диуана – Диониса.

По всей видимости, ношение башкурдскими женщинами пуховых тканей из козьей шерсти (хъри, курдск.) по традиции восходит к обрядам скифо-сарматских жриц – Пиров, которым прислуживали мужчины. Восстановить ритуальные действия сако-массагетских женщин – жриц в обрядовой игре, посвящённой смене календарного цикла года можно, ориентируясь на подобные действия эллинических женщин – менад в древнегреческих празднествах Диониса. Этого требуют от учёных, во - первых, совпадение имён Диуана «блаженный» - Дионис и Вахши

«дикий» - Вакх в башкордском и древнегреческом языках; во - вторых, тот исторический факт, что сам культ Диониса пришёл в Элладу из Малой Азии, где живут курды- аланы; и в третьих полное совпадение древнеиранского этнонима массагетского племени – АЛАН, ЕЛАН с этнонимом и самоназванием дорийских племён – эллинов.

Известно, что у дорийских эллинов священные вакхи и вакханки во время ритуальных обрядовых празднеств Диониса, облачившись в козы и овечьи шкуры на голые тела, совершали ночью при свете горящих факелов коллективные радения, на которых разыгрывали смерть и рождение сына Дьяуса. Вакхи и вакханки в звериных шкурах, часто с рогами на голове, изображая стадо овец и стаю волков в возбуждённой пляске, доводили себя до священного безумия – Диуана (башк.), Вахши (башк.) и в исступлении - бэйан (курдск.) набрасывались и разрывали на части живого козлёнка (телёнка, ягнёнка), являвшегося в ритуале хтонической ипостасью Солнца и пожирали его сырое окровавленное мясо, причащаясь плотью и кровью родового тотема – божества.

О принесении в жертву агнца женщинами для совместной ритуальной трапезы с юношами, пришедшими в гости постоянно напоминают стихи народных башкордских песен. Разрывание живого козлёнка-бога являлось трагедией в обрядовой драме, тогда как явление жреца – тьреца в шкуре – тире (башк.) козлёнка представлялось радостным воскресением бога, превращало обряд в живую комедию. Повествование в речитативной форме объединяло трагедию и комедию в единый сценический цикл, во время представления которого участники ритуала, испытывая соперничества страстям умирающего и воскресающего божества – Диониса, имитировали - бэйан в исступлённом - бэйан танце циклические изменения неба – Дьяуса Питара.

Древний человек в эпоху фетишизма и анимизма обожествлял и персонифицировал природные стихии: Небо, Землю, Ветер, Огонь. Сокращение светового дня зимой было смертью старого неба Дьяуса и расчленения его туши в виде Быка, Жеребца во время жертвоприношения весной, в день Ноуруза (22 марта), из которого рождался новый Дьяус – Дионис. Увеличение светового дня весной воспринималось древними индо-германскими племенами как рост и возмужание Диониса, сына Дьяуса и поэтому, женщины – вакханки во время празднеств, растерзав старого бога, воплощавшего старый год, затем пестовали его, как вновь родившегося, потрясая при этом корзинкой с находящимся в ней деревянным фаллом.

Древнегреческие Вакханки (безумные, башк.) полностью соответствуют древнеиндийским – Девадаси «рабыня бога», искусной в танце, пении и музыке служительнице культа в индуистских храмах.

Девадаси как живые воплощения жен бога во время праздничных обрядов вступали в «священный брак» с брахманами и царями – раджами. Как пишет А. Дубянский: «Имея основной задачей развлечение богов, царей, придворных, брахманов, Дэвадаси оказались создательницами и хранительницами высших образцов индийского музыкально-танцевального искусства, в том числе классических стилей «бхарата – натьям» и «одисси». Профессия Дэвадаси – наследственная, но их ряды пополнялись и за счёт девочек, посвящаемых или даримых храмам и богам некоторыми индуистскими семьями.

Кое-где Дэвадаси существуют и в настоящее время, хотя их институт формально искоренён серией законодательных актов (последний относится к 1947 г.). (см. Словарь «Индуизм, Джайнизм, Сикхизм», М. 1996 г. стр. 185 – 186 ст. Дэвадаси.)

Культ безумных вакханок и танцующих в священном танце Дэвадаси зародился в глубокой древности в среде индо-германских племён из цикла жертвенных обрядов, посвящённых календарной смерти старого года и рождение нового года, вследствие чего начинается, как думали люди той эпохи фетишизма и оборотничества – увеличение светового дня. Ведические племена индо-ариев Куру пришли на территорию Сев. Индии только во II тыс. до н.э. с севера, с Южного Урала (культура Аркаима и Синташты). Равно и дорийские племена эллинов пришли на территорию Балканского полуострова с севера из степей Северного Причерноморья. Семантика таких слов как: Вакх – Вахши, Диуана – Дионис, Эллин – Алан, Куру – Курды > Башкорды ясно, чётко и весьма убедительно доказывает исконно башкурдское, уральское их происхождение и подтверждает миграцию с севера на юг в Индию и Элладу индо-германских племён Ариев – Алан – Эллинов в древности.

В дни весеннего праздника Великих Дионисий женская половина дома – Гинекий в домах эллинов становилась храмом деторождения, где супруга уподобляясь вакханке – богине вступала в священный брак со своим мужем «Господом дома». Важно указать, что у эллинов – Гинекей являлся неприкосновенной частью дома.

У курдов Месопотамии слово – Стер означает «постельные принадлежности», которые в быту как пишет Чаркази Бака: «сложенные на камнях или досках у стены в комнате или шатре напротив входа – считались у курдов священными». (см. Курдско-русский словарь М. 1957 г.) Курдское слово Стер совпадает с именем древней месопотамской богини любви и плодородия Иштар дочь бога Ану, любовь которой отверг Гильгамеш.

Иырсы – риши.

Поэтические состязания - бәйге.

В башкурдском языке слова – песня «Йыр» и певец, певица «Иырсы» тождественны и по этимологии и по семантике ведийско-арийскому слову – риши «поэт», «певец», производного имени от глагольного корня RṢ/ARṢ «устремляться», «течь», «изливать», который опять, в свою очередь соответствует башкордским однокорневым словам иреу «течь», «таять» (о снеге); ярыу «раскалывать», өрөу «дуть» йөрөу «ходить», ыргыу «прыгать» - передающие в своей семантике значение – Движение как стихии – объекта, так и человека – субъекта.

Чередование согласных S>Ṣ>S наблюдается в передаче башкордского – йырсы в ведийском – (йы) риши, довольно распространённое фонетическое явление в индо-германских языках, сравните: определённый артикль – se (франц.) > the (англ.) > dis[es](немецк.); она (женск.род) – sie(немец.) > she(англ.); сипеть>шипеть (русск.); очаг>уҫаҡ(башк.) > ошах (курдск.) В башкордском языке суффикс – Ш образует от глаголов существительное, обозначающее объект действия или названия предметов по действиям, в результате которых они возникли: ярыу «раскалывать» >йыр «песня» > ярыш «состязание»; тор «стоять» > торош «стояние». Нет никаких сомнений в том, что в древние времена артикль – се а затем и суффикс – се > ш был самостоятельным «указательным» именем существительным – местоимением «этот – тот», поскольку в эпоху фетишизма и оборотничества любое действие – глагол природной стихии обожествлялось, тогда как по аналогии с этим и все чувства и мысли человека понимались людьми как влияние на них разного рода духов, демонов, божеств.

В случае с поэтическим творчеством ведийских певцов гимнов – риши (йырсы, башк.) в обществе индо-ариев Куру отношение людей к их вдохновению было также проникнуто архаичным фетишистским представлением об овладении божеством разумом поэта. Считалось, что риши(йырсы) это особая каста магов, которая периодически способна вступать в контакт с богами. Поэтическое вдохновение риши (йырсы) понималось индоариями как озарение певца богами. Озарение отождествлялось с видением. Иными словами, когда поэт и певец риши – йырсы начинал на ходу петь сочиняемый им гимн, то в этот момент – риши созерцал божество, ниспосылающее исполнителю поэтическое вдохновение. Само вдохновение являлось частью (жанром) – видения. Как пишет Т.Я. Елизаренкова: «...ведийские поэты были визионерами, они «видели» истину, и глагол dhi, описывающий творческую деятельность риши, значит одновременно «видеть» и «думать», а соответствующее корневое существительное dhi-F означает «видение», «мысль»,

«мудрость». В контексте этой культуры «видеть» является синонимом «постигать истину». (см. «Риг-Веда». Мандала I-IV М. 1989 стр. 479.)

Ведийский глагол –dhi «видение» точно соответствует древнегреческому глаголу – thea «созерцаю» (зрелище); theaomai «спокойно созерцаю» (зрелище), которое восходит к существительному – thea «зрелище», от которого и произошло со временем слово – театр, ставшее теперь интернациональным. В английском языке корень слова – думать – think совпадает с ведийско-арийским словом – dhi «думать – видеть».

В башкордском языке слово – тойоу «ощущать», «осознать» точно соответствует древнегреческому – thea «созерцаю», тогда как по семантике передавая материальное осознание – видение, особенно в своём втором значении – «догадываться», «учуять» уже дублирует ведийский глагол – dhi «видеть», «постигать истину».

Для ведических индоариев поэты – певцы риши(йырсы) не сами писали стихи, а пели воодушевлённые богами от увиденных поэтических картин. Именно божественное вдохновение, то есть некая демоническая сила, овладевавшая сердцем, разумом, глазами и речью поэта – риши, позволяя ему, как считали индо-арии Куру, собрать в стихотворном Ритме и привести в порядок - Рөт изначальные силы Хаоса, до которого нисходит Вселенная разрубленная на части в виде туши козла, принесённого в жертву самому себе Дьяусу при посредстве людей. Козёл воплощал собой Бога(Вселенную), принесение которого в жертву и разрубание его туши на части означало конец, смерть старого года – солнца и приведение всей Вселенной в стадию Хаоса. Затем, во второй части жертвенного обряда – Aṅnamedha (или Aṣvamedha) жрец – тьреҫ собирал все кости в единый скелет, воспевая при этом строго определённые стихи гимнов (Риг-Веды и Атхарваеды) для того, чтобы, накинув шкуру – тире (башк.) закланного козла на своё тело, провозгласить радостную весть о том, что новый бог – солнца агнец родился.

По архаичным, уже к эпохе Риг – Вед, фетишистским представлениям индо-ариев Куру, если жрец-тьреҫ не будет воспевать гимны в определённом ритме в магическом обряде составления в определённом порядке костей скелета для оживления козла, то он не сможет вернуть воскрешаемому божеству – основе мира, его божественную речь и тогда, вся Вселенная впадёт в безмолвие и покроется мрачной тишиной. Не трудно понять логику мышления древних индо-ариев Куру, для которых в силу их фетишистских представлений – речь человека, рёв животных и все звуки природы являлись такими же материальными органами тела как рука, нога, голова, хребет. Ведийский арий Куру полагал, что речь человека можно вернуть к человеку (мёртвому) обратно при его воскресении как

допустим – кость руки приставив к его скелету. Именно вследствие этого архаичного фетишистско-тотемного представления о природе звука ведические риши (йырсы) для описания своего поэтического творчества использовали по аналогии термины ремесла. Как плотник, примеряет и вытёсывает – taks различные деревянные спицы для колеса так и поэт вытёсывал – taks свой гимн. В башкордском языке слово «шить» - тегеу, точно соответствует ведийскому – taks и латинскому – texo «ткать», «сплестать». Считалось, что риши (йырсы), воспевая богов своими устами, плетут нить молитвенных гимнов.

Курды Месопотамии своих суфиев – аскетов называют Деориши «дервиши», которые ходят в вязаных из шерсти козы или барана накидках. Курдские деориши, точно соответствует ведийскому – Девариши «Учитель богов». Смысл как курдского так и ведийского слова – Девриши «Учитель богов» вытекает из самого предназначения жертвенного обряда: Заклания, а затем и Воскресения агнца – Бога Диониса, сына Дьяуса – Зевса. Воспевая гимн заговора при составлении костей скелета козла (барана, жеребца), почитаемого хтонической ипостасью Дьяуса, ведийский жрец - тьреу, как бы магически обучал воскрешаемого им бога – разумной, членораздельной речи, становясь при этом действительно – Девариши «Учителем богов». Именно жрец – тьреу во время обряда воплощал собой бога – Дьяуса, который воскрешал своего сына Диуана – Диониса в ипостаси агнца. Для ведических индоариев Куру именно жрец - тьреу (брахман – риши) являлся той магической персоной, который руководил возвращением мёртвой природе – в лице растерзанной в обряде жертвенной туши, живых божественных звуков.

В башкурдском языке слово - ритэйем «музыкальный, танцевальный лад, ритм» - точно соответствует слову - Рэт «порядок».

Аяты – Аэды – Гаятри – Гаты.

Исторические сведения, дошедшие до наших дней, подтверждают, что башкурдские батыры – пахлаваны, ишаны должны были уметь сочинять стихи. Простые стихи – двустушья у башкордов Урала, как и у курдов Месопотамии называются по древнеирански – байет, от чего собственно происходит индогерманское – роет «поэт» (б>П) – байет.

Поскольку в древности у башкордов Урала, как и у всех ведических индоариев Куру, письменности не было, то все посвящаемые богам молитвы, обращённые в стихотворные гимны, башкордские пахлаваны-батыры читали во время жертвоприношений по – памяти. У башкордов Урала как и у иранцев понятие – память передаётся словом – ят, например – ядкар – ят – короу «делать воспоминание» - «предание» -

«подарок на память». В пехлевийско-иранском языке это башкордское слово – ядкар несёт в себе значение «предание», например – «Предание о Зареридах» - Ядкар Зареран.

Слово – Ят «память» в башкордском языке происходит из единого этимона со словом - ит «делать» - говорить «эйтеу». Два этих слова «эйтеу» - говорить, и память – «ят» послужили в исторической перспективе, основой для формирования нового слова в башкордском языке – Аят «молитва – гимн божеству», который каждый башкорд читал ещё в средние века во время религиозных празднеств. Интересно будет отметить, что в башкордском языке все религиозные празднества называются – Гайед, что соответствует курдскому –эйд «Праздник – торжество».

Исходя из того положения, что башкорды являются по происхождению иранским народом, а исход иранских племён с севера на юг начался на Южном Урале во II тыс. до н.э. учёные филологи, сопоставляя древнеиранский и башкордский язык найдут достаточно доказательств и подтверждений этому.

В «АВЕСТЕ» семнадцать глав «Ясны» (свода молитв) носят название Гаты, авторство которых по мнению учёных принадлежит самому Заратуштре. Слово Гаты в «АВЕСТЕ» означает – «гимн», «хвалебная песня», которая исполнялась во время проведения жертвенных обрядов и зороастрийских ритуалов. В этом смысле авестийское слово – Гаты, полностью соответствует башкордскому слову – Гайед «религиозный праздник». Одновременно авестийское – Гаты точно совпадает с курдским глаголом – Готын – беж – Гот «говорить, сказать», в том семантическом значении, что Гаты исполняются в своём произношении через их - говорение.

По языку «Гаты» являются наиболее архаичной частью «АВЕСТЫ», тогда как диалект, на котором составлены «Гаты», наиболее близок к древнему индоарийскому языку «Риг веды». Со своей стороны и ведологи указывают на то, что язык «Риг Вед» по своему строю, лексике и фразеологии стоит ближе к языку древнейшего иранского памятника «АВЕСТЫ», даже чем казалось должен был быть к эпическому санскриту. «Причина этого заключается не только в хронологических различиях между ведийским языком и санскритом, но прежде всего в том, что «Риг Веды» и «АВЕСТА» представляют собой две разновидности общего индоевропейского поэтического языка ...» . (см. Ригведы М. 1989 г. Т.Я. Елизаренкова стр. 506).

Метрика поэтических гимнов «Риг – Вед» напрямую привязана к обряду жертвоприношения животного богам. Например, стихотворная строка, состоящая из определённого числа слогов называется – пада «четверть» термин, взятый от слова – pada (санскр.) «стопа»; в курдском

пе «ступня»; пачэ «ляжка», «бедро»; пэп «нога», в башкурдском -тэпей «ступня детской ноги», образно «цыпочки», и в английском – step «шаг, ступень», - туре «образец».

Здесь, в обряде ведийский риши (йырсы) уподобляет стихотворную строфу, содержащую 4 ударных слога 4 копытам пада «ступням» животного, закланного в честь богов – Асуров и Девов. Большинство пад в «Риг – Веде» построены на ямбическом ритме, где долгий слог становится чётким слогом стиха. Каждая пада состоит из 8 – и слогов, а три восьмисложные Пады дают стихотворный размер – Гаятри, который является после Триштубха (четыре 11 ти сложные пады, разделённые на 2 полустишья) вторым по употребительности ритмом гимнов в «Риг-Веде».

В «АВЕСТЕ» в поэтической терминологии Пад «ступня» является названием для двусложного гемистиха. Строка стиха, содержащая 10 слогов, считается состоящей из 5 пад. Таким образом, и в «АВЕСТЕ» и в «Риг-Веде» гимны богам Дэвам и асурам называются одним словом: Гаты – Гаятри, что в свою очередь свидетельствует об их единой исторической эпохе возникновения. Индо-арийский язык, на котором составлены гимны «Риг-Веды» восходит к эпохе начала проникновения ведических племён Куру на Север Индии во II тыс. до н.э., и поэтому стоит ближе к древнеиранскому языку АВЕСТЫ, а затем и языку курдов Месопотамии. Здесь, важно указать что именно в курдском языке слово – Готън, Гот означает именно «речь» людей, а не – вач, как в санскрите. Дело здесь в том, что по представлению древних индо-ариев Куру – речь у людей, могла возникнуть вновь, только после того как жрец – тьреқ (Ишан – брахман) в магическом обряде сотворения Вселенной – Ајnamedha: Азvamedha сможет собрать воедино все кости скелета жертвенного козла (коня), служившего в ритуале прототипом космоса. С этой целью жрец – тьреқ приставлял к костям ног животного 4 – копыта, ступни = рады после чего наконец обретал способность – говорить голосом, которого нет у козла или коня. Но человек может говорить, когда будет способен к этому, то есть поест, для чего нужно чтобы весной воскресла вся природа, которую в жертвенном обряде воплощал закланный Козёл (Конь). Если, как считали ведические индо-арии Куру жрец – тьреқ (Ишан – брахман) в обряде не сможет воскресить жертвенного козла, то в конечном итоге мир окутает безмолвие и человек не сможет говорить. Поэтому – то как считали древние индо – арии Куру и как это зафиксировал курдский язык – речь человека – Гот (Гаты – Гаятри, авест.санскр.) состоит из пады «четырёх ступеней жертвенного животного».

Аэды «певцы – сочинители гимнов» у древних эллинов унаследовали своё имя с эпохи праиндо – германского единства, о чём не трудно догадаться поставив в один ряд эти поэтические термины:

Гаты (авест.), Гаятри (санскр.), Гот (курдск.) – Аэты «стих» (иранск – башкорд.) – Аэды в др. Греции. Эллины приравнивали – аэдов наравне с гадателями, врачами, зодчими к касте – демиургов, то есть ремесленников, поскольку в древние времена, не только греки, но и все индогерманские народы не отделяли искусство от ремесла..

Древнюю башкурдскую, ведийскую, иранскую и греческую поэзию объединяет единый стихотворный ритм гимнов: - Аятв – Гаты – Гаятри. Ведийские риши, как и башкурдские йырсы и древнегреческие – аэды при воспевании сочинённых гимнов в целях поэтического ритма, а не рифмы использовали ЯМБ, из которого наиболее употребительным был трёхмерный стоп. Башкурдские эпические сказания – Аэты имеют чрезвычайно большое разнообразие в метрике изложения и самой форме поэтического стиха, что позволяет нам рассматривать эти древние формы как генетическое продолжение авестийской и ведической поэтико-литургической традиции индоариев Куру. Так у башкурдов первоначальный - Байет, основа всей поэзии состоит из 2 полустиший

һарай тулы кыз булыр ти – Дворец будет полон девушек

һылыу зарн куп булыр ти – Красавиц будет очень много

А из двух полустиший – баатов складывается четверостишие – Аят

һарай тулы кыз булыр ти

һылыу зарн куп булыр ти

Аларай куз һалырһын –ти

Айзан якты нур булыр –ти

(эпос Акбузат)

Частица – ти (говорят, сделано) придаёт всему байету и аяту весьма архаичную форму прошедшего времени даже в отношении будущего времени, благодаря чему достигается видимость повествования говорящего от некоего 3-го лица, а не от себя - автора. Башкурдский аят соответствует размеру гимна Ануштубх слагаемого из 4-х восьмисложных Пад в «Риг-Веде» и Гате в «АВЕСТЕ». Однако, форма стиха эпических народных башкурдских сказаний значительно колеблется и может достигать от 4 до 48 восьмислоговых строк. Широко использована перекрёстная рифма и рифма по типу – ааба.

Башкурдские сказители народных эпосов – мифов выработали за многие века своего семейного творчества соответствующие формы сценического изложения этих устных произведений. Основу составлял пафос исполнения. Эмоциональная картина: сочувствие – осуждение, радость избавления героя от неминуемой смерти при повествовании передаётся через убыстрение или замедление ритма чтения и ударения рифм, а затем всегда дополняется речитативным стилем исполнения.

Главная мысль, суть повествования в башкурдском аяте заключается в первых и заключительных строках, тогда как остальные стихи дополняют и уточняют мысль и поэтому припеваются к стиху основе. И.И. Лепёхин указывал на пластическую выразительность башкордских танцев, обладавших всеми чертами обрядовой драмы и исполняемых совместно с пением. «В плясках башкирцы ... стараются телодвижениями выражать слова, в песне содержащиеся» [И.И. Лепёхин, «Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб б., 1802, стр 114] Исполнитель аята первые две строки – байета исполняет в чётком интонационном ритме в форме тирадного речитатива, тогда как последующие строки аята, направленные на раскрашивание или пояснение смысла повествования, певец – йырсы (риши, санскр.) уже как-бы подшивает – тега (taks, санскр. Техуі, лат), прибавляет к стиху – основе.

Търи – виноград и threnos «заупокойное пение» Праздник Михр

В курдском языке слово – Търи «виноград» по своей этимологии совпадает с древнегреческим - тренос «заупокойный плач». Почти каждая древнегреческая трагедия основывалась исключительно на героической мифологии, где главное действующее лицо – герой погибал не в силах избежать всеобщего рока смерти. Поэтому в каждой древнегреческой трагедии содержатся сцены с оплакиванием хора погибших героев – threnos «заупокойный плач» в связи с чем можно считать, что происхождение драмы как – то восходит к религиозному культу героев. Действительно, у курдов в отличии от окружающих повсюду этот индо-иранский этнос мусульман, чрезвычайно развит обряд – оплакивания, скорби по погибшим героям, называемый «Келаме шин» Песнь скорби, исполняемая до настоящего дня с расцарапыванием лиц, обрезанием своих волос и возложением кос на тело покойного, почти идентично обряду оплакивания героев у эллинов, как это описано в поэмах Гомера. Важно указать, что этот курдский обряд Келаме шин «Оплакивание покойника – героя» противоречит всем нормам ислама, где категорически запрещено горевать об умершем, а также возбраняется пить вино.

Древние иранцы пили вино, которое в огромных количествах заготавливали из винограда, называемого - Търи у курдов. Вообще изготовление хмельного, галлюциногенного напитка Хома – Сомы у иранских народов восходит к древней эпохе индо-иранского единства. Сам процесс приготовления Хома для чего растение Хмель раздирали, протирали и затем выдавливали – воспринимался древними ведическими индо-ариями Куру как – смерть живого Бога – растения Хома – Сомы.

Риг – Веда (IX, 67) К Соме.

19. Раздробленный давилым камнем, восхваленный.
Ты движешься о сома, к цедилке.

IX. 68 К Соме.

7. Тебя, выжатого, начищают десять юных жён
О сома, поторопленного (поэтами) – риши
С помощью произведений и молитв
Проходя через сито из овечьей шерсти ...
(перевод Т.Я. Елизаренковой)

По всей видимости ритуал эллинских и курдских девушек и женщин обрезать свои волосы и класть свои косы на тело покойника – мужа, брата таким образом восходит к древнему ведийско-арийскому ритуалу изготовления цедилки из овечьей шерсти для убиваемого, мучимого и пытаемого давилым камнем живого бога Сомы – Хаомы. Когда ведические индоарии Куру пришли во II тыс. до н.э. с Южного Урала (Башкурдистан) в Месопотамию, то вместо растения Хмель (Комалак, башк.), стали использовать виноград – Търи (курдск.) при изготовлении хмельного напитка для своего религиозного вакхического культа. О пении при усопшем Боге – десяти юных жён, уже говорится в гимне Риг – Веда, из чего напрямую следует вывод о том, что сам обряд оплакивания погибших соплеменников, именно – погибших, то есть пожертвовавших своей жизнью ради других, у курдов восходит к обычаям их предков ведических индо-ариев Куру.

Название – Келаме шин: келаме – «песнь», шин «печальный, грустный» в курдском языке, говорит нам, что – песни могут быть и не грустными. Действительно, само индо-германское слово – Келаме подтверждает это. Так, в башкурдском языке слова с тем же корнем – кл: колоу «смеяться», кылыу «надсмехаться»; в русском – кликать, кликушествовать; в английском – claim «требовать», proclaim «провозглашать – объявлять» имеют и несут разноплановую по своему уровню семантику. У древних иранцев покровителем виноделия был бог солнца – Михр, в честь которого осенью справляли праздник «вина» - Михр, совпадавший по календарю с древнегреческим праздником урожая и сбора плодов – Пианепсион (октябрь – ноябрь), в дни которого эллины отмечали победу Тезея над Минотавром.

**Календарные праздники в древности
у курдов и греков: Аланов – Эллинов.**

<p>Курды Осень 20 – 25 сентября <u>баран - бёрдан</u> День запуска барана самца в стадо для оплодотворения овец <u>барану красят рога</u> Праздник сада-пез[сто дней овец] В это время по деревням ходят ряженные двое мужчин: один Косегельды и другой одетый в женскую одежду изображает его жену. Зима конец февраля <u>Праздник Хьдър – наби спасителя влюблённых</u> Юноши и девушки веселятся, всюду ходят ряженные в женскую одежду мальчики-подростки. Весна 21 – 22 марта <u>Праздник Ноуруза</u> Рождение ягнят и козлят Солнце –Хвар – Харизма «божественная благодать» изображается в образе барашка или шкуры барана - Харык. Национальный День рождения курдов.</p>	<p>Греки Осень Малые (сельские Дионисии) Праздник сбора винограда Процессия вакхов и сатиров. Люди носили амфоры с вином, вносили жертвенного козла, над головой которого возносили декоративный деревянный фаллус – символ плодородия Зима январь <u>Праздник Диониса – Ленеи</u> Давят виноград в чаны – ленеи конец февраля Антестерии <u>Праздник Диониса Агнца.</u> Открывали бочки с вином, по улицам сёл и городов ходили толпы юношей и девушек ряженных в одежды вакханок, менад, силенов, сатиров. Отмечался брак жены архонта с Дионисом. Весна конец марта – начало апреля <u>Праздник Большой Дионисий</u> Исполнялся пеан и дифирамб в честь рождения Диониса – агнца. По улицам носили ягнят и козлят.</p>
--	---

Семейный быт и народные обрядовые празднества, искусство и фольклор, сохранившиеся пережитки древних религиозных представлений, мифология, этногенез башкурдов Урала показывают своё генетическое родство и структурно – типологическое тождество с культурой таких индо-германских народов как курдов Месопотамии так и античных греков – эллинов. К такому научному выводу у учёных имеются все основания.

У башкурдов Урала одно из семи (7) главных родоплеменных объединений носит имя – Елан, что напрямую соответствует этнониму крупного курдского племени Алан пришедшего в Переднюю Азию – Курдистан на рубеже I-го тыс. до н.э. с территории Южного Урала и Северного Кавказа и в настоящее время обитающего возле озера Ван. На территории проживания этого крупного курдского племени находится город, названный в их честь Курд – Алан, расположенный недалеко от истоков реки Тигр в горах Битлиса. Пребывание курдов – аланов на Южном Урале в период, непосредственно предшествующий татаро-монгольскому нашествию в 13 в. подтверждают как письменные средневековые источники, так и археологические данные. Так, типичным памятником курдско – аланской культуры VII – IX в.в. на Южном Урале в Башкурдистане является могильник у деревни Левашовки возле Стерлитамака, исследованный А.Х. Михайловым. В этом весьма богатом могильнике культура курдов – аланов Южного Урала представлена характерным для иранской культуры набором конского снаряжения, вооружением всадника, серебряных поясных пряжек, бронзовых бубенчиков. Находки в погребениях костей лошадей и крупного рогатого скота свидетельствуют о полукочевом быте иранского населения, оставившим после себя Левашовский могильник. Среди предметов женского украшения найдено пять серебряных арабских дирхемов, которые были биты – два в Багдаде, два – в Васите, и один в Кермане. Время чеканки дирхемов с 94 (712) г. Хиджры по 154 (770 –771). Найденные археологами монеты подтверждают наличие контактов курдов – аланов Южного Урала с населением Ирана, Передней Азии и Ближнего Востока, то есть с теми регионами, где живут курды.Самое главное заключалось в том, что – инвентарь Левашовского могильника имеет много общего с инвентарём известных салтовских катакомбных погребений на р. Донце, где издревле обитали Аланы, затем перешедшие через Кавказ в Переднюю Азию. Как писал С.И. Руденко: «Не подлежит никакому сомнению, что могильник у Левашовки принадлежит одному из обосновавшихся в Башкирии аланских племён. Большое число вещей аланского типа, находимых в разных местах Башкирии, свидетельствуют о том, что в эпоху VII- IX в.в. н.э. племена, населявшие Башкирию, если и не были подчинены хозарам, то находились в тесном с ними товарообмене». (см. С.И. Руденко указ. соч. стр.28 – 29). Таким образом, мы, учитывая тот исторический факт, что до эпохи аланов на

Южном Урале издревле обитали индо-ираноязычные Дахо – Массагеты, Савроматы, Саки – Скифы, Сарматы – мы можем уверенно сказать, что вплоть до 13 в. до вторжения татаро-монголов в Башкурдистан предки башкурдов представляли из себя ираноязычный, индогерманский этнос.

Арабский историк Ибн –ал Асир (XIII в) писал: «В 1223 г. армия Чингизхана встретила в Деште Кыпсаке с войском аланов и кыпсаков. Монголы сказали кыпсакам: «Мы с вами одной крови присоединяйтесь к нам, а Аланы чуждый нам с вами народ». Подобное –же сообщение оставил иранский историк Рашид эт – Дин (1237 – 1318), служивший визирем у монгольских правителей Газан – хане и Олджайту – хане. В своей исторической энциклопедии Рашид эт – Дин писал, что после того как татаро – монголы пришли из Китая (Чин и Мачин) в Дешт и Кыпсак, то встретили там аланов и кыпсаков, и к последним обратились с речью: «Мы (монголы) и вы (кыпсаки) один народ, а аланы нам чужды, присоединяйтесь с нам». Путешественник Абу – Хамид ал – Гарнати Андалуси, посетивший Башкурдистан в 12 веке и проживший у башкурдского царя 3 года с 1133 по 1136 г.г. указал в своей книге «Тухват аль – албаб» на то, что на Сев. Кавказе проживали в его время не только Аланы, но и просто Курды. Ибн- Фадлан посланник багдадского халифа к вождю башкурдского племени Буляр указал, что Южный Урал является родиной, местообитанием Башкурдов.

Из сообщения Ибн – Фадлана (X в.) и Аль – Гарнати (12 в.) мы видим, что башкурды жили издревле на Южном Урале ещё задолго до татаро – монгольского нашествия Орды Чингизхана. Следовательно проникновение в среду башкурдов Урала татаро-монголо – тюркского этнических компонентов началось только с эпохи вторжения татаро – монгольских войск в 13 веке.

Этноним – «башкурд» прямо указывает не на тюркский а на индо – иранский этноним Курд, курды в составе которых одно из племён носит имя Алан. В 4 веке, Аммиан Марцелин (грек родом из Сирии) в своей «Истории» писал буквально следующее: «Аланы – бывшие массагеты», - [...] «мало – по – малу своими победами изнуряли соседние народы [племена, прим. С.Г.] и распространяли на них своё название подобно персам», [...], «с течением времени они приняли одно имя и теперь все вообще называются аланами за свои обычаи, дикий образ жизни и одинаковое вооружение». (Ам. Марцелин XXXI 13, 17). Дахо – Массагеты, о которых Геродот писал за 800 лет до Аммиана Марцелина, являлись исконно ираноязычным индо – германским этносом, обитавшим в эпоху правления династии Ахеменидов в Иране на огромной территории, раскинувшейся от Южного Урала до Аральского моря в Средней Азии. Кир Великий погиб в 530 г. до н.э. в битве с массагетами в Средней Азии. Именно предками Аланов и были по Ам. Марцелину древние Массагеты. Этноним Алан дублирует этноним Арийан, который являлся древним этническим самоназванием иранских племён в среде которых создавалась священная книга зороастрийцев «АВЕСТА». Ахеменидский царь Дарий I в своих многочисленных надписях называл себя – ariya «ариец»,

«арийского происхождения». Также именовал себя – ariya Ксеркс, сын Дария. Одно из древнейших иранских племён – мидийцы, являющиеся предками курдов, называлось ayzantu «арийское племя». Вследствие чередования в иранских языках звуков R>L (Karl Hoffman, G. Morgenstierne) имя «Арийан» произносилось как «АЛАН». Примечательно, что сам термин Алан в древние времена употреблялся оседлыми иранцами как прозвище скифо – сарматских ираноязычных племён. Мы видим, что сам этноним Алан абсолютно идентичен этнониму Арийан, но с другой стороны также тождественен имени Эллин, являвшегося самоназванием древних кочевых дорийских племён, вторгнувшихся в 18. в. до н.э. на территорию материковой Греции с севера Балканского полуострова из Причерноморских степей, то есть почти в то же самое историческое время – 18 в. до н.э., когда ведические индо арии Куру – Бхараты, называвшие себя – Арийцы «ARYAN», вторглись с севера на территорию Индостана. Изучение текстов «Риг – Веды» и дорийской народной религии Элады показало и подтвердило тот важный исторический факт, что как ведические индоарии Куру, так и древние эллины поклонялись единому божеству «Господу Светлого Неба» - Дьяусу (Зевсу). В «АВЕСТЕ» пророк Заратуштра призвал всех иранцев поклоняться божеству Ахура Мазде (Асуре – Сура, башк.) и уничтожать соплеменников – девопоклонников. Во вспыхнувшей религиозной войне победили иранцы почитавшие Ахура Мазду (Асуру – Сузу), которые изгнали из Арьянам Вэджа (Южный Урал, Хорезм, Средняя Азия, степи Волжского бассейна и Северного Причерноморья) своих соплеменников ариев – алланов – эллинов, почитавших старых богов – Девов (Дьяуса – Питара – Зевса). Как бы после этой войны все земли Ирана были разделены между тремя сыновьями Фаридуна (Траэаоны), так: Сальму достался – Запад; Туру – восток; Иреджу – середина, то есть Иран от Южного Урала до гор Загроса в Мидии. Как это не покажется удивительным, но авестийская легенда довольно точно передаёт реальную картину переселения в древности индо – германских племён Ариев – аланов – эллинов с севера на юг, произошедшего во II тыс. до н.э. и полностью подтверждённую и убедительно доказанную археологией.

Действительно, в наше время Иран и иранцы, бывшие в домусульманскую эпоху поклонниками Ахура – Мазды, граничат с Грецией на западе и Индией на востоке, жители которых – ведические арии и эллины поклонялись одному и тому же божеству Дьяусу – Зевсу. Языки, входящие в состав индоевропейской семьи, принято делить на две группы: группу satəm от авестийского satəm «сто» и группу kentum от латинского centum(читается kentum) «сто». Это деление основано на различном отражении в этих языках общеиндоевропейских средненёбных согласных k и g. По этому существенному в своём генезисе фонетическому признаку индо – иранские языки вместе с балтийскими, славянскими, армянскими, албанским образуют

группу – сатем, тогда как кельтские, германские, италийско – романские, греческий языки образуют группу – кентум.

Касаясь проблемы родства этнонимов – Арийан – Алан – Эллин необходимо указать на такой важный лингвистический факт, что как установили учёные – филологи из всей группы языков кентум, только греческий, то есть – язык эллинов имеет особую близость к языкам группы – сатем, то есть (курдско) аланскому языку.

Аланы как представители индо – иранского курдского этноса генетически являются родичами индоевропейского этноса эллинов-греков.

Собственно греками называли себя в древности иллирийско – эпирские племена, обитавшие в Эпире , позднее на границе Беотии и Аттики. Иллирийско – эпирские племена способствовали тому, что имя Греки стало общим названием Эллинов. До своего исторического вторжения на материковую Грецию в 18 в. до н. э. дорийские эллины обитали в степях Северного Причерноморья. В этом отношении самоназвание дорийских кочевников – эллин, полностью согласуется с ведийским индоиранским – Алан – Арийан «благородный». Дорийские эллины, как и ведические арии Куру, называли все другие племена одним именем – Varbar «варвар».

Башкурды Урала, чей этноним напрямую восходит к имени их предков ведических ариев Куру , в целом и не нуждаются в доказательстве своего родства с древними индо - германскими племенами Ариев – Аланов – Эллинов. В башкурдском языке слово – арыу «благородный», «хороший». Фонетика башкурдского языка включает в себя такие интердентальные спиранты ζ (θ) и ζ (δ), которые наличествовали именно в древнеиранских языках, а также парфянском, но которых никогда не было в тюрко – алтайских. Фонетика языка никогда не заимствуется народом у другого народа, как допустим иноязычная лексика, а генетически наследуется от своих предков. Согласно этому выверенному лингвистикой положению следует, что если у башкурдов Урала сохранилась своя специфическая древнеиранская фонетика, то и предками башкурдов будут – ираноязычные племена Арийан – Алан – Эллин.

Древнее пребывание иранских народов на Южном Урале и степях Сев. Причерноморья подтверждает со своей стороны и вся группа финно – угорских языков. Так ирано – скифские слова Мортйо «человек» получило отражение и в финно – угорских языках; удмуртские – мурт «человек»; коми – зырянское – морт «человек» ; финское *mahtas* (в XVI в. *mahtalas* «существо мужского пола»), в марийском языке слово – Мари (самоназвание) буквально означает «муж» «человек» (см. А. П. Феокистов «Мордовские языки» - «Введение» в кн. Языки народов СССР. М. 1966.г. 176). Иранские лексические заимствования являются наиболее древним пластом финно – угорских языков.

В средние века многие историки арабские , персидские , а также латиноязычные письменные источники, называют область Паннонии «страной Башкерд». Это было связано с тем , что ещё в античную эпоху всю область между Вислой и Дунаем населяли ираноязычные сарматы , вследствие чего Птолемей называл Западной Сарматией земли, граничащие с востока с Римской империей.

Венгерско – угорские племена, язык которых обнаруживает несомненное родство с языком хантов – и манси в Сибири, появились в Паннонии намного позднее, только в 4 в. в эпоху похода гуннов, возглавляемым Атиллой. Однако, само соприкосновение финно – угорских языков с языками ираноязычных саков – скифов, савроматов , сарматов , дахо – массагетов происходило намного раньше и было более продолжительным и интенсивным по времени , что даже сумело затронуть саму фонетику , например венгерского языка. В свою очередь, это положение подтверждают и современные венгерские ученые. Так, П. Т. Вереш пишет по интересующему нас вопросу буквально следующее: « ... именно к эпохе [XII – II в.в. до н.э.] ранних кочевников, относится начало формирования венгерской системы согласных на основе фонетических тенденций, весьма сходных с таковыми в древнеиранском языке (P>F; t >δ ; k>h; s >h) и появления в начале слов звуков: b - , d - , g - , которые нехарактерны для других финно – угорских языков , кроме пермских , где эта фонетическая тенденция появилась , как и в венгерском , под иранским влиянием . (см. П. Т. Вереш. «К вопросу о приаральской прародине древневенгерского этноса», в книге «Приаралье в древности и средневековье» М. 1998г. ст. 169 – 170)

Русский лингвист, князь Н. С. Трубецкой в своих трудах по индоевропейским языкам установил интересные закономерности ареальных сходжений индо – германских языков Сатем с финно – угорскими , нахско – дагестанскими , абхазо – адыгскими , а затем и тюрко – алтайскими языками , что в свою очередь позволяет на лингвистическом материале определить древнюю ведическую прародину Ариев – (АЛАНОВ – ЭЛЛИНОВ) Куру – Бхаратов. Самый главный вывод для нашего исследования заключается в том , что те близкие типологические структурно – грамматические особенности языков Сатем к строю флектирующих языков Кавказа и многопадежных языков финно – угорской группы, установленные Ник. С. Трубецким, являются вместе с древнеиранской фонетикой отличительной чертой языка башкурдов Урала. Так в башкурдском языке – многопадежность выражается наличием 6 падежей (в древнеиранском – 8 падежей , в табасаранском – 46 , в венгерском – 22 падежа) ; флексия корня в башкурдском языке в известной мере соответствует флексии в сочетании суффиксов, характерной для ряда кавказских языков , например:

Башкурдский язык

Аҫ – низ
Аҫта – внизу
Аҫтан – снизу
Аҫтында – под
Аҫка – вниз

Чистая флексия корня в башкурдском языке меняет семантический смысл слова, который тем не менее не выходит за круг определяемого понятия, например:

Аҫ – низ
Өҫ – верх
Эс – внутри

Табасаранский

Ас – низ
Асик – внизу
Аскан – снизу
Асикна – под
Асизди – вниз

Аҫта – внизу
Өҫта – вверх
Эстә – внутри.

Суффикс – та, представляет из себя фонетический деривант от основы – да, которая в ряде иранских языков, например в курдском является – «послеслогом, указывающим на место» точно также, как и в самом языке башкурдов Урала. Последующая система развития морфологической системы древнеиранских языков характеризуется постепенным распадом флексии и сменой синтетического строя аналитическим, что собственно мы наблюдаем и в башкурдском языке. Как и совр. иранских языках в башкурдском утеряна категория рода и также как в Курдском языке она сохранилась в пережиточном виде главным образом в именах, характеризующих женский род, например: Шамиль – Шамиля, Шагир – Шагирә и т.д. В курдском языке показатель рода сохраняется в изафете. Если в иранских языках процесс распада флексии привёл к сложению аналитического строя, то в башкурдском языке уже аналитический строй сменила агглютинация.

Таким образом, мы видим, что башкурдский язык, который с эпохи татаро-монгольского нашествия уже более 800 лет существует и развивается автономно от иранских языков, представляет поэтому собой некую особую ветвь развития древних индо-германских племенных диалектов. Башкурдский язык и Курдский и тем более язык эллинов представляют из себя три разные временные эпохи развития индо – германского языка ведических ариев – Аланов – Эллинов, вследствие чего абсолютно не представляется возможным их синхронный анализ приуроченный к единой историко – временной эпохе. В известном смысле этноним Алан – Эллин дублирует имя ведических ариев Куру. Так в башкурдском и курдском языках слово – кур [Куру] означает «Огонь», тогда как слово Ал(Ал+ан) «алый», «огненный», что совпадает с древнегреческим – eile - «солнечный свет». Следовательно этноним Алан является всего – навсего синонимом более древнего имени Куру.

Эстетическая предметность жертвенного обряда

Древние башкурды Урала имели определённые представления о сущности и категориях прекрасного, но в силу исторической специфики античной эпохи, господства в кровно – родственном сообществе идеологии фетишизма и оборотничества – не отделяли эстетическую область созерцания творчества от ремесла и прочих видов своей жизнедеятельности.

Специфика древнебашкурдской эстетической предметности.

1. Эстетика как онтология.

Эстетические представления народа всегда достаточно наглядно отражают на понятийном уровне ощущение людей о реальности мира. Общественная формация создаёт необходимый базис для развития культуры человека, вследствие чего искусство каждой исторической эпохи имеет свой собственный неповторимый стиль. Искусство как творческий процесс есть выражение внутреннего «духовного» мира человека (художника, скульптора, танцора, певца) по отношению к внешнему миру – зрителю. Говорить в искусстве и филологии о внутреннем мире человека можно в полной мере только тогда, когда личность на определённом историческом этапе развития мышления научается отделять идеальные понятия о предмете, от самих материальных предметов. Из истории мы знаем, что развитие искусства и умение людьми отделять идеальные понятия от вещей представляют собой два тесно связанных между собой явления человеческой культуры.

Древние башкурды в эпоху фетишизма и оборотничества представляли себе, что весь окружающий мир возник в результате расчленения на 4 части Космического тела их первопредка Урал – батыра, который принёс себя в жертву во благо людей (башкурдов). Из этого краеугольного положения мифологии следует, что башкурдское мировоззрение той далёкой эпохи характеризовалось и ограничивалось – телесной пластикой. В пределах этой вещественно – телесной идеологии, какую выражает эпос «Урал – батыр» человеческий субъект находится на уровне мышления той исторической эпохи, когда не противопоставляет себя объекту, а считает себя органической частью мира: все башкурды – дети Урала (wer – alt). Подобное видение внутренней структуры объективного, внешнего мира (природы) как родового сообщества людей, связанных между собой кровными узлами (семья) в эпосе «Урал – батыр» свидетельствует о том, что и искусство, как форма мышления человека у древних башкурдов носило ярко выраженный телесно – пластический характер. Здесь абстрактные понятия выражены образами, поскольку теоретическая мысль не отделилась от художественного созерцания природы. Человек воспринимал мир, а не

анализировал и поэтому: древнее искусство – миф и древняя философия оперируют не теоретическими понятиями, а зрительными образами. Вследствии этих причин не только философия, но и эстетика в своём изложении в мифе приобретает форму космологического учения о бытии, о гармонии в мире. Древний человек не столько понимал, сколько созерцал и ощущал мир, о чём собственно и свидетельствует сам древнегреческий термин – эстетика: *aesthesis* «ощущение». Искусство оперирует художественными образами, тогда как философия – абстрактными, логическими понятиями, которые в отличие от ощущений формируются у человека позднее. В древние времена, когда у человека не сформировалось умение обобщать явления, отделять субъект от объекта чувственные представления заменяли собой абстрактные понятия.

Космогония мифа, где главными действующими лицами были не абстрактные понятия, а художественные образы богов, демонов, людей представляла собой – онтологию современной философии. Когда картина мира излагается не в абстрактных понятиях, а в художественных образах, тогда эстетика становится Онтологией.

2. Эстетика как Гносеология.

Выражение человеком своего внутреннего состояния и ощущений «*aesthesis*» (древнегреч.) по отношению к окружающему его внешнему миру, представленному художественными образами богов, демонов, людей являлось – эстетикой, которая в древности исполняла для людей функцию – Гносеологии. Зримые, чувственно-осязаемые художественные образы исторически предшествуют в мышлении людей образованию абстрактных понятий, вследствие этого, в эпоху фетишизма и оборотничества Эстетика представляла познавательный процесс. Через эстетику древний человек постигал тайны мироздания в художественных образах, но формой изложения была не теория абстрактных понятий, а космогонический миф, жертвоприношение, танец, фольклор. В философии гносеологическим процессом считается – созерцание и анализ умопостижимых понятий, тогда как в древности человек наделяя душой материальные предметы, фетиши, стихии космоса созерцал художественные образы богов. Этот момент, изображающий гносеологию как художественный, созерцательный процесс хорошо представлен в башкурдском национальном космогоническом эпосе. Урал – батыр, поставив перед собой философскую проблему выяснить причину смерти людей, находит в конце – концов источник жизни – свет Хомай, дочь бога солнца Самрау.

Здесь в мифе весь процесс познания человека представлен фигурально, в зримых художественных образах (Урал – человек, Хомай – свет, Самрау – источник знания), как грандиозное сценическое действие во внешнем мире, в космосе. Сейчас, в наше время – процесс познания

людей, то есть – Просвещение человека знанием понимается уже безобразно, чисто абстрактно. В башкурдском мифе свет это – образ (Хомай), тогда как в современной абстрактной науке (физика, педагогика, логика) свет это – понятие.

3. Эстетика как искусство

а) слово как эстетическая категория. Миф как наиболее древняя форма художественного творчества человека изначально сочетал в себе различные жанры выразительного искусства. На синкретизм мифотворчества указывает сама семантика этого древнего индогерманского слова.

Этимология. Миф < др. греч. *Mythos* «слово», «сказание», 1) в курдском языке – *мьталә* «размышление», «раздумье», «дума»; *мәсәлә* «притча», «басня», «поговорка», «поговорка»; 2) в башкурдском языке – *Миҫал* «пример» – «образец для подражания», *Мәсәл* – «басня», *Мыҫкыл* «насмешка» (сатира), *Мәсхәрә* – «издевательство»; 3) в русском языке – Мысль (*Миҫал*), то есть буквально «думать образами». [В курдском языке слово *Мәсхәрә* «шутовство», «дурачество», «скоморошество», «проказы» несёт несколько иной смысл нежели в башкурдском языке.]

Именно мышление образами и есть мифология – *Миҫалогия*, которая поэтому исторически является основанием эстетики как науки о выразительных формах, где изучается сам процесс и закономерности выражения ощущений внешнего мира через внутренний мир человека.

В мифе, как это показывает семантика башкурды в древности отождествляли художественные образы космических стихий внешнего мира с человеческим словом. Космические стихии получали свою материализацию, своё воплощение в слове благодаря человеку, который не отделял свою индивидуальную, частную жизнь от окружавшей его природы. Ощущение – эстетика слова древними людьми было совершенно иным, нежели у современного человека. Слово обожествлялось и почиталось как некий живой организм, таящий в себе сокровенный смысл бытия. Из этого фетишистского поверья родился обычай утаивания человеком своего подлинного имени перед чужеземцами и иноплемениками, зафиксированный этнографами у разных народов мира. Слово воспринималось людьми как живой материальный фетиш, обладание которым давало его хозяину власть над самой вещью. Из подобного фетишистско – анимистического представления о слове у древних ведических ариев Куру родилась вера во всевозможные заговоры и словесное колдовство. Магические обряды, связанные со словом ведических индоариев Куру собраны в так называемой – «веде знаний» - *Атхарваведа*. Люди, умеющие обращаться со словом, приводят словесные выражения в стихотворный ритм у ведических

ариев Куру носили имя – риши (санскр.) от курдского – рьща «просьба», «мольба»; башкурдского йыр «песня» - йырсы «певец»; старославянского – рьцем «молим – умоляем». Предки башкурдов и курдов – ведические индоарии Куру верили, что исполнение молитвенного заговора – Аята – Гаятри – Гаты, способно изменить окружающий космический мир и положение событий и вещей в природе. В этом смысле предки башкурдов Урала использовали слово в гимне или заговоре как магическое орудие. Ощущения и выражения своего внутреннего представления о внешнем мире через слово породили у древних башкурдов Урала различные виды устного народного творчества или – вербальной эстетики: аяты, байеты, миҫалы, риуайаты, кобайыры, экиятты, хикэйтаты. О вещественно-предметном ощущении слова древним человеком свидетельствует многочисленная художественная топонимия. Так, например названные древними башкурдами Уралом цепь гор показывает тождество имени Героя, субъекта мифа с объектом природы. Имя неотделимо от объекта, вследствие чего становится возможным различать одну горную вершину, в данном случае Урал от другой, допустим Памира или Гималаев. Очень хорошо этот процесс отождествления имени с предметом представлен в древнеисланских сагах. В «Саге о Эгиле» говорится: « У Торольва было такое вооружение: большой и толстый щит, на голове – прочный шлем, у пояса – меч. Он называл этот меч – Длинный. Это было славное оружие. В руке Торольв держал копьё [...]. Такие копья назывались «кол в броне». Эгиль вооружился так – же, как Торольв. У его пояса висел меч, который он называл Ехидна.» (Перевод С.С. Масловой – Лашанской см. Исландские саги М. 1956 г. стр.158.)

Имя было самой существенной и неотъемлемой частью предмета или процесса действия благодаря чему древний (и современный) человек постигал созерцаемый мир. Благодаря человеческому слову один предмет физического мира может общаться, вступать в определённую понятийную связь с другим предметом. Важно указать, что в башкурдском языке слово «говорение» эйтеу тождественно слову «делание» - итеу, поскольку эти два слова происходят из единого понятийно – семантического корня. Башкурдское - эйт «говори» точно соотносится с древне прусским – wayte «произношение», тождественное в свою очередь ст. славянскому – вече, курдскому – веж «говорить», древнеиндийскому – вач «слово». Авестийское – Vaeda «знать» соответствует башкурдскому -эйт, и здесь мы видим, что древние индо-иранские племена даже отождествляли говорение – видению мира. В башкурдском языке поэт – импровизатор называется именем – Акын, которое восходит в своём происхождении к ведийско-арийскому слову –

akhyana «повествование» (того, что видно). Русское – вече, была попыткой людей обсудить в словах увиденные, произошедшие события, а затем приняв – решение от – риши (древн.инд.), через изречённое слово – постараться словом управлять предстоящими событиями.

б) Движение как эстетическая форма выражения созерцания.

В эпоху фетишизма и анимизма древний человек одушевлял природу, наделял космические стихии качествами людей. В башкурдском эпосе весь космос представлен как кровнородственная семья богов: Солнце – божество Самрау, солнечные лучи дочь солнца – Хомай, а земля – первочеловек Урал – батыр принесший себя в жертву людям. Антропоморфизация природы и космических стихий древними башкурдами свидетельствует, что познание мира человеком происходило всегда в строго соответствующей исторической эпохе эстетической форме восприятия действительности.

Космос, природа, звёздное небо, солнце, луна постоянно находятся в движении, заставляя людей изменять форму их восприятия при созерцании. Отождествляя Космос с человеком, древние башкурды в эпоху фетишизма и оборотничества полагали, что небесные светила, звёзды, вся земная природа своими движениями как живой организм выражает свои внутренние эмоции и переживания. Древние башкурды довольно правильно подметили, что телесные движения и импульсы человека тесно связаны с внутренними «душевными» ощущениями – aesthesis человека, причём настолько сильно, что и внутреннее чувство и внешнее движение органически образуют одно нераздельное целое.

Нет ни одного душевного побуждения, которое как – либо не выражалось одновременно в произвольных или, что особенно важно, в непроизвольных движениях тела, созерцающего или думающего человека.

Древние башкурды, представляя Космос в облике живых антропоморфных божеств, признавали движения солнца, луны и звёзд по небу, циклическое чередование четырёх времён года и вызываемые затем изменения в природе на земле как выражение внутренних чувств богов по отношению друг к другу. Движение небесных светил считалось внешним проявлением их внутренних отношений. Созерцая движение космических процессов в природе, башкурды в древности пытались усмотреть в них проявление некой внутренней жизни, наличия скрытой воли богов, поскольку не только в эстетике, но и вообще в науке внутренние закономерности постигаются через внешние проявления. Как писал И. Кон: «Чужая внутренняя жизнь, вообще доступна нам, людям лишь благодаря тому, что мы воспринимаем созерцаемые движения или другие чувственно – воспринимаемые процессы, как выражение, и с их помощью сопереживаем выражаемое. В этом сопереживании лежит для нас единственная возможность выйти из узких рамок нашего я, расширить нашу личность за её границы». (см.

Ионас Кон «Общая эстетика» пер. Н.В. Самсонова Гос. Изд. Сергиево Посад, Моск. Обл 1921 г. стр. 58.)

Выражение возможно только тогда, когда есть чувство – aesthesis, для которого необходимо наличие внутренней жизни. В эпоху фетишизма и оборотничества древние башкурды за каждым движением природы видели проявление скрытой воли того или иного божества. Внутренние изменения природы на земле и космических светил на небе проявляются для восприятия человека, созерцающего этот динамический процесс в определённой циклической последовательности. Наиболее полно, этот момент наличия внутренней жизни природы представлен человеку на земле как чередование времён года, когда зимой наблюдается сокращение светового дня и увеличение тёмного времени суток, а летом, наоборот сокращение ночи и увеличение светлого времени суток.

Представляя космические явления антропоморфными и зооморфными богами древние башкурды рассматривали чередование времён года как выражение в природе внутренней душевной жизни своих божеств, например: Осень – смерть Урала; Зима – растерзание космического тела – Урала земли злыми тёмными демонами Азраки; Весна – Хомай в облике лебедя прилетает на север в поисках мёртвого тела мужа, весенние дожди – живая вода Хомай с которой оживает Урал – батыр и затем вступает в священный брак с дочерью солнца – Самрау; Реки Южного Урала начинают освобождаться от зимнего льда – происходит рождение детей Урал – батыра «земли» и Хомай «солнечного света и влаги», четырёх рек – четырёх сыновей: Иделя, Яика, Нугуша, Хакмара, которые выступают на битву с тёмными демонами вместе со своим Отцом; Осень – время смерти Урала и отлёт лебедя – Хомай к своему отцу Самрау в страну тепла и солнца.

Одушевляя природу башкурды воспринимали календарное чередование сезонов года на земле и положения звёзд на небе как телесные движения божеств. Все процессы природы как и телесные движения вызывают у человека такое важное для эстетики чувство как – Сопереживание, поскольку – движение являясь выражением душевной жизни порождает у созерцающих людей определённые положительные или отрицательные эмоции, которые затем, вырываясь наружу, становятся основой быстрого и плавного ритма в танце, песне, стихотворении. В эпоху фетишизма и оборотничества человек не отделял субъект от объекта и поэтому слабо чувствовал грань между своей личностью и природой. Человек находился в подчинённом от природы положении и основу его личной душевной жизни составляли внешние впечатления. Именно поэтому, свои внутренние душевные переживания и состояния духа древние люди считали порождением внешних впечатлений природы, которую они обожествляли и наделяли душой. Любое: весёлое или серьёзное, возбуждающее или успокаивающее,

приятное или мерзкое, противное – внутренние состояния древний человек приписывал и отождествлял с внешними предметами – фетишами, которые почитались живыми божествами. Находясь в подчинённом положении к Природе, древний человек был вынужден следовать своим эмоциям, как повелениям богов и выражать свои душевные переживания мимикой лица, голосом и телесными движениями.

Танец человека является эстетическим (чувственным) внешним выражением телесными движениями своего внутреннего эмоционального состояния, впечатлений, душевных переживаний, полученных в результате опыта созерцания мира. Календарная жизнь природы и на земле и на звёздном небе представляет для созерцающего человека особый ритмический процесс движения. Благодаря движению космоса, внутренняя жизнь природы, которая обожествлялась в облике антропоморфных демонов, становилась доступной для внешнего созерцания человеком древности. Отделение внутренней жизни от движения является продуктом научного анализа, которого просто не существовало у человека в эпоху фетишизма и оборотничества.

Движение танцора в древности обожествлялось, как и слово поэта – риши (йырсы), поскольку наделялось душой и почиталось как сделанное в человеке, вызванное извне всемогущим демоном. Вдохновение, вызываемое у современного человека – поэта, писателя, танцора, музыканта, художника, композитора от созерцания Природы, древние люди в эпоху фетишизма понимали, как прямое действие божества предмета на человека. Это вдохновение поэтов и танцоров древние люди представляли как особый, мистический чувственный знак – символ, через который божество позволяло человеку увидеть и созерцать свою демоническую внутреннюю жизнь. Поэтому танцоры и поэты считались у ведических индоариев Куру сопричастной божеству кастой людей. Сопричастный, значит равный богу, вот почему слово – девариши – означает в ведийском санскрите – Учитель богов.

Мы воспринимаем окружающую нас действительность в постоянном движении и по аналогии с этим ведические индоарии Куру понимали культовый танец жрецов – Девариши как процесс постижения внутренней структуры Космоса. Ведические индоарии Куру, как и дорийские эллины, не отделяли в эпоху фетишизма и анимизма социальную жизнь своих индо-германских племён от обожествляемого ими Космоса. Индоарии считали, что благодаря исполнению гимна Риг – Веды поэты – риши вступают в общение с богами, а Девариши Нарада, Канва, Бхригу, Парашурама, Парвата, Агастья, воспевая богов, взойшли на небо и превратились в семь звёзд в Ковше Большой Медведицы. Слушая их пение, все звёзды на небе, весь Космос пришёл в движение и закружился в едином божественном танце. Девариши Нарада почитался ведическими ариями Куру первым творцом музыкального инструмента –

вины (род лютни), разновидности которой были распространены практически у всех индо-германских народов.

Ведические индо-арии Куру сам Космический процесс жизни рассматривали как Танец богов и старались подражать в своих танцах движениям звёзд во время своих жертвоприношений обязательно приуроченных к какому-нибудь определённом календарному изменению года, например, ко дням осеннего (22 сентября) и весеннего (22 марта) солнцестояния. К периоду непосредственно предшествующему весеннему солнцестоянию древние индо-арии Куру справляли свой знаменитый праздник – Шиваратри «Приведение в порядок ночь» от курдского - шёв «ночь»; шёв «палка» (лингам, санскр.) и общеведийско – арийского Рэт «порядок». В башкурдском языке слово - Рэтләу «приводить в порядок». У индоариев праздник Шиваратри справлялся в 13 – ю ночь тёмной половины марта месяца и сопровождался как и у эллинов Греции при праздновании Великих Дионисий в марте каждого года всевозможными экзотическими, вакхическими плясками и сексуальными оргиями. Во время праздника Шиваратри, который знаменовал собой кончину старого года ведические индоарии Куру исполняли знаменитый танец Шивы, повествующий пластическими средствами вечный процесс - саморазрушение в огне, а затем и возрождением из пепла Вселенной.

В празднике Шиваратри «Ночь Шивы» весь космический цикл развития Вселенной отождествляется с текущим календарным годом и танцоры старались мимическими и пластическими средствами показать это зрителю. Каждый танцор изображал в танце – движение планеты по небу за год от её начального до исходной точки. Планеты в свою очередь, в древности отождествлялась с каким-нибудь ведийским божеством.: так, бог Сома с Луной, Брихаспати (господин речи, молитвы) с Юпитером, Шукра (воскреситель мёртвых) с Венерой, Будха с Меркурием, Ангарака – Марс, Шаури (имя Кришны) – с Сатурном.

Семь звёзд из Ковша Большой Медведицы отождествлялись ведическими индо-ариями Куру с семью божественными мудрецами – поэтами Дэвариши, один из которых Агастья, является мифическим составителем нескольких десятков гимнов Риг – Веды. Образ Агастьи, возникшего в кувшине от семени Митры (Солнца) и Варуны (Космических вод) по мнению учёных – исследователей древнеиндийского эпоса отражает – Дух арийской экспансии в Сев. Индию, в частности в земли Декана. Как пишут Я.В. Васильев и С.Л. Невелёва в «Комментарии» к своему переводу «Махабхараты»: «Уничтожение Агастьей [демона] Ватапи, согласно этой концепции, символизирует преодоление отпора,, оказываемого местным населением Южной Индии». (см. Махабхарата «Араньякапарва» М. 1987 стр. 656)

Дэвариши Агастья повторил в «Араньякапарве» мифический подвиг Урал – батыра, испив воду космического океана, где спрятались злые демоны, дабы спасти людей, страдающих от сил мрака. Образ Агастьи непосредственно связывает древневедийскую мифологию ариев Куру с башкурдской мифологией и одновременно указывает на географическую прародину индо – иранских народов на Севере (Урал), где действительно наступает Полярная ночь, в течении которой все звёзды движутся «в танце» по оси с центром вокруг Полярной звезды, что собственно и стараются изобразить современные индуисты в танце Шивы на празднике Шиваратри «Ночь Шивы» (санскр.). Не только имя Дэвариши Агастьи, но и этноним Куру связывает Баш – курдов Урала и Курдов Месопотамии с ведическими индо – ариями Куру – Бхаратами.

Праздник «Ночь Шивы» - Шиваратра, справляемый ведическими индоариями Куру на рубеже перехода зимы – весны в феврале – марте совпадает и находит своё продолжение в национальном празднике Курдов – Наврузе, отмечаемом в день весеннего равноденствия – 22 марта как День рождения курдского народа. Подмеченная академиком Баранниковым так называемая «индоязычность – ригведаязычность» курдских племён Зангене и Чагана в Месопотамии открыто подтверждает и доказывает древнюю культовую связь праздника Шиваратра «Ночь Шивы» у ведических индоариев Куру с национальным праздником Курдов Наврузом «Новым Годом».

Курдские Дэвариши «певцы бога» (дервиши) как их предки риши (йырсы) – «поэты – импровизаторы» в индоарийских племенах Куру исполняли во время религиозных празднеств культовые танцы наподобии «танца Шивы» у индуистов, в котором главным пластическим элементом поступательного движения тела танцора было вращение по определённому кругу, изображающее вращение звёзд по ночному небу, возрастание и сокращение долготы светового дня, прибывание и убывание цикла луны, календарно – климатическое преобразование природы. Намного позднее эпохи митаннийско - арийского вторжения индо – германских племён Куру в Переднюю Азию и Ближний Восток (18 в. до н.э.), курдские танцы дэвариши и сам культ Диониса сына Дьяуса стали в 9 – 8 в.в. до н.э. стал проникать из Малой Азии на Материковую Грецию, где к 7 – 5 в.в. до н.э. сложился культ Вакхических Трагедий, сопровождавшихся безумными, экзотическими плясками сатиров и силенов. Народные танцы в отличии от культовых возникли в результате унификации древних мимических плясок, исполняемых членами племени перед предстоящей охотой. Эти охотничьи пляски позволяли танцору возможность более резко проявить свою индивидуальность, талант при мимическом изображении зверей, на которых предстояло охотиться. Главное же различие между сакральными календарными культовыми танцами с одной стороны и народными

охотничьими (повседневными) плясками с другой заключалось в ритме. Охота как действие, созерцаемое со стороны, в отличии от плавно кружащихся звёзд и планет на небе, представляет из себя весьма подвижную картину, для изображения которой танцор должен показать зрителю как внезапность атаки, так и безрассудное спокойствие тихо пасущихся зверей. Поэтому изображение танцором охоты в танце требует резко меняющегося, скачущего ритма. Тогда как изображение своим телом движения небесных светил требует от танцора плавного, мелодичного ритма. Так, из двух различных обрядов: хозяйственно-охотничьего и кульгово-календарного родилось первое в истории индогерманских племён Куру разделение ритмов повествования.

в) Мимезис – уподобление субъекта – объекту внешнего мира как эстетическая категория.

Каждый танец представляет собой выражение художественных ощущений – aesthesis человека через уподобление себя избранному образу. В курдском языке слово – Мине «уподобляться» в своём генезисе восходит к праиндогерманскому корню Ми «двойник – близнец», от которого происходят имена таких известных двуполых, близнячных, парных божеств, как Эмир в скандинавской мифологии, а также – Яма «близнец» в гимнах «Риг – Веда» и Йима в «АВЕСТЕ». В башкурдском языке слово һымак «подобный», а слова того же корня – йем «зерно» и - Йемеш «ягоды» указывают на бесполой предмет, способный к своему воспроизводству. Башкурдские слова - Имсәк «груди» и -имеу «сосать – питаться» показывают на объект - предмет и действие, способствующие росту. Эти башкурдские слова указывают на неразрывную связь имени – Им с глаголом «растить – питать, насыщать».

Слово – Мей «вино, опьяняющий напиток» и курдском и башкурдском языках происходит от индо – германского корня – Ми. Предки башкурдов Урала сака – массагеты почитали божество опьяняющего напитка – Хаому, за что в древнеиранских источниках их часто называли Саки – Хаомварга «Саки Хаому чтущие». Слово Хаома в древнеиранском языке происходит от исконно башкурдского – Хау «доить», Хаум «надой вина, опьяняющего зелья», что абсолютно верно, если вспомнить, что древние саки добывали закваску для изготовления медовухи, выдавливая стебли и ягоды – хмеля. Ведические индоарии Куру называли Сомой индоиранский опьяняющий напиток Хому. В ведийско арийском языке Куру в Риг-Веде глагол «выжимать» передавался словом – SU, тогда как в древне-иранском языке «АВЕСТЫ» глагол «давить» - произносился – hav. Вследствии чередования звуков S>h(h> S) в индо-иранских языках ведические индоарии Куру называли хмельной напиток Сома, а иранцы АВЕСТЫ как Хома. В башкурдском языке сохранился этот древний закон индо-иранских языков чередования звуков S>h,

вследствии чего башкурды Урала как авестийские иранцы называют процесс доения – һауы.

В башкурдском мифе «Урал – батыр» ведийско-арийский авестийский опьяняющий напиток Сома – Хом фигурирует и соответствует описанию – Живой воды богини Хомай дочери солнца Самрау. Здесь в башкурдском мифе опьяняющему напитку индо – ариев Куру приданы космические функции оживления природы. Испивая хаому во время ритуала, древние башкурды уподоблялись – мина бун (курдск.) богам и изображая движения звёзд и планет по небу, исполняли коллективный ритмический танец - ритәйем, наподобии курдского – чопи или греческого сиртаки. Хаома опьяняла танцующих, делала их – лихими «егер» (башкурдск.), - агьр «огонь» (курдск.), - (Ә)геройскими (русс.).

Из этого ритуального уподобления небесным божествам – звёздам и планетам «мина бун» (курдск.) предков башкурдов и курдов – ведических индоариев Куру возник и мимезис актёров – животных: конеподобных силенов и козлоподобных сатиров в трагедиях Диониса у дорийских эллинов. В самом древнегреческом слове – мимезис корень – ми несёт в себе значение – уподобления образу первопредка – героя, породившего через смерть своего тела жизнь в природе.

г) Вакхизм как эстетическая категория гносеологии.

Уподобляясь изображаемому божествам в танце, сопровождаемого пением, ведические индо-арии Куру в коллективном экстазе теряли разум и становились на время Вахши «одичальными» (башк.). С одной стороны, культового Вакхизма, как массового, временного одичания людей требовал сам жертвенный обряд, в котором было необходимо показать пластическими и мимическими действиями весь процесс оживления весной мёртвой природы, которая затем проходит все этапы становления своего сознания, постепенно, от уровня диких животных до состояния просветлённого разума человека. Надо помнить, что в эпоху фетишизма и оборотничества древние люди не отделяли себя от природы, а разум животного или человека отличался по их представлениям – степени своей просветлённости солнечным светом почитавшийся божеством Дьяусом. Многие животные почитались тотемными первопредками людей. С другой стороны, состояние Вакхического одичания людей во время справления весеннего обряда жертвоприношения становилось следствием чрезмерного употребления ведическими индо-иранцами опьяняющего напитка Сомы – Хома. Здесь, в этом замкнутом процессе Причина порождает следствие, которая становится опорой Образа, ставшего основанием Причины. Весь мир для ведических индо-ариев Куру представлял собой циклический процесс осуществления в космосе вселенского закона – Риты. Созерцая мир и стремясь понять суть внутренних процессов космоса, индо-арии Куру

отождествляли себя с природой, стараясь тем самым увидеть этот физический мир изнутри.

Это перевоплощение человека из субъекта в объект и являлся основой и сутью Вахизма во время обряда весеннего жертвоприношения ведических индоариев Куру; курдских дэваришей во время исполнения Зикра; дорийских менад и сатиров в дионисийских трагедиях. Безусловно предки башкурдов и курдов постигали созерцаемый мир, но изложение этой гносеологии производилось через изображение в танце онтологии космоса. В эпоху фетишизма и оборотничества, когда люди верили в переселение душ - метемпсихоз и следовательно в представлениях древнего человека любой объект мог стать субъектом. Это магическое перерождение субъекта (человека) в объект (изображаемое в танце божество) происходило для ведических индо ариев Куру внезапно, в результате экстаического возбуждения танцем и напитком Сомой – Хаомой. Впадая в коллективный транс-Вахши, индо арии Куру начинали созерцать внешний мир воплотившегося в них божества.

Гносеология мира излагалась в обряде Ашвамедха как онтология мира. Именно об этом писал в своё время А. Шопенгауэр: «Когда, возвышенные силой духа, мы покидаем обычный способ рассмотрения вещей, [...], когда мы рассматриваем в вещах уже не где, когда, почему и для чего, а только что, не позволяем овладевать нашим сознанием даже абстрактному мышлению, понятиям разума и вместо всего этого отдаёмся всей мощью нашего духа созерцанию, погружаемся в него и предоставляем всему нашему сознанию преисполниться спокойным созерцанием именно теперь стоящего перед нами предмета, будь то пейзаж, дерево, скала, [...], мы полностью теряемся в этом предмете, т. е. Забываем о своей индивидуальности, о своей воле, остаёмся лишь в качестве чистого субъекта, прозрачного зеркала объекта, и нам кажется, будто существует только предмет и нет никого, кто бы его воспринимал, и, следовательно, мы уже не можем отделить созерцающего от созерцания, они сливаются в единое целое, ибо всё сознание заполнено и занято единым созерцаемым образом».[...]

«Познающий индивид как таковой и познаваемая им отдельная вещь всегда находятся где-нибудь, когда-нибудь – они звенья в цепи причин и действий. [...]». «...субъект полностью растворяясь в созерцательном предмете, становится самим этим предметом, ибо всё познание уже ни что иное, как самый отчётливый образ этого предмета.. Именно это сознание, если мыслить все идеи или ступени объективности воли проходящими в нём поочерёдно и составляет собственно мир как представление. Отдельные вещи всех времён и пространств – не что иное, как разделённые на множество законом

основания (формой познания индивидов, как таковых) и затуманенные в своей чистой объективности идеи».

[...] «Тот же, кто описанным выше способом, так глубоко погрузился в созерцание природы, настолько потерялся в нём, что существует только как чисто познающий субъект, тот именно благодаря этому, непосредственно сознаёт, что он как таковой есть условие, т. е. носитель мира и всего объективного бытия, ибо оно предстаёт тогда, как зависимое от его бытия. Следовательно, он вовлекает в себя природу и ощущает её как акциденцию своего существа». (см. А. Шопенгауэр «Мир как воля и представление» Т. I. М. 1993 стр. 295 – 297)

Предки башкурдов и курдов - ведические индо арии Куру называли мировой процесс, по которому развивается жизнь природы и циклическое движение звёзд по небу – космическим законом Рита «порядок», (у башкурдов - рэт.). Сам космос представлял для башкурдов в древности – живое тело умирающего и воскресающего каждый год Урал – батыра «Отца Мира» - Veralt. Ведический космический закон Рита как общее индо-германское культурное наследие близок к понятию – Предвечных идей у Платона и Мировой Воли в философии А. Шопенгауэра. Тожество философских представлений о природе у ведических ариев, эллинов и германцев подтверждается и генетическим родством индо – германских языков. Обожествляя природу, ведические индо арии Куру представляли сезонное чередование времён года живым воплощением космического закона Рита, по которому смерть одного объекта становится жизнью для другого, о чём в башкурдском мифе «Урал – батыр» повествуется в монологе Ворона. В эпоху фетишизма и оборотничества древние башкурды представляли себе времена года в зооморфных и антропоморфных телесных образах, которые ведут непрестанную войну между собой в Космосе, где смерть одного сезона – героя становится жизнью другого героя – сезона. Урал – батыр это - земля [Weralt(нем.) – World «мир» (англ.)], которая весной [конь Акбуз] вступает в брак с Хомай дочерью Солнца, следствием чего становится увеличение светового дня [Дьяуса] и рождение 4 рек – сыновей, которые помогают отцу изгнать тёмное время [тьму дево – демонов] во главе с Кахкахой [Млечный Путь, иранск.] на дно Мирового Океана [Варуны, санскр.], то есть в ночное небо.

Весна и лето время жизни Урала – Вселенной. Начало сокращения светового дня осенью и увеличения тёмного времени суток древним башкурдам объяснял другой миф, по которому Урал – батыр [земля] умирал, испив воды из Мирового источника, где спрятались злые демоны Кахкахи. Этот миф показывает, что башкурды почитали весенние тёплые дожди, способствующие росту растений, как животворящую воду солнечной богини Хомай, тогда как осенние холодные дожди с последующим наступлением заморозков, губящих всё живое, казались

башкурдам – отравленной водой, то есть водой, в которой спрятались злые девы Каххахи «Млечного Пути». Весной, когда природа оживала, Млечный Путь вследствие увеличения времени светового дня – отступал от поверхности земли – древние башкурды, представляя весь мир как космическую охоту совершали жертвенные обряды имитирующие чередование дня и ночи – борьбу, преследование смерть и последующее воскресение зооморфных, антропоморфных сезонов года. Рост светового дня – Дьяуса, как его телесный принцип, воплощали собой такие священные животные ведических индо-ариев Куру, сако – массагетов, курдов и башкурдов, как – Конь, Бык, корова, барашек, козёл. Важно отметить, что период взросления у мелкого рогатого скота составляет 1 календарный год, который состоит из одного (1) цикла роста и убывания светового дня. В древности ведические индо-арии Куру световой день представляли как живого Дьяуса, который жил и умирал, а позднее и воскресал каждый год. Поскольку период предельного роста мелкого рогатого скота продолжался 1 год, как и рост светового дня, после чего скотоводы – индо арии резали их осенью, чтобы питаться зимой в период сокращения светового дня, то и произошло известное культовое отождествление козла и барана, приносимого в жертву Дьяусу, с самим Дьяусом, который, рождаясь весной, как барашек, затем рос всё лето, и, набрав жира, шёл под нож осенью, дабы прокормить своим телом людей в зимнее время, до своего будущего возрождения в новом году весной. Первоначально, жертвенный обряд представлял собой обрядовую игру, на удачу в охоте, где ясно просматриваются контуры будущих индо германских философских учений о «Свободе воли» человека от Предопределения – Риты. Позднее, с началом развития скотоводства у ведических индоариев Куру жертвенный обряд стал воплощать собой просто принцип Космического Закона Риты, тогда как интуиция о свободе воли человека стала скрываться в ктоических и фаллических культах, песнях, розыгрышах. Жертвенные обряды показывали предкам башкурдов и курдов – ведическим индо ариям Куру в сценическом действии священнослужителей – Тьрецов (трагиков) весь сложный процесс годичного цикла смерти и возрождения природы и её восхождения от дикой – Вахши, неразумной, блаженной – Диуана ступени к уровню мыслящего человека, созерцающего мир. Поэтому, как современному актёру театра для исполнения коварной или благородной, положительной или отрицательной ролей необходимо – вдохновение, которое по своей природе не является сознательным качеством разума, так и в древности индо – арийским жрецам – тьрецам для правдоподобного изложения календарных событий в природе во время справления жертвенного обряда было необходимо, испив Сомы – Хомы, впадать в бессознательное состояние одержимости образом божества Вакхизм.

Календарная хронология жертвенных обрядов у древних башкурдов.

Цикл I.

Свержение старого царя быка-Месяца молодым конем-Солнцем

Древние башкурды, обожествляя космос, представляли смену старого года новым как борьбу не на жизнь, а на смерть молодого юноши-солнца со старым царём – месяцем, господствующим в небе (над всем миром) в зимнее время.

Непосредственно за несколько дней до весеннего равноденствия 22 марта молодёжь башкурдских деревень разыгрывала обрядовую игру – свержение рогатого царя быка – месяца. Юноши отправлялись в окрестности – лес или степь в поисках стебля курая для изготовления будущего музыкального инструмента, свидетельствующего своей мелодией о скором воскрешении земли весной. С собой башкурдские юноши брали круглые лепёшки – символ молодого солнца, испечённые из муки, замешанной на козьем молоке, то есть на плоти родового тотема (ведийского Дакши, курдского шейха Бьзни). В башкурдских преданиях и сказках говорится о лепёшке, взятой юношей, отправленной к рогатому царю как испечённой из муки, замешанной на молоке его матери. Этот важный факт непосредственно передаёт сакральное предназначение лепёшек, которые башкурдские юноши держали при себе и ели во время исполнения ритуала свержения с неба царя – рогатого месяца.

Найдя в лесу торчащие в снегу, высохшие за зиму длинные стебли курая, юноши собирали их, затем, вырезав на них ножами дырочки для нот, изготавливали себе музыкальные духовые инструменты – свирели. Мелодичный звук, раздающийся из высохшего, мёртвого стебля курая, оказывал магическое действие на окружающих людей и служил для древних башкурдов символом предстоящего воскрешения мёртвой природы весной. Услышав раздающиеся в окрестностях деревни звуки курая все жители шли на майзан, куда выводили и привязывали к столбу предназначенного на заклятие жертвенного быка, символизирующего рогатого царя – зимний месяц в небе. Непосредственно перед жертвоприношением быка устраивалась обрядовая борьба слуг рогатого царя – месяца с войском молодого царя – солнца. В соответствии с календарём побеждали борцы наступающего царя солнца. В конце схватки на майзан выводили ягнёнка или козлика символ Солнца. Быка резали, снимали шкуру, рассекали тушу и сварив в котлах мясо вкушали в совместной трапезе на майзане. Все борцы победители накидывали себе на плечи козьи или овечьи шкуры в знак

победы молодого солнца над старым годом – месяцем. В древности герой – победитель символизировал собой рождение Урал – батыра. Женщины и девушки, вставши вокруг, начинали исполнять приуроченные календарём обрядовые шуточные оргиастические песни и напевы «Шәл бәйләнем», «Селтәр элдем ситәнгә, Куршеге кунак килгән». Безусловно подобный обряд существовал и у ведических индоариев Куру и дорийских эллинов, о чём косвенным образом свидетельствует наличие древнегреческого мифа о состязании с лучезарным Аполлоном силена Марсия.

Цикл II.

Священный брак царя Земли с богиней небесных вод Хомай

Юноша, победивший старый год, в образе рогатого царя - месяца становился Урал – батыром «Царём Земли» от ведийского индогерманского Ver муж, первочеловек (нем. Санскр.) и Alt – Old «старый – старший, то есть Veralt – World. Именно царём мира – Weralt – pater, у башкурдов Урал – батыром становился юноша, накинувший на себя шкуру козла или козий пуховый платок – шаль после ритуальной победы в борьбе с атлетом, изображавшим старый год – в образе рогатого царя.

Став Урал – батыром, юноша созывал как это показано в башкурдском мифе – совет старейшин из разных родов (животных) с целью выяснить причину периодической смерти природы. На совете мудрый Ворон излагает ведийско – арийское учение о Мировом Порядке – Рите, по которому Смерть является необходимым условием продолжения Жизни.

Народный башкурдский женский обряд «Кормление Ворона», справляемый во время таяния снегов в апреле соответствует этому эпизоду мифа «Урал – батыр».

Цикл III. Хабандтуй.

Жертвоприношение коня-Солнца в жертву этому миру

Праздник Хабандтуй справлялся в конце весны и являлся центральным культовым обрядом в календарном цикле древних башкурдов. Все спортивные состязания и магические ритуалы являлись пластическими и миметическими, художественными формами повествуемого певцами – риши (йырсы) мифа, бәйана о рождении, возмужании, ужасных битвах с дэвами и добровольной смерти ради людей первопретка башкурдов их героя – тотема Урал – батыра «Владыки мира».

Повествуемый громогласно миф сопутствовал драматическому действию атлетов и танцоров, превращаясь тем самым в единое вербально - телесное художественное произведение – спектакль, который

выражал эстетические представления башкурдов о Природе. Башкурды обожествляли Природу и наделяли всю землю, все звёзды, горы и речные потоки – душой и живыми телесными образами. Все действия этих космических стихий друг на друга, а также на человека древние башкурды созерцали как игру актёров – богов на Мировой сцене в Космической трагедии ежегодного умирания, а затем и воскресения к жизни всей природы в образах антропоморфных, зооморфных, биоморфных существей.

Весенние наводнения и выход рек из своих берегов древние башкурды в эпоху фетишизма воспринимали как пробуждение и выход на поверхность земли Вселенного змея глубин Ажи – Дахаки «Ках – Кахи» Млечного пути со своими слугами дэвами – змеями, которые хотят съесть людей и тем самым отрастить себе новые головы. Двенадцатиголовый змей – аджака Ках Каха символизировал Млечный путь с двенадцатью созвездиями. Каждый год с созвездия Рыбы – Быка иранское Gav – mahl, непосредственно предшествующее Наврузу, начинается потепление климата Южного Урала, что для башкурдов символизировало смерть старого года в образе рогатого царя и свержение его правления, сопровождаемое человеческими жертвоприношениями юным царём – солнцем. После гибели старого года – рогатого царя его слуги – змеи начинали выходить на поверхность Земли, создавая своими телами наводнения. Люди, убегая в древности от весеннего наводнения, если не успевали уйти в горы, взбирались на деревья, полагая, что грунтовые воды и реки, вышедшие из берегов это змеи – дэвы, жаждущие проглотить каждого человека на земле. На празднике Хабандтуй повествование эпизода мифа о битве Урал – батыра и его 4 сыновей с дэвами – змеями Кахкахи, наславшими наводнение на землю, сопровождалось показательными «пластическими» соревнованиями атлетов – батыров в состязании по влезанию на длинный столб и умению пройти не упав, по столбу, вбитому параллельно поверхности земли. Изгнание дэвов – змеев, символизирующее возвращение поздней весной рек в свои берега, разыгрывалось в прыжках юношей и девушек на расстояние с ногами, засунутыми в мешок. Безусловно в древности проигравших участников этих обрядовых состязаний башкурды приносили в жертву богам, на что указывают многие строки из эпоса Урал – батыр. Подобные обряды принесения участников спортивных обрядовых игр в жертву богам практиковались у многих народов в частности у индейцев ацтеков.

Башкурды во время праздника Хабандтуй не только боролись, но и сражались на палках, разделившись на две равные группы, из чего собственно и родилась национальная башкурдская игра - Сәкән «травяной хоккей», где мяч из шерсти необходимо вогнать в лунку. В

курдском иранском языке башкурдское слово Сэкан – Ськан означает «пристань, гавань. Мяч в игре символизировал Солнце, убегающее от преследующих змей – клюшек. Целью игры было не забить мяч в ворота противника, а довести солнце – мяч от одного края поля до другого, не дав его похитить змеям. Поле – дара уподоблялось в священной игре двум противоположным краям горизонта.

Возвращение рек в свои берега весной и увеличение светового дня к началу лета символизировали для народа победу Урал – батыра над дэвами – змеями. Первое низвержение в мае тёплого весеннего дождя с громом и молнией означало для башкурдов, что их первопредок Урал – батыр овладел алмазным мечом богов и получил доступ к живой воде богини Хомай дочери Самрау. С первыми звуками весеннего грома или блеском молний – дьяусов на небе башкурдские женщины весной в мае начинали обливать прохожих мужчин – уралов приготовленной заранее водой, хранившейся до поры в кадушках и чанах. Этот обряд һу – койоу «Обливание водой» с течением времени к началу 20 – го века слился с празднеством Хабандтуй.

Смерть Урал – батыра от испытания отравленных вод змея подводных глубин Кахкахи – Млечного пути разыгрывалось в древности, в эпоху фетишизма с началом холодных дождей осенью. Позднее с началом перехода ведических индо-ариев Куру от охоты и скотоводства к земледелию смерть Урал – батыра и рождение из его космического тела земного пространства – дара – ара – агеа как сценическое действие при сакральном обряде заклания тотемного (производственного) зверя фетиша было перенесено с осени на весну и исполнялся во время праздника Хабандтуй, отмечаемого башкурдами как раз перед началом пахотных работ в мае.

Заклание и расчленение туши сакрального животного на четыре части четырьмя жрецами – тьреками являлось действенной, сценической формой мифа, повествующего о смерти Урал – батыра и расчленение его тела – земли его четырьмя сыновьями на 4 части света. Сакральные животные древних башкурдов: корова и конь были фетишами плодородия земли Урала. В мифе конь Хомай, то есть конь – Солнце является верным спутником Урала. Ираноязычные предки башкурдов сако – массагеты, как писали античные историки, почитали своим единственным божеством Солнце, в честь которого в жертву приносили только быстроногих лошадей. Из этого можно заключить, что им был известен эпос Урал – батыр, который служил всем индо – иранским племенам родовым космогоническим мифом.

Умирание Урал – батыра в образе священного коня весной в обряде Хабандтуй сопровождалось пением женского хора прерываемого монологом Хомай, скорбящей о погибшем муже. В этой связи весьма примечательно, что даже намного позднее эпохи индо германского

единства в древнегреческих трагедиях, как писала О.М. Фрейденберг: «... в подавляющем большинстве случаев хоры представляют женский коллектив. Мужских хоров вдвое меньше, чем женских; по большей части это местные старцы. Среди женских хоров треть девичьих, две трети состоят из женщин» (см О.М. Фрейденберг. Указ. соч. стр. 502).

Древние башкурдские обрядовые плачи и скорбные песни женщин, исполняемые во время Хабандтуя в честь смерти Урал – батыра напоминают курдские погребальные песни женщин – кьламе шьн. Наиболее знаменитой у башкурдов является песня Урал.

Урал

Башкурдский текст

Кугәрепкәй яткан урал тауы -

Атай - олатайзарзың да тойәгә.

Ерен – һууын һаклап корбан булган

Шунда ята батырҙар һойәге.

Ай Уралым, һинән кыркып алһам

Ат кыуырҙай янгыҙ за талдарың,

Тамып та гына кала, кырккан сакта,

Яуза улгән батыр за һандары.

Уралдан гына бейек, ай, тау булмаҫ

Уралкайзы һоймәҫ те йән булмаҫ.

Уз илкәйе осон корбан булган

Ир – егеттең гуляре йәл булмаҫ

Урал да гына, Урал, ай, тиһегеҙ

Урал гына буйы кызырым саука

икән

Уралкайзы мактап бер йырлаһаң,

Куңелдәргә узе лә зауки икән

Якши атка менеп, кулына алган

Ук – һазаккай тигән коралын,

Аямаган йәнән, туккен канын,

һис бирмәгән башкорт Уралын.

Русский текст.

Синеющие горы Урала –

Пристанище дедов и отцов.

Погибших в защите земли – воды

Там лежат героев кости.

Ай Урал, у тебя срежу я

Одинокую иву, погонять лошадь

Капнет кровь героев, погибших

В бою, когда срезаетшь её.

Нет выше гор Урала

Нет души, не любящей Урала

Не жаль жизни мужчины,

Погибшего за свою страну.

Урал, говорите, ай Урал,

Местность вдоль Урала –

молодой березняк.

Споёшь хоть раз, славя Урал,

Душа находит наслажденье

Оседлав хорошего коня,

В руки взял лук и стрелы.

Не щадил душу, проливал кровь,

Никогда не уступал башкорт свой

Урал.

Примечательно, что сакральный мифический образ Урал – батыра воспевается во множественном числе. Это связано с древним фетишистским, тотемным представлением о том, что единое космическое тело Урал – батыра, воплощающее собой весь видимый мир – Weralt, в своих похождениях – ипостасях разрывается, распадается, расчленяется на множество физических явлений, предметов, вещей. С течением времени, переходом башкурдов в древности от охоты к скотоводству и земледелию смерть Урала – земли была мифологически переосмыслена и перенесена с осени на весну, и стал частью ритуала «Вызывания дождя» (живой воды богини Хомай). В этом обряде жертвенный танец или конь символизировал космическое тело Урал – батыра. Как писал С.И. Руденко, ставший свидетелем исполнения этого обряда «Вызывания дождя»: «Мне лично известен случай, когда башкиры Шайтан – Кудейской дачи приносили в поле жертву телку для того, чтобы бог дал дождь. Жертвоприношение это совершалось в присутствии и при участии муллы. Подобные жертвоприношения (теләк) совершалось и в других местах Башкирии (у табынцев, юрматынцев и др.) [см. С.И. Руденко указ. соч. стр. 326.]

После заклания священного животного: коня или быка, являвшегося тотемным фетишем и телесным воплощением принципа космического закона Риты, по которому всё живое в природе рождается благодаря смерти одних, питается, отбирая жизнь у других, а затем, достигнув своего предела – умирает, становясь жизнью для всех, башкурды, освежая тушу, варили мясо, которое затем вкушали в конце праздника Хабандтуй в коллективной трапезе, прообразе эллино – аланской, спартанской – сисситии. Живым символом погибшего ради людей и всего мира Урал – батыра становился для башкурдов после праздника Хабандтуй живой конь Акбузат в облике Солнца, пересекающего небесный океан с востока на запад каждый день. В угоду небесному коню – солнцу далёкие предки башкурдов – ведические арии Куру избирали коня – двойника, земной фетиш небесного солнца. Конь воплощал собою Вселенную, которую как лошадь, оседлал Урал-батыр «хозяин мира». Конь целое лето свободно пасся на лугах и равнинах под неустанной охраной людей и новая территория, на которую ступало копыто священного животного – земного солнца, входила в состав владений ведических ариев Куру. Осенью, когда земная природа севера увядает от холода, напившись холодных дождей, башкурды полагали, что Урал – батыр умирает, испив воды, отравленной дэвами Каххахи – Млечного Пути.

По башкурдскому мифу конь – солнце богини Хомай, подаренный ей Урал – батыру, по смерти своего владыки, убегая от дэвов, возносился на небо, где за ним гонится злой аджаха – змей подводных глубин Каххаха. Вследствии вознесения коня – солнца на небо начинается сокращение светового дня на земле и в космосе. Подражая космосу, башкурды в древности в момент мифической смерти Урал – батыра в день осеннего равноденствия 22 сентября совершали следуя своему космогоническому

мифу обряд – вознесения белого коня Акбуза на небо, для чего приносили в жертву сивого жеребца.

Из этого исконно башкурдского ритуала «вознесение белого коня Владыки мира Урал-батыра», повествуемого в национальном космогоническом мифе, позднее, родился сакральный обряд «Ашвамедха» «жертвоприношение сивого жеребца» у ведических индо ариев Куру, а затем и ираноязычных Сако – Массагетов. Полгода конь – солнце жил на земле, а другие полгода проводил возносясь на небо. Кожу коня, принесённого в жертву, сдирали с туши животного и расстилали на земле, а затем, установив на ней сваренное мясо, торжественно вкушали в коллективной трапезе все башкурды, принимавшие участие в обряде. Кожа – тире (башк.) коня, расстилаемая на земле, уподоблялась священному пространству – дара (курдск.) – terra(латин.). У древних иранцев день осеннего равноденствия 22 сентября являлся праздником Седе и в этот день разжигали костры, затем начиналось почитание бога Солнца – Митры покровителя лошадей. У латинян, осенью существовал обряд «октябрьского коня», суть которого состояла в принесении в жертву богу войны Марсу коня, победившего в забеге колесниц. Само ристалище колесниц, известное и у древних эллинов – аланов, копировало ведийский ритуал «завоевания земли конём» - Ашвамедха у ведических индо ариев Куру. Коня закалывали, а за его отрубленную голову устраивали игровое сражение двух команд. Победители украшали голову колосьями пшеницы и подвешивали затем на дом владельца коня. Башкурды Урала как известно, согласно своим религиозным обычаям украшали свои дома лошадиными черепами, водружёнными на высокий шест. По древнебашкурдским эсхатологическим представлениям, если дэв аждаха Каххаха – Млечный Путь схватит коня Акбуза, то наступит конец мира и вся Вселенная погрузится в огонь, чтобы, умерев, возродиться просветлённой заново.

Жертвоприношение коня символизировало для древних башкурдов смерть Урал – батыра – земли и вознесение Акбуза на небо. В этот день осеннего равноденствия – 22 сентября, день мифической смерти Урал – батыра древние башкурды в честь поминовения души погибшего первопредка, как и все индо иранские народы, готовили сакральное мучное блюдо, залитое мёдом, носящее имя Саксак. По индоиранским поверьям души умерших людей в подземном царстве Ямы охраняют чудовищные псы – саг (иранск.) – Шарбары. Блюдо Саксак по ритуалу предназначалось для умилостивления этих адских собак.

С течением времени, с принятием башкурдами Урала монотеистической религии ислама, все древние индо иранские обряды стали частью общего национального весеннего праздника Хабандтуй.

Эстетический идеал и основные художественные принципы древнебашкурдского искусства.

Древние башкурды Урала одушевляли космос и, созерцая все внутренние и внешние процессы циклического развития природы, воспринимали их как действия небесных антропоморфных богов.

Круговое движение звёзд и сияющих планет по небу по заданной орбите, порождающее тем самым чередование четырёх сезонов в году на нашей планете представлялась древним башкурдам – непрерывной войной живых богов – космических стихий между собой за верховную власть во вселенной. Земля в мифическом облике Урал – батыра принимает самое непосредственное участие в этой ежегодной вселенской битве светлых и тёмных богов. Из этого фетишистско – анимистического представления выводится и первый, основной постулат древнебашкурдского искусства, который гласит, что: Земля и Небо ежегодно становятся – сценической ареной космической драмы, в которой разыгрывается борьба вселенских богов – демиургов (ремесленников – актёров) между собой.

В эпоху фетишизма и анимизма человек не знал индивидуальной смерти и верил в переселение душ. Исходя из этих архаичных установок мышления, древние башкурды эпохи сложения своего национального эпоса полагали, что чередование четырёх сезонов года: весны, лета, осени, зимы не является смертью природы, поскольку смерти нет вообще, а представляет собой космический процесс – переодевания актёров – богов и техническим переоформлением сцены – весной и летом, в день рождения героя, вступление Урал – батыра в священный брак с Хомай – в радостные, золотистые тона; тогда как – осенью и зимой, в период самопожертвования героя и его мучительного умирания – в серо-тёмные, трагические цвета. Из этого фетишистско – анимистического поверья в переселение душ в природе - метемпсихоз складывается второй постулат древне башкурдского искусства, который гласит, что – жизнь человека и всей природы представляет из себя космическую театральную драму, где смерть субъекта и объекта есть сценическое переодевание перед новым выходом на мировую арену с наступлением, предустановленного богами календарного сезона.

Чувства и ощущения – aisthesis (др.греч.) у древних башкурдов были направлены на питающую их природу, которую они представляли себе в образе антропоморфных и зооморфных богов. Землю, башкурды обожествляли и почитали в облике первопредка Урал – батыра, который периодически умирает осенью – зимой, а затем воскресает весной – летом для борьбы с мировым злом.

Подобный, антропоморфный взгляд на физический мир природы порождает третий постулат древне башкурдского искусства, который

гласит: Эстетическая предметность является неотъемлемой частью онтологии космоса.

Башкурды почитали своего первопредка – прародителя Урал – батыра идеалом всего эстетически прекрасного на свете, равного космическим богам, поскольку тот каждый год совершает ритуальный священный брак с Хомай дочерью Солнца. Отождествляя Урал – батыра с землёй, древние башкурды переносили на всю её природу свои фетишистские идеалы и представления о художественно – прекрасном. Понимая чередования 4-х сезонов года, как неустанную космическую Драму - борьбу антропоморфных: Урал – батыра «земли» и Хомай «света» с мраком и холодом Аждахой Азракой и дэвом – Аждахой Каккахой древние башкурды почитали эстетическим идеалом красоты в мире – оформленное, просвещённое светом разума физическое тело, тогда как напротив – лишённая света и устойчивой формы вещь считалась – безобразной и отвратительной.

Уподобление природы живому телу и антропоморфному облику Урал – батыра древними башкурдами вело к отождествлению эстетики и этики в искусстве жертвенного обряда. Положительные или отрицательные качества вещи или поступка оценивались прямо пропорционально количеству вещи, закладывая тем самым основу для будущей меновой торговли, например, башкурды говорят и сейчас при заготовке мяса на зиму, что одна туша лошади стоит 20 гусей, хороший скакун – 30 баранов.

Нетрудно увидеть, что в культуре и искусстве древних башкурдов Урала – Художественный образ заменял Абстрактное понятие поздней исторической ступени развития человеческого мышления. И в настоящее время мы часто наблюдаем это. Например, когда говорят: без пяти семь, то мы видим как люди кратким отрезком времени – пространства отмеряют длинный отрезок циклического времени. Однако слово пять это не понятие, а художественный образ времени.

Вся жизнь человека зависит от природы, что в свою очередь в эпоху фетишизма и оборотничества представлялось древним башкурдам как непосредственное участие людей в космической драме, центральным событием в которой являлась сцена жертвоприношения Урал – батыра «земли» - этому миру. Сам эстетический термин – драма производный от древнегреческого – dramos «бег по площадке» (русское – драть, драпать), показывает учёным, что для древних индо – иранских, германских народов – жертвенный обряд на священной площадке – дара, ара – агеа – арена – дромос представлял священное действие, отображающее циклическую жизнь природы и всего Космоса за один год, в течение которого периодически рождается, умирает и воскресает заново земля. У башкурдов земля почиталась в антропоморфном облике Урал – батыра, у

германцев это был Эмир, у индо ариев – Пуруша – имена которых означают одно единое понятие Мир – Первочеловек.

Движение звёзд и планет по своей оси в небе вокруг земли – человека Урала и чередование 4 – х сезонов природы в году подчиняется, как считали предки башкурдов ведические индоарии Куру, космическому закону Рита, имевшего форму круга. Уподобляя жертвенный обряд космосу, древние башкурды обозначали на земле священное место – дара, представлявшее из себя круглую площадку с жертвенником в центре наподобие древнегреческой орхестры в мистериях Диониса.

Пространство на площадке – дара во время жертвенного обряда становилось – земным телом Урала – первопредка. В центре площадки вкапывали в землю столб – багана, к которому привязывали белого коня. Столб багана от древнеиранского – Бага «распределять» символизировал Полярную звезду – Ось Мира. Привязь и узда коня – круговую орбиту солнца по отношению к центру мира, а хвост коня копытами по земле – дара движение солнца по небу вокруг нашей планеты. Заклание и смерть коня в жертвоприношении Ашвамедха символизировали для предков башкурдов – ведических индоариев Куру – смерть Урала – земли и вознесение морского коня – солнца в небо к оси мира – Полярной звезде.

Многочисленные сказки курдов и башкурдов об убийстве стариков племени их детьми свидетельствует о наличии у ведических индо ариев Куру особого класса людей, предназначенных в жертву Мировому Змею Глубин – Аждахе Какхахе (Млечному Пути), на подобии класса фармаков у дорийских эллинов. По всей видимости, упоминаемые в 18- 16 веках до нашей эры в клинописных документах государств Месопотамии народ – harīigi- «перешедшие реку (Ефрат)» -Ibergi- habigi, к которым учёные – гебраисты относят – предков евреев, были этими фармаками у митаннийских ариев Куру предков современных Курдов и башкурдов. Фармаки как особая каста (священных – грязных) людей жила отдельно от других каст митаннийских ариев Куру. По курдски слово – дьжу – щьжу (jew) – «отделившийся, отдельный» одновременно означает и национальность – «еврей», что совпадает с этнонимом – harigi в клинописных документах 18 в. до н.э. По Библии Авраам покинул Ур Халдеев, то есть Курдистан, перейдя реку – Ефрат. В башкурдском – Ифрат «безграничный».

Жертвоприношение человека в обряде «Пурушамедха», а затем и коня в ритуале «Ашвамедха» символизировала для ведических индо ариев Куру – периодическую смерть Вселенной – weralt(нем.) или Урал – батыра у башкурдов. Через смерть Урал –батыра зимой вся природа Weralt(нем.) воскресает (auferstain) вновь – весной. Распадение мёртвой природы зимой в жертвенном обряде ведических ариев Куру сценически

изображалось как расчленение и рассечение мёртвой туши коня – зооморфного символа Вселенной. Художественные образы заменяли древним индо-германским племенам Куру всякие абстрактные понятия, поэтому живое тело человека или туша коня, и их внутренние и внешние части и органы служили моделью Вселенной. Расчленение по мифу тела Урал – батыра (земли) его четырьмя сыновьями: Иделем, Яком, Нугушом и Хакмаром, указывает, что предки башкурдов видели в Художественном произведении искусства – природе наличие Гармонии.

Все свои мифы и художественные ощущения природы башкурды унаследовали от своих далёких предков – ведических индо ариев Куру, которые обитали во II тысячелетии до нашей эры на Южном Урале (Аркаим – Синташта). Различие или новаторство заключалось только в том, что ведические индоарии Куру считали космический закон – Рита неким юридическим правом, тогда как башкурды представляли мировой порядок - рэт, в виде мировой любви, которая связывает и удерживает все элементы природы возле друг друга.

Антропо – зооморфный образ вселенной в мифологии древних башкурдов Урала стал общим художественным символом оживающего и периодически воскресающего Космоса в представлениях других индо – германских народов. Так в философии неоплатоников, занимавшихся логическим анализом и научной реставрацией древнегреческой дорийской эллинской мифологии, живое тело как художественный образ заменяло собой абстрактное понятие Вселенной. В частности у неоплатоника Ямвлиха (240 – 325 г.г. н.э.), происходившего из богатого курдского рода, обитавшего на севере совр. Сирии возле реки Оронт у Харрана, (владения курдского рода Милан) в его сочинении «Теологумены арифметики» читаем буквально следующее: «А сферуку связывают с четверицей.

Поистине шар есть нечто совершеннейшее из всех тел, по природе наиболее способное охватывать их все и превосходящее их тьмою других свойств, будучи некоей совокупностью четырёх [частей]: центра, диаметра, окружности и облекающего, [кожи], то есть отпечатка. Коль скоро четверица такова, мужи клялись через неё Пифагором, удивляясь ему и восхваляя его открытие, подобно как и Эмпедокл, где говорит:

Нет я мужем клянусь, научивши наш род четверице Той, что источник и корень природы вечнотекущей.»

(перевод В.В. Библихина.)

И далее Ямвлих пишет там же: «... человек тоже делится на четыре начала у разумного живого существа, как говорит Филолай в [своём сочинении] «О природе» - мозг, сердце, пуп, срамный уд: «мозг – [начало] ума, сердце – души и чувства, пуп – укоренения в Первом и восхождения к нему, срамный уд – семени, творения и порождения. Мозг – начало человека, сердце – начало жизни, пуп – растительное начало,

срамный уд – всего вместе, ибо всё от рождающего и растущего семени». (перевод В.В. Бибикина)
[см. в книге А.Ф. Лосева «История античной эстетики» последние века т. II М. 1988 г. стр. 408 – 410]

В башкурдском мифе божественная четвёрка Пифагора представлена в более древнем для индогерманских народов фетишистско – антропоморфном облике 4 – х сыновей Урала, разрубающих – делящих мёртвое тело – материю природы своего прародителя Мира – Weralt(Урал). Этот живой Космос по представлениям древних башкурдов в образе Урал – батыра периодически рождался и умирал один раз в течение одного календарного года. Раз в году космический Урал – батыр приносит себя в жертву во благо людей. Не спроста, курдское слово – Сал «год» тождественно башкурдскому – Сал «закладывать жертву» - «забывать каждый год домашний скот осенью в ноябре месяце». Примечательно и то, что башкурдское слово – телеу «делить» расчленять, разрывать (мясо) во время еды совпадает с германским – teil в курдском: тикə «делить на куски пищу» (хлеб, мясо).

Абстрактное понятие требует от человека анализа, тогда как художественные образы (актёров в театре) вызывают в человеке – сопереживание, чувственное ощущение – aesthesis(греч.). Представление Вселенной – Weralt(нем.) в художественном образе героя Урал – батыра заставляло древних башкурдов сопереживать периодическому умиранию зимой и воскресению весной природы земли.

Переживания и внутренние чувства человек выражает в движении, тем или иным действием – голосом, жестом, пением, танцем, настроением. Созерца в жертвенном обряде – умирание и оживание Вселенной в образе Урал – батыра, представленного в ритуале как белый конь – акбуз [пак – буз, курдск.] древние башкурды выражали свои эмоции, как и современные зрители театра. Смерть божества сопровождалась плачевными напевами народа, а воскресение провозглашал весёлый дифирамб. Башкурдское слово – плач «Илау», тождественное английскому – low «мычание», воспроизводится в древнегреческом слове малоазийского (хеттского?) происхождения – Элегия «плач» - «заплачки женщин» (при похоронах), от которого родилось название поэтического жанра. Элегия смерти сменялась Дифирамбом рождения. Воины жрецы племени Куру (божественные куреты), совершив обряд жертвоприношения – человека, коня, козла символизировавшего смерть старого года – солнца, года – земли и причастив его мясом священного животного – бога всех присутствующих, затем собрав все кости вместе, исполняли ритуал рождения нового бога – солнца, земли. Жрец – тьрек, брахман накидывал на себя шкуру принесённого в жертву животного: коня (силен), козла (сатир) и начинал обходить по кругу всех участников обряда, символизируя своими пластическими движениями восход и заход нового, молодого солнца, вокруг заново родившейся земли – Урала, Weralt. В

это время воины Куру начинали бить в барабаны – бубны Дəф (курдск.) своими копьями – Рьм (курдск.), подражая – ударам сердца человека (животного), что означало рождение нового Богочеловека Урала.

Все присутствующие люди, заслышав громкие звуки барабана - дəф начинали покачиваться в такт быстрому ритму, доводя себя до вакхического иступления как современные курдские девариши во время своих ежегодных религиозных радений, совершаемых в феврале – марте каждого года. Вакхизм древних башкурдов и курдов, как и их далёких предков ведических индоариев Куру представлял из себя перевоплощение человека в один из объектов природы, чтобы ощутить изнутри, через себя смерть и воскресение всей природы.

Вакхизм – отождествление себя с природой, был одной из главных категорий древнебашкурдской эстетики. Башкурды обожествляли природу и чередование сезонов года воспринимали как войну богов между собой. Созерцающая смерть земли осенью и последующее воскресение весной, древние башкурды сопереживали изменениям в природе, как страданиям живого тела Урал-батыра.

Отождествляя себя с живой природой данной как Урал – батыр, древние башкурды во время обряда жертвоприношения испытывали невыразимую грусть и тоску, видя смерть божества и приходили в неопишную радость при провозглашении жрецом – тьреком его весеннее воскресение. Отождествляя себя со своим первопредком – Уралом, башкурды перевоплощались в жертвенное животное (конь – козёл,бык), стремясь через вакхизм «одичание» пережить изнутри «выразить внешне все процессы перерождения весной мёртвой природы в живую. Из этого положения вытекает четвёртый постулат древнебашкурдского искусства, который гласит: Вакхизм, от Вахши «дикий» (башк.) психического состояния человека, есть необходимое условие для учёного – исследователя, желающего постигнуть суть эстетической предметности жертвенного обряда Хабандтуй.

Так, из года в год на протяжении тысячелетий жили предки башкурдов и курдов – ведические индо арии Куру, созерцающая циклическое вращение звёзд и планет в небе, непременно вызывающее периодическую смерть и воскресение земли Урал –батыра. Раз в году, в жертвенном обряде Хабандтуй предки башкурдов разыгрывали, как в сценическом действии, смерть и воскресение Урала, для того чтобы, испытать страсти растерзания первопредка на себе, и пережить те чувства своего родства и полного равенства с природой, которые в метафоре описал поэт Фёдор Михайлович Тютчев:

В час тоски невыразимой
Всё во мне и я во всём.

**Курдско – мидийские, парфянские
истоки происхождения
иудейско – христианской Пасхи – Бъз Каши.**

Псалом 21

17. Ибо псы окружили меня,
скопище злых обступило меня,
пронзили руки мои и ноги мои
18. Можно было бы перечесть
все кости мои,
а они смотрят на меня
и делают из меня зрелище.
19. Делят ризы мои между собой,
и об одежде моей бросают жребий.

Царь Давид.

В курдском языке слово Пез «овца», а - Бъзын «коза». В башкурдском языке слово того же корня – Бызау «телёнок». Обряд жертвоприношения весной козлёнка, барашка или телёнка символизировал таким образом для башкордов и их предков ведических ариев Куру – самопожертвование божества земному миру, началом которого по мифу явилось космическое жертвоприношение богам Пуруши – Диониса. Для ведических ариев все явления Природы представлялись как элементы культа: Солнце – огонь жертвенного костра; дождь – жертвенный напиток Хома – сома; лес – дрова для жертвенного костра; трава – пища для овец, коз, лошадей, коров, которые являются – жертвенной пищей богов и людей; гром в небе – это гимн, священная песня богов, вкушающих жертвенную пищу.

Ведические арии Куру, употребляя в пищу мясо овец, коз, лошадей, коров, считали, что тем самым становятся сотрапезниками своих богов наравне с которыми вкушают жертвенное мясо закланных в обряде животных. В образах Лошади и Быка у ведических ариев Куру почитался небесный Дьяус – Зевс, телёнок и козлёнок с ягнёнком воспринимался как Сын Бога (Дьяуса) Живаго.

В мифах и обрядах древних греков потомков дорийских и ахейских ариев ягнёнок – козлёнок – телёнок представлен как Дионис – сын Зевса – Дьяуса. Козлиная, животная природа бога была понята и названа др. греками – Дионисом, то есть по башкурдски – Диуана «сумасшедший», блаженный, - сын Диев. Здесь мы видим робкую попытку древних ариев через название объяснить происхождение разумной, социальной жизни из неразумно – блаженной, сумасшедшей, животной Природы.

Ведические арии Куру, а также ахейские и дорийские эллины считали Дьяус – Космический Бык (Гайомарт), Небесный жеребец (Риг – Веды), погибая, порождает из своего тела минеральный мир, к которому относятся также и звёзды и планеты. Космические воды, изливаясь на землю, порождают – мир биологический. Траву поедают овцы и козы, лошади и коровы и т.д. и тем самым порождают свой мир – мир животных. Человек, питаясь и мясом животных и злаками растений, организует собой – мир разумный. Как видим ведические арии Куру рассматривали всё строение Природы как непрерывный и беспрестанный процесс жертвоприношений, в котором один класс явлений и живых существ поедает или живёт за счёт другого, предыдущего класса живых существ и, одновременно с этим питаясь другими, сам становится жертвой и источником жизни для последующего, наступающего класса явлений.

Курдское слово – Пез «овца» и глагол – хат «идти», «прибывать», «наступить», вместе – Пезхат образуют слово – Пасха, от которого и родилось впоследствии название иудео – христианского праздника пасхи, необходимым ритуалом которого являлось поедание мяса жертвенного Агнца.

Сам обряд справления Пасхи у ветхозаветных иудеев ясно и чётко показывает её связь с культом агнца – Диониса у митаннийских ариев Куру из Передней Азии, откуда по Библии в древности ушёл АВРААМ, сначала в землю Ханаанскую, а затем и в Египет.

Библия. (Бытие. Гл. 11 – 12)

- 28 И умер Аран при Фарре, отце своём,
в земле рождения своего, в Уре Халдейском.
- 31 И взял Фарра Аврама сына своего, и Лота,
сына Аранова, внука своего, и Сару невестку свою,
жену Аврама, сына своего, и вышел с ними из
Ура Халдейского, чтобы идти в землю Ханаанскую;
но дошедши до Харрана, они остановились там.
- 32 И было дней жизни Фарры двести пять лет,
и умер Фарра в Харране.
- Глава 12. – Переселение в Ханаан.**
- 5 И взял Аврам с собою Сару, жену свою,
Лота, сына брата своего, и всё имение,
которое они приобрели, и всех людей, которых они
имели в Харране; и вышли, чтоб идти в
землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую.
- 6 И прошёл Аврам по земле сей до места Сихема,
до дубравы Море. В этой земле тогда жили Хананеи.

Переход в Египет.

10 И был голод в той земле.

И сошёл Аврам в Египет, пожить там.

Напоминание о прежней родине в Месопотамии у Ефрата.

Глава 15.

Я Господь Который вывел тебя из Ура Халдейского

Глава 28.

- 5 И отпустил Исаак Иакова, и он пошёл в Месопотамию к Лавану сыну Вафуила ... к брату ... матери Иакова ...

Книга Иисуса Навина

Глава 24.

- 2 И сказал Иисус всему народу: так говорит Господь, Бог Израилев: «за рекою жили отцы ваши издревле, Фарра отец Авраама и отец Нахора, и служили иным богам
- 3 Но взял отца вашего Авраама из-за реки, и водил его по всей земле Ханаанской.

Курдско-халдейское происхождение ветхозаветных патриархов.

Как пишет А.Владимиров, ссылаясь на ветхозаветные апокрифы (см. Книга Юбилеев, перевод Е.В.Витковского, М.2001 г.), предками ветхозаветных патриархов были Халдеи Месопотамии: “Кабирами звали жрецов культа Кабириков – высочайших богов (тождественны халдейским Элохимам и ведическим Кумарам). Финикийцы переняли культ Кабириков от древних греков (и, быть может, пеласгов), а от финикийцев его усвоили евреи. Однако, Иегова-Сатурн у финикийцев и иудеев в этом культе стал не одним из, а главою низшей семирицы богов. “Книга Юбилеев” утверждает, что Серух (ср.Быт.11:21), прадед Аврама, был сыном дочери Кеседа, имя которого комментаторы отождествляют с халдеями (евр. kas. (e)dim), поскольку говорится, что “Ур, сын Кеседа, построил город Ару Халдейскую, и нарек имя по своему имени и имени отца своего (т.е. Кесед=Халдей)” (Книга Юбилеев, XI). Дед Аврама, Нахор (ср.Быт. 11:22) был рожден от “Милки, дочери Кабира”, и Серух обучил Нахора “халдейской науке гадания и предсказания по знаменам небесным”. (Книга Юбилеев, XI). В свою очередь отец Аврама, Фарра, был от “Ияски, дочери Нестага Халдейского” (там же). Аврам же рожден от Эдны, происходящей также от Ияски (там же). Сара, жена Аврама, была сестрою Аврама, правда, от другой матери. (Быт. 20:12), но по отцу родственной также халдеям. Таким образом, Аврам имел мать, бабуку, прабабку – дочерей Халдеев, а прапрадед Аврама являлся основателем Ура Халдейского, города, известного своим поклонением Богу Луны. Богу Луны поклонялись в Харране, откуда происходят Лия и Рахиль (праматери колен Израиля), которым Фарра приходился прапрадедом. Таким образом, по матерям, которым определяется наследственность у евреев, вся

женская линия праматерей проистекает от Халдеев, или от некоего рода, который был обучен в халдейскую науку, или которые были Кабирами. Имена в указанной родословной – это символы, но они многократно показывают о связи евреев с халдеями, т.е. с халдейской наукой, известной в еврейской традиции под названием Каббала (см.”Кумран и Христос”, М. 2002, стр.671-672)

Месопотамская родина и Курдско-Халдейское происхождение и генеалогия ветхозаветных, библейских патриархов точно совпадает и согласуется с курдским индогерманским языком, в котором слово дьжжу “отдельный”, “еврей” стало одновременно и этнонимом – jew (англ.) целого народа сохраняя на протяжении нескольких тысячелетий память о переселении через Ефрат – івігі как митанийских ариев Куру и Хурритов-матиенов (гиксосов) в 18 в. до н.э., так и Аврама сына Фарры из Ура Халдейского.

Установление о пасхе и предписание об Агнце.

Библия Исход XII, 2 – 27.

1. И сказал Господь Моисею и Аарону в земле Египетской. Говоря:
2. Месяц сей да будет у вас началом месяцев; первым да будет он у вас между месяцами года.
- 3.[...] В десятый день сего месяца пусть возьмут себе каждый одного агнца по семействам, по агнцу на семейство.
- 4.А если семейство так мало, что не съест агнца, то пусть возьмёт с соседом своим, ближайшим к дому своему по числу душ; по той мере, сколько каждый съест, расчислитесь на агнца.
5. Агнец у вас должен быть без порока, мужского пола, однолетний; возьмите его от овец или от коз.
6. И пусть он хранится у вас до четырнадцатого дня сего месяца: тогда пусть заколет его всё сообщество, ..., вечером.
7. И пусть возьмут от крови его и помажут на обоих косяках и на перекладине дверей дома, где будут есть его.
8. Пусть съедят его в сию самую ночь, испечённое на огне; с пресным хлебом и с горькими травами пусть съедят его.
10. Не оставляйте от него до утра; но оставшееся от него до утра сожгите на огне.
11. Ешьте его так; пусть будут чресла ваши препоясаны, обувь ваша на ногах ваших и посохи ваши в руках ваших, и ешьте его с поспешностью; это Пасха Господня.
14. И да будет день сей памятен, и празднуйте в оный праздник Господу, во все роды ваши; как установление вечное празднуйте его.
15. Семь дней ешьте пресный хлеб; [круглый как диск Солнца, прим С.Г.]
16. И в первый день да будет у вас священное собрание и в седьмой день священное собрание: никакой работы не должно делать в них.

Календарное соответствие.

В древнееврейском календаре середина первого месяца Авив или Нисан соответствует: второй половине марта и первой половине апреля. Таким образом установленная дата празднования Пасхи в Библии напрямую совпадает с курдско – иранским праздником весны и нового Года – Ноурузом, отмечаемого в течении 7 дней после весеннего равноденствия 22 марта. Для курдов Месопотамии, Передней Азии в отличии от иранцев праздник весеннего равноденствия является особым, национальным праздником, поскольку по «АВЕСТЕ» именно в Ноуруз курдский народ был спасён от полного истребления злым царём Ажи Дахакой. Здесь необходимо указать, что для ветхозаветных евреев Пасха является Днём освобождения и спасения их народа от гнева Фараона Египетского. По иранским представлениям Ноуруз есть день вхождения солнца в созвездие Овна.

Иранские элементы иудейской веры.

Иранцы

1. Митра – бог солнца ангел
2. Гайомарт – Бык тельцу
3. Хаешма – злой демон Ярости
4. Семь бессмертных риши в Риг – Веде или Амеша Спента в «АВЕСТЕ»
5. Ноуруз
явление божественного Хварно в виде ягнёнка. Все блюда во время Ноуруза готовят из мяса барашка.
Избавление курдов от злого Ажи – Дахаки.
6. Священный белый змей Шахмер.

Зия-змей(курд. яз.)

7. Семь священных блюд Науруза
8. Возжегание огней осенью в день Сада

Предки курдов месопотамии Хурриты – Матиены в 18 – 16 веках до нашей эры под именем Гиксосы владели Египтом. Установление Пасхи и её проведение Моисеем перед походом, закончившийся завоеванием Палестины полностью соответствует у ведических ариев Куру священному обряду Ашвамедха, который непременно исполнялся перед военным вторжением на новую (чужую) землю.

Баран – бердан и козёл отпущения.

Avathrima – Тисри.

Курды Месопотамии каждый год осенью 20 – 25 сентября справляют праздник Бэран бэрдан «запуск баранов – самцов в стадо». Как сообщил автору информатор – курд Хасан Халоян житель п. Октабержан Арм. ССР праздник Бэран бэрдан установлен у курдов по случаю случки мелкого скота осенью. В это время курды украшают овец яркими лентами, а баранам – самцам красят рога в красный цвет.

Как писал Мела Махмуд Баязиди: «И праздники Бэран бэрдан и Сада – Пез тоже празднуют по этому стилю. Когда наступает середина осени, они по [принятому] обычаю пекут гату [сладкое печенье] и идут к отарам овец; и они разукрашивают баранов и ведут их к отарам овец. Там они раздают [всем присутствующим] гату, едят сами и веселятся. Потом пускают баранов в стадо [овец]. Спустя сто дней после праздника баранов, снова готовят гату и различные кушанья и снова веселятся, радуясь благополучию своих овец». (см. Мела Махмуд Баязи «Нравы и обычаи курдов» М. 1963 г. стр. 43)

Как пишет в «Предисловии» переводчик книги М.Б. Руденко: «Впервые в научной литературе описание этого праздника появляется в статье С. Викандера [«Ein Fest bei den Kurden und im Avesta» «Orientalia Suecana», vol IX, 1960 Uppsala 1961, S. 7 – 10.]; автор связывает этот праздник с авестийским термином varšni harəzana («выпускание самцов») Varšni haršta. Термин этот означает обычай запуска баранов в осенний праздник в честь божества в период Avathrima (сентябрь – октябрь), в то время, когда пастухи со стадами возвращались с летних пастбищ (см. Мела Махмуд Баязиди указ. соч. «Предисловие» стр 6).

Курдский праздник Бэран бэрдан «запуск самца – барана», проводимый в период осеннего равноденствия во время Avathrima напрямую восходит к древнему зороастрийскому празднику Седе, когда как считалось силы зла в мире становились особенно опасны для человека. В этот период разжигали костры с целью отогнать от людей, от домов, от скота духов зла и нечистой силы. Слово – Со, Сот, сотын в курдском языке как раз и означает «жечь», «сжигать», «палить», «разжигать» (костёр, огонь).

Этот курдский обряд выпуска в стадо барана – самца (козла – самца) осенью, а затем ритуал изгнания нечистой силы путём разжигания огня – Саде, находит своё продолжение у ветхозаветных иудеев – дьжжу «отделившиеся» (курдск.яз. диал. Курманджи). В Библии (Левит XVI, 2 – 34, XXIII, 26 – 32) говорится, что Осенью в 10 день Тисри - седьмого месяца, который по нашему календарю приходится на 10 сентября

первосвященник должен был взять двух козлов – самцов и, поставив их перед Скинией Завета(сшитой из полотна, сотканного из козьей шерсти) бросить жребий – пур, который решал какого из козлов нужно принести в жертву, а какого другого – выпустить изгнав в пустыню.

Левит XVI.

7. И возьмёт двух козлов, и поставит их перед лицом господним у входа скинии собрания;
8. И бросит Аарон о обоих козлах жребии: Один жребий для Господа, а другой жребий для отпущения.
9. И приведёт Аарон козла, на которого вышел жребий для Господа, и принесёт его в жертву за грех.
10. А козла, на которого вышел жребий для отпущения Поставит живого пред Господом, чтобы совершить над Ним очищение и отослать его в пустыню для отпущения.
21. И возложит Аарон обе руки свои на голову живого козла и исповедает над ним все беззакония сынов Израилевых и все преступления их и все грехи их, и возложит их на голову козла и отошлёт с нарочным в пустыню.
22. И понесёт козёл на себе все беззакония их в землю непроходимую, и пустит он козла в пустыню.

Из текста Библии видно, что иранский зороастрийский осенний праздник Ауаthrima выпуска барана – самца и затем изгнания нечистой силы стал у потомков Авраама, ушедшего из Ура Халдейско – Курдского осенним праздником – Днём Очищения в месяц Тисри, когда первосвященник единственный раз в году входит в Святое Святых, где горел неугасимый огонь и кровью жертвенного животного – козла кропил – Ковчег Завета.

Пасха Нового Завета.

По церковной традиции считается, что Иисус Христос был последним, кто совершил ветхозаветную пасху со своими 12 – ю апостолами и затем, претерпев страдания и умерев на кресте, Воскрес, одержав победу над адом и смертью, указал всем христианам через Причащение своим Святым телом и кровью путь в жизнь вечную. Первая проповедь о Мессии – Спасителе мира восходит у иудеев к ветхозаветным временам, к пророку Исайи, которого часто называют – Ветхозаветным Евангелистом.

Пророчество Исайи о Мессии – Агнце.

Глава 53.

4. Но Он взял на себя наши немощи, и понёс наши болезни а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и унижен Богом.
7. Он истязуем был, но страдал добровольно, и не открывал уст Своих; как овца, ведён был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст своих.

Пророк Исайя жил приблизительно за 759 лет до нашей эры, начиная с последнего года правления царя Озии (811 – 753), когда впервые он изрёк своё пророчество и кончая правлением царя Езекии (728 – 699). Именно в этот исторический период в Древней Греции получил особое развитие культ Диониса - Агнца сына Дьяуса – Зевса, пришедший в Элладу с территории Малой Азии в 8 в. до н.э. Чисто аллегорически Исайя изображает Мессию бессловесным Агнцем безропотно идущим на смерть. Ветхозаветные иудеи полагали, что кровь невинных агнцев, принесённых в жертву богу, очищает их от греха, тогда как с рождением Христовым все христиане считают и верят в то, что Бог Вседержитель послал своего Сына «яко Агнца» для заклания в жертву этому миру.

Евангелие от Матфея

Глава 26.

17. В первый же день опресноков приступили ученики к Иисусу и сказали ему: где велишь приготовить Тебе пасху ?
18. Он сказал: пойдите в город к такому-то и скажите ему: “Учитель говорит: время Мое близко, у тебя совершу пасху с учениками моими”.
19. Ученики сделали, как повелел им Иисус, и приготовили пасху.
20. Когда же настал вечер, Он возлег с двенадцатью учениками.
26. И когда они ели, Иисус взял хлеб и благословив преломил и раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.
27. И взяв чашу и благодарив, подал им и сказал: пейте из нее все;
28. Ибо сие есть Кровь Моя нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов.

Послание к евреям святого апостола Павла.

7. А во вторую [скинию завета «Святая Святых»]
- однажды в год один только первосвященник,
не без крови, которую приносит за себя
и за грехи неведения народа.
11. Но Христос, Первосвященник будущих благ,
Пришед с большею и совершеннейшей скинией,
То есть не такового устройства.
12. И не с кровью козлов и тельцов,
Но со Своею Кровию, однажды вошёл во святилище
И приобрёл вечное искупление.
13. Ибо, если кровь тельцов и козлов и пепел телицы
Через окропление освящает осквернённых,
Дабы чисто было тело.
14. То кольми паче Кровь Христа, Который
Духом Святым принёс себя непорочному Богу,
Очистит совесть нашу от мёртвых дел,
Для служения Богу живому и истинному.
15. И потому Он есть Ходатай нового завета,...
27. И как человекам положено однажды умереть,
А потом суд.
28. Так и Христос однажды принесши Себя
В жертву, чтобы подъять грехи многих,
Во второй раз явится не для очищения греха,
А для ожидающих Его во спасение.

Первый Вселенский Собор постановил всем христианам праздновать Пасху в 1 воскресный день после весеннего равноденствия и 1 мартовского полнолуния, чем собственно и объясняется почему каждый год день воскресения Христова приходится на разные дни. Самое раннее весеннее полнолуние наступает 22 марта, а самое позднее 19 апреля, причём иногда и на понедельник недели. Поэтому праздник Пасхи всегда справляют между 22 марта и 24 апреля. Во время Пасхи все христиане как курды Месопотамии на праздник Хьдър – Наби дарят друг другу крашенные куриные яйца.

Нисхождение Святого Духа.

Диуана – Вакши.

Отличительной чертой культа Диониса – Вакха сына Дьяуса – Зевса у античных греков и древних иранцев – парфян являлось внезапное священное безумие Вакши, которое овладевало всеми участниками праздничного шествия. Начиная с архаичной эпохи фетишизма и оборотничества, вплоть до эпохи раннего средневековья, люди верили, что чувственные переживания являются демонами, овладевшие частями тела – сердце, глаза, печень, мозг человека. Поэтому экстатический восторг, охватывавший участников обрядов Диониса у греков или игры – Бузкаши «драть козла» у иранцев – парфян, овладевших Иерусалимом за столетия до составления Евангелия, понимался и казался окружающим людям как – Нисхождение Духа Божества.

Деяния святых апостолов.

1. При наступлении Дня Пятидесятницы
все они были единомысленно вместе.
2. И внезапно сделался шум с неба,
как – бы от несущегося сильного ветра
и наполнился весь дом, где они находились;
3. И явились им разделяющиеся языки,
как – бы огненные, и почили по одному на каждом из них.
4. И исполнились все Духа Святого
и начали говорить на иных языках,
как Дух давал им провещивать.
6. Когда сделался этот шум, собрался народ
и пришел в смятение; ибо каждый слышал
их говорящих его наречием.
9. Парфяне и Мидяне и Еламиды,
и жители Месопотамии, Иудеи и Каппадокии,
Понта и Асии.
10. Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии,
принадлежащих к Киринее, и пришедшие из Рима,
Иудеи и прозелиты.
11. Критяне и Аравитяне ...
12. И изумлялись все и недоумевая говорили
Друг другу: что это значит?
13. А иные, насмехаясь, говорили:
они напились сладкого вина.

Среди всех очевидцев, наблюдавших в Иерусалиме Нисхождение святого духа Божества на апостолов, творящих молитвы, первыми указаны иранцы-Парфяне, которые сами каждый год весной, как и башкорды поклонялись священному огню Борзен – Михрбан и каждую весну, как башкорды, исполняли обряд Бузкаши – разодрать козла – Диуана – Диониса сына Дьяуса – Зевса, то есть - Дейеу Пәрейя.

Затем указаны жители Елама, язык которых стал персидским уже к эпохе Парфянского царства. Далее следуют по порядку: жители Месопотамии [то есть курды], Иудеи и Каппадокии, Понта и Азии, Фригии и Памфилии, Египта и частей Ливии, Критяне, Аравитяне и иудеи жители Рима. Все эти указанные области входили в состав империи Ахеменидов, поэтому их жители прекрасно знали, как персидский язык, так и сам обряд – Раздиранья козла. Жители Фригии и Памфилии сами были греками, справлявшие обряды Диониса, а у жителей Крита, также греков, по античной традиции и зародился впервые сам культ Диониса – Агнца.

Этот анализ показывает нам, что апостолы после Нисхождения Святого Духа **говорили только на 3 языках: иранском, греческом и арамейском.**

Мы знаем, что иранцы в древности поклонялись священному Огню, как и ведические арии Куру, обожествлявшие огонь – Агни, и латиняне – огонь: ignis. Следовательно, исходя только из этого, можно понять, почему в Деяниях апостолов это Нисхождение Святого Духа изображено как явление с неба – Огненных языщев. Кстати и современная физика подтверждает, что во Вселенной источником жизни является – Свет, а любой Первоединый Свет есть Божество – Первоисточник Жизни.

В связи с этим уместно указать и на тот факт, что в Восточном православии день Нисхождения Святого Духа празднуется как День Святой Троицы и в этот праздник церкви украшаются зелёными ветвями и цветами, которые символизируют начало весны, то есть начало нисхождения Солнечного Света (с 22 марта) оживляющую всю природу. Этот же обряд существовал и в иудейских синагогах. У древних иранцев и античных греков оживление природы весной после зимы по нималось как нисхождение божественной силы на животный, неразумно-дионисийский [диуана, башк.] мир, вследствие чего наступает всеобщее безумие – Вакхизм, от башкордского – Вахши «одичание», которое затем порождает – Разум. Нет никаких сомнений, что для присутствующих в Иерусалиме иранцев – парфян, поклонявшихся своему священному родовому огню, носящего башкордское имя Борзен – Михрбан, это Нисхождение Святого Духа на человека представлялось в облике яркого света и огня.

Вакхизм ветхозаветной религии иудеев.

Рогатый жертвенник.

Исход. Глава 30.

И сделай жертвенник для приношения курений;
Из дерева ситтим сделай его

2. Длина ему локоть, и ширина ему локоть;
он должен быть четырёхугольный; а высота ему два локтя;
из него должны выходить роги его.
10. И будет совершать Аарон очищение над рогами его однажды в год;
кровию очистительной жертвы за грех он
будет очищать его однажды в год в роды ваши.
Это святыня великая у Господа.

Рога Господа

Псалом 43.

6. С тобою избодаем рогами врагов наших
во имя Твоё.

Псалом 74.

5. Говорю безумствующим: «не безумствуйте»,
и нечестивым: «не поднимайте рога»
11. Все роги нечестивых сломлю,
и вознесу роги праведника.

Вакхическое шествие.

Псалом 67.

25. Видели шествие Твоё, Боже
шествие Бога моего, царя моего во святыне.
26. Впереди шли поющие, позади играющие на орудиях,
в середине девы с тимпанами.

Псалом 97.

5. Пойте Господу с гуслиями, с гуслиями
и с гласом псалмопения.
6. При звуке труб и рога торжествуйте пред Господом.

Псалом 150

- Хвалите Бога во святыне Его;
3. Хвалите Его со звуком трубным,
Хвалите Его на псалтыри и гуслиях.
 4. Хвалите Его с тимпаном и ликами,
Хвалите Его на струнах и органе.
 5. Хвалите Его на звучных кимвалах,
Хвалите Его на кимвалах громогласных.

Этимология имени Иегова (Исх. III. 14) в курдском языке Йе «тот» (местоимение относительное употребляется взамен имён мужского рода единственного числа)

Га «бык», Гаване зэрзан религиозно «бог – покровитель» (крупного рогатого скота), Зэрзан от Зэр «жёлтый» и Зер «золотой». Гаван «пастух»: Га «бык» + ван (словообразующий продуктивный суффикс, образует слова со значением деятеля).

Сказание о Золотом тельце в Библии.

Исход XXXII, 4.

1. Когда народ увидел, что Моисей долго не сходит с горы, то собрался к Аарону и сказал ему: встань, и сделай нам бога, который бы шёл перед нами [...]
2. И сказал им Аарон: выньте золотые серьги, которые в ушах ваших жён, ваших сыновей и ваших дочерей, и принесите ко мне.
[примечание – носить юношам серьгу в ухе является курдским обычаем]
3. И весь народ вынул золотые серьги из ушей своих, и принесли Аарону.
4. Он взял их из рук их, и сделал из них литого тельца, и обделал его резцом. И сказали они: вот бог твой Израиль, который вывел тебя из земли Египетской.
5. Увидев сие, Аарон поставил пред ним жертвенник, и провозгласил Аарон говоря: завтра праздник Господу.
6. На другой день они встали рано, и принесли всесожжения, и привели жертвы мирные: сел народ есть и пить, а после встал играть.

Корова и бык являлись священными животными ведических индо-ариев Куру. Предки курдов и чеченов Хурриты – Матиены овладели Египтом в 18 в. до н.э., то есть тогда, когда по Библии – Авраам вошёл в Египет, а через 2 столетия гиксосы были изгнаны фараоном – Ахмосом то есть тогда, когда Моисей (Моше) вывел свой народ из Египта. В облике быка – Дьяуса ведические индо арии Куру и античные эллины почитали Господа Светлого Неба. Подобное представление о Иегове как о Господе Света неоднократно встречается в Псалмах.

Псалом 96.

2. Облако и мрак окрест Его; [...]
3. Пред Ним идёт огонь, и вокруг пополяет врагов Его
4. Молнии Его освещают вселенную, [...]

Золотые тельцы Иеровоама.

III Книга Царств (гл. 12)

26. И говорил Иеровоам в сердце своём: царство может опять перейти к дому Давидову.
28. И посоветовавшись, царь сделал двух золотых тельцов [Гаване зэрзан, курдск. Яз. Диалект курманджи - Иегова] и сказал народу: не нужно вам ходить в Иерусалим; вот боги твои Израиль.

Корова считается священным животным у индо-ариев в Индии до настоящего дня.

Искоренение индоарийского митанийского культа Коня-Солнца у ветхозаветных евреев-ibri.

Библия 4-ая книга Царств (эпоха царя Иосии 642-611 г.г. до н.э.)

Глава 23.

11. [царь Иосия] И отменил коней, которых ставили цари Иудейские Солнцу пред входом в дом Господень и колесницы Солнца сжег огнем.

Примечание. На Южном Урале на погребении ведических ариев - Куру Синташты (2 тыс. до н.э.) обнаружено погребение коней с колесницами, посвященные богу Солнца – Сурье, который в башкордском мифе «Акбузат – Белый конь» почитается как отец героя Торна – Хаубена (вед. Трита – Аптя) выведшего небесных коней со дна мировых вод.

Мессия Агнец – сын Божий. Христос – Хьрка – Харык.

Древнегреческое имя Христос - Χρῖστος имеет курдский корень – Хьри, обозначающий – 1) Хьрка «щерсть-пух» (овцы – агнца),

- 2) Хьрка «плащ, рубище аскета, монаха, суфия»,
- 3) Харык «порода овец с особо тонким пухом» в горах Загроса, Курдистан, где обитает курдское племя Шейх-Бызни, почитающее своим прародителем козлоподобного старца.

Индо-иранский башкордский род Бурзян. Этимология и история распространения имени с Южного Урала до Передней Азии

Имя Бурзян исконно индо-иранского происхождения. В «АВЕСТЕ» слово Берсизава означало огонь солнца. (который полыхает перед лицом самого Ахура – Мазды). Позднее с установлением господства пехлевийского языка имя огня солнца Берсизава стало произноситься Берези Саванг. В эпоху Парфянского царства авестийское слово Берсизава стало произноситься Бурзян.

В современном курдском языке слово того же авестийского корня Вьгзуан означает «жарить, печь, калить на огне».

Башкорды издревле именем Бурзян называют цепь горных отрогов Южного Урала. Эта традиция башкордов напрямую восходит к тексту «АВЕСТЫ», где именем Хара – Березайти «Высокая Хара» названа горная цепь, расположенная на севере. Авестийская горная гряда Хара – Березайти, как установили учёные, соответствует индийскому названию мифических гор Сумеру, которая по «Ригведе» располагалась на севере на местах прежнего обитания ведических индоариев, т.е. на Южном Урале, (Аркаим, Синташта). По преданию, в эпоху переселения индо-иранских племён с севера на юг, т.е. с Южного Урала в Северную Индию и Иран, по «АВЕСТЕ» священный огонь Бурзян – Михрбан был перевезён с двумя другими огнями со своей прежней родины на новую.

Авеста «Бундахиши» гл. 17.

(О перенесении башкордского огня Бурзян – Михрбан)

«(1) Эти три огня суть Атур Фарнбаг, Гушнасп и Бурзенмихр. (2) От начала сотворения мира они существуют в благодати именно в таком виде, как Ахура – мазда определил их благодать [фарн] для охраны и защиты мира. (3) И в период царствования Тахмураса на спине быка Сришока, когда переселялись люди из Хванираса (мифическая прародина иранцев) в другие климаты земли, однажды ночью, посреди моря при сильном ветре упал алтарь с огнём со спины быка, на которой он был установлен. Тогда все три [этих] огня, подобно трём благодатям [фаррам] загорелись на месте [этого] алтаря огня, и вновь стало светло, и те люди смогли пересечь море. (5) А Йима (у Фирдоуси – Джемшид) во время своего царствования благодаря помощи тех трёх огней, правил более успешно. И установил он Атур Фарнбаг в храме (dadgah) на горе Хваррохомахед в Хорезме (rad Xwarazm). А когда Йима был предан, то именно Атур Фарнбаг спас его фарр от посягательств Дахака (у Фирдоуси – Зоххак). (6) В царствование царя Вишпасапы благодаря откровению свыше (букв. «откровению из веры») [его] [Атур Фарнбаг] перенесли из Хорезма на гору Рошин, которая около селения

Карнийан, и до сего дня этот огонь находится там. (7) Атур Гуинасп до царствования Кей – Хосрова также защищал мир. Когда Кей – Хосров разрушал капища идолов, он [огонь] сиял на гриве [его] коня, разгонял тьму и освещал мир. И так было всё время, пока [Кей – Хосров] разрушал капища идолов. И там, на горе Аснаванд был основан храм этого огня. Его называют «Гуинасп», потому что он находился на гриве коня. (8) Атур Борзин – Михр до правления царя Виштаспы также сохранял мир. Когда Заратуштра с бессмертной душой провозгласил [свою] веру, то для её распространения, чтобы сам Виштаспа и его потомки придерживались веры богов, огонь (Атур Борзен – Михр) показал многие знамения. Виштаспа основал его храм на горе Реванд, которую называют «хребет Виштаспы».

Ведические индо-арии Куру. Башкурды – огнепоклонники.

В башкурдском языке как и в иранско-курдском языке слово «кур» - означает «огонь», «жар», «калить». Вместе с этим значением в курдском языке существительное – кура «костёр», что соответствует немецкому kerze «огонёк», «свеча». Исходя из этого следует признать, что этнонимы двух генетически родственных народов курды-башкурды означает «огнепоклонники», что семантически соответствует религиозному термину «зороастриец – зороастрийцы», которыми являлись древнеиранские племена, почитавшие три священных огня, один из которых назывался Атур – Борзен – Михрбан, чьё имя продолжают носить одновременно два рода Барзан – Бурзян у курдов Месопотамии и башкурдов Южного Урала, где один из горных районов также носит авестийское имя Бурзян. Подтверждением древней миграции индоиранских племён с Южного Урала служит наличие 2-х миллионного иранского народа Башкарди, обитающего на юге Ирана по побережью Ормузского пролива и Оманского залива. Безусловно, народ Башкарди прибыл в Иран во II тыс. до н.э. в эпоху распада индоиранской этнической общности.

Скифы Ишкуза

Предки башкурдов сако – массагеты, которые в 7 в. до н.э. вторглись с севера в Иран в качестве союзников Мидии и страны Манна, воевавших с Ассирией. В ассирийских клинописных документах скифы – саки названы иранским именем Ишкуза. В башкурдском языке слово «куз», как и в курдском – «кузи» означает «горящий уголёк», «жар», «огонь». Это название соответствует национальной религии саков – массагетов, поскольку, как установили археологи, раскапывая могилы иранских кочевников на Южном Урале, религией скифов было поклонение Огню – Куз. Даже в 17 в. башкурды Южного Урала свято чтит своих иранских предков, сохранившихся в памяти народа как мифические цари Парадата – первозаконодники.

Династия Парадата.

1. Хаошьянгха Парадата.
2. Тахма – Урупи (внук Хаошьянгха – Парадата)
3. Йима (брат Тахма – Урупи) Власть захватывает злой дракон Ажи Дахака. По Авесте в правлении Ажи Дахаки возник курдский народ.
4. Траэтона. Потомок Йимы, Траэтона свергает Ажи Дахаку, возвращает царскую власть. У Траэтона было три сына: Арья, Сайрима, Тур. По иранским мифам от Сайрима произошли сарматы, от Тура – туранцы – кочевые иранские племена, от Арьи - иранцы. Сайрима и Тур убили своего младшего брата Арья, любимого сына Траэтона и захватили царскую власть в Иране.
5. Манушчихр (сын внучки Арьи). Манушчихр убил Сайрима и Тура и, отомстив за смерть своего прадеда Арьи, вернул себе царский трон. В эпоху Манушчихра на Иран нападает Франграсян, который также происходил из рода Траэтона. Он был сыном Пашанга – потомка Тура в пятом поколении. В правление Манушчихра лучник Эрехш совершил свой знаменитый подвиг, разделив стрелой земли иранцев и туранцев.
6. Нотар (Сын Манушчихра)
7. Туса. (Сын Нотара)
8. Узава. (внук Нотара)
9. Сама Керсаспа Нарьямана.

Кави (Учитель) 2-я династия царей Ирана.

1. Кави Кавата.
2. Кави Апивоха (сын Кавата). Имел 4-х сыновей: Кави Аршан, Кави Бияршан, Кави Пишина, Кави Усан.
3. Кави Усан (сын Апивохи)
4. Съяваршан (сын Усана).
5. Кави Хаосрава (сын Съяваршана).
6. Арватаспа (сын Авзара, правнука Кави Пишины сына Кави Усана)

Эпоха Заратустры.

Заратустра – пророк был потомком в 14-м поколении Манушчихра царя Ирана. Заратустра обожествлял собаку, чей культ был чрезвычайно развит у сако – массагетов. Заратустра был изгнан соплеменниками из своей общины. Как установили учёные – авестологи, анализируя

«священные песнопения» гаты, Заратустра жил в местности к востоку от реки Волги, то есть на территории исторического Башкурдистана. Покинув Урал, пророк Заратустра пришёл в Мидию к курдам и обратил в свою веру царя Виштаспу.

Курды – Мидийцы.

Годы до н.э.	Цари
IX в.- ок. 727	племенные вожди
Ок. 727 – ок. 675	Дейок
Ок. 675 – ок. 652	Фравартиш (греч. Фраорт)
652 – 625	Скифское господство
625 – 585	Киаксар
585 – 550	Астиаг

Ахемениды

XI – VII в.в.	Ахемен (древнеперс. Хахаманиш)
Ок. 700 – ок. 675	Чишпиш (греч. Теиспес)
Ок. 675 – ок. 640	Кир I (древнеперс. Камбузи)
Ок. 640 – ок. 600	Камбиз I (древнеперс. Кураш)
Ок. 600 – ок. 559	Кир II – Свержение господства курдских
Ок. 559 – 530	(Великий) магов в империи и захват персом
(в Иране)	царской власти.
539 – 530 (в Вавилоне)	Камбиз II Восстание курдских магов
530 – 522	и захват власти
522	<u>Лже – Бардия(Гаумата; греч Смердис)</u>
	Свержение власти курдских магов персами
522 – 486	Дарий (древнеперс Дарайавауш)
486 – 465	Ксеркс (древнеперс. Хшайаршах)
465 – 424	Артаксеркс I (древнеперс. Артахшатра)
424 – 423	Ксеркс II (45 дней) Согдиан (6,5мес.)
423 – 404	Дарий II
404 – 359	Артаксеркс II
359 – 338	Артаксеркс III
338 – 336	Арс
336 – 331	Дарий III (Кодоман)

**Завоевание Ирана войсками Александра Македонского.
Борьба Бурзьян-Бурджан с войсками Александра Македонского
Эпоха 200-летнего правления греческих царесатрапов.**

«О бурзьянцах царедворцах в империи Ахеменидов» Ариа – Барзан (Бурзьян)

У Аристотеля (384 – 322 г.г. до н.э.) читаем:
«Некоторые совершают покушения под влиянием нескольких причин, как-то и из презрения и ради корысти, например Митридат против Ариобарзана».

[Ариобарзан – персидский сатрап (с 387 г. до н.э.) в Даскилии на Пропонтиде принял участие в восстании сатрапов против царя Артаксеркса (404 – 359 г. до н.э.), был предан своим сыном Митридатом и распят на кресте согласно Ксенофону (Суг VIII, 8.4.) в 362 г. до н.э.] (см. Аристотель соч. Т. 4. М. 1984 г. стр. 773.)

Битвы войск Бурзьян - Бурджан с армией Александра Македонского

Арриан (90 – 175 г.г. н.э. «Поход Александра» (книга III, 18)

Когда Александр Македонский во время своего похода на Восток после битвы с войсками Дария при Гавгамелах в 331 г до н.э. подошёл к: «... Воротам Персии, он застал там Ариобарзана, персидского сатрапа с войском, в котором было до 40 000 пехоты и до 700 всадников. Ариобарзан перегородил Ворота стеной и расположился перед ней лагерем, чтобы не пропустить через Ворота Александра.

Глава 18

- (3) Александр тоже стал тут лагерем. На следующий день он вывел войско и повёл его к стене, но вернулся обратно в лагерь, увидев, что штурмом взять стену нельзя. Место было неприступным; [...]
- (4) Пленные, однако, рассказали ему, что есть другая дорога, по которой можно обойти Ворота и оказаться по ту сторону их, но что она трудна и узка. Александр оставил в лагере Кратера с его полком, полком Мелеагра, небольшим числом лучников и 500 всадников и велел ему штурмовать стену
- (5) как только он узнает, что Александр уже обошёл кругом и подходит к персидскому лагерю (узнать это будет нетрудно, так как сигнал подадут трубы)
- (6) ...Сам он пошёл по трудной неровной дороге, причём большую часть её вёл войско бегом. Первый сторожевой пост варваров он перебил, напав на него до рассвета; убита была и большая часть воинов на втором посту.

- (7) Большинство людей с третьего поста разбежалось, прямо в горы, и побежали они не в лагерь к Ариобарзану, а с перепугу как быки, прямо в горы, так что на заре Александр напал на вражеский лагерь совершенно неожиданно. Одновременно с его переходом через ров трубы подали знак войску Кратера, и Кратер повёл людей на штурм стены.
- (8) ... Так большинство варваров попало прямо в руки македонцев и было перебито; другие погибли, срываясь в паническом бегстве с крутых обрывов. Сам Ариобарзан с немногими всадниками бежал в горы.

Глава 21

В это время прибыли к нему из Дариева лагеря Багистан, один из знатных вавилонян; и с ним Антибел, один из сыновей Мазея. Они сообщили ему, что Набарзан, хилиарх в коннице, бежавший с Дарием, Бесс сатрап Бактрии и Барсаент, сатрап арахонтов и дранганов, арестовали Дария.

- (2) Услышав об этом, Александр заторопился ещё больше; взял только «друзей» и всадников – «бегунов», отобрав в пехоте самых сильных и быстроногих людей и двинулся [...]
- (9) Сам он выступил перед вечером и нёсся рысью. Продолав за ночь около 400 стадий, он на рассвете наткнулся на варваров. Они шли без оружия и в беспорядке, и только немногие из них кинулись обороняться; большинство бежало без боя при одном виде Александра, да и те кто вздумал сражаться, когда несколько человек было убито, обратились в бегство.
- (10) Бесс и его единомышленники старались увезти с собой в повозке Дария, но когда Александр уже совсем настигал их, Сатибарзан и Барсаент, нанеся Дарию множество ран, бросили его и сами бежали с 600 всадников. Дарий немного спустя умер от ран раньше чем его увидел Александр.

Глава 23.

- (1) Александр дождался своих войсковых частей, оставших во время погони, и отправился в Гирканию. Страна эта лежит влево от дороги, ведущей в Бактрию [...]
- (3) Перевалив через первые горы и разбив там лагерь, он взял с собой щитоносцев, самых быстроходных пехотинцев – македонцев, лучников, какие у него были и пошёл с ними по трудной, почти непроходимой дороге. [...]

- (4) Сам он вместе с лучниками, пройдя через ущелье, расположился лагерем у маленькой речки. Здесь к нему явились и сдались Набарзан, Дариев хилиарх, Фратаферн,. Сатрап Гиркании и Парфии и другие знатнейшие персы из свиты Дария. [...]
- (6) Снявшись оттуда, Александр пошёл на Гиркинию, направляясь в город Гирканов Задракарты. [...]
- (7) Немного спустя к Александру прибыл Артабаз, сыновья его, Коф, Ариобарзан и Арсам и с ними послы от чужеземных войск, бывших на службе у Дария, а также Автофрадат, сатрап тапуров. Автофрадату он отдал его сатрапию, Артабаза и его детей принял с почестями, принимая во внимание их знатность и верность Дарию.

Глава 25.

Покончив с этим, он пошёл в Задракарты, самый большой город Гиркании, где находился и царский дворец. Проведя там 15 дней, принеся, как положено, жертвы богам и установив празднество с гимнастическими состязаниями, он пошёл к парфянам, а оттуда и в Сузию, город Арии, куда явился к нему Сатибарзан, сатрап ариев.

- (2) Александр оставил ему сатрапию, но послал с ним Анакsipпа, одного из «друзей», которому дал около 40 всадников – дротометателей, чтобы поставить по селениям сторожевые посты во избежание обид, которые могло причинить ариям войско, проходящее мимо. [...]
- (5) Александр собрался уже в Бактрию, когда получил известие о том, что Сатибарзан, сатрап ариев, убил Анакsipпа и его всадников дротометателей, вооружил ариев и собирал их в городе Артакоане, где у ариев был царский дворец. Узнав о продвижении Александра, он решил идти со своим войском к Бессу, чтобы вместе с ним напасть, где придётся, на македонцев.
- (6) Получив такое известие, Александр не пошёл в Бактрию, а с конницей «друзей», всадниками – дротометателями, лучниками, агрианами и полками Аминты и Кена спешно двинулся на Сатибарзана и ариев (прочее войско он оставил на месте под командой Кратера). Пройдя за два дня около 600 стадий, он подошёл к Артакоане.
- (7) Сатибарзан узнал, что Александр близко, испугавшись его стремительного продвижения, он бежал с несколькими всадниками – ариями, но большинство воинов покинуло его во время этого бегства, так как им тоже стало известно, что подходит Александр. Александр, разузнав, кто принимал участие в этом восстании и теперь покинул свои селения, разослал за

ними во все стороны стремительную погоню, одних он казнил, других обратил в рабство. Сатрапом ариев он назначил Арсака перса.

- (8) Сам он с войском, которое оставил с Кратером и которое теперь прибыло, пошёл в землю зарангов и достиг того места, где находился дворец их царей. Барсаент, управлявший тогда этой страной, один из убийц Дария, узнав о появлении Александра, бежал к индам, живущим за рекой Индом. Инды поймали его и отослали к Александру, который казнил его за измену Дарию. [...]

Глава 28.

Покончив с этим, он пошёл в Бактрию на Бесса, подчинив себе по пути дрангов и гадросов. Подчинил он и арахонтов; сатрапом же у них поставил Менона.

Он дошёл до земли индов, живущих по соседству с арахонтами. Войско истомилось, проходя по этим землям: лежал глубокий снег и не хватало еды.

- (2) Узнав, что арии опять восстали, так как к ним явился Сатибарзан с конницей в 2000 человек, полученной от Бесса, он послал против них перса Артабазу, а из «друзей» Эригия и Карана. Фратаферну сатрапу парфиев он приказал вместе с ними ударить на ариев.
- (3) Произошла жестокая битва между отрядами Эригия и Карана и войском Сатибарзана; варвары отступили не раньше, чем пал вместе с Эригием Сатибарзан, поражённый в лицо копьём Эригия.

Арриан «О посольстве скифов»

Книга 4. глава 15.

К Александру пришло опять посольство от европейских скифов; с ними были и послы, которых он сам отправил к скифам. Скифский царь как раз умер, когда их послал Александр, и теперь царствовал его брат.

- (2) Посольство должно было сообщить, что скифы готовы сделать всё, что скажет им Александр; ему поднесли от скифского царя дары, которые у скифов почитаются самыми драгоценными; царь готов выдать за Александра свою дочь ради укрепления дружественного союза.
- (3) Если Александр не удостоит скифскую царевну своей руки, то царь готов выдать за самых верных друзей Александра дочерей

скифских сатрапов и прочих могущественных людей скифской земли. Царь и сам придёт к Александру, если он ему это прикажет, чтобы от него самому услышать его распоряжения.

- (4) В это же время пришёл к Александру и Фарасман, царь хорасмиев, с конницей в полторы тысячи человек. Фарасман рассказал, что он живёт по соседству с племенем колхов и с амазонками, и вызвался, если Александр пожелает ударив на колхов и амазонок, покорить заодно и племена, живущие у Эвксинского моря, быть ему проводником и заготовить всё необходимое для войска.
- (5) Скифским посланцам Александр ответил ласково и так, как ему на то время было выгодно, но от скифских невест отказался. Фарасмана он поблагодарил, заключил с ним дружественный союз, но сказал, что идти к Понту для него сейчас несвоевременно. Он поручил Фарасмана персу Артабазу, которого поставил управлять Бактрией, Соседним сатрапам и отослал его обратно на родину.
- (6) Мысли его, говорил он, заняты теперь Индией; покорив её, он овладеет всей Азией, овладев же Азией, вернётся в Элладу и оттуда уже, через Геллеспонт и Пропонтиду со всеми сухопутными и морскими силами ворвётся на Понт. И он попросил Фарасмана отложить свою помощь, которую он предлагал сейчас.
- (7) Сам он опять отправился к реке Оксу и решил идти обратно в Согдиану, получив донесение о том, что множество согдиан собрались по укреплениям и отказались повиноваться сатрапу, которого им поставил Александр.
- (8) (см. Арриан «Поход Александра». – изд «Миф», М. 1993)

Борзяно – Парфянское царство

(ок. 250 – отделение провинции Парфия от империи Селевкидов.)

Парфия завоёвана кочевыми сакскими племенами во главе с Аршаком, объявившем себя царём в 248 г. до н.э. Провозглашение священного зароастрийского огня Борзян – Михрбан родовым огнём парфянских царей. Храм родового огня царей Борзян – Михрбан становится на 500 лет главным святилищем всей Парфянской империи.

Династия царей Бурзянидов в Парфии.	
Ок. 250 – 246	Аршак I
246 – 211	Тиридат I
211 – ок. 190	Артабан I
Ок. 190 – ок. 176	Фрияпатий
Ок. 176 – ок. 170	Фраат I
Ок. 170 – ок. 139	Митридат I
Ок. 139 – ок. 128	Фраат II
Ок. 128 – ок. 124	Артабан II
Ок. 124 – ок. 88	Митридат II
Ок. 88 – ок. 80	Готарз I
Ок. 80 – ок. 77	Ород I
Ок. 77 – ок. 70	Синатрук
Ок. 70 – ок. 58	Фраат III
Ок. 58 – 55	Митридат III
Ок. 58 – 38	Ород II
Ок. 50 – ок. 38	Пакор I
Ок. 38 – 3 до н.э.	Фраат IV
3 до н.э. – 3 н.э.	Фраат V
3 – 7	Ород III
7 – 12	Вонон I
10 – ок. 38	Артабан III
36 (неск. месяцев)	Тиридат II
37 (неск. месяцев)	Киннам
Ок. 38 – ок. 44	Вардан I
Ок. 44 – ок. 50	Готарз II
Ок. 50 – 76	Вологез I
Ок. 51	Вонон II
76 – 91	Вологез II
77 – 86	Пакор II
79 – 80	Артабан IV
91 – 114	Пакор II (вторично)
108 – 127	Ороз
111 – 146	Вологез III
Ок. 130 – ок. 147	Митридат IV
Ок. 147 – 190	Вологез IV
190 – 206	Вологез V
206 – 221	Вологез VI
Ок. 213 – 227	Артабан V
Ок. 226 – 227	Артавазд

Восстание персов во главе с Арташиром против вельмож Барзанидов – Бурджан в Парфии.

Бурзянская генеология царя Понта Митридата VI Евпатора (132 – 63 г.г. до н. э.)

Царь Митридат происходил из древнего знатного, княжеского иранского рода, возводившего своё происхождение к одному из шести сподвижников Дария I Ахеменида (522 – 486 г.г. до н.э.), помогшие ему свергнуть верховную власть мидийских (курдских) магов во главе с Гауматой и захватить трон – царя царей. Имена шести знатных ахеменидов друзей Дария I, известным нам по Истории (кн. III, 70) Геродота, который перечисляет их в таком порядке: «Отан же пригласил к себе Аспафина и Гобрия, знатных персов, самых преданных своих друзей, и поведал им всё. [...] И они решили, что каждый из них привлечёт к их союзу ещё одного перса, которому особенно доверяет. Так, Отан привлёк Интафрена, Гобрий – Мегабиза, Аспафин – Гидарна. Когда их стало шестеро, то прибыл в Сусы из Персии Дарий, сын Гистаспа (ведь отец его был правителем Персии). Так вот, по прибытии Дария, шестеро персов решили принять в сообщники и его».

Предки понтийского царя Митридата VI Евпатора упоминаются и прослеживаются в древнеперсидских источниках, находящимися на службе у Ахеменидов с конца V в. до н.э. Первым в этом списке является, по всей видимости, упоминаемый ещё Аристотелем сатрап геллеспонтской Фригии Ариобарзан сын Митридата. Ариобарзан потомок Мегабиза по всей видимости был очень сильным и храбрым правителем, если исходить из того исторического факта, что сумел открыто провозгласить себя царём, то есть обладателем независимого от персидского «царя-царей» Божественного Хварна. Однако религиозную реформу Ариобарзана не поддержал, скорее всего по политическим соображениям, его собственный сын Митридат, подчинившийся персидскому царю Артахшатре II (Ксерксу II – 404 – 359). Ариобарзан был распят на кресте.

Его сын Митридат стал впоследствии союзником Эвмена из Кардии сподвижника Александра Македонского, а после его гибели стал поддерживать Антигона I Одноглазого, другого военачальника македонского царя. Усиление политического авторитета Антигона I и его сына заставили остальных диадохов – Птолемея, Селевка, Кассандра, Лисимаха прекратить взаимные распри и образовать коалицию против Антигона Одноглазого. Поняв шаткость своего положения, Антигон испугался перехода Митридата сына Ариобарзана на сторону своих противников и поэтому приказал убить его в 302 г. до н.э.. Сын убитого Митридата, носившего имя своего отца Митридат, стал основателем Понтийского царства в 301 г. после гибели Антигона I в битве с 4 диадохами при Ипсе во Фригии и с 280 г. до н.э. стал носить царский титул.

Митридат I Ктист (Основатель) царствовал более 30 лет и после смерти ему наследовал в 266 г. до н.э. его сын Ариобарзан. Затем последовательно трон наследовали царь Митридат II (приблизительно 250 – 220 г.г. до н.э.), Митридат III (220 – 190 г.г. до н.э.), Фарнак (190 – 170), Митридат IV Филопатор Филадельф (170– 150 г. до н.э.), Митридат V Эвергет (150 – 120 г.г. до н.э.), Митридат VI Евпатор (132 – 63 г.г. до н.э.), Фарнак (63 – 47 г.г. до н.э.).

Митридат VI Евпатор по линии матери восходил в своей родословной к династии Селевкидов. Его мать была дочерью селевкидского царя Антиоха IV Эпифана (175 – 163 г.г. до н.э.), в правление которого случилась I-ая Маккавейская война. Фарнак, дед Митридата Евпатора захватил в 183 г до н.э. торговый город Синопу, а его отец Митридат V погиб, став жертвой заговора в синопском дворце.

Митридату Евпатору было 12 лет, когда погиб его отец и опасаясь за его жизнь, молодого царя отправили в горы Паряндра, где он вёл жизнь охотника и пастуха. Находясь в изгнании, Митридат Евпатор, подвергая себя всевозможным лишениям и ведя спартанский образ жизни, сумел закалить свой характер.

Митридату VI было 20 лет, когда он пришёл к власти. Несмотря на то, что со своей ранней юности он был в соприкосновении с эллинской культурой, Митридат VI осознанно придерживался древнеиранских традиций своего царского рода. Так, древнеиранской религии персидских царей – Маздаизма Митридат VI Евпатор остался верен до конца своих дней.

По преданиям Митридат VI Евпатор знал более чем 20 иностранных языков и мог свободно, без переводчиков разговаривать со всеми жителями своей многочисленной империи. В 109 г. до н.э. Боспорский царь Перисад V Спартокид передал верховную власть Митридату Евпатору. Союзники боспорского царя – скифы и сарматы, недовольные этим решением, подняли восстание во главе с Савмаком, которые захватили дворец и убили царя Перисада, после чего прервалась династия Спартокидов царей Боспора. Митридат VI послал против Савмака в карательную экспедицию войска во главе со своим полководцем Диофантом, который, подкупив сарматов, подавил восстание, казнил Савмака и присоединил Боспор к Понтийскому царству Евпатора.

Митридат VI Евпатор, происходя по своей генеологии от древнего иранского княжеского рода Ариабарзанов, вступил в династийный спор с другой ветвью своего генеологического рода Ариобарзанами, являвшимися с эпохи Дария сатрапами Фригии, а затем и царями Капподокийского царства в Малой Азии, (о чём забывают упомянуть историки – исследователи). Политические неурядицы в Капподокийском царстве Ариобарзанов начались с того, как в 130 г. до н.э. погиб её

царь Ариарат V, являвшийся союзником римлян в их войне с Аристиком, побочным братом пергамского царя Аттала III (139 – 133 г. до н.э.). Вдова Ариарата Ниса по преданию устранила своих пятерых сыновей и стала править сама, пока с чужбины не вернулся шестой сын Ариарат VI Эпифан, который вернул царскую власть себе и правил Каппадокией с 125 по 111 г.г. до н.э., пока не погиб от рук знатного вельможи Гордия. После смерти царя Капподокией стал править его несовершеннолетний сын Ариарат VII Филометр, который приходился племянником Митридату Евпатору. Во время одного из свиданий Ариарата VII с царём в 108 г. до н.э. Митридат VI собственноручно заколол его, а на место погибшего поставил царём Каппадокии своего восьмилетнего сына под именем Ариарат Эвсеп Филопатор.

Римская империя вмешалась в этот династийный спор и выступила защитником царей Каппадокии Ариобарзанидов. Римский сенат направил в Малую Азию полководца Суллу. Плутарх писал: «После претуры Суллу посылают в Капподокию, как было объявлено, чтобы вернуть туда Ариобарзана, а на деле – чтобы обуздать Митридата, который стал не в меру предприимчив и чуть ли не вдвое увеличил своё могущество и державу. Войско, которое Сулла привёл с собой, было невелико, но с помощью ревностных союзников он перебил много капподокийцев и ещё больше, пришедших им на подмогу, армян, изгнал Гордия и водворил на царство Ариобарзана.

Когда Сулла стоял у Ефрата, к нему явился парфянин Оробаз, посол царя Арсака. До тех пор оба народа ещё не соприкасались друг с другом; видимо, счастью своему Сулла обязан и тем, что первым из римлян, к кому обратились парфяне с просьбой о союзе и дружбе, оказался именно он. Рассказывают, что Сулла поставил три кресла – одно для Ариобарзана, другое для Оробаза, третье для себя - и во время переговоров сидел посередине. Оробаза, парфянский царь [Готарз I ок. 88 – 80 г. до н.э. прим. С.Г.] казнил за это». (см. Плутарх «Срав. Жизнеописания. Т. II. М. 1963 стр. 122.]

Ариобарзан – царь Каппадокии, изгнанный из своих владений зятем Митридата Тиграном Арсакидом. Сулла был пропретором, то есть наместником в ранге Претора Киликии и по прямому поручению римского сената занимался делами соседней Каппадокии. Гордий, изгнанный Суллой, был опекуном малолетнего царя Ариарата, поставленного Митридатом.

Первая Митридатова война, длившаяся с 89 г. по 85 г. закончилась заключением мирного договора между понтийским царём с римским пропретором Суллой возле городка Дардана в 85 г. до н.э. По рассказу Суллы они встретились на равнине, куда каждый приехал со своей свитой. Суллу сопровождали Никомед IV царь Вифинии и Ариобарзан царь Каппадокии, изгнанные Митридатом Евпатором из своих владений.

После того, как Митридат признал себя виновным, особенно в убийстве 80 тысяч италиков во время «Эфесской вечери» в 88 г. до н.э. и затем согласился с условиями мира с Римом, полководец Сулла обнял его и вызвал из своей свиты царя Никомеда Вифинского и Ариобарзана. Митридат поприветствовал Никомеда, но отказался поздороваться и обнять Ариобарзана на том основании, что тот не является истинным царём Каппадокии по праву прямого наследования.

В самом деле Ариобарзан – иранец, получил царский трон Каппадокии в 95 г. до н.э. в результате выборов; он дважды изгонялся и дважды возвращался на свой престол римлянами. Митридат сам был потомком Ариобарзана.

Митридату Евпатору (Ариобарзаниду) при заключении мира с Суллой в Дардане в 85 г. до н.э. было 47 лет. После того как Сулла, отплывая домой в Италию, передал командование римскими войсками Лицинию Мурене, тот вторгся в Каппадокию и в Понт и началась вторая митридатова война, длившаяся с 83 по 81 г. до н.э. В 78 г. до н.э. умер Сулла, а Митридат не сумел получить письменную форму Дарданского договора. В 74 г. до н.э. умер царь Вифиний Никомед IV, который по завещанию передал своё царство римлянам. Митридат воспротивился этому и войдя со своим войском в Вифинию, перебил римский отряд под командованием Аврелия Котты зимой 74/73 г. до н.э. у Халкедона. Так началась III – я Митридатова война, закончившаяся гибелью Митридата через 10 лет в 63 г. до н.э.

Рим направил против Понтийского царя свою армию во главе с Лицинием Лукуллом. Когда римское войско вошло в Понтийское царство Митридат потерпел от них поражение при Кабирах (крепость) и бежал к своему зятю Тиграну, у которого пробыл с осени 71 г. до весны 69 г. до н.э. В битве при Газиуре в 67 г. до н.э. Митридат нанёс поражение римскому войску, во время сражения погибло 24 военных трибуна, 150 центурионов, 7 тысяч солдат.

В 67 г. до н.э. Лициния Лукулла отозвали в Рим, а на его место назначили Помпея, сумевшего окружить Митридатовы войска вблизи Ефрата. Чудом вырвавшись ночью из окружения, в котором войска понтийского царя пробыли в течении 49 дней, Митридат после предательства Тиграна двинулся на север в своё Боспорское царство, которым правил его сын Махар. Однако Махар, видя неудачи царя Митридата, уже успел отказаться от своего отца. Народ поддержал Митридата и Махар покончил с собой, заколовшись мечом. Митридат в свои 65 лет двинулся от Понта к Боспорской столице Пантикапею (Керчь) вдоль северо-восточного побережья Чёрного моря, совершил поистине удивительный поход, полный лишений и опасностей, позднее вошедший в легенды.

Осев в Пантикапее (Керчь) Митридат VI Евпатор задумал поход на Рим через Дунай и Альпы, чтобы вторгнуться в Италию с севера. Для этого похода Митридат привлекал теперь свою главную военную силу Сарматов, Аорсов, Дандариев. В частности племена ираноязычных дандариев из Сарматии участвовали в составе Митридатовских войск ещё в битвах с Лицием Лукуллом.

Как писал Плутарх (Лукулл, 16):

XVI. «Был в войске Митридата некто Олтак, из дандарийских племён, что живут по берегам Мэотиды. Человек этот в бою выказывал незаурядную силу и отвагу, мог подать совет в самых важных делах и к тому же отличался приятным обхождением и услужливостью. И вот этот Олтак постоянно вёл ревнивый спор о первенстве с одним из единоплеменных правителей, что и побудило его обещать Митридату совершить великое деяние – убить Лукулла. Царь одобрил этот замысел и для вида несколько раз оскорбил Олтака, чтобы тому легче было разыграть ярость, после чего Олтак на коне перебежал к Лукуллу. Тот принял его с радостью и вскоре, испытав на деле его сметливость и готовность услужить, настолько привязался к нему, что иногда допускал его к своей трапезе и на совещания с военачальниками. Наконец дандарий решил, что благоприятный миг настал. Он велел слугам вывести своего коня за пределы лагеря, а сам в полдень, когда солдаты отдыхали, пошёл к палатке полководца, рассчитывая, что никто не помешает ему войти: ведь он уже стал своим человеком и к тому же он может сказать, что у него важные вести. Он бы и вошёл беспрепятственно, если бы Лукулла не спасло то, что стольких полководцев сгубило, – сон. Как раз в это время Лукулл задремал, и Менедем, один из его слуг, стоявший у дверей, заявил Олтаку, что тот пришёл не вовремя: Лукулл только что заснул после тяжких трудов и множества бессонных ночей. Олтак не послушался его и не ушёл, сказав, что войдет и без спроса: ему – де нужно переговорить об очень нужном и важном деле. Тут Менедем рассердился и со словами: «Нет дела важнее, чем беречь Лукулла!» – вытолкал обеими руками надоедливого дандария. Тот, в страхе тихонько выбрался из лагеря, сел на коня и вернулся в Митридатов лагерь, так ничего и не сделав. Вот так и дела человеческие, подобно снадобьям, получают спасительную или губительную силу в зависимости от обстоятельств». (см. Плутарх «Сравнительные жизнеописания». М. 1963 стр. 184 – 185)

Однако, обширные военные приготовления Митридата, стали непосильным бременем для всех жителей Боспорского царства. Вооружение войска Митридата, подготавливаемого к походу на Италию, требовали значительных людских и материальных ресурсов, что вызвало беспокойство среди населения. Митридат страдал воспалением кожи лица

и несколько недель не принимал никого для докладов и, по этой, чисто человеческой причине узнал о волнениях народа слишком поздно.

Отпадение города Фанагории, где комендантом являлся Кастор, вызвало цепную реакцию недовольства военными приготовлениями Митридата к походу на Рим, и от Понтийского царя отпали такие города Боспорского царства, как: Феодосия, Нимфей, Херсонес. Митрадат VI Евпатор оказался в окружении со всех сторон в своей столице Пантикапее. Однако, после предательства Фарнака, своего сына Митридат был блокирован в цитадели царского замка. Сторонники Фарнака разъехались по всему царству, стараясь склонить на свою сторону все гарнизоны царских крепостей. Мятеж подняли римские солдаты, находившиеся у Митридата на службе, затем к ним присоединились остальные войска царского гарнизона и флот, стоявший в гавани Пантикапея. Восставшая гвардия заколола личного коня Митридата и торжественно короновали Фарнака царём пурпурной лентой, добытой в одном из храмов.

Наблюдая за всем этим с высоких каменных стен своего дворца в Пантикапее, Митрадат VI решил покончить с собой, отравив себя ядом. В этот последний час рядом с Митридатом находились две его дочери – Митридатиды и Нисса; ещё в своём детстве они по обычаю тех лет были обручены с царями Египта и Кипра. Две дочери решили покончить с собой вместе со своим отцом и настояли на том, чтобы принять смертельный яд раньше отца. Известно, что Митридат VI Евпатор с юности приручал себя к яду, выпивая каждый день особое противоядие. По сообщению Плиния Старшего изобретённое врачами Митридата противоядие изготавливалось следующим образом: «Нужно взять два сухих ореха, две смоквы, двадцать листочков руты, растереть согласно предписанию и посыпать немного солью. Это средство если принимать его натошак, обезвреживает любой яд в течении целого дня[N.H. XXIII, 8, 141] Принимая это противоядие в течении всей своей жизни, Митрадат не умер, выпив яд, тогда как обе его дочери Митридатиды и Нисса, глотнув отраву сразу же упали замертво. Тогда Митридат Евпатор приказал одному галату (кельту) из своей охраны по имени Битойт заколоть его мечом. Телохранитель – галл беспрекословно повиновался и, обнажив меч, пронзил им царя.

Митридату при смерти было 69 лет, из которых он был царём долгих 57 лет.

В 63 г. до н.э. власть над бывшим Понтикапейским и Боспорским царством Митридата VI Евпатора перешла к его сыну Фарнаку.

Плутарх описывает эти события так (Помпей XLI – XLII): «...Как сообщали Митридат готовился вести своё войско в Италию через земли скифов и эрзийцев. Однако Помпей полагал, что ему будет легче разбить войско Митридата в открытом бою, чем захватить его в бегстве;

поэтому он не желал напрасно тратить силы на преследование врага и проводил другие военные начинания, умышленно замедля ход событий. Сама судьба счастливо разрешила это затруднение.

Когда Помпею оставалось лишь небольшая часть пути до Петры и на этот день уже был разбит лагерь, а Помпей упражнялся близ него в верховой езде, прибыли гонцы из Понта с радостной вестью. Об этом можно было судить по наконецникам их копий, которые были оббиты лаврами. Лишь только воины заметили лавры, они стали собираться к Помпею. Последний хотел сперва закончить свои упражнения, но воины начали кричать и так настоятельно требовали, чтобы он прочитал донесение, что он, соскочив с коня, отправился с ними в лагерь. В лагере не было готового возвышения для полководца, и даже походного не успели соорудить (его обычно складывают из плотных кусков дёрна), но воины поспешно, с чрезмерным усердием стащили в одно место вьючные сёдла и сделали из них возвышение. Помпей поднялся на него и сообщил воинам о смерти Митридата, который покончил с собой, после того как его собственный сын Фарнак поднял против него восстание. Фарнак овладел всем, что принадлежало его отцу и написал Помпею, что сделал это ради него и римского народа.

XLII. Эта вест, как и следовало ожидать, чрезвычайно обрадовала войско; воины приносили жертвы и устраивали угощения, как будто в лице Митридата погибли десятки тысяч врагов. Помпей счастливо закончил теперь все свои дела и походы, хотя и не надеялся, что это произойдёт так легко, и тотчас возвратился из Аравии. Затем, быстро проследовав через лежащие по пути провинции, он прибыл в Амис, где нашёл множество присланных Фарнаком подарков и многочисленные трупы членов царской семьи. Среди них находился и труп самого Митридата, который трудно было опознать (потому что слуги при бальзамировании забыли удалить мозг); однако те, кому поручили произвести осмотр, опознали по шрамам. Что касается Помпея, то он не решился посмотреть на тело Митридата, но, чтобы умиловить гнев карающего божества, тотчас велел отослать труп в Синопу. Однако Помпей с удивлением рассматривал одежды, которые носил царь, и его великолепное драгоценное оружие. Ножны от меча Митридата стоимостью в четыреста талантов некий Публий украл и продал Ариарату, а изумительной работы китару Гай, выросший с Митридатом, тайно передал сыну Суллы Фавсту, который его об этом просил. Но Помпей, тогда ничего не узнал, Фарнак же открыл пропажу и наказал похитителей». По сообщению Аппиана, во время подготовки к походу на Италию Митридат Евпатор задолго раскрыл заговор Фарнака против себя, но тем не менее не казнил своего сына. (App.Mithr. 110.)

Фарнак.

Фарнак, став царём Боспорского царства в 63 г. до н.э. при помощи римских войск Помпея, тем не менее не поддержал последнего в его войне с Юлием Цезарем, вспыхнувшей через 15 лет в 48 г. до н.э. Фарнак владел землями от Боспора до Танаиса и именно ираноязычные племена Сарматов и Аорсов составляли, согласно Страбону, основу конской армии царя. По Страбону: «...аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племён, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков» (Strabo.XI. 5, 8). Это сообщение древнегреческого историка – очевидца событий Страбона (63 до н.э. – 24 н.э.), жившего в ту же самую эпоху, открыто показывает нам, что сарматские племена Аорсов и Сираков пришли на Танаис с Южного Урала – (гор Рифейских). Из этого исторического свидетельства, подтверждаемого многочисленными археологическими находками и этнографическо – лингвистическими данными, следует подтверждение тому положению в науке, что предки башкордов сарматов – юрматов и башкордов – бурзян (арио-барзан) участвовали в войнах Боспорских царей с Римской империей на просторах Малой Азии и в степях северного Причерноморья.

Во главе своих верных союзников Сарматов и Аорсов царь Фарнак напал на ираноязычное племя дандариев, чей царь Олтак отличился во время Третьей Митридатовской войны. Дандарии занимали земли от Боспора до Меотиды и вели крайне непоследовательную политику, то поддерживая Боспорских царей, то римских завоевателей. Фарнак, готовясь к войне с Римом с целью возвращения понтийских владений своего отца в Малой Азии, решил обезопасить себя и покончить с дандариями, для чего напал на них вместе с аорсами и сираками. При этом, для этой войны, как пишет Страбон: «Абеак, царь сираков выставил 20 тысяч всадников,(...) Спадин же царь Аорсов, даже 200 тысяч; однако верхние аорсы выставили ещё больше, так как они занимают более обширную область (Strabo,XI.5.8).

Подчинив полностью племена ираноязычных дандариев, Фарнак со своим сарматским войском стал самым могущественным и единственным царём всей северо-восточной части Боспора и европейской части Сарматии вплоть до Танаиса и далее. В 49- 48 г.г. до н.э. Фарнак (Ариобарзанид) совершает во главе своих сарматских войск стремительное нападение на Малую Азию с целью вернуть бывшие владения своего отца Митридата Евпатора и захватывает – Колхиду, Малую Армению, Понтийскую Каппадокию, Пафлагонию и города Синопу и Амис. Колхида являлась наследственным владением Митридата Евпатора, где когда-то правили в качестве наместников царя братья Фарнака Митридат Младший и Махар, убитые Митридатом VI за измену.Как пишет С.Ю.Сапрыкин: «...Фарнак претендовал не только на

земли Понтийской Каппадокии и Малой Армении, считавшиеся родовыми землями его отца, но и на Каппкадокийское царство, которое в своё время Митридат Эвергет и Митридат Евпатор неоднократно пытались завоевать или присоединить к своим владениям путём династических браков, но всегда были вынуждены отступить под давлением римлян. Это показывает, что Фарнак, очевидно, рассчитывал не только вернуть себе родовые домены в Понте, но и воспринял основную идею митридатовской пропаганды: считать все земли в Восточной Анатолии, когда-либо находившиеся под властью персидских сатрапов из рода Отанидов и родственных им Ахаменидов, законными территориальными владениями Митридатидов».

(см. указ. автор «Боспорское Царство на рубеже двух эпох» М. Наука. Стр. 41)

Царь Фарнак своим внезапным нападением занял своими сарматскими войсками почти всю Малую Азию. Плутарх (Caes,50) писал об этом так: «Прибыв оттуда в Азию, Цезарь узнал, что Домиций разбит сыном Митридата Фарнаком и с немногочисленной свитой бежал из Понта, а Фарнак, с жадностью используя свой успех, занял Вифинию и Каппадокию, напал на так называемую Малую Армению и подстрекает к восстанию всех тамошних царей и тетрархов. Цезарь тотчас же выступил против Фарнака с тремя легионами, в большой битве при городе Зеле совершенно уничтожил войско Фарнака и самого его изгнал из Понта. Сообщая об этом в Рим одному из своих друзей, Матию, Цезарь выразил внезапность и быстроту этой битвы тремя словами: «Пришёл, увидел, победил» [Veni – Vidi – Vici]. По – латыни эти слова, имеющие одинаковые окончания, создают впечатление убедительной краткости».

Победив Фарнака, Юлий Цезарь вернул Каппкадокию, присоединив к ней Малую Армению своему верному союзнику и другу царю Ариобарзану III, у семейства которого династия Митридатидов в течение длительного периода оспаривало право на владение этой некогда ахаменидской сатрапией. После битвы при крепости Зеле Юлий Цезарь приказал своему наместнику Доминицию Кальвину заключить мирный договор с Боспорским царём и отпустить Фарнака из Синопы на войну с его восставшим сатрапом Асандром. По условиям договора царю Фарнаку разрешалось отплыть со своими всадниками на Боспор, предварительно перебив всех своих лошадей.

Цезарь признавал законным царём Боспорского царства Фарнака (Митридатиды – Ариобарзаниды), а не узурпатора Асандра. Фарнак, вернувшись с позволения Юлия Цезаря в Понт, сумел с помощью своих союзников Сарматов и Аорсов вернуть Пантикапей. Однако сарматские конники не умели сражаться в пешем строю и оборонять города. И поскольку Фарнак защищал столицу Пантикапей по

сообщению Аппиана с отрядом «каких-то скифов и сарматов, то и был разбит войсками Асандра в решающем сражении, произошедшем в начале 46 г. до н.э. Провозгласив себя царём, Асандр позднее около 42 г. до н.э. женился на Динамии.

Динамия.

Динамия была дочерью Фарнака и внучкой Митридата Евпатора. Известно по источникам, что царь Фарнак перед битвой при Зеле в 47 г. до н.э. предлагал свою юную дочь Динамию в жёны Юлию Цезарю. Благодаря этому браку с Динамией дочерью Фарнака Асандр породнился с древней митридатовской царской династией и через них и к потомкам Ахеменидов и Отана (одного из 7 знатных персов при Дарие I). Достоверно известно, что царица Динамия управляла Боспорским царством наравне со своим мужем – царём Асандром, который сам был князем – этнархом одного из подвластных Митридату VI сарматских племён. От брака дочери Фарнака с сарматским вождём Асандром родился будущий царь Боспорского царства ахеменид – митридатид Аспург.

Римский император Август Октавиан симпатизировал потомкам легендарного Митридата Евпатора и разрешил его внучке царице Динамии в 20 г. до н.э. чеканить золотую монету с датой по эре царей Понта, которой пользовались Митридат V, Митридат VI, Фарнак. Позднее вся власть в Боспорском царстве перешла к Динамии и она после гибели Асандра вышла замуж за некоего Скрибония (вольноотпущенник или брат первой жены императора Октавиана) ставленника Рима. Асандр судя по данным боспорской нумизматики царствовал около 29 - 30 лет (49 – 19 г. до н.э.) и умер в возрасте 90 лет. Около 17 г. до н.э. боспорцы подняли против Скрибония мятеж после чего Динамия стала единоличной царицей. По сообщению Диона Кассия римский полководец Агриппа, узнав о желании Скрибония, женившись на Динамии внучке Митридата стать царём Боспора, послал против него понтийского царя Полемона I. «Полемон не застал в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав о его замысле; когда они и ему [Полемону] оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они [боспорцы] сложили оружие и сдались Полемону.

Динамия сделалась его женой, очевидно по решению Августа». (Dio Cass. LIV. 24.4)

Нет никаких сомнений в том, что именно под давлением Рима в лице полководца Агриппы царица Динамия была вынуждена вступить в брак с Полемоном I царём Понта в 14 г. до н.э. Достоверно известно, что около 12 г. до н.э. Полемон I развёлся с Динамией и женился на Пифадориде внучке Марка Антония. По всей видимости в результате

интриг родовой боспорской знати удалось поднять восстание среди сарматских племён не желавших подчиняться чужеземной владычице. Во время вспыхнувшей войны царь-ставленник римлян Полемон I погиб на азиатском Боспоре в 8 г. до н.э. во время стычки с отрядами сарматов, возглавляемых по всей видимости Аспургом сыном Динамии от сарматского вождя Асандра. По одной из версий историков царица Динамия вместе с царевичем Аспургом сыном от Асандра (сарматского вождя) укрылась на азиатском Боспоре в связи с угрозой её жизни, возникшей после брака Полемона I с Пифодоридой. Эта версия полностью согласуется с исторической и политической обстановкой, сложившейся в тот момент в Боспорском царстве. Дело в том, что целью Августа было путём брака Полемона I и Пифориды, внучки Марка Антония, возвести их на престол Боспорского царства и тем самым полностью устранить с политической арены иранокровных потомков Митридата VI Евпатора, оставшихся в памяти народа символом борьбы с Римом за независимость. Это положение полностью подтверждается таким косвенным фактом, что когда Аспург сын Динамии захватил власть в Боспорском царстве в свои руки в 10 г. н.э., после чего собственно и началось правление чисто сарматской по крови династии боспорских царей, то Римские императоры сразу же признали его законным наследником Митридатовского домена.

О почитании римлянами священного права царей, даже захваченных ими в плен или убитых, свидетельствует эпизод об отношении Помпея к телу погибшего Митридата.

Аспург.

Имя Аспург исконно древнеиранское и происходит от ирано-курдско-ведийского: Асп – hesp «конь – жеребец» и - ург «высота – могущество – сила». На курдское происхождение Аспурга сына сарматского вождя Асандра и Динамии внучки Митридата VI Евпатора указывают многие исторические данные.

Во - первых: скифско-иранское племя Будины, жившее как раз ещё в эпоху Геродота в низовьях Дона – Танаиса, то есть в пределах Боспорского царства, судя по этнониму происходило от одного из 6 курдско-мидийских племён – Будиев.

Второе: другое скифско-иранское племя Ализоны происходило от предков курдско-мидийских племён – Арийазантум, живших на Южном Урале в первой половине I тыс. до н.э.

Третье: само имя Аспург указывает на связь с культом лошади – в обряде ведических ариев Ашвамедха, который по сообщению всё того же Геродота исполняли предки башкордов Дахо – массагеты (кн. I, 216).

Другим немаловажным свидетельством родства Аспурга с сарматами является постоянное привлечение Боспорским царём в свою армию знаменитой сарматской конницы. Как пишет С.Ю. Сапрыкин: «Об

активном привлечении сарматов и их использовании в интересах Боспора царями Асандром и Аспургом свидетельствуют отдельные находки боспорских монет в сарматских курганах: в Нижнем Подонье в погребении кургана 13 близ Мокро – Чалтырского городища найдены два обولا времени Митридата VI и обол времени Асандра – архонта 47 – 44 г.г. до н.э.; в сарматском погребении I кургана 26 у хутора Алитуб зафиксированы три медные монеты с монограммой ВАЕ – Гелиос – звезда, полумесяц, Гермес в петасе – кадуцей, Геракл – палица, относящиеся к концу I в. до н.э. – первому десятилетию I в. н.э.; пантикапейские 105 – 90 г.г. до н.э. и 73 – 63 г.г. до н.э. медные монеты обнаружены в сарматском погребении рубежа эр в Южной Башкирии у с. Иштуганово. Хотя находки монет в погребениях сарматов редки, они тем не менее могут указывать на попадание денег к кочевникам в качестве платы за службу Митридатам и их приемникам на Боспоре». (см. С.Ю. Сапрыкин, указ соч. стр. 215)

Нумизматические находки в погребениях на территории «Исторической Сарматии» подтверждают тесные связи сарматских племён с Боспорским царством. Мошкова М.Г. пишет: «Последние годы принесли две интереснейшие находки монет в погребениях. В богатой женской могиле среднесарматского времени у хутора Алитуб (левый берег нижнего Дона) найдены три медные боспорские монеты конца I в. до н.э. (...). Ещё две медные монеты оказались также в среднесарматском погребении в южной степной части Башкирии (с. Иштуганово). Одна из них понтийская (105 – 90 г.г. до н.э.), вторая пантикапейская (73 – 63 г.г. до н.э.).

На основании инвентаря и монет погребение датировано второй половиной I в. до н.э. – I в. н.э.» (см. Археология СССР том «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» стр. 208).

Село Иштуганово в юго-западной части Башкурдистана на Южном Урале находится в районе Бурзян в месте племенного домена древнего башкординского племени Бурзян, управляемого тарханами Ягофарами вплоть до 1917 года.

Башкурдско-иранское имя Ягофар, принадлежащее тарханам башкурдского рода Борзян, обитающего на Южном Урале, интересно с этнографической точки зрения тем, что впервые в истории упоминается в знаменитом декрете в честь Протогена (вторая половина III в. – сер. II в. до н.э.) в имени Сайтафарна (Сайт – ягафара) царя иранского племени Сайев, которые вместе с другими сарматскими племенами – савдарами и фиссаматами, часто нападали и осаждали Ольвию. От царя сайев – Сайтафарна Ольвия «откупалась» данью в виде «даров» и «подарков».

Находки многочисленных древнегреческих и даже римских монет той эпохи археологами в могилах знатных сарматов на территории Волжско-Уральского междуречья, то есть центре античной Сарматии

подтверждают версию о войнах сарматов с причерноморскими греческими колониями, а также участия сарматских воинов в армиях Боспорских царей. Так, на правом берегу Волги, на широте Волгограда и Саратова, а затем и левом, главным образом на притоках Волги – Торгун, Еруслан, Тарлык установлено 16 мест с находками античных монет, среди которых найдена сицилийская монета V в. до н.э., Сиракузская III в. до н.э., Ольвийский борисфен (330 – 240 г.г. до н.э.), а также много других I – IV в. н.э. греческого, римского и боспорского чекана.

Как пишет Мошкова М.Г.: «С левого берега известны: борисфен, пантикопейская монета, денарий времени Республики и римские монеты I-IV в.в. н.э. На левом же берегу Еруслана, обнаружен клад, состоявший из 8,5 фунтов серебра (около 850 монет) и 5 золотых монет. Экземпляры, определённые А.Н. Зографом, принадлежали римскому чекану, начиная с Гордиана III (238 – 244) и кончая Галерием (293 – 311 г. н.э.). Юго – восточнее по Деркулу и Чегану в районе г. Уральска найдены 5 парфянских монет I в. до н.э. – I в. н.э. [царей] Орода I, Готарза II и Фраата III.

(см. Степи европейской ч. СССР в скифо-сарматское время стр 208).

Парфянские цари правили царством: Ород I с 80 по 77 г.г. до н.э.; Фраат III с 70 по 58 г.г. до н.э. Готарз II с 44 по 50 уже нашей, по рождению Христову, эры. Парфянские цари в этот период вели частые войны с Римской империей, в частности в 53 году до нашей эры войско римлян под командованием Красса потерпело сокрушительное поражение от Парфян, войско которых возглавлял царь Митридат III (58 – 5 г. до н.э.), который как раз и был сыном убитого парфянского царя Фраата III, чьи монеты были найдены возле г. Уральска. Парфяне в конце 41 г. до н.э. захватили почти всю Сирию под руководством царевича Пакора сына Орода I, чьи монеты также были обнаружены возле г. Уральска, то есть на территории древней иранской Сарматии.

Учитывая, что парфянские цари объявили с первых дней создания своей империи огонь Борзен – Михрбан своим родовым огнём, то сразу становится видно, что башкорды рода Борзян обязаны были в древности служить в парфянской армии.

Само имя башкурдского рода Бурзян, учитывая древнеиранскую фонетику башкурдского языка, безусловно восходит к названию древнего священного огня Борзен – Михрбан, который по зороастрийской традиции иранские племена перевезли с севера, с Южного Урала – (Арийанам – Вэджа) в Иран, во время своего переселения со своей прародины в нач. II тыс. до н.э. Именно с Южного Урала – согласно зороастрийской традиции – этноним Борзян проник в Переднюю Азию

вследствии чего и благодаря чему ряд персидских сатрапов Малой Азии, известных с эпохи Ахеменидов носили имя Ариобарзан.

Именно персидский сатрап Ариобарзан, восставший против ахеменидского царя и своего дальнего родственника – Ксеркса II в 361 г. считается родоначальником Митридатовской династии царей Понта и Боспора, к которой и принадлежал Аспург правнук Митридата VI Евпатора, неутомимого борца с Римской империей.

Наиболее ярким свидетельством истинности «Бурзянской» генеалогии Митридата – ахеменидской династии царей Понта и Боспора является признание римскими императорами полностью всех династических прав на трон за Аспургом правнуком Митридата VI, даже не смотря на то, что его сарматскими войсками был убит римский ставленник на Боспорский престол – Полемон I. Затем, в 14 г. н.э. римский император Тиберий сразу после своего взошествия на престол, после смерти Августа, также незамедлительно признал Аспурга «мощноконного» (др. перс.) законным царём Боспора.

Умер царь Аспург около 37 г. н.э., что устанавливается последней датой чеканки золотой монеты – статера с его полным именем и профилем на аверсе. Источники не сообщают, что стало причиной смерти сарматского царя Борзанида (Бурджанида) Боспора. Известно, что он умер сразу после смерти римского императора Тиберия, скончавшегося 16 марта 37 г. н.э. Таким образом выходит, что Аспург (Борзанид) умер в правление римского императора Калигулы, но уже в течение этого же 37 года. О том, что в 37 г. н.э. Боспорский престол перешёл от Аспурга к царице Гепипирии свидетельствуют золотые монеты 37–38 годов нашей эры с её царской монограммой.

Гепипирия.

Гепипирия была супругой царя Аспурга и матерью его двоих детей Митридата III и Котиса I. Тот факт, что царский престол митридатидов – ахеменидов – Борзанидов перешёл после смерти Аспурга в 37 г. к его вдове Гепипирии напрямую свидетельствует о несовершеннолетии их старшего сына Митридата III.

Митридат III (Борзанид).

В 39 г. н.э. Митридат III сын Аспурга и правнук Митридата Евпатора занимает царский престол Боспора с согласия императоров Рима. Так император Калигула изображён на первой золотой монете Митридата III, выбитой в 39 г., а затем, на монетах, отчеканенных вплоть до его свержения в 41 г. и прихода к власти в Риме Клавдия.

Император Клавдий признал Митридата III законным царём Боспора. По Тациту (Анналы, XII, 18) Митридат опасался своего младшего брата Котиса и своей матери Гепипирии. В 42 г. Митридат III отправил Котиса во главе посольства в Рим, чтобы заверить в дружбе императора Клавдия, взошедшего на престол в результате убийства преторианцами

Калигулы. Митридат III имел намерение совсем освободиться от римской зависимости. Но его план был выдан римлянам его братом Котисом. Император Клавдий объявил Митридата III низложенным, отдал Боспорский престол Котису и прислал ему в помощь римские войска под руководством Диция Галла наместника Мезии.

Согласно рассказу Тацита (Анналы XII, 15 – 21), готовясь к предстоящей войне с могущественной армией Рима царь Боспора Митридат III заключил прежде всего союз о дружбе с сарматами. Это было необходимым условием, учитывая исконную враждебность Сираков (одного из сарматских племён) к римлянам и грекам. Вследствие заключения союза царь Сираков Зорсин начал незамедлительно военные действия против римских войск, высадившихся на «азиатской» части побережье Боспора. В 41 – 42 г.г. войска Митридата и его сарматских союзников были разбиты и как говорит Плиний Старший (PLIN.VI.15.17.) – Митридат бежал к савроматам в правление императора Клавдия. Это сообщение подтверждается данными нумизматики, так как последняя найденная монета, выбитая при Митридате III, датируется как раз 42 годами, а с 46 г. начинается уже выпуск золотых монет Котиса I. В 45/46 г.г. Митридат III, собрав и возглавив войско сарматов, захватывает земли иранского племени Дандариев и изгоняет их царя. Этот успех Митридата III со своим братом объясняется тем, что Котис, установивший свою власть в Боспорском царстве при помощи римских войск, не имел поддержки у местных иранских сарматских племён, обитавших возле Меотиды (Азова), которые считают его узурпатором. Поэтому Митридат III, в 45 г. согласно Тациту (Анналы, XII, 12): «...стал подстрекать окресные племена и принимать перебежчиков, наконец, собрав войско», напал на дандариев, которые стали поддерживать не законного царя, а Котиса с римлянами. Союзником Митридата стал царь одного из сарматских племён сираков Зорсин, но после того как войско римлян вместе с дандариями и аорсами захватило их столицу Успу, сираки вынуждены отступить от Боспорского царя. Митридат, лишившись сираков и не имея своего собственного войска, был вынужден сдать в плен царю ираноязычных аорсов – Евнону. Согласно Тациту (Анналы XII, 18), Митридат, прибыв добровольно во дворец Евнона сказал ему: «Поступай как тебе угодно с потомком великого Ахеменида». Митридат пробыл в почётном плену у Евнона около года и затем был выдан аорсами в 49 году римлянам, которые отправили его в Рим к императору Клавдию. Бывший царь Боспора Митридат III – Арио Барзанид прожил в Риме с 49 г. по 68 год, до тех пор, пока не был казнён, согласно Тациту (Анналы, 21) за то, что принял непосредственное участие в заговоре Нимфидия.

Родословная царей Бурзянов - Бурджан

Ариобарзан (основоположник династии Бурзанидов – Бурджан)

Митридат

Митридат I (Ктист) на троне 301 – 266 г.г. до н.э.

Ариобарзан 266 – 250

Митридат II 250 – 220

Митридат III 220 – 190

Фарнак (190 – 170)

Митридат IV Филопатор (170 – 150)

Митридат V Эвергет 150 – 120

Митридат VI Евпатор 132 – 63

Фарнак 63 – 47

Динамия 47 – 10

Аспург 10 – 37 – носил второе тронное имя Рескупорид.

Гепипирия 37 – 39

Митридат III 39 - 49

Котис I (42 – 44 г.г. – 68 г.)

Рескупорид II (68 – 92 г.г.)

Савромат I (93 – 123)

Котий II (123 – 131)

Риметалк (131 – 153 г.г.)

Савромат II (174 – 210 г.г.)

Его сын Рескупорид III (210 – 226)

Иненсимей (234 – 239)

Фарсанз (253 – 254)

Фофорс (286 – 308 г.г.)

Радамеад (308 – 322)

Рескупорид VI (325 -)

В нач. 4 в. н.э. при царе Рескупориде VI прекращается чеканка монеты на Боспоре, которая продолжалась 900 лет.

Статер скифского царя Фарзоя, чеканенный в Ольвии. I век до н.э.

Боспорское царство, г. Херсонес, статер царя Фарнака. 53 г. до н.э.

Боспорское царство, г. Фанагория, статер царя Фарнака. 51 г. до н.э.

Нашивная пластина с изображением скифа. IV век до н.э.

Боспорское царство, г. Пантикапей, статер царя Фарнака. 51 г. до н.э.

Боспорское царство, статер архонта Асандра. 50 г. до н.э.

Боспорское царство, статер царя Асандра. 34 г. до н.э.

Боспорское царство, статер царя Полемона. 14 г. до н.э.

Боспорское царство, статер царицы Динамии. 12 г. до н.э.

Боспорское царство, статер царя Аспурга. 25 г. н.э.

Боспорское царство, статер царя Митридата. 40 г. н.э.

Хан Башкорд (Бурзьян-Бурджанид) Культ ведийской Хаомы-вина у башкордов в средние века

Башкорд - хан крупной половецкой орды в бассейне Южного Буга. Хан Башкорд был отчимом русского князя Святослава Владимировича. В Ипатьевской летописи за 1159 год говорится: [356] «Приде же Изяславу баши помочь Бьлугороду, приде бо к нему Башкорд в 20 тысячъ, отчимъ Святославль Владимировича: бѣ бо мати его бежала в Половцы и шла за нѣ» [вышла за муж].

Знаменитый арабский путешественник Абу Хамид Аль-Гарнати посетил хана Башкорда и прожил у него три года с 1150 по 1153 годы. Аль Гарнати писал: «А царь народа башкирд все время разоряет страну Рум [31]. А царя башкирд зовут кирали, и царство его больше царства правителя Рума во много раз, и войско его неисчислимо. И страна его обширнее страны Рум на двадцать дней пути и даже больше. Он исповедует толк ифранджей, потому что он взял жену из них и совершает походы на страну ифранджей и берет их в плен. И все народы боятся войны с ним из-за многочисленности его войск и большой его храбрости.

И когда он услышал, что я запрещаю мусульманам питье вина и разрешаю иметь наложниц и четыре свободных жены, то сказал: «Это неразумно, потому что вино укрепляет тело, а обладание многими женщинами ослабляет тело и рассудок, религия мусульман не придерживается разума» [32]. (см. «Путешествие Абу Хамида Аль-Гарнати» М. 1971. стр. 40-41)

Иранский историк Гардизи (XI в.) писал в своей книге о хане Башкорде следующее: «Башгирд был из высших чинов хазар. Он расположился между хазарами и кимаками с 2000 всадниками. Хазарский хакан послал к Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба...» (Macartney, 1930, стр. 37).

Известия венгерских миссионеров XIII - XIV в.в. о Башкордах Урала.

С.А. Аннинский Исторический архив т. III М., Л., 1940 с. 71-112
(вводная статья с. 71-76 текст известий в русском переводе с. 77 - 94 и на латинском с.95-112).

О БАШКОРДАХ - ИШТЕКАХ.

В царство царя Иоанна Васильевича, как последняя Казань взята, они отделились было к Сибири; и тогда как сибирские, так и нагайские ханы их к себе призывали, но они видя себе великое от мурз утеснение, просили царя Иоанна Васильевича чтоб их, приняв под свою власть, дал им спокойное обитание в тех степях и мурз от них вывел или изгнал, которое учинено, а оные их по злобе сиреажиксилен (красные поганцы) или Остяками именовали, как они сами о сем сказывают”

Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, бр.Михаилу из Чезены. [Копия] с.90

"Во Христе чтимому отцу, брату трМихаилу ордена Миноритов, брат Иоганка венгр и прочие братья минориты, ради бога полоничающие в ревности о чести и душах в пространнейшей северной империи татар, [шлюют] смиренное почтение с усердными молитвами в госпде Иисусе Христе.

Да ведает ваше благочестие отец наш, что же, кто желают трудиться во имя Христа следуя за кочевьями татар, величайший получают урожай душ, так что крестя и укрепляя в вере, проповедуя и наставляя, исповедуя и поддерживая, мы постоянно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, потому что в некоторых областях люд христианский настолько умножается, что, по нашему мнению, язычников остается лишь немногим боли половины. Ведь татары военной /мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто такой веры держится,– с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они, даже сохраняют такую свободу христианам, что многие, женись и держа большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа же не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними соблюдая верность договору.

Сарацины* же, рыскающие поблизости, нападают на них и стремятся совратить новообращенных из татар и других, а иногда и отвращают от веры людей, которых некому научить христианскому закону.

Сарацины, у которых свой магометов закон, имеют некую секту, считаемую религиозной, братьев которой зовут фалькариями [факирами]: они носят обнаженные мечи, чтобы тотчас истребить тех, кто говорит против веры. Они

однако терпимо позволяют христианам проповедовать нам закон, Христа, Марию и святых с тем, чтобы не презирали Магомета.

с.91 В своем законе они многое заимствуют из Евангелия Луки и Марию считают девой, а Христа, ею зачатого, божьим духом. Но богом Христа не признают, однако чтят его семь раз на день, непосредственно после Магомета при звуке большой трубы на некой башне или колокольне и называют его величайшим из пророков после Магомета; по седьмым дням [?] согласно закону оставляют работу, предаваясь молитвам и поклонению; христиане в городах Апулии и Испании, среди которых они живут, постоянно видят, что они это соблюдают.

Братья же наши, которые близ них живут в Татарии в монастырях или обителях, пожинают обильную жатву, проповедуя, совершая для обращенных и прочих церковные таинства, и на милостыню, им подаваемую, выкупают множество бедных пленников.

Но гораздо большая жатва ждет тех, кто пожелает следовать за их кочевьями: этому учит верный опыт и труд. Поэтому, так // как братья, живущие в городах, не могут покинуть своих мест без утраты множества душ, следовало бы вашей мудрости, отец наш, позаботиться как можно скорее для татарских областей и разных их войск, собранных из разных и многих стран, направить сюда подходящих братьев, вдохновленных на это, преимущественно из англичан, венгров и немцев, которые легче могут выучиться языку, зная, что если они пожалеют таким образом о душах неверных, искупленных кровью христовой и придут к нам на помощь, то приобретут богу много тысяч душ. Если же кого отпугнет скудость и бедность питания, пусть омочат губы в уксусе и желчи, вкушенных Христом на кресте; если кого испугает труд, пусть вспомнят об усталости и трудах Христа, и так все станет легким для них, ибо иго приятно и бремя легко.

О БАШКОРДАХ И СТРАНЕ БАШКАРДИИ

Сообшу кое-что верное, что подействует на всех. Когда я, брат Иоганка, с двумя братьями-венграми и одним англичанином дошли до Баскардии*, большого народа, подчиненного татарам, двое братьев-венгров по делам веры отошли от нас, а я со сказанным англичанином, по имени Вильгельмом, оставался там 6 лет непрерывно.

*По объяснению L. Venolefi, в этом случае под именем Баскардии надо разуметь не пройденную Юлианом область, прилегающую к р. Этиль, где жили венгерские племена, а территорию более восточную, вплоть до Урала.

И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно, зараненным сарацинским заблуждением. Когда мы проповедовали им, они сказали: "Если бы вы сначала пришли, то

мы во всяком случае приняли бы эту веру, но государям постыдно, принявши один закон, с легкостью отступать от него и переходить к другому." Когда же мы участвовали в поучениях о вере и доказали сарацинским ученым всеми доступными нам способами, и писанием, и знаменами и доводами и примерами, что весь их закон ложный и языческий, не основанный ни на каком разумном основании и на очевидных чудесах, как закон христианский (в котором, как я вскоре сообщу, явились в тех краях славные чудеса), и когда мы обнаружили, что их закон – закон дьявола, коварно смешавшего там добро со злом, чтобы устранить подозрения и таким образом ввести простодушных в еще больший обман, они, с. 93 придя // в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму, заковав в железо, с.93 и мы, мучаясь голодом в тюремной грязи среди ужасных червей и смертоносной вони, с радостью ждали смерти, но они, боясь татар, не смели на это решиться. Ибо татары любят христиан, а их ненавидят и преследуют.

Этот отрывок ясно и четко показывает, что никакого "родства" татар с башкородами не было никогда и нет. (С.Г.)

Когда мы еще были в Баскардии, пришел некий посол из страны Сибирь (Sibir - это область в районе Тюмени, с главным городом Sibur или Sybur.), которая окружена Северным морем. Страна эта обильна съестным, но зима там жесточайшая до такой степени, что из-за чрезвычайного количества снега зимой почти никакие животные не могут ходить там, кроме собак той страны: четыре большие собаки тащат сани, в которых может сидеть один человек с необходимой едой и одеждой. Тот народ стягивает с головы мертвого человека кожу с волосами и поминает ее своим богом, а кожу, содранную с лица, они держат в домах своих и чтят как домашнего бога. Они, однако, говорят, что христианский бог сильнее всех других богов: когда их иной раз вынуждает какая-то необходимость, они призывают христианского бога и часто получают просимое. Так, когда однажды (шедшее) на них войско должно было перейти очень большой лед, они в страхе стали призывать христианского бога с громким ревом и криком и принесли ему жертвы, вскоре, по милости божьей в то время как прочие части родной страны оставались замерзшими, та через которую переходило войско, вскоре вся растаяла, и многие погибли, как войско фараона в Красном море, другие же с пустыми руками и без успеха вернулись восвояси. Далее, когда однажды начался у них мор, их прорицатели сказали: "Все вы погибнете смертью, если не станете христианами". Услышав это многие из них крестились у некоего русского клирика - схизматика...".

... Ведь царство русское откололось от римской церкви, как царство греческое, преимущественно из-за утверждения об исхождении с.93 св. духа не от сына, чего они не желают признать. И крестят они иначе, чем мы, говоря: "Да будет крещен раб христов и проч.", как судья, произносящий приговор. (?). Так как однако сказанный русский и не умел и не решался должным образом наставить их, они, и крещенные, как некрещенные, остались

// в с.94 прежнем заблуждении. Из этого достаточно ясно, что тот народ быстро обратился бы, если бы было кому научить их вере христовой. Это и сами они признают. Это явствует и еще кое из чего, чем не следует пренебрегать. Ибо вышесказанный посол, прибывший из Сибири, принес послание от некоего татарского судьи у вышесказанного народа к нашему христианскому судье баскардов в таких именно словах:

"Слышал я, что при тебе, брат мой, есть 4 христианских латинских, священника. Я прошу, чтобы ты соизволил послать к нам двоих из них: они могли бы и должны были окрестить наш народ; и если они пожелают жить в городах, мы построим для них церкви и дома в любом месте Сибири, где они пожелают; если же пожелают следовать за нашими кочевьями, то мы будем служить им во всем необходимом; если же они с. 94 не пожелают остаться с нами, мы на своих головах донесем их к вам, лишь бы они окрестили нас и научили своей вере. Если же они не пожелают прийти к нам, то пусть бог спросит с них () души всех тех, кого они могли бы спасти."

Наш христианский судья, выслушав послание, послал к нам с просьбой итти к тому народу. Нам же, несмотря на большое желание, весьма сильно препятствовала болезнь, схваченная в сказанной тюрьме, и мы никак не могли [сделать этого], в вынуждены были либо вернуться к братьям, либо остаться на месте.

После этого вычерченные господа баскардов, придя ко двору императора, настойчиво просили братьев, но, по малочисленности, мы одного не могли дать им, не губя тех, среди которых жили. Ибо мало нас для соблюдения [всех] мест и некоторые мы упустили, и римскую церковь для исправления такого недостатка. И пусть знают братья, что это совершенная правда и пусть предпримут что-либо ради Христа, особенно те, кто выделяется превосходными знаниями, мало как будто помогающими им в их странах: тут они были бы тем более выдающимися и полезными, чем высшей отличаются ученостью. Поэтому пусть рассудят, что нужно сделать чтобы их книжная мудрость, добытая столькими трудами и бдениями, не оставалась дома, прямо сказать, как бы погребенной, тогда как здесь, то есть у нас, она была бы как горящий светильник.

Дано в лагере близ Баскардий в год господень 1320".

Прим. Переводчика: В этом источнике монаха Иоганна (Иоганки) ясно и четко говорится, о существовании страны Башкурдистан (Баскердия), которую посетил даже некий англичанин Вильгельм, в 1320 году, т.е. 680 лет тому назад, где прожил 6 лет.

Есть все основания предположить, что отчет английского монаха Вильгельма о своей миссионерской деятельности в течении 6 лет в Башкурдистане хранится в одной из монастырских библиотек в Великобритании. (С.Г.)

Эвлия Челеби о Башкурдах – Хешдеках.

Знаменитый османский путешественник и посол Эвлия Челеби, который посетил Башкурдистан – Хешдекистан в 1666 – 1667 г.г. назвал башкордов исконно древне-иранским именем Хешдек, который имеет 2 толкования: первое, от слова – хаждах, т.е. аждах – поклонники змея Ажи Дахаки, в эпоху которого зародился курдско – мидийский народ; второе, от курдского һыш «разум» и дек «возвышение», «холм». До настоящего времени соседние народы – казахи, узбеки, татары продолжают называть башкордов именем Иштяк или Хиштяк.

Вот что писал Эвлия Челеби о башкордах в своей книге.

«Саяхатнаме»

Свойства благоустроенных земель суннитского народа хешдек.

«Он владеет обширными землями на правом и левом берегах реки Волги, на которых разбросаны многие сотни тысяч то кочевых стойбищ, то соборных мечетей, медресе, мектебов и мест для чтения Корана, [и эта] степь Хейхат как бы украшена шатрами и палатками, крепостными валами и амбарами. Бог знает сколько здесь животных и повозок! Посла поместили на ночлег на краю пастбища под названием Ал-Бан. Я, ничтожный, был устроен на ночлег под пологом, на арбе человека по имени Бемос-бай и наступившую ночь провёл в сердечной беседе у костра.

825 Повествование о языке народа х е ш д е к – Отважных мусульман.

Хотя все они изъясняются на языке народа Москвы, однако у них имеются слова и выражения, свойственные другому, особому наречию.

Покинув эту страну народа хешдек, мы снова берегом реки Волги двигались на запад, в течение двух дней прошли весь Хешдекистан и на третий день прибыли в новое место.

По поводу строения земли Казани – местожительства хешдеков борцов за веру.

...»Много здесь назидательных диковин и чудес. Ныне имеется три тысячи домов, крытых тростником и камышом, двадцать церквей, семь мечетей. Ибо здесь много мусульман из хешдеков и нагайцев. Насчитывается до шестисот лавок...[...]

Хаким этого места – везир по имени Ракрырия, назначаемый Москвою, он распоряжается десятитысячным войском из неверных – мужиков и хешдеков.

Территория города. В нём также нет садов и палисадников, однако имеется множество огородов с плетнями. В этих странах вина не бывает. Все неверные употребляют питьё и хмельные напитки,

называемые: водка, горилка, медовуха. Что касается народа хешдек, то он ест конину и пьёт бузу, кумыс, талкан и язма. Вследствие приятности воды и воздуха здесь множество влюблённых обоих полов; все влюбляются страстно. Как у мужчин так и у женщин для этого множество поводов.

На головах все здесь носят островерхие шапки, однако они не похожи на татарские шапки. Они носят островерхие колпаки на особый манер. А женщины из народа хешдек и христиан Москвы разгуливают с открытыми лицами.»

Примечание автора С.Г.: [Эвлия Челеби действительно верно подметил, что башкорды рода Буляр, основавшие город Казань в 1395 г. после того как войсками Тимура был разрушен их родовой город Буляр, не имеет ничего общего с татарами, прибывшими на территорию Башкурдистана – Хешдекистана в составе монгольских войск Чингисхана с Алтая. Башкорды рода Буляр имеют прямое родство с митанами Зеравшана, один из родов которого носит имя Буляр.]

Эвлия Челеби о местах

паломничества хешдеков города Казани.

Для области Азербайджана желанным является город Тебриз. Рассказывают, что похороненный в одной из гробниц вблизи этого города Мухаммед – шах Казан происходит из этого города Казани. Знатная женщина по имени Халам Бан, бывшая его матерью, жила и погребена здесь же, в Казани.

Гробница шахиншаха Менучехра сына Пешенга сына Иреджа сына Афридуна. Из падишахов Ирана и Турана, Семнана, Луристана и Мултана самыми великими падишахами были Ксеркс и Адукеш.

Сей Менучехр уверовал в его святость Нуха и был одним из взошедших на ковчег. Достигнув преклонного возраста – как и святой Муса, - он уверовал также в Аллаха. Он, Менучехр, был великий падишах – царствовал сто двадцать лет и достиг семисотлетнего возраста. Он похоронен в гробнице с зелёным куполом вне города Казани. Сроки его жизни и царствования – всё это высечено на могильном камне. Я, ничтожный, изложил всё это, позаимствовав оттуда. Вместе с этим Менучехром, поблизости от него, погребены потомки Иджильдена – современника Сам – Неримана, Заля и Гостехема. Все они покоятся в степи Хейхат, в стороне кыблы, за пределами города Ирак – и Дадан. Как уже было сказано выше, на их гробницах, на верхушках столбов, поставленных там, где голова и ноги, повешены предметы вооружения: деревянные дубины [величиною] со столб, палицы.

Гробница Тура сына Феридун – шаха обладателя союза с Ираном.

Этот Тур вместе со своим отцом Феридуном уверовал в его светлость Нуха, погрузился на его ковчег и был одним из тех, кого Нух спас во время потопа. Затем он произвёл потомство в этой степи

Хейхат, благоустроивал её несколько сотен лет, стал падишахом Ирана и Турана и был похоронен рядом с гробницей Менучехра в этом городе Казани. Сыном этого Тур-шаха является Радим, его сын – Пешенг, сын последнего – Афрасиаб. А Радим сын Тура похоронен возле [могилы] своего отца.

Гробница Пешенга сына Тура

Он тоже покоится вне пределов города Казани. Затем, посетив и осмотрев ещё некоторое количество гробниц, а также памятников редкостных и удивительных, мы опять выступили из города Казани в направлении между западом и севером в течение дня и ночи двигались степью Хейхат, осматривая кочевья народа хешдек. Опасаясь встречи с калмык-татарами, [мы достигли нижеописываемого места].

Свойства земли Шамран.

или древней крепости Астрахани.

810 В этой стране крепости называются «керман» [...]

Капитану крепости я предъявил послания падишаха от черкесского бая, [...]. Надо сказать, это весьма разумный и очень сообразительный капитан: в его распоряжении подданные – мусульмане – двадцать тысяч воинов и ещё 20 тысяч хешдеков, которые день и ночь ведут ожесточённые бои с калмык – татарами, однако у этих мусульман, являющихся подданными хешдеков, имеются также свои собственные правители: Казаналы – бай – мирза и прочие вельможи, поселившиеся внутри города.

Славословие строениям города Астрахани

В древние времена этот город лежал в развалинах и в нём находился дракон – аждерха. Пожирая всех сынов человеческих, обитающих в степи Хейхат и всех живых тварей, он погубил несколько стран. Впоследствии некий хан – богатырь убил этого дракона, а всю округу сделал безопасной и благоустроенной – поэтому страну эту стали называть Аждерхан.

Примечание.

В «АВЕСТЕ» убийство дракона Срувара на древней прародине иранцев в Арьянам – Вэджа описано в виде подвига Керсаспы Нараямы.

Сам тот факт, что Эвлия Челеби узнал эту древнюю легенду у хешдеков Астрахани – Хажитархана показывает, что средневековые башкорды – иштяки прекрасно знали текст АВЕСТЫ, являвшейся для них просто родовым этническим преданием.С.Г.

Посад, или нижний город.

Здесь насчитывается в совокупности тридцать тысяч строений, крытых тростником и глиной. Имеется также сорок церквей, семнадцать монастырей и семь мечетей. Что касается племени хешдек, то оно в пределах Москвы, превратилось в её подданных. Описываемую часть

этого народа приобщил к исламу Мехмед Бехари Салтык – бай, или, иначе Сары Салтык – султан. Ныне в Московской стране насчитывается двенадцать раз по сто тысяч мусульман. Согласно их собственным рассказам, если пройти от центра шестого пояса земли до оконечности седьмого пояса, то в Московской стране можно увидеть семьдесят тысяч михрабов – так с гордостью рассказывают они. Кроме того они говорят: «Мы уплачиваем королю подать – по одному алтыну с каждого второго человека». Этот народ, хешдеки, как и подданные – иноверцы в земле Московской, платят подати. В их среде также имеются займы и падишах – заде, они не платят податей, но со ста пятьюдесятью тысячами воинов выступают на войну вместе с королём Москвы.

Что касается народа хешдек, живущего в Астраханской земле, то одна часть его является мусульманами – единобожцами; им – то и принадлежат мечети этого города. Однако пятничных намазов эти люди не совершают. Между тем среди них имеются весьма невежественные и фанатичные мусульмане. Так, увидя, что у некоторых из моих слуг бороды сбриты, а на головах белые мусульманские тюрбаны, они спросили: «Эти ваши люди – из неверных?» Я, ничтожный, сказал: «Вы что не видели белых тюрбанов на головах? И не видели вместе с тем, как совершают намаз? На это они сказали: «Для нас удивительно, обличьем мусульманин, а борода бритая». Я, ничтожный, пояснил: «Таков закон и обычай у рабов Османа».

Они до такой степени фанатичные мусульмане, что, выполняя какую-нибудь работу, свою бороду расчёсывают надвое и засовывают за кушак на поясице. У каждого из них борода такая же, как у десяти жителей Рума, вместе взятых.

812. Они совсем не понимают ни по-турецки, ни по-татарски и бороды свои не выщипывают. Среди них имеются правоведы – кадии, многие из них переводят на московский язык книги «Имадуль – ислам», «Безазийе», «Кази – хан», «Татарханийе», «Мухаммадийе», законоведение и требы, и притом они говорят по-московитски и по-русски. Женщины же их [...] ходят с открытыми лицами.

Это народ, хешдеки, - наёмные воины в Астраханской земле, где имеется семнадцатитысячное войско неверных, ибо это – земля, имеющая гавани, которые являются прочным заслоном вблизи земель Ирана, Дагестана и Черкесии.

Описываемый город Астрахань является весьма древним».

По поводу древних гробниц города Сарая.

819. Отметим, во-первых, что почитаемые гробницы членов общины Мухаммеда и прочих пророков находятся вне города, в стороне кыблы. Среди них прежде всего назовём древнюю гробницу Хушенг – шаха, находящуюся к югу от города, в земляном холмике, в отдалении от

реки Волги. Её почитают, говоря, что Хушенг-шах был пророком мусульманского населения этой страны и наряду с этим – других мусульман. Все мусульмане хешдек также почитают её и поклоняются ей. Со всех четырёх сторон она обнесена высокой стеной, точно крепость. Длина самой могилы – 70 шагов. В том конце, где голова, поставлен вертикально столб, который едва обхватят три человека. В том конце, где ноги, – колонка из белого мрамора. На этой колонке имеется своеобразная надпись, словно печать, а древним письмом изложены все обстоятельства жизни [покойного]: «Я был падишахом, который правил 40 лет, благоденствовал 500 лет и первым водрузил корону себе на голову».

Вот таковы происхождение, отличительные особенности и форма короны, которую Хушенг-шах впервые надел на себя в этом городе Сарае. Очертания короны воспроизведены только на каменной гробнице Хушенг-шаха, к которой мы совершали паломничество: это в самом деле корона Хушенг-шаха, описанная нами во всех деталях, как нам довелось её видеть в крепости Вене.

Затем мы совершили паломничество к погребённому вблизи гробницы Хушенг-шаха его сыну Тахмурес – хану. Он погребён на лужайке, находящейся на берегу реки Волги, близ обсаженной деревьями дороги. Размер гробницы по окружности – полных 70 шагов, она из камня. На этой гробнице вместе с перечислением [имён] отцов и дедов и указанием срока царствования [покойного] написан следующий тарих: «Срок его жизни был 420 лет. Он был человеком счастливым, родившимся под двумя знаками зодиака. Он садился на коня, на мула, на верблюда, грузил вьюки на быка и мулов, борзую и ищейку, получал разнообразные породы собак: тараш, тула, араган. Это – бан Тахмурес, который охотился с борзыми, скулящими и воющими, он не остался в сём краю бренности. Он добывал предметы вооружения всякого рода: мечи, кинжалы, ножи. В Туркестане он построил город Нишу, Шабуристан и [застроил] весь Туркестан. «Милосердие божье да будет над ним!» - так на каменной гробнице разборчивым почерком, со всеми подробностями, были изложены все его качества; они были высечены на мраморе».

Примечание:

Указания Эвлия Челеби о том, что иранский шах Тахмураз построил города на севере Ирана, полностью согласуется с текстом зороастрийской «АВЕСТЫ», где говорится, что в эпоху правления Тахма-Урупы (Тахмурес) началось переселение индоиранских племён с севера – Южный Урал, - на юг – в Индию и на Иранское Нагорье.

Эвлия Челеби О культурной отсталости татар и их отличии от башкордов – хешдеков.

816. Этому народу, татарам, неизвестны разрешение, запрещение и тому подобные вещи. Всё у них дозволено: так что, какая бы ни была живая тварь с текущей в жилах кровью, они её, несомненно едят. А хлеба они не едят – если случится им поесть хлеба, то он у них прилипает к желудку, и они умирают. Еда, которую они больше всего любят, - это конина. Некоторые из татарских племён варят конину, некоторые же потребляют её сырой, выпустив кровь.

Примечание:

Ещё в 17 веке татары не сеяли и не ели хлеба, как об этом пишет очевидец Эвлия Челеби. Поэтому праздник хабантуй, название которого произошло от курдско-иранского «hab» - зерно, является древним исконно – башкордским ритуальным праздником.

Эвлия Челеби О ночной резьбе татар, Учинённой башкордами – хешдеками.

878. ... Эвлия Челеби в главе «О проверке чутья обученных собак» пишет:

«Все мои спутники и слуги, будто мертвецки пьяные, предались сну семи спящих. Только я, ничтожный, и Баба Мансур Хинди бодрствовали. Всё наше оружие и собаки находились при нас. А между тем, чуть только наступила полночь и не успела [ещё] выйти из-за небосклона луна, как одна из наших собак, ищейка по кличке Шак, посаженная на весьма отдалённом от нас расстоянии, начала визжать и лаять. Тотчас же я, ничтожный, мой приятель Баба Мансур, мои спутники, слуги и трое проводников, московских кяфиров, пробудились ото сна. Все вооружились.

В то же мгновение показались семеро беспутных ногай-татар с обнажёнными саблями в руках. Когда они направили своих коней на нас, тотчас был снят намордник с собаки по кличке Палу. Когда она и самсонские собаки, клички которых Хона и Чакыр, как львы бросились на этих конных татар, татары потеряли желание нападать на нас и не нашли спасения. Мы сели на коней, а служилые люди с ружьями || пошли на татар. Великий боже, когда натравили собак, крикнув: «Узы Палу, пошёл! Ату его, ату!» - тотчас собака по кличке Палу и ищейки, клички которых Хона, Чакыр, Шак и Джениб, повисли на татарских конях и повалили на землю татар и коней.

В одно мгновение собаки разорвали на мелкие кусочки троих татар. Четверо из семерых татар, кубарем скатившись со своих коней, под покровом ночи обратились в бегство. Хинди Баба Мансур вырвался вперёд и одного из пеших татар изрубил на куски топором, а мы

настигли остальных. Слуги обобрали их и поймали коней всех четверых. Коней загрызли собаки и, разорвав на куски, бросили. А между тем и позади нас тоже находились три татарина. Когда они увидели бедственное положение этих, то ударились в бегство, и до нас донёсся затихающий топот их коней. Однако мы продолжали оставаться начеку. Некоторое время спустя мы снова увидели их. Трое их коней пришли к нашим коням. Тотчас наши слуги бросились к чужим коням и взяли их в запасные.

Тогда сказали мне московские кяфиры, бывшие проводниками: «Как смогут уйти в этой степи Хейхат владельцы этих коней? Мы настигнем их!» Получив от меня, ничтожного, разрешение, они вместе с Халхалы Дервиш Ахмедом и Дервиш Турабом вскочили на коней и ускакали. Мы снова вернулись к трупам татар. Слуги забрали их одежды и оружие, отрезали у всех семерых головы и приторочили их к сёдлам.

Мы увидели своих час спустя. Московские кяфиры, Дервиш Ахмед и Дервиш Тураб, привели в оковах татар – владельцев [тех] коней. «Давайте-ка отведём их к послу! – сказали мне московиты. – Их было много. После того как мы совладали с этими, другие обратились в бегство. С одной стороны [татар] крошил на куски Дервиш Ахмед Халхалы, а с другой стороны рубились московиты, которые захватили головы и одежды. Султан мой, сейчас же нужно сниматься отсюда. Иначе сюда вот-вот придут остальные и ни один человек из нас не сможет уйти!» || Тотчас мы захватили головы и той же ночью галопом поскакали в сторону кыблы. Мы двигались до самого утра и снова прибыли на стоянку Исчит – керман.

[Исчит – керман]

Встретившись с послом, мы бросили к его ногам головы. Увидев головы, посол застыл от изумления. Московиты, которые были вместе с нами, сказали: «Если у нас случается такое, то мы любим рассказывать об этом до скончания мира». «Но разве убивает мусульманин мусульманина?» – воскликнули они. Тогда я сказал: «Мы убиваем наших братьев, когда они приходят, чтобы убить нас». И он дал мне, ничтожному, соболью шубу, коня и жемчужные чётки с крестами на крупных зёрнах.

Эвлия Челеби О войне башкордов – хешдеков с княжеской Москвой в 1666 – 67 г.г. Повествование о великой битве народа хешдек с разбойными кяфирами Москвы и неверным народом мужик.

835. Однажды ночью из упомянутого города Мужик исчезли люди народа хешдек – 2-3 раза по 100 тысяч. Когда прошло уже довольно много времени после рассвета и мы уже намеревались отправиться в путь, везир области прибыл к послу – нашему спутнику, и тот начал проявлять какую-то тревогу. Речь его стала путаной. Мы решили не ехать и остановились [вновь] расположившись на отдых. Каждый из кяфиров начал укрывать собольи и беличьи шкурки, рыбий зуб и прочие ценности. Мы видели это. || На следующий день на заре 2 раза по 100 тысяч хешдеков схватились в битве с несколькими сотнями тысяч кяфиров Москвы. Мы будучи гостями, вышли на пространство перед городом Мужик; битва длилась до [вечерней] зари, и ни один из кяфиров не спас душу.

Все хешдеки сказали: «Погрузимся-ка на суда и поедem в страну Алатырь и попросим о подданстве дому Османа». И в течение ... дней и ночей они благополучно пребывали в степи Хейхат всем народом, с семьями. И если бы Мухаммед – Гирей – хан не отрёкся от власти, то он, по всей вероятности, перевёл бы сей народ хешдек в местность Алты-Сунуны, под крепостью Азов, и если бы они там обосновались, тогда только область Азова и пребывала бы в безопасности как от Москвы, так и от калмыков.

Между тем это племя хешдек, а их было 200 тысяч воинов, напало на сына короля Москвы, сбило дозоры и учинило грабёж. А у этого народа хешдек было столько коней, верблюдов, коров и овец, как ни у одного падишаха. Эти хешдеки как раз и были теми, кто в ту ночь, получив достоверные сведения от жестоких ногаев и своего племени [о приближении войска московитов], оседлали коней и исчезли из города. Они внезапно напали на царевича, который остановился на ночлег в степи, и, недав тем кяфирам взяться за оружие, так ударили по ним своими мечами, что один царевич был убит, ещё один царевич попал в плен, трёх везиров заковали в цепи рабства – вот какая произошла битва. Когда они прибыли в Мужик – керману, где мы пребывали в гостях, это и было причиной шума, случившегося в тот день на противоположном берегу реки Волги.

У этого народа хешдек – изумительные кони, отличные латы и кольчуги, остроконечные мечи из области Махан, прекрасные ружья из области Мазандеран, отменные стрелы и луки из областей Шираз и Гилян, хорошие щиты и пики. Всё это племена и народы кочевые,

подвижные. Среди них есть два царевича из Дадиани. У них очень много учёных, богословов. И зимой и летом они ведут войну с калмыками, ибо у них весьма много отважных и могущественных батыров и джигитов, 100 тысяч стрелков из ружей, 100 тысяч лучников; имеется также шесть пушек шахи.

А упомянутые царевичи пришли ко мне, ничтожному, в городе Мужик и просили о следующем: «О милосердный из милосердных, избранник войска дома Османа! Покажитесь нам, прибыв [сюда] с зелёным знаменем [пророка] и несколькими тысячами войска. Выведите нашу общину Мухаммеда, обитающую в этой Московской земле, переселите [её] в ту степь Хейхат, завоюйте для себя Московскую землю и уберите из степи Хейхат двенадцать падишахов калмыков. Избавьте Азов и Крым от мучений, [претерпеваемых ими] от казаков и калмыков. И тогда мы заставим поток сала течь через Чёрное море [прямо] в ваш Стамбул. И каждый год мы станем отправлять несколько сотен тысяч баранов, а также сало на кухню цезаря – падишаха».

Тотчас же бывший вместе с нами посол, из кяфиров, сказал [нам]: «Остерегайтесь, не отправляйте их в Азов! Хешдеки и казаки – это одно [целое], и они вырвут у вас Азов из рук. Ибо это народы, прежде незнакомые [вам]. Уже сколько веков они были нашими подданными, а вот теперь подняли мятеж, бунт, вырезали двести тысяч наших христиан, одного нашего царевича убили, другого пленили, а сейчас перешли на противоположный берег реки Волги. Вот я теперь отправлюсь к нашему падишаху – что я скажу [ему] о калмыках?» Обуреваемый гневом, он выходил из себя. [Тем временем] несколько сотен тысяч из народа хешдек толпами переправились через реку Волгу. После этого кяфир не мог даже слова сказать этим хешдекам.

А между тем одному богу известно число других хешдеков мусульман, обитающих внутри Московской земли.

Всё время, пока продолжался их мятеж и бунт – целую неделю, – мы вместе с послом провели в городе Мужик, отдыхая и предаваясь отменным наслаждениям и покою.

837. По поводу языка народа мужик. Надо сказать, что они, будучи, подобно [народу] Москвы, народностью христианской, [почитающей] Евангелие, разговаривают по московитски. Однако у них [в языке] имеются особенности, свойственные другому наречию.

Отправившись из этого города, мы в течении дня шли на север [и прибыли в расположенную] на некоей обширной равнине деревню – пиже Бузлыджа. На том языке мужик деревня называется «пиже». || Это весьма благоустроенная деревня. Здесь всюду кочевали хешдеки. Выйдя отсюда, мы снова целый день шли к северу и прибыли в пиже Бухаджа. Это также благоустроенная деревня. Под этой деревней хешдеки настигли войско Москвы и так сражались, что степь Хейхат

изукрасилась трупами кяфиров. Группы нечистых, не тронутые [тлением], всё ещё свозили на телегах. Отсюда мы в течение ещё одного дня шли до пиже Кухане. Это также деревня народа мужик. В общем на протяжении семнадцати переходов мы следовали по упомянутой области Мужик через деревни, разбросанные в степи. На восемнадцатый день [мы прибыли к реке Яик].

Великая река Яик.

Она находится в западной части Московской страны. Стекая с гор земли... она на своём трёхмесячном пути проходит мимо многих сотен городов и многих тысяч крепостей и наконец впадает в Каспийское море под городом ... Это великая река – источник жизни. Однако она меньше, чем река Волга. Она превратилась в лёд из-за холодной, суровой зимы.

Когда они (хешдеки) с несколькими сотнями тысяч телег двигались от верховьев [реки], я, ничтожный, на лошадях ехал в течение целого часа навстречу, великому хакану Москвы. До чего же это широкая река! Но я так и не получил сведений о её глубине, ибо она замёрзла, то есть превратилась в лёд. [Затем] мы из Мужикистана кораблями с реки Волги двигались семь часов. Выше описано, как она, разделившись на сорок рукавов, впадает в Каспийское море. После этого мы берегом реки Яик в тот день проехали приблизительно ... миль в сторону севера.

Салуб – керман.

Прежде всего в этой стране мы увидели деревянную крепость; эта крепость невелика. В ней находится особый гетман и 6 тысяч войска казаков. Здесь мы видели также народ хешдек. Церквей, базаров и торговых рядов [здесь] мало. Имеется семь мечетей народа хешдек. Садов и виноградников здесь вовсе нет. Однако на берегах этой реки Яик множество деревень. Отправившись отсюда к северу, мы после однодневного перехода прибыли в [описываемое ниже место]. (см. Эвлия Челеби «Книга Путешествия» М. 1979 г.)

“О башкордах рода Борзян”
Башкордский ученый Мурат Рамзи
(Род. 1854 г.в дер. Альмет Булярской Волости Мензелинского уезда)
Из его книги “Талфик аль-ахбар”,
(1 том стр. 241-242)

“... Мы рассмотрим положение современных башкир в 4-й части работы, если позволит Аллах.” Ибн Фадлуллахи аль-Умари сообщил, что Хорезм - круглая земля и эта земля называется “Мангышлак”, ее длина - 5 месяцев, ширина - также (5 месяцев), вся она - пустыня, население - многочисленный народ аль-бурджан.

Аль-бурджан. Их упоминали ранние мусульманские путешественники, определяя их как тюркский народ и указывали на их местожительство рядом с границами европейцев (аль-афрандж), как и наряду с мадьярами и башкирами. Аль-Малик аль-Муайид Абу аль-Фади в своей “Истории” сказал: .. Из христиан..бурджаны ..они большой народ и кроме того, они многочисленный и творящий беззаконие, выходящий из всех рамок, народ полностью придерживающейся учения о триединстве. Их страна находится на крайнем Севере и их положение почти неизвестно для нас из-за большого расстояния до них и их грубого и жестокого характера”. Аль-Казвини сообщил: “Аль-бурджан - народ, углубившийся в дебри Севера, где ночь укорачивается до 4 часов. Этот народ в тех краях весь в язычестве и невежестве, воюют с “сакалиба”, и они (бурджан) подобны аль-афрандж (“франки”-европейцы) во многом и они искусны и способны в ремеслах и строительстве морских лодок.Абу Абидуль-Бакри сообщил: “ Что касается аль-бурджан, то они дети Тубал сына Яфета, они язычники, их царство - обширно, они воюют с Румом, Саклаба, хазарами и тюрками. Наиболее опасны для них Рум из-за своей близости к ним. Расстояние между Константинией и границей царства бурджан - 15 дней, а царство бурджаны - в ширину 20 дней, и в длину - 30 дней. Бурджаны не садятся на верховых животных, кроме как только во время войны. Если Рум заключает мир с ними, то бурджаны платят дань молодыми рабынями и рабами-юношами из детей Саклаб. Аль - Хамави сообщил: в “Мугджам булдан”: “Бурджан - страна в стороне хазар. Астрономы сказали, что эта страна Бурджан в 6-ом климате, длина - 40 градусов (так), а ширина 45 градусов; и что мусульмане в эпоху правления Усмана, да будет доволен им Аллах (3-й правитель после пророка Мухаммеда - переводчик), совершили военный поход на эту страну”. Абу Наэль ат- Тамими сообщил:

“.. - Мы появились в Гиляне

И затрясся их трон

Как тот, кто жаждет коня в сражении

Мы вернулись - нет примера для враждебности

Они вернулись между Румом и Бурджаном”

Все это говорит, что остатки этого народа сейчас, в наш век находятся в Орском уезде как маленький подданный народ. Они называются башкиры - бурзянцы, а остальные (бурджаны) разошлись и вошли в состав других народов, и от них не осталось следов. Ранние историки не считали бурджан башкирами, но наоборот ревностно, настойчиво упоминали противоположное, а этот остаток из них (бурджан) считают себя башкирами и претендуют на асабийю (асабальнь) на землю. Выше было упомянуто о походе Ануширвана на них, как сообщается об этом у историка Ибн Асира, который сообщил о походе императора Рума на них в 3-м веке хиджры, и возможно, они родственны печенегам (аль -баджана).

(Перевод с арабского языка)

Прим.автора. Жители области Гилян ведут свое происхождение от древних иранцев-гелов, известных в этих местах только по письменным источникам уже в эпоху Ахеменидов (553-331гг.д.н.э). Горная часть Гиляна с древних времен носила имя Дейлем, а ее жителей называли - дейлеми. Современные корды и дейлемиты это один народ. В Гиляне до сих пор существует городок Дейлеми.В 931г. кордский князь Мердавидж, который, как писал Е.Э. Бертельс “происходил из знатного гилянского рода (...), путем военных захватов создал себе довольно крупное независимое владение на севере Ирана” (см. “Кабус-Наме” М. 1958 г. стр. 6-7.). Его внук Кавус в своем всемирно известном труде “Кабус-Наме” упоминает о курде Бус-Суваре из другой кордской княжеской династии Шедадидов, правившей в Арране, которые в 10 веке утвердились и в Закавказье, сделав своими резиденциями города Гянджа и Ани.(С.Г.)

**Аллаберды Ягафаров - тархан рода Бурзян-Тангаур.
Родовое поместье Ямаш-Йамаш (в Баймакском районе).
Военное звание штабс-капитан.
(Потомок Йимы по Авесте или Ямы по Риг-Веде.)**

Встречался с российским императором Александром III на совете старейшин российской империи в 1891 году для обсуждения проекта закона по земельному вопросу. Организовал российско-британскую акционерную компанию по добыче золота в Бурзянской волости с центром в г. Баймаке, открыл кирпичный завод в Баймаке, основал отделение партии кадетов (конституционн-демократическая партия) официальное название «партия народной свободы» в Орском уезде Оренбургской губернии в 1906 году. Неоднократно встречался в Москве и Санкт-Петербурге с лидерами кадетов П.Н. Милюковым, И. Кизеветером, П.Б. Струве для обсуждения земельного вопроса в Российской Империи. В 1910 году основывает Союз кооператоров в ОРЕНБУРГЕ, и становится членом правления, куда позднее в 1914 году привлекает имама Сагита Мрясова. В 1913 году был официально приглашен императором Николаем II в числе избранных со всей империи 200 человек имевших заслуги перед государством, на празднование 300-летнего юбилея восшествия династии Романовых на Российский царский престол. На торжества в Москву взял с собой своего зятя Мутагара Мустафина. В 1917 году после февральской революции Аллаберды Ягафаров приложил все свои силы и связи для организации и проведения 1-го съезда мусульман Российской Империи, который был созван в мае того же года в Москве. Во время работы 1-го всероссийского съезда мусульман в Москве Аллаберды Ягафаров выступил с докладом по земельному вопросу. Из-за несогласия с предлагаемым решением земельного вопроса большинством мусульманских депутатов от других регионов Российской Империи, в частности татар Казанского уезда, тархан Аллаберды Ягафаров собрал и объединив 50 делегатов-башкордов учредил первый национальный политический орган - **Бюро башкордского народа**, куда руководителями вошли: Аллаберды Ягафаров, затем имам Сагит Мрясов, а затем, позднее, в качестве писаря-секретаря Заки Валидов, прибывший на съезд в Москву в качестве секретаря депутата Тевкелева.

В декабре 1917 года 8-20 декабря созвал в Оренбурге первый всебашкордский курултай (съезд), на котором приняло участие 223 делегата, из которых 194 человека было с решающим голосом, а 29 - с совещательным.

Первый курултай провозгласил государственный суверенитет Башкурдистана и Аллабирде Ягафаров вошел в его высший политический орган Центральное Шуро (Меркезе Шуро) вместе с Сагитом Мрясовым

На Курултае Заки Валидов не присутствовал, но вошел позднее автоматически, как секретарь-писарь тархана Аллаберды Ягафарова.

В 1918 году 24 февраля, в результате налета красных войск на Оренбург, Аллаберды Ягафаров был арестован большевиками и заключен под стражу. В ночь с 3 на 4 апреля был освобожден отрядом казаков из войск атамана Дутова, которым командовал его зять Мутагар Мустафин. Тархан Аллаберды Ягафаров знал атамана Дутова лично много лет.

Находясь в ставке войск белых у Колчака в г. Челябинске тархан Аллаберды Ягафаров **возглавлял правительство Башкурдистан**. Из-за несогласия предоставить политический суверенитет Башкурдистану, со стороны правительства Колчака отправил своего зятя Мустафина Мутагара и Муллаяна Халикова в Москву для переговоров с большевиками во главе с В. Лениным на предмет перехода Башкурдского Войска на сторону красных в случае провозглашения автономии Башкурдистана. После достижения соглашения с большевиками и перехода Башкордских войск, была вторично провозглашена автономия Башкурдистана с правительством в с. Темяс. В 1919 году в с. Темясово на заседании Башревкома 22 февраля тархан Аллаберды Ягафаров отказался от предлагаемой ему должности Военного Комиссара – по возрасту и взамен был единогласно избран и утвержден – **Комиссаром Народного Просвещения и Образования Башкурдистана**. 20 июня 1918 года Аллаберды Ягафаров – Народный Комиссар Образования стал единственным членом Башкордского Правительства, который не испугался большевистских красных войск и, в отличии от Заки Валидова, бросившего свою беременную жену и убежавшего в Среднюю Азию, а затем и в Турцию, остался на своем рабочем месте в Доме Правительства в с. Темясове. 25 июня 1919 года Аллаберды Ягафаров Нарком Просвещения, как единственный представитель президиума Башревкома и единственный действующий член правительства, сдал в сложившихся военно-политических обстоятельствах – государственную печать Башревкома и все полномочия Правительства суверенного Башкурдистана - новому правительству Советов большевиков.

В 1921 году Аллаберды Ягафаров исполнял в правительстве Башкирской автономии обязанности Замнаркома социального обеспечения при Сулеймане Мурзабулатове.

1930 году арестован охранкой ОГПУ.

131

КОПИЯ.

ПРОТОКОЛЬ

1917 года Мая 10 дня.

Мы, нижеподписавшиеся делегаты Всероссийского Мусульманского Съезда от двухмиллионного БАШКИРСКОГО населения, обсудив национальное и бытовое положение Башкирского народа, в связи с постановлениями Всероссийского Мусульманского Съезда по аграрному вопросу, нашли необходимым созвать Съезд из гор. Оренбурга с 20-го по 25-го июня с. г. II, местом съезда назначить Караванг-Сарай, составляющий собственность Башкирской нации. III. для приготовления необходимых материалов и организации Съезда, избрать Бюро из сведущих лиц: Сагита Мрясова (он же казначей) Аллаберды Ягафарова, Зекки Вялиди, с представлением им права приглашать в бюро и других сведущих лиц. IV. местом пребывания Бюро назначить г. Оренбург и назвать его так: Башкирское Областное Бюро; последнему дать полномочье исходатайствовать разрешение на устройство Съезда в Караванг-Сарай. V, содержание членов Бюро, их разъезды и расходы по устройству Съезда, принять на общественный счет, а потому установить обязательный взнос на каждого представителя будущего Съезда в разряд 50-ти рублей и сейчас же открыть приём такого.

Подлинный подписан 50 делегатами

Съ подлинным в р...

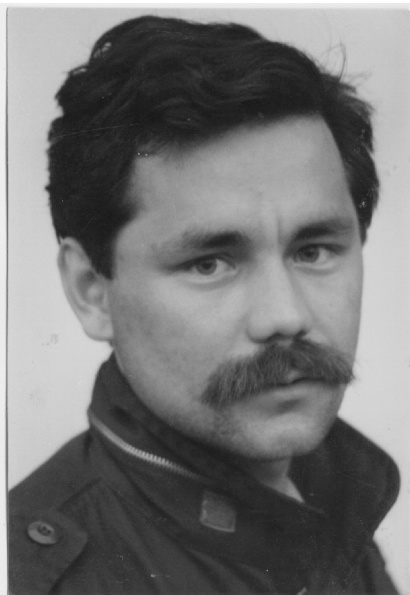
Уполномоченный

Фото членов и руководящих работников правительства Малой Башкирии. Третий справа в первом ряду сидит тархан Аллаберды Ягафаров.

Члены Башревкома. Слева на право: Г. Карамышев, А. Ягафаров, Х. Юмагулов, Ф. Тухватуллин, А. Биркган, А. Ишмурзин. 1919 г. (Публикуется впервые)

Галлямов Салават.
В настоящее время
потомственный тархан
башкордского рода
Бурзян-Тангаур,
который только
по письменным
древнеиранским
источникам, начиная с
Авесты, имеет историю
в 2500 лет.

Праправнук тархана
Аллаберды Ягафарова,
правнук Мутагара
Мустафина, халифы
Зайнулы Ишана
(Расулева) шейха
курдского ордена
суфиев Накшбендия.

Автор книги в Лондоне, перед зданием Британского парламента.
Первые встречи с курдами – борзянами. Снимок сделан в июне 1990 года.

397

Масуд Борзани.
Современный Шейх курдского рода Борзян,
род. 16 августа 1946 года в г. Мехабад.
Месопотамия, Курдистан.

398

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Предисловие.
2. От автора.
3. Введение. Миф, как форма эстетики и теоритического мышления человека художественными образами.
4. Башкурдские истоки происхождения античной трагедии.
5. Дэф и рѣмб – дифирамб куретов Малой Азии.
6. Дѣяус – Бык и рождение флейты Диониса.
7. Аполлон у Гипорбореев гор Рифейских.
8. Эстетическое значение рассказа Геродота для характеристики музыкального творчества древних башкордцов.
9. Башкордские, ведийско-арийские черты религии древнегреческого Дѣяуса – Зевса.
10. Философские аспекты индо-арийского мифа о растерзании и расчленении Космического Быка: Гавамарда-Минотавра-Дѣяуса-Зевса.
11. Ритуальная игра “Заклание Быка”.
12. Религиозно-философский смысл башкордского обряда убийства и расчленения Быка, исполняемого в игре “Бычье кольцо”.
13. Майзан – methе “Опьянение”, Майдан – Ашвамедха.
14. Жертвоприношение быка и сакральное вкушение пищи и вина у древних греков согласно Гомеру.
15. Ритуальное состязание на майзане у башкордцов Урала на обряде Хабантуй и поминальные игры у ахейских греков в поэмах Гомера “Илиада” и “Одиссея”.
16. Спортивные игры башкордских девушек на обряде Каргатуй и военное воспитание девушек в древней Спарте.
17. О нравах спартанцев у Плутарха (Ликург 15).
18. Территориально-административно-военное деление Оба у кордцов, спартанцев и “обѣ-тѣобѣ” у башкордцов Урала.
19. Сисситии-майзан.
20. Поминальные игрища башкордцов.
21. Башкордский (скифо-сарматский) обряд уничтожения тел врагов-чародеев.
22. Драматическое искусство как – Спортивная борьба. Эллины: философы и драматурги – участники спортивных состязаний.
23. Воспитание древних иранцев.
24. Ликантропия и Дионисии у ираноязычных саков (скифов) Невров и Будинов.
25. Бѣз каши.
26. Аполлоно-Дионисомахия у башкордцов Урала.
27. Вакхический Зикр курдцов.
28. Ритуальный башкордский бѣян (пеан) о мудрой козе с овцой, обманувших с одной мертвой головой стаю диких волков.
29. Рождение из мифа “Урал-батыр” ведийско-арийского обряда - medha (поедание жертвенного мяса).
30. Поедание жертвенного мяса – Махан у башкордцов в 1906 г. (по рассказу В.Н.Львова “Шамсинор”).
31. Бошоу-Пушан: Козлорогий Пан Жертвоприношение козла.
32. Коза и конь.
33. Жертвоприношение Козы во спасение Коня.
34. Культ Козленка.
35. Хърка – Эгида Дѣяуса.
36. Хърка в культе курдцов – езидов.
37. Борьба за священную Хърка – Платок у башкордцов на празднике Хабантуй.
38. Хърка – козий пуховый платок.
39. Търек –Трагик (Шейх Бѣзъни). Курдские истоки происхождения актера в древнегреческой трагедии.
40. Шейх-Бѣзъни. Курды – народ богоносец.
41. Рождение Ишана – Търека.
42. Ведийско-арийские истоки обряда ряжения сатиром-козлом актеров в древнегреческих трагедиях Диониса-Вакха. Жертвоприношение Дакши.
43. Оргиастические обрядовые песни башкордской молодежи в древности, в дни празднования покровителя влюбленных Хызыр-Ильяса.
44. Ау-Аулак “Охота за женихом”.
45. Курдские обрядовые песни девушек и женщин.
46. Бѣян-Пеан-Бѣяндара-Баядера. Одичание как снисхождение Святого Духа. Архитектурное построение мифа во времени и пространстве – дара.
47. Йырсы – риши. Поэтические состязание – бѣйге.
48. Аяты – Аэды – Гаятри – Гаты.
49. Търй – виноград и threnos “заупокойное пение”. Праздник Михр
50. Календарные праздники в древности у курдцов и греков.
51. Арийан-Алан-Эллин.
52. Эстетическая предметность жертвенного обряда.
53. Календарная хронология жертвенных обрядов у древних башкордцов.
54. Эстетический идеал и основные художественные принципы древнебашкордского искусства.
55. Курдско-Мидийские, парфянские истоки происхождения Иудейско-христианской Пасхи.
56. Вакхизм ветхозаветной религии иудеев.
57. Курдско-халдейское происхождение ветхозаветных патриархов.
58. Приложение:
 - a) Бурзян. Этимология и история распространения имени с Южного Урала до Передней Азии.
 - b) О бурзянцах-царедворцах в империи Ахеменидов.
 - c) Бурзянская родословная понтийских царей.
 - d) Хан Башкорд
 - e) Известия венгерских миссионеров XIII - XIV в.в. о Башкордах Урала.
 - f) Эвлия Челеби о башкурдах - Хешдеках.
 - g) “О башкордах рода Борзян” Башкордский ученый МуратРамзи.
 - h) Тархан рода Бурзян-Тангаур. Аллаберды Ягафаров.